

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXIV
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2019

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

Рецензенты выпуска:

д.и.н. Н.Л. Мамаева, д.э.н. А.И. Салицкий

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIV : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-8381-0355-0

XXIV выпуск включает статьи сотрудников пяти исследовательских центров Института Дальнего Востока РАН, в том числе Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС, Центра социально-экономических исследований Китая. Широкое представительство авторов из ИДВ органично дополняется участием приглашенных специалистов из российских и зарубежных исследовательских структур.

Книга состоит из трех разделов: «Международные отношения КНР. Российско-китайское стратегическое партнерство», «Внешнеэкономическая политика КНР» и «История российско-китайских отношений и двусторонних экономических связей». Авторами продолжен анализ наиболее актуальных проблем внешней политики и внешнеэкономических связей Китая. Особенностью выпуска стало рассмотрение целого ряда аспектов российско-китайского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в свете 70-летия установления дипломатических отношений между двумя странами, таких, как сотрудничество в Северо-Восточной Азии и в рамках ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнерства и инициативы «Экономический пояс Шелкового пути», а также по линии народной дипломатии. Характеризуется международная активность Китая на различных двусторонних и региональных направлениях, а именно: отношения с ЕС, вероятные перспективы китайско-американского торгового конфликта 2019 г., политика и практическая деятельность КНР на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии, в Арктическом регионе, позиция Китая по венесуэльскому кризису. Освещаются вопросы международного значения «китайской модели» реформ, а также особенности внешнеэкономического курса КНР в деле развития международного автомобильного сообщения, позиции КНР на мировом энергетическом рынке, специфика китайского импорта лесопроductии из РФ.

Сборник содержит также статьи на редкие темы из истории внешней политики Китая и российско-китайских экономических связей.

Ключевые слова: Китай, Россия, внешняя политика КНР, российско-китайские отношения, Евразия, Северо-Восточная Азия, китайско-американский торговый конфликт, Арктика, Венесуэла, инициатива «Один пояс, один путь», Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), Большое евразийское партнерство, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), региональная безопасность, внешнеэкономические связи, история внешней политики Китая.

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

© Сафронова Е.И., составление, 2019
© ИДВ РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ISBN 978-5-8381-0355-0

Редакционная коллегия: д.н., проф. **Алка Ачарья** (Индия); д.ю.н., проф. **Ли Юнхуэй** (КНР); д.и.н., проф. РАН **А.В. Ломанов**; д.и.н., проф. **С.Г. Лузянин**, д.и.н., проф. **С.И. Лунев**; д.э.н. **В.М. Мазырин**; академик РАН, д.э.н. **В.В. Михеев**; к.э.н., проф. **Арильд Му** (Норвегия); д.полит.н. **В.Е. Петровский**; к.э.н. **Е.И. Сафронова** (отв. ред.-сост.); д.н., проф. **Шаида Узизат** (Пакистан); к.и.н. **С.В. Уянаев**.

Ежегодное издание сборник научных статей (журнал) «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» выходит с середины 1990-х годов. Тематика журнала охватывает целый ряд сфер, относящихся к исследованию международных отношений КНР, российско-китайского стратегического партнерства, внешнеэкономической политики Китая и истории его международных связей.

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

- 03.00.00 История. Исторические науки
- 06.51.00 Мировое хозяйство. Международные экономические отношения
- 11.25.40 Региональные проблемы
- 11.25.91 Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран
- 23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Статьи рецензируются, им присваивается DOI.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Тел.: +7 (499) 124 00 02

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: kitvmir@yandex.ru

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
(IFES RAS)

**CHINA
IN WORLD
AND REGIONAL
POLITICS**

**HISTORY
AND MODERNITY**

Issue XXIV

Moscow
IFES RAS
2019

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXIV /
Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of Far Eastern
Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), 2019.

The XXIV issue of the annual publication includes articles by scientists of five research centers of the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS). The wide range of authors from the IFES is organically complemented by the invited experts representing a number of Russian and foreign research structures. The collection comprises three sections: International relations of China and Russian-Chinese strategic partnership, China's foreign economic policy, History of Russian-Chinese relations and China's foreign economic relations.

The authors continue analyzing most pressing problems of foreign policy and foreign economic relations of China. Special feature of the XXIV issue consists in the consideration of some important aspects of Russia-China comprehensive partnership and strategic cooperation in the light of the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the two countries. Topics of the book cover cooperation in North-East Asia and within the SCO on the implementation of Greater Eurasian partnership concept and Silk Road Economic Belt initiative, as well as cooperation in the sphere of people's diplomacy.

China's international activity in various bilateral and regional formats is also characterized: the PRC relations with the European Union, probable consequences of the Sino-American trade conflict of 2019, China's policy and practice in the Middle East, South Asia, the Arctic region, China's position on the Venezuelan crisis. Issues of international significance of the “Chinese reform model”, the PRC policy on the development of international road corridors, China's participation in the world energy market and peculiarities of Chinese imports of Russian timber are covered too.

The book also contains articles on some rare topics on the history of China's foreign policy and Russian-Chinese economic relations as well.

Keywords: China, Russia, China's foreign policy, Russian-Chinese relations, Eurasia, North-East Asia, China-US trade conflict, the Arctic, Venezuela, “One belt, one road” initiative, Silk Road Economic Belt (SREB), Great Eurasian partnership, Shanghai cooperation organization (SCO), regional security, foreign economic relations, history of China's foreign policy.

China in World and Regional Politics. History and Modernity

Founder and Publisher: Institute of Far East Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

This periodical edition (collection of research articles) (ISSN: 2618-6888) is a peer-reviewed analytical yearbook published by the Institute of Far East Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) since 1996. It provides a solid platform for academics, public figures and practitioners to share their in-depths knowledge and assessments of China's international relations, foreign economic activities and diplomatic history.

The periodical is included in Russian Scientific Digital Library "eLibrary" and Russian Science Citation Index: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=50496

It is also included in the Russian Scientific Digital Library "CyberLeninka.ru": <https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost>

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

Branch of science (in the Russian Federation):

03.00.00 History. Historical Science

06.51.00 World Economy. International Economic Relations

11.25.40 Regional Problems

11.25.91 Theory and Practices of International Relations,
Foreign Policy and Diplomacy of Individual Countries

23.00.00 Comprehensive Study of Individual Countries and Regions

Editorial Board. **Alexander V. LOMANOV** — Professor of the RAS, Dr. Sc. (History); **Alka ACHARYA** (India) — Professor; **Arild MOE** (Norway), Research Professor; **Elena I. SAFRONOVA** — Ph.D (Economics) (Executive Editor, Compiler); **Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN)** — Dr. Sc. (History), Professor; **Sergey I. LOUNEV** — Dr. Sc. (History), Professor; **Sergey V. UYANAIEV** — Ph.D (History); **Shahida WIZARAT** — Dr., Professor; **Vasily V. MIKHEEV** — Academician of the RAS, Dr. Sc. (Economics); **Vladimir M. MAZYRIN** — Dr. of Science (Economics); **Vladimir Ye. PETROVSKY** — Dr. Sc. (Political Science); **Yonghui LI (LI Yonghui)** — Dr. Sc. (Law), Professor.

Contacts. Russian Federation, Moscow, 117997; 32, Nakhimovsky prospect. Tel. +7 (499) 124-00-02; E-mail: kitvmir@yandex.ru

The authors' opinion may not coincide with the Publisher's point of view. Authors are responsible for the accuracy of their information.

*70-летию установления
дипломатических отношений
между СССР/Российской Федерацией
и Китайской Народной Республикой
посвящается*

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Уянаев С.В.

Россия—Китай: 70-летний юбилей установления
дипломатических отношений и взаимодействие
в текущем столетии 14

Куликова Г.В.

70 лет российско-китайских дипломатических отношений
и народная дипломатия 39

Ли Юнхуэй

Китайско-российские отношения и региональное сотрудничество
в Северо-Восточной Азии 69

Балакин В.И.

Rux RusSinica: к вопросу о возможности формирования
российско-китайского геостратегического альянса
на континенте Евразия 80

Лузянин С.Г., Клименко А.Ф.

Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции
Большого евразийского партнерства 98

Ефременко Д.В.

Новый этап в развитии Шанхайской организации
сотрудничества 114

<i>Кулинецв Ю.В.</i> Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс Шелкового пути»: интеграционный потенциал культурно-гуманитарного сотрудничества	131
<i>Лексютина Я.В.</i> Китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ: подходы Японии и Индии	145
<i>Ломанов А.В.</i> Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством	158
<i>Тимофеев О.А.</i> Китайско-американский торговый конфликт 2019 года и его перспективы: между пессимизмом и неизвестностью	173
<i>Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И.</i> США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли	187
<i>Замараева Н.А.</i> КНР на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии (проект Китайско-пакистанского экономического коридора)	207
<i>Васильев Л.Е.</i> Некоторые аспекты политики Китая в Южной Азии	225
<i>Петровский В.Е.</i> Россия, Китай и вопросы региональной безопасности в Арктическом регионе	243
<i>Arild Moe, Olav Schram Stokke</i> China and Arctic Shipping: Policies, Interests and Engagement (Му А., Стокке У.С. Китай в арктическом судоходстве: политика, интересы и направления участия)	257
<i>Филиппова Л.В.</i> Научный потенциал Китая в Арктике	279
<i>Сафронова Е.И.</i> Венесуэльский кризис власти: позиция КНР	296
<i>Меркулов К.К.</i> К вопросу о международном значении «китайской модели» реформ	314

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Сазонов С.Л., Чэнь Сяо

Российско-китайское сотрудничество по развитию международных автомобильных коридоров 330

Матвеев В.А.

Ставка на газ в энергетической политике Китая:
некоторые вопросы внутреннего ценообразования
в свете конъюнктуры мирового рынка 347

Александрова М.В.

Лесоохранная политика КНР и особенности китайского импорта
лесопродукции 363

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДВУСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Саркисова Г.И.

Правила организации кяхтинского торгова в 70-е годы XVIII века
в наставлениях иркутского губернатора А.И. Бриля 387

Шаронова В.Г.

Русские торговые дома и фабрики в южных провинциях
Китая — форпосты русско-китайской торговли
(1870 г. — первое десятилетие XX в.) 401

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Uyanaev S.V.

Russia-China: the 70-th anniversary of the establishment
of diplomatic relations and the interaction in the current century 14

Kulikova G.V.

70 years of Russian-Chinese diplomatic relations and people's diplomacy 39

LI Yonghui

China-Russia relations and regional cooperation in Northeast Asia 69

Balakin V.I.

Pax RusSinica: on the probability of the formation
of a Russian-Chinese strategic alliance on the Eurasian continent 80

Luzyanin (Lousianin) S.G., Klimenko A.F.

Russian-Chinese cooperation in the SCO on the implementation
of the Greater Eurasian partnership concept 98

Efremenko D.V.

New stage in the development of the Shanghai Cooperation Organization 114

Kulintsev Yu.V.

The SCO Development Strategy and the Silk Road Economic Belt
concept: integration potential of cultural and humanitarian cooperation 131

Leksyutina Ya.V.

China's Belt and Road Initiative and the AIIB:
Japan's and India's attitudes 145

Lomanov A.V.

China-EU Relations: between cooperation and competition 158

<i>Timofeev O.A.</i>	
The Sino-US trade conflict 2019 and its prospects: between pessimism and uncertainty	173
<i>Vinogradov A.O., Zaklepenko A.Yu., Safronova E.I.</i>	
USA, China and WTO: implications of the US-China trade conflict for the world trade	187
<i>Zamaraeva N.A.</i>	
The PRC in the Middle East and South Asia (China Pakistan Economic Corridor Project)	207
<i>Vasiliev L.Ye.</i>	
Some aspects of China's policy in South Asia	225
<i>Petrovskiy V.Ye.</i>	
Russia, China and regional security in the Arctic	243
<i>Moe A., Stokke O.S.</i>	
China and Arctic Shipping: Policies, Interests and Engagement	257
<i>Filippova L.V.</i>	
China's Arctic Research Potential	279
<i>Safronova E.I.</i>	
China's stance on Venezuelan crisis of power	296
<i>Merkulov K.K.</i>	
On the international significance of the "Chinese model" of reforms	314

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

<i>Sazonov S.L., Chen Xiao</i>	
Russian-Chinese cooperation in the development of international automobile corridors	330
<i>Matveev V.A.</i>	
Bet on natural gas in China's energy policy: some issues of the domestic pricing in light of world market conditions	347
<i>Alexandrova M.V.</i>	
The PRC forest-protection policy and specificity of Chinese timber imports	363

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AND MUTUAL ECONOMIC TIES

Sarkisova G.I.

The rules governing the organization of the Kyakhta trade
in the 70s of the XVIII century based on the instructions
of the Irkutsk Governor A.I. Brile 387

Sharonova V.G.

Russian trading houses and factories in Southern provinces
of China as outposts of Russian-Chinese trade (from 1870 to 1900s) 401

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10001

С.В. Уянаев

РОССИЯ—КИТАЙ: 70-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТЕКУЩЕМ СТОЛЕТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются различные вопросы российско-китайского стратегического партнерства в XXI в. на фоне и в контексте 70-летнего юбилея установления дипломатических отношений между Москвой и Пекином.

Автор анализирует эволюцию двустороннего взаимодействия, исследует значение подписанного в 2001 г. Большого российско-китайского договора, характеризует достижения сотрудничества в межгосударственной, экономической, внешнеполитической и других областях. Главными успехами здесь называются: укрепление взаимного доверия в построении стратегического диалога, в том числе на высшем и высоком уровне; совершенствование практического сотрудничества в целом ряде хозяйственно важных областей; расширение взаимодействия по вопросам безопасности, включая противодействие традиционным и новым угрозам; улучшение коор-

динации работы по вопросам глобальной и региональной повестки; развитию многоплановых гуманитарных контактов.

Статья содержит анализ существующих расхождений сторон и пока не решенных вопросов, среди которых: несбалансированность товарной структуры двусторонней торговли из-за в основном сырьевого характера экспорта РФ в Китай, недостаточная совместимость кредитно-финансовых и управленческих моделей двух стран, несовершенство инвестиционного климата, «забюрократизованность» ряда торговых процедур; несовпадение некоторых целеполагающих ориентиров инициативы «Пояс и путь» (ИПП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), например, по вопросу создания зон свободной торговли, а также унаследованные от прошлого пробелы в знаниях друг о друге, чреватые сохранением «реликтовых» исторических обид.

Автор приходит к итоговому выводу о том, что интересам РФ отвечает прагматичное развитие отношений с Китаем, причем есть основания утверждать, что эти отношения имеют несомненные позитивные перспективы.

Ключевые слова: Россия, Китай, юбилей установления дипломатических отношений, всеобъемлющее партнерство, взаимодействие, Большой российско-китайский договор, координация, вызовы и риски, перспективы.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com

S. V. Uyanaev

Russia—China: the 70-th anniversary of the establishment of diplomatic relations and the interaction in the current century

Abstract. Taking the 70th anniversary of diplomatic relations between Moscow and Beijing as a background the article considers various issues of the Russian-Chinese strategic partnership in the current century. The author analyzes the evolution of bilateral cooperation, explores the significance of the Great Russian-Chinese Treaty signed in 2001, shows achievements of the cooperation in interstate, economic, international and other fields, among which are: strengthening mutual trust in the strategic dialogue at the high and highest levels inclusively; improving practical cooperation in a number of economically important areas; expanding cooperation on security issues, i.e. in countering traditional and

new threats; enhancing coordination on global and regional agenda; developing multifaceted humanitarian contacts.

The article also includes analysis of existing discrepancies and still unsolved issues, including: the imbalance in the commodity structure of bilateral trade due mainly to the raw material nature of Russia's exports to China, the lack of compatibility of credit, financial and management models of the two countries, the unsatisfactory investment climate, the "bureaucratization" of a number of trade procedures; the mismatch of some target orientations of the BRI and the EAEU — for example, on the establishment of free trade zones; the inherited from the past lack of knowledge of each other, fraught with "relic" historical grievances.

As a result, the author comes to the conclusion that the interests of the Russian Federation are met by the pragmatic development of relations with China, and that these relations have indubitable positive prospects.

Keywords: Russia, China, anniversary of the establishment of diplomatic relations, comprehensive partnership, cooperation, Great Russian-Chinese Treaty, coordination, challenges and risks, prospects.

Author: Sergey V. UYANAЕV, Ph.D. (History), Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: svuyav@yahoo.com).

В 2019-й год — год 70-летнего юбилея установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Россией/СССР — два государства вступили как добрые соседи, близкие, доверяющие друг другу партнеры, идущие по пути стратегического взаимодействия.

Непростые десятилетия

Однако путь в семь десятилетий, прошедших со времени официального признания нашей страной «Нового Китая», не всегда был простым и гладким. Сначала, в 1950-е годы, звучавшие тогда лозунги о «нерушимой советско-китайской дружбе», казалось, во многом отвечали действительности, поскольку в ней имели место и искренняя помощь северного «старшего брата», и ответная благодарность

строителей новой жизни на древней китайской земле, и общая уверенность «братьев навек» в светлом коммунистическом будущем.

Но затем пришло четвертьвековое «безвременье», дошедшее в конце 1960-х годов до прямого вооруженного конфликта.

К счастью, осознание обеими сторонами губительности «дороги в никуда» помогло покончить со взаимным отчуждением, и концу 1980-годов Москва и Пекин вновь вступили на путь доброжелательного диалога.

Однако, едва пережив непростую нормализацию, отношения двух столиц оказались перед новым вызовом. Драматичный уход с мировой арены Советского Союза породил неопределенность перспектив отношений между КНР и теперь уже новой Россией.

К очевидной пользе двух государств, этот период оказался очень недолгим, и, несмотря на видимый прозападный крен в российской внешней политике в начале 1990-х, отношения с Пекином, начиная с середины того десятилетия, развивались только по нарастающей. В результате заметного расширения разнообразных контактов на политическом (включая высший) и других уровнях, отношения двух стран весьма быстро прошли сразу несколько знаковых этапов. Миновав начальный этап отношений «дружественных государств», они довольно скоро вступили в стадию «конструктивного партнерства» (1994 г.), а в 1996 г. обрели статус «стратегического партнерства».

В этом качестве российско-китайские отношения и вошли в XXI век.

70-летний юбилей — хороший повод путем хотя бы беглой характеристики почти уже 20-летней хронологии российско-китайских отношений, проследить их развитие и тенденции в текущем столетии и попытаться пусть немного, но все же заглянуть в будущее.

Большой Договор как фундамент взаимодействия

Накопление в 1990-е годы позитивного опыта двустороннего сотрудничества позволило в июле 2001 г. закрепить достижения российско-китайского диалога в официальном межгосударственном

документе фундаментального характера. Им стал заключенный 16 июля 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (его называют еще Большим договором), который открыл важный и принципиально новый этап в последующем развитии отношений. После того как истекло действие не продленного в свое время Советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г., был создан новый юридический фундамент двусторонних отношений, закреплены их концептуальные основы, определены главные направления и сферы сотрудничества сторон на длительную перспективу [Договор о добрососедстве, дружбе...].

Прежде всего, Договор четко зафиксировал базовое определение, которое с тех пор в той или иной форме применяется для характеристики нынешних двусторонних отношений; — это «равноправное доверительное партнерство и стратегическое взаимодействие». Документ также высветил основные принципы российско-китайских отношений, основанные на общепризнанных нормах международного права, включая уважение суверенитета и территориальной целостности друг друга, мирный путь разрешения проблем. Стороны заявили о взаимной поддержке в деле защиты целостности государства и в вопросе об «уважении выбора пути ... развития, сделанного каждой из сторон». Важнейшим пунктом Договора стала юридическая фиксация отсутствия «взаимных территориальных претензий».

Кроме того, было сформулировано положение, свидетельствующее о высокой степени взаимного доверия. Так, стороны договорились, что в случае возникновения ситуации, которая может создать угрозу миру или затронуть интересы их безопасности, а также при рисках агрессии против одной из договаривающихся сторон, они незамедлительно «проводят консультации в целях устранения возникшей угрозы».

Документ выдвинул по существу новаторскую модель двусторонних связей. Стратегическое партнерство, не требующее создания союза или блока, не направленное против третьих стран, являет собой деидеологизированную, долговременную и основанную на общепризнанных принципах международного права форму отношений, которая, как показывает практика, оказалась востребованной далеко за рамками собственно российско-китайского диалога.

Наполнение содержанием

Последовавшие за принятием Договора почти два десятилетия стали периодом, когда стороны шаг за шагом, преодолевая подчас непростые барьеры и трудности, решали весьма серьезную задачу: как эту новую модель отношений наиболее эффективно воплотить в жизнь.

С этой точки зрения первая декада нового столетия может быть определена как особый этап — этап становления и начального наполнения стратегического партнерства практическим содержанием.

Крупные двусторонние документы этого периода развивали продекларированные в июльском Договоре 2001 г. формулу и принципы сотрудничества, а главное — заложили механизмы реализации Договора. Назовем хотя бы некоторые из них: Совместная декларация 2002 г., утвердившая механизм встреч на высшем уровне; План действий по реализации положений Договора-2001 на 2005—2008 гг. и решение о проведении в 2006—2007 гг. перекрестных национальных годов (все принято в 2004 г.); Совместная декларация-2006, в которой стороны заявили о «стремлении к совместному развитию». Позже был запущен российско-китайский энергетический диалог, проведены перекрестные годы китайского и русского языков (2009—2010), приняты (в 2009 г.) План инвестиционного сотрудничества и Программа сотрудничества между российскими регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР до 2018 г. (подробно см. [Уянаев, 2019]).

«Новый этап»

В документах очередного двустороннего саммита в Москве (июнь 2011 г.), стороны обобщили опыт 10-летнего (после подписания Большого договора) развития двусторонних связей. Была обновлена формула стратегического партнерства двух стран, которая теперь включила определения «**всестороннее**» и «**всеобъемлющее**» [Пресс-конференция по итогам...]. Это говорит о новой фазе отношений, которая может быть определена как этап качественных пе-

ремен в уровне и диапазоне российско-китайского сотрудничества. Соответствующие перемены обрели в 2011 г. и практическое подтверждение: в рамках крупнейшего в истории двусторонних отношений контракта начались российские поставки по нефтепроводу «Сковородино—Мохэ» [Нефтепровод «Сковородино—Мохэ»...].

В феврале 2012 г. в то время кандидат в президенты РФ, глава правительства страны В.В. Путин опубликовал предвыборную статью по вопросам внешней политики, уделив большое внимание развитию российско-китайских отношений. Он отметил, что «Россия нуждается в развивающемся и стабильном Китае, а КНР нужна сильная и успешная Россия» [Путин В.В.]. А 5 июня 2012 г. в Пекине, уже в качестве Президента РФ, В.В. Путин вместе с Председателем КНР Ху Цзиньтао подписал Совместное заявление о дальнейшем углублении «отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений... от 5 июня 2012 г.]. Отраженная в названии документа обновленная формула отношений, ознаменовавшая одновременно и их новый, более высокий этап, стала основной на последующие годы.

Одним из наиболее значимых событий российско-китайских отношений явился официальный визит в РФ Председателя КНР Си Цзиньпина (март 2013 г.). Было подписано более 30 документов, стороны вновь подтвердили, что российско-китайские отношения принадлежат к числу важнейших внешнеполитических приоритетов двух государств [Российско-китайские переговоры 23 марта ...].

Середина 2010-х: поворот или ускорение?

В 2014—2015 гг. развитие российско-китайских отношений проходило под знаком двух ключевых обстоятельств.

Первое из них имело внешнеполитическое измерение и было связано с украинским кризисом и масштабной антироссийской кампанией, развязанной Западом.

Позиция, занятая Китаем по украинскому вопросу, в целом отвечает интересам РФ. Еще в апреле 2014 г. КНР выступила против антироссийских санкций и позже не раз «категорически» заявляла об этом на высоком уровне [Китай выступает против...]. Вместе с тем руководство КНР, оглядываясь, видимо, на ситуацию в Тибете и СУАР, воздержалось от прямой поддержки РФ, хотя и не раз делало симптоматичные оговорки об «особых причинах» кризиса на Украине. И это стало знаком в пользу «понимания» Пекином российской политики.

Западные санкции обусловили рост заинтересованности РФ в сотрудничестве со странами за пределами Атлантического блока в Азии и прежде всего с Китаем. Некоторые наблюдатели поспешили назвать это «разворотом (поворотом)» РФ на Восток. Хотя на фоне определившегося еще в начале 1990-х базового вектора политики России (которым стал Китай) было и так достаточно видно, что речь шла не о некоей резкой, «на 180 градусов», смене направления движения, а о прежнем курсе, но получившем, однако, явное ускорение, «триггером» которого выступили украинские события.

Повышение кооперационного настроения РФ нашло встречный отклик китайской стороны (подробнее см. [Уянаев, 2014]). Как бы то ни было, но в ходе состоявшегося в мае 2014 г. визита В. Путина в КНР (г. Шанхай) стороны подписали рекордное количество документов. Главным достижением стало заключение «прорывного» соглашения, в котором стороны договорились о поставках природного газа в Китай по восточному маршруту. Рекордный в мировой торговой практике контракт на сумму 400 млрд долл. был заключен сроком на 30 лет [Российско-китайские переговоры...].

Вторым важным обстоятельством для российско-китайских отношений того времени стало выдвижение осенью 2013 г. китайских инициатив по строительству Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века (позже они получили общее название «Инициатива Пояс и Путь» — ИПП).

Целый спектр сопутствующих вопросов, включая место, отводимое России в китайских начинаниях, обсуждался на неформальной встрече Президента РФ с Председателем КНР в феврале 2014 г. в Сочи. А 8 мая 2015 г. стороны подписали специальное Совместное

заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и ЭПШП.

Значение этого документа обусловлено тем, что работа по сопряжению двух проектов способна надолго стать одним из ключевых приоритетов в общей системе двустороннего партнерства. Принципиально важно то, что стороны приняли политическое решение, выразившее бесспорный взаимный настрой на сотрудничество в указанной сфере [Совместное заявление... о сотрудничестве по сопряжению...]. Кроме того, стороны вновь подчеркнули значение «нового этапа» «всеобъемлющих» отношений, которые «стали важным фактором развития двух стран» [Совместное заявление... о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства...], обретя возросшие возможности для конвертации высокого уровня политического диалога в практические результаты.

Продвижение сотрудничества

В 2016—2017 гг. была продолжена совместная работа по совершенствованию партнерства, в том числе в рамках механизма встреч высших руководителей. Причем была закреплена сложившаяся «логистика» такого механизма, когда помимо ежегодного саммита непременно проводятся еще три-четыре встречи — на полях G20, БРИКС, ШОС, АТЭС либо ряда самостоятельных форумов.

Важным пунктом в Совместном заявлении, подписанном в июне 2016 г. на саммите в Пекине, стало согласованное видение выдвинутой в 2015—2016 гг. новой российской евразийской инициативы. КНР и РФ, подчеркивалось в заявлении, «выступают за создание Евразийского всеобъемлющего партнерства, в том числе с возможным подключением стран — членов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН» [Совместное заявление... от 25 июня 2016 г.]. На следующем официальном саммите в Москве в июле 2017 г. было подписано 28 документов о сотрудничестве в самых разных областях [Документы, подписанные по итогам официального визита...]. МИДы двух стран опубликовали заявление, выражающее единую позицию по ситуации на

Корейском полуострове, и выдвинули общую инициативу в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова.

Новой переговорной площадкой стал представительный Форум «Один пояс, один путь» (Пекин, май 2017 г.), принявший лидеров 29 государств, во время которого состоялась встреча В.В. Путина с китайским руководством. Примечательной была встреча в ноябре того же года в Дананге (саммит АТЭС), где В.В. Путин поздравил Си Цзиньпина «с успешным проведением XIX съезда Компартии Китая и переизбранием на должность Генерального секретаря» [Встреча Си Цзиньпина с В. Путиным во Вьетнаме...].

Прибывший в апреле 2018 г. в Москву спецпосланник председателя КНР и министр иностранных дел КНР Ван И был принят президентом РФ, которому Ван И «повторно передал поздравления Си Цзиньпина в связи с переизбранием на очередной президентский срок». Президент РФ передал встречные поздравления Си Цзиньпину, который второй раз был избран Председателем КНР [В. Путин встретился с Ван И. Информационный портал Президента РФ].

Новый пакет документов был подписан в ходе июньского (2018 г.) визита В.В. Путина в Китай. Тогда сторонами была в очередной раз подчеркнута приоритетность российско-китайских отношений для обеих стран [В. Путин встретился с Ван И. Информационный портал агентства Синьхуа].

На пороге 70-летия установления дипломатических отношений

В феврале—марте 2019 г. глава МИД КНР в очередной раз дал высокую оценку связям Китая с РФ. Напомнив, что отмечается не только 70-летний юбилей КНР, но и такая же дата в двусторонних отношениях, Ван И заявил: «Мы будем в полной мере использовать празднование 70-летия установления дипломатических связей для того, чтобы высокоуровневая стратегическая координация с Россией продвигалась по всем направлениям» [Ван И. В 2019 г. китайско-российские отношения непременно возьмут новую высоту; Ван И. Сплоченность Китая и России...].

В 2018—2019 гг. РФ и КНР продолжили насыщенный диалог, ставший, несомненно, знаковым в свете его многопрофильности и многоярусности.

Прежде всего, новые встречи провели высшие руководители. В 2018 г., в добавление к упомянутому июньскому саммиту в Пекине и встречам на полях традиционных международных форматов, состоялась личная встреча лидеров двух стран в ходе Экономического форума во Владивостоке (сентябрь). В Пекине и Владивостоке были подписаны важные документы (всего 23), в том числе в сферах инвестиций, транспорта, энергетики, космических исследований и совместных проектов на Дальнем Востоке РФ, рассчитанные на 2018—2024 гг.

На встрече на полях G-20 в Аргентине (ноябрь 2018 г.) стороны коснулись повестки уже 2019 г.: В.В. Путин пригласил Си Цзиньпина принять участие в Петербургском экономическом форуме-2019, а в ответ получил приглашение председателя КНР стать участником Второго Форума высокого уровня по сотрудничеству в рамках Пояса и Пути в апреле 2019 г. в Пекине [Си Цзиньпин и Путин встретились...].

В ноябре 2018 г. в КНР с участием Д.А. Медведева и Ли Кэцзяна, в рамках действующего с 1996 г. механизма, состоялась 23-я регулярная встреча на уровне глав правительств. По ее итогам было подписано 12 документов, в том числе в торгово-экономической, сельскохозяйственной и других областях [Документы, подписанные по завершении 23-й...].

Традиционно плотными были контакты по линии руководства внешнеполитических ведомств. С.В. Лавров и Ван И в апреле 2018 г. обменялись визитами и до конца года провели не менее шести-семи встреч на полях ряда международных мероприятий. Уже в 2019 г. (конец февраля, КНР) прошли их переговоры на полях заседания министерского уровня формата РИК.

Продолжала действовать система плановых консультаций на уровне заместителей министров и директоров департаментов МИД. Это отражает не только высокую степень совпадения или близости позиций по ключевым международным проблемам, в том числе ситуации на Украине, Ближнем Востоке, Корейском полуострове,

в Латинской Америке, но и соответствующую тесную координацию практических действий. Одним из ее многих примеров стали консультации по борьбе с терроризмом, новый раунд которых прошел в декабре 2018 г. на уровне заместителей глав МИД.

В числе тех аспектов российско-китайского диалога, которые свидетельствуют о высокой степени взаимодоверия, находится сфера обороны и военно-технического сотрудничества (ВТС). В апреле 2018 г. в Москве с визитом находился министр обороны КНР Вэй Фенхэ, а Пекин посетил министр обороны РФ С. Шойгу. Позже состоялись неоднократные встречи других высокопоставленных представителей армий двух стран [Москва и Пекин обсудят безопасность планеты; Российские военные готовы...].

Начало нового этапа оборонного сотрудничества было ознаменовано в сентябре участием в крупнейших российских стратегических учениях «Восток-2018» примерно 3200 китайских военнослужащих, более 900 единиц техники, 30 вертолетов и другой авиатехники.

А месяцем раньше в Челябинске состоялся очередной этап проводимых с середины 2000-х годов (как правило, под эгидой ШОС) совместных маневров «Мирная миссия» [Военное сотрудничество...]. С 2012 г. проводятся совместные учения ВМФ «Морское взаимодействие».

Что касается сферы ВТС, то весной 2019 г. был выполнен подписанный в 2015 г. контракт на поставку в КНР 24 истребителей СУ-35С. До конца 2020 г. будет завершен и контракт на поставку в Китай двух полковых комплектов зенитных систем С-400 «Триумф». КНР продолжала занимать заметное место на российском рынке экспорта вооружений (12 % в 2013—2017 гг.).

Важнейшей составляющей двусторонних отношений является торгово-экономическое взаимодействие, основные особенности которого также достаточно четко проявили себя в течение последних двух лет [Факты и цифры..., 2019].

Китай является крупнейшим торговым партнером РФ с 2010 г. В 2018 г. взаимный товарооборот достиг рекордной отметки — более 108 млрд долл. (данные ФТС России). Главами двух государств поставлена задача по его увеличению до 200 млрд долл. к 2020 г.

Показатели взаимных инвестиций пока значительно отстают от объемов двусторонней торговли и оцениваются в 12—13 млрд долл. При этом капиталовложения Китая в российскую экономику значительно превосходят инвестиции РФ в КНР. По линии Межправкомиссии по инвестиционному сотрудничеству реализуются более 70 приоритетных проектов на сумму свыше 20 млрд долл. Среди них — проекты в сфере топливной и ядерной энергетики, гражданского авиастроения (широкофюзеляжный самолет и тяжелый вертолет), ракетного двигателестроения, спутниковых навигационных систем, сооружения объектов инфраструктуры (завершение строительства в 2019 г. железнодорожного мостового перехода «Нижнеленинское — Тунцзян» и в 2020 г. — автомобильного моста «Благовещенск — Хэйхэ» [Межгосударственные отношения России...]).

Россия является для КНР крупнейшим поставщиком нефти (71,5 млн т в 2018 г., то есть 15,5 % импортных потребностей КНР) [Межгосударственные отношения России...]. Стороны совместно участвуют в проекте по производству сжиженного природного газа «Ямал СПГ». Начав работу в декабре 2017 г., это предприятие менее чем за год отгрузило 4 млн т СПГ потребителям в 14 странах мира, включая КНР.

В конце 2019 г. будет пущен в эксплуатацию газопровод «Сила Сибири», который, по планам, обеспечит поставку из РФ в КНР 38 млрд куб. м газа в год. Дан новый импульс проекту поставок газа и по «западному маршруту» («Алтай»). Там речь идет о поставках еще 30 млрд куб. м газа в год [Одна труба хорошо, а две — лучше...].

Другая традиционная статья экспорта в Китай — деловая древесина. Ее поставки из РФ удовлетворяют более 30 % соответствующих импортных потребностей Китая.

Большая работа проводится в рамках созданной в 2017 г. Межправкомиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона России и Северо-Востока Китая. Согласно статистическим данным, китайские предприятия инвестировали в 28 проектов на Дальнем Востоке около 4 млрд долл. Речь здесь идет о таких сферах, как лесное и сельское хозяйство, стройматериалы, легкая и горнодобывающая промышленность, торговля [Межгосударственные отношения России...].

Активно развиваются российско-китайские связи в области гуманитарного сотрудничества, включая сферы образования, науки и культуры, туризма и спорта. Так, по итогам 2017 г., РФ посетили почти 1,5 млн туристов из КНР.

Достижения и вызовы

Переходя от анализа хронологии событий к обобщениям и выводам, нельзя не увидеть, что за почти два десятилетия XXI в. российско-китайские отношения прошли немалый и плодотворный путь. Создав многоярусный и многопрофильный механизм сотрудничества, стороны в текущем столетии активно продвигали комплекс двусторонних связей по целому ряду важных направлений. Среди достижений взаимодействия можно назвать:

Во-первых, всемерное укрепление взаимного доверия, включая развитие стратегического диалога на высшем и высоком уровне. Все последнее десятилетие встречи в формате «Президент РФ — Председатель КНР», как уже отмечалось, организуются в среднем 4—5 раз в год. С 2001 г. их было проведено уже около ста.

Подсчитано, что к 70-му, юбилейному году дипотношений между КНР и Россией/СССР только с 2013 г. лидеры двух государств встречались порядка 30 раз. Отличительная черта этих встреч — особая атмосфера взаимопонимания и обоюдной поддержки в вопросах обеспечения коренных интересов двух стран, включая защиту суверенитета и укрепление международных позиций РФ и Китая. Фундаментальное значение для становления и укрепления взаимодоверия имело решение пограничного вопроса.

Во-вторых, укрепление и совершенствование практического сотрудничества в торгово-экономической, финансовой, научно-технической и других практических областях. РФ и КНР удалось наладить стабильные торгово-экономические связи: с 2001 г. почти в 10 раз увеличился объем товарооборота, причем с хорошей перспективой на будущее. Сформирован стратегический энергоальянс. Расширяется кооперация в сфере финансов, а также в области инноваций и высоких технологий. Стороны полны решимости продолжить ак-

тивную работу в рамках подписанного в мае 2018 г. в Астане Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Тем самым Китай и Россия намерены всемерно содействовать сопряжению евразийских инициатив обеих стран (ИПП и ЕАЭС соответственно). Это сопряжение может стать прологом к более широкой интеграции в рамках инициированного РФ Большого Евразийского партнерства.

В-третьих, последовательно расширяется сотрудничество по вопросам безопасности, включая противодействие традиционным и новым вызовам. По этому направлению развивается взаимодействие оборонных и силовых ведомств, в том числе в форме проведения консультаций, обмена информацией, организации антитеррористических и иных маневров.

В-четвертых, совершенствуется координация сотрудничества по вопросам глобальной и региональной повестки. Российско-китайское внешнеполитическое взаимодействие стало весомым фактором международной жизни, способствовало продвижению многополярного миропорядка и демократизации международных отношений. В документах двустороннего саммита-2018 поставлена задача «выводить двустороннюю внешнеполитическую координацию и взаимную поддержку на мировой арене на качественно новый уровень» [Россия и Китай продолжают наращивать стратегическое взаимодействие...]. Стороны намерены еще решительнее отстаивать центральную роль ООН на мировой арене, участвовать в формировании архитектуры равной и неделимой безопасности, наращивать координацию в приведенных выше важных международных форматах (G20, БРИКС и т. п.), усиливать при этом практическое взаимодействие в решении актуальных глобальных и региональных проблем, включая урегулирование в «горячих точках».

Нынешняя турбулентность мировой обстановки ставит перед двумя странами новые вызовы, связанные с деструктивным курсом США, одновременно оказывающих давление и на РФ, и на КНР.

В-пятых, последовательно реализуется задача по развитию гуманитарных контактов. Многократно возросли масштабы культурных, образовательных, туристических обменов. В 2016 и 2017 г. прошли,

например, Годы российских и китайских средств массовой информации.

Тем не менее ясно, что уже состоявшиеся достижения и обоюдная решимость и впредь развивать плодотворный диалог не исчерпывают всей повестки взаимодействия: 70-летний юбилей установления дипотношений между нашими странами не проходит исключительно под аккомпанемент победных фанфар. В контактах сторон продолжает наблюдаться определенная «облачность», которую дипломатично называют также «шероховатостями» и «еще не решенными вопросами». Это совершенно нормально и естественно для двух крупных стран, каждая из которых следует принципу независимости и самостоятельности своей политики. Однако это не снимает необходимости четко представлять себе не только возможности, но и вызовы и риски в отношениях двух государств.

Вызовов немало, причем в разных сферах. Чаше речь идет об экономике. Так, по-прежнему настораживает несбалансированность товарной структуры двусторонней торговли, где РФ пока не удается преодолеть сырьевую направленность ее экспорта в Китай, в то время как из КНР Россия стабильно импортирует большой объем продукции машиностроения.

Не удается выйти и на достойный уровень инвестиционного сотрудничества. Здесь недостаточная совместимость кредитно-финансовых и управленческих моделей продолжает служить фактором торможения, так же, как и неудовлетворительный для сторон инвестиционный и административный климат, различные бюрократические проволочки. Это сказывается и на состоянии сотрудничества по объявленному системным сопряжению китайской Инициативы Пояс и Путь (ИПП) с российскими экономическими проектами. Во многом нацеленное на инвестиционное сотрудничество, это сопряжение вынуждено «проходить через горнило» всех перечисленных сложностей «традиционного» двустороннего формата.

Вызовы и риски диалога проявляются и в необходимости поиска взаимоприемлемого соотношения между установкой китайской инициативы на максимальные торговые свободы и задачами интеграции в пределах ЕАЭС, где, например, еще не созрели условия для вхождения Союза в широкие региональные зоны свободной торгов-

ли. Такое несовпадение ориентиров, особенно на фоне продвижения Китаем соблазнительных для отдельных участников ЕАЭС двусторонних форматов, не способствует внутренней консолидации Евразийского союза и способно «подтолкнуть» конкуренцию, прежде всего в Центральной Азии. Рост конкуренции возможен и в связи с неопределенностями в развитии Транссиба, значение которого как главного железнодорожного моста «Восточная Азия — Европа» может снижаться на фоне продвижения Китаем альтернативных маршрутов через Казахстан и другие страны ЦАР и Западной Азии.

Вместе с тем объявленному обеими странами сопряжению ЕАЭС и ИПП разумная альтернатива не просматривается. По возможности купируя вызовы, необходимо максимально использовать связанные с ИПП шансы. Речь, во-первых, речь идет о потенциальном прорыве в давнем вопросе о привлечении китайских инвестиции на российский Дальний Восток (Пекин официально называет региональное сотрудничество на Дальнем Востоке «частью инициативы ИПП») и использовании их на благо подъема важного российского региона. Осторожный оптимизм здесь (как и в двустороннем экономическом формате в целом) внушает декларируемая в год 70-летия установления дипотношений готовность партнеров к инвестированию в инновационные и высокотехнологичные проекты.

Во-вторых, далеко не исчерпан потенциал продуманного и выгодного для РФ встраивания в транзитные железнодорожные и автомобильные коридоры, которые Китай намерен развивать для траншпортировки грузов в Европу и обратно. Кроме того, с точки зрения системного ухода от рисков, шагом в правильном направлении, безусловно, является выдвигание Россией концепции Большой Евразии (Большое евразийское партнерство). Важно, что общее одобрение этой концепции китайскими партнерами, как уже отмечалось, зафиксировано в официальных российско-китайских документах.

Продолжая разговор о «шумах» в отношениях, нельзя не сказать о тех из них, которые унаследованы от непростого прошлого. «На плаву» в РФ остается тезис о «желтой опасности», которая «грозит» сибирским лесам и байкальским водам. А в Китае нередко напоминают о себе реликтовые обиды по поводу «захвата китайских территорий царской Россией». Часто это объясняется все еще недостаточ-

ным знанием друг друга, а также провокационной политикой третьих сил, зачастую намеренно нагнетающих в отношениях РФ и КНР всякого рода фобии.

Наконец, вряд ли возможно достижение предела взаимодоверия, в том числе стратегического, где, похоже, всегда будет иметься «пространство для дальнейшей работы». Речь, прежде всего, идет о сохраняющемся значении пристального мониторинга ситуации в треугольнике «РФ—КНР—США». Глубокий кризис в отношениях РФ и США объективно расширяет маневр Китая, ибо потребность в сотрудничестве с ним растет у двух других «углов» «треугольника». Хотя с усилением напряженности по китайско-американской линии (торговые войны) расширяется и встречная заинтересованность Пекина в связях с Москвой. Поэтому для РФ особо актуальной задачей становится верная оценка динамики соотношения тенденций конкуренции и сотрудничества в нынешних сложных отношениях Китая и США.

Интересам России отвечает проведение деликатной, но настойчивой и последовательной линии на дальнейшее развитие всесторонних связей с КНР в рамках формулы всеобъемлющего стратегического партнерства и гибкий «уход» от антикитайских настроений. Вместе с тем стратегически важно, чтобы эту безусловную линию РФ проводила, параллельно предпринимая необходимые попытки по налаживанию равноправного диалога с США, хотя на фоне продолжающегося ужесточения антироссийских санкций эта задача видится крайне трудной и не сулит скорого успеха. Тем не менее очевидно, что такой универсальный подход является для России наиболее предпочтительным вариантом самопозиционирования в подобного рода внешнеполитических конфигурациях, поскольку развитие связей с обоими партнерами — это еще и «страховка» для РФ от гипотетического риска оказаться «на обочине» каких-либо китайско-американских проектов вроде предположительной реанимации идеи «G-2». Более того, именно такой подход укладывается в представление, что для России, как евро-тихоокеанской державы, вопросом экзистенционального характера является проведение реально диверсифицированной политики. Политики, где и западный, и восточный векторы имели бы равновеликое и самоценное значение.

Немаловажно осознание и Россией, и Китаем того, что все еще существующие трудности в принципе не могут умалить значение диалога сторон. Вызовы не должны драматизироваться, они могут планомерно преодолеваться во имя добрососедства и на благо развития двух стран. Очевидно, что для России в ее конструктивных связях с самой динамично развивающейся экономикой мира, государством, продолжающим неуклонно набирать политический вес, содержится возможность укрепления ее международных позиций, столь важного в непростое для РФ «санкционное» время.

Библиографический список

Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая в 2018 г. // Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития РФ. URL: <http://www.ved.gov.ru/files/images/2018%2002%2013.docx> (дата обращения: 19.04.2019).

В. Путин встретился с Ван И // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/57696> (дата обращения: 18.04.2019).

В. Путин встретился с Ван И. 06.04.2018 // Информационный портал агентства Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-04/06/c_137090872.htm (дата обращения: 18.04.2019).

Ван И. В 2019 г. китайско-российские отношения непременно возьмут новую высоту и станут еще лучше. 02.02.2019 // Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0202/c31521-9543724.html> (дата обращения: 19.04.2019).

Ван И. Сплоченность Китая и России даст больше гарантии мира, безопасности и стабильности. 08.03.2019 // Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0308/c31521-9553984.html> (дата обращения: 19.04.2019).

Военное сотрудничество свидетельствует о близости отношений между Китаем и Россией. 20.09.2018 // Китайский информационный интернет-центр. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-09/20/content_63675640.htm (дата обращения: 19.04.2019).

Встреча Си Цзиньпина с В. Путиным во Вьетнаме свидетельствует о достигнутом высоком уровне двусторонних отношений — эксперты. 12.11.2017 // Информационный портал агентства Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2017-11/12/c_136746771.htm (дата обращения: 18.04.2019).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 16 июня 2001 года // Сборник

российско-китайских документов. 1999—2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 143—151.

Документы, подписанные по завершении 23-й регулярной встречи глав правительств России и КНР. 07.11.2018 // Информационный портал Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/34600/> (дата обращения: 19.04.2019).

Документы, подписанные по итогам официального визита Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Российскую Федерацию. 4 июля 2017 года // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5217> (дата обращения: 18.04.2019).

Китай выступает против санкций США и Запада в отношении России. 1 сентября 2014 г. // Информационный портал РИА Новости. URL: <http://ria.ru/economy/20140901/1022298306.html> (дата обращения: 18.04.2019).

Межгосударственные отношения России и Китая. 30.11.2018 // Информационный портал РИА Новости. URL: <https://ria.ru/spravka/20181130/1533679097.html?injj=1> (дата обращения: 19.04.2019).

Москва и Пекин обсудят безопасность планеты. 6 апреля 2018 г. // Независимая газета. URL: http://nvo.ng.ru/nvoevents/2018-04-06/2_991_moscow.html (дата обращения: 19.04.2019).

Нефтепровод «Сковородино—Мохэ» // Информационный портал компании «Транснефть». URL: <https://www.transneft.ru/about/projects/realized/nefteprovod-d-skovorodino-mohe/> (дата обращения: 18.04.2019).

Одна труба хорошо, а две — лучше. Москва и Пекин ударили по рукам. 17.09.2019 // Информационный портал РИА Новости. URL: <https://ria.ru/economy/20180917/1528586622.html> (дата обращения: 19.04.2019).

Пресс-конференция по итогам российско-китайских переговоров. 16 июня 2011 года // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/11594> (дата обращения: 18.04.2019).

Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 28.02.2012.

Российские военные готовы углублять сотрудничество с китайской армией. 03.07.2018 // Информационный портал РИА Новости. URL: https://ria.ru/defense_safety/20180703/1523822654.html (дата обращения: 19.04.2019).

Российско-китайские переговоры. 20 мая 2014 года, Шанхай // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17725> (дата обращения: 18.04.2019).

Российско-китайские переговоры. 23 марта 2013 г. // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/17725> (дата обращения: 18.04.2019).

Россия и Китай продолжают наращивать стратегическое взаимодействие // Информационный портал РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180608/1522343165.html> (дата обращения: 22.01.2019).

Си Цзиньпин и Путин встретились на полях саммита G20. 01.12.2018 // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59279> (дата обращения: 19.04.2019).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 25 июня 2016 года // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100><http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (дата обращения: 18.04.2019).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества. 8 мая 2015 года // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/49694971> (дата обращения: 18.04.2019).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. 5 июня 2012 г. // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1230> (дата обращения: 18.04.2019).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 г. // Информационный портал Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 18.04.2019).

Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах нового миропорядка. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 322 с.

Уянаев С.В. РФ—КНР: куда подталкивает ветер с майдана // Независимая газета. 28.04.2014. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2014-04-28/9_ru_cn.html (дата обращения: 18.04.2019).

Факты и цифры: китайско-российские отношения на пути ускоренного развития. 13.09.2018 // Информационный портал агентства Синьхуа. URL: http://russian.news.cn/2018-09/12/c_137463418.htm (дата обращения: 19.04.2019).

Remarks by H.E. Wang Yi State Councilor and Minister of Foreign Affairs at the MFA 2019 New Year Reception. 2019/01/31 // Site of the Foreign Ministry of the PRC. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1634534.shtml (accessed: 19.04.2019).

References

Analiticheskaya spravka i statisticheskie danniiye po vneshnei torgovle Rossii i Kitaya v 2018 g. (2018) [Analytical reference and statistical data on foreign trade of Russia and China in 2018], *Foreign Economic Information Portal of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. URL: <http://www.ved.gov.ru/files/images/2018%2002%2013.docx> (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy ot 16 iyulya 2001 goda (2001) [Treaty of Good Neighborhood, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China, 16 July, 2001], *Collection of Russian-Chinese documents. 1999—2007*. M.: OLMA Media Group, 2007: 143—151. (In Russian).

Dokumenty, podpisannyye po itogam ofitsial'nogo vizita Predsedatelya Kitayskoy Narodnoy Respubliki Si TSzin'pina v Rossiyskuyu Federatsiyu 04 iyulia 2017 goda (2017) [Documents signed following the official visit of the President of the People's Republic of China Xi Jinping to the Russian Federation. 06/04/2017], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5217> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Dokumenty, podpisannyye po zavershenii 23-y regulyarnoy vstrechi glav pravitel'stv Rossii i KNR. 07.11.2018 (2018). [Documents signed at the end of the 23rd regular meeting of the heads of government of Russia and China. 2018/11/07/], *Information portal of the Government of the Russian Federation*. URL: <http://government.ru/news/34600/> (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Fakty i tsifry: kitaysko-rossiyskiye otnosheniya na puti uskorennoogo razvitiya. 13.09.2018. (2018) [Facts and figures: Sino-Russian relations on the road to accelerated development. 13.09.2018], *Xinhua News Agency Information Portal*. URL: http://russian.news.cn/2018-09/12/c_137463418.htm (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Kitay vystupayet protiv sanktsiy SSHA i Zapada v otnoshenii Rossii. 1 sentyabrya 2014 g. (2014) [China opposes US and Western sanctions against Russia. September 1, 2014], *Information Portal of the RIA Novosti Agency*. URL: <http://ria.ru/economy/20140901/1022298306.html> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Mezhgosudarstvennyye otnosheniya Rossii i Kitaya 30.11.2018 (2018) [Interstate relations of Russia and China. 11/30/2018], *Information Portal of the RIA Novosti Agency*. URL: <https://ria.ru/spravka/20181130/1533679097.html?inij=1> (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Moskva i Pekin obsudyat bezopasnost' planety. 6 aprelya 2018 g. (2018) [Moscow and Beijing will discuss the security of the planet. April 6, 2018], *Nezavisimaya Gazeta [Independent Gazette]*. URL: http://nvo.ng.ru/nvoevents/2018-04-06/2_991_moscow.html (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Nefteprovod «Skovorodino — Mohe» (2019) [Skovorodino-Mokhe oil pipeline], *Transforft company information portal*. URL: <https://www.transneft.ru/about/projects/realized/nefteprovod-skovorodino-mohe> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Odna truba khorosho, a dve — luchshe. Moskva i Pekin udarili po rukam 17/09/2019 (2019) [One pipe is good, but two is better. Moscow and Beijing shook hands. 09/17/2019], *Information Portal of the RIA Novosti Agency*. URL: <https://ria.ru/economy/20180917/1528586622.html> (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Press-konferentsiya po itogam rossiysko-kitayskikh peregovorov. 16 iyunya 2011 goda (2011) [Press conference following Russian-Chinese talks. June 16, 2011], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/11594> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Putin, V.V. (2012). Rossiya i menyayushchiysya mir [Putin V.V. Russia and the changing world], *Moskovskiy novosti [Moscow news]*, February 28. (In Russian).

Remarks by H.E. Wang Yi State Councilor and Minister of Foreign Affairs at the MFA 2019 New Year Reception. 2019/01/31, *Site of the Foreign Ministry of the PRC*. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/2461_663310/t1634534.shtml (accessed: 19 April, 2019).

Rossiya i Kitaj prodolzhat narashchivat' strategicheskoe vzaimodejstvie [Russia and China will continue to increase strategic cooperation], *Information Portal of the RIA Novosti Agency*. URL: <https://ria.ru/20180608/1522343165.html> (accessed: 22 January, 2019). (In Russian).

Rossiyskiye voyennyye gotovy uglublyat' sotrudnichestvo s kitayskoy armiyey. 03.07.2018 (2018) [The Russian military is ready to deepen cooperation with the Chinese army. 07/03/2018], *Information Portal of the RIA Novosti Agency*. URL: https://ria.ru/defense_safety/20180703/1523822654.html (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Rossiysko-kitayskiye peregovory 20 maya 2014 goda, Shankhay (2014) [Russian-Chinese negotiations. May 20, 2014, Shanghai], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17725> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Rossiysko-kitayskiye peregovory 23 marta 2013 g. (2013) [Russian-Chinese negotiations. March 23, 2013], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/17725> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki. 25 iyunya 2016 goda (2016) [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China. June 25, 2016], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100><http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o dal'neyshem uglublenii rossiysko-kitayskikh otnosheniy vseob'yemlyushchego ravnopravnogo doveritel'nogo partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya 5 iyunya 2012 goda (2012) [A joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the further deepening of Russian-Chinese relations of a comprehensive, equitable, trusting partnership and strategic interaction. June 5, 2012], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1230> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti 8 maya 2015 goda (2015) [A joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in the conjunction of the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt. May 8, 2015], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki ob uglublenii vseob'yemlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya i o prodvizhenii vzaimovыgodnogo sotrudnichestva. May 8, 2015 (2015) [A joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on deepening a comprehensive partnership and strategic interaction and promoting mutually beneficial cooperation. May 8, 2015], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/supplement/49694971> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Uyanayev, S.V. (2014). RF-KNR: Kuda podtalkivayet veter s maydana [RF-PRC: Where the wind is pushing from the Maidan], *Nezavisimaya Gazeta [Independent Gazette]*, 04/28/2014. URL: http://www.ng.ru/dipkurer/2014-04-28/9_ru_cn.html (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Uyanayev, S.V. (2019). Rossiya—Indiya—Kitay: v konturakh novogo miroponyadka. [Russia—India—China: in the contours of the new world order]. M.: «FORUM» PH, 2019. 322 p. (In Russian).

V. Putin vstretil'sya s Wang Yi (2018) [V.Putin met with Wang Yi], *Information portal of the President of the Russian Federation*. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/351/events/57696> (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

V. Putin vstretil'sya s Wang Yi. 06.04.2018 (2018) [V.Putin met with Wang Yi. 04/06/2018], *Xinhua News Agency Information Portal*. URL: http://russian.news.cn/2018-04/06/c_137090872.htm (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Voyennoye sotrudnichestvo svidetel'stvuyet o blizosti otnosheniy mezhdru Kitayem i Rossiyey. 20.09.2018 (2018) [Voyennoye sotrudnichestvo svidetel'stvuyet o blizosti otnosheniy mezhdru Kitayem i Rossiyey. 09/20/2018], *Chinese Internet Information*

Center. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2018-09/20/content_63675640.htm (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Vstrecha Si Jinpina s V. Putinym vo V'yetname svidetel'stvuyet o dostignutom vysokom urovne dvustoronnikh otnosheniy — eksperty. 12.11.2017 (2017) [The meeting of Xi Jinping with V. Putin in Vietnam testifies the achieved high level of bilateral relations — experts.12.11.2017], *Xinhua news Agency Information Portal*. URL: http://russian.news.cn/2017-11/12/c_136746771.htm (accessed: 18 April, 2019). (In Russian).

Wang Yi (2019). Splochnost' Kitaya i Rossii dast bol'she garantii mira, bezopasnosti i stabil'nosti.08.03.2019 [The cohesion of China and Russia will give more guarantees of peace, security and stability. 03/08/2019], *Renmin Ribao [People's Daily]*. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0308/c31521-9553984.html> (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Wang Yi (2019).V 2019 godu kitaysko-rossiyskiye otnosheniya nepremenno voz'mut novuyu vysotu i stanut yeshche luchshe [In 2019, Sino-Russian relations will certainly take a new height and become even better. 02/02/2019], *Renmin Ribao [People's Daily]*. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0202/c31521-9543724.html> (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

Xi Jinping i Putin vstretilis' na polyakh sammita G20. 01.12.2018 (2018) [Xi Jinping and Putin met on the margins of the G20 summit 12/01/2018], *Information portal of the President of the Russian Federation*.URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59279> (accessed: 19 April, 2019). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10002

Г.В. Куликова

70 ЛЕТ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается история отношений СССР/России с Китайской Народной Республикой в свете развития тех особых, многообразных связей двух стран, которое получили название народной дипломатии. Автор прослеживает процессы становления и расширения двусторонних контактов нашей страны и Китая, осуществляемых в сфере культурного, образовательного, научного сотрудничества, в области изобразительного и музыкального искусства, кинематографии, книгообмена, организации различных культурно-просветительских мероприятий, делегационных обменов и встреч дружбы граждан двух стран и т. д.

Особое внимание уделено значению народной дипломатии в формировании, восстановлении и дальнейшем развитии российско-китайских отношений со времени провозглашения КНР 1 октября 1949 г. и до наших дней. Представлена также деятельность Общества советско- (ныне российско) китайской дружбы — первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран, ставшего активным каналом народной дипломатии и сыгравшего важнейшую роль в деле упрочения социальной основы и совершенствования отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия России и Китая. Автор подчеркивает ключевое зна-

чение народной дипломатии как особого «механизма» передачи отношений дружбы и сотрудничества от поколения к поколению.

Ключевые слова: народная дипломатия, Общество российско-китайской дружбы, Общество китайско-российской дружбы, Национальные годы, «Один пояс, один путь», сопряжение, Евразийский экономический союз.

Автор: Куликова Галина Вениаминовна, первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: orkd@ifes-ras.ru

G. V. Kulikova

70 years of Russian-Chinese diplomatic relations and people's diplomacy

Abstract. The article deals with the history of relations between the USSR/Russia and the People's Republic of China in the light of those special, multifaceted relations between the two countries, which are called people's diplomacy. The author traces formation and expansion of bilateral people-to-people's contacts between our country and China, carried out in the fields of cultural, educational, scientific cooperation, fine and musical arts, cinematography, book exchange, organization of various cultural and educational events, delegation exchanges and friendly meetings of common people of the two countries, etc.

Special attention is paid to the significance of people's diplomacy in processes of emergence, restoration and further development of Russian-Chinese relations since the proclamation of the PRC on October 1, 1949 up to present days. The article also characterizes activities of the Society of Soviet- (now Russian)-Chinese friendship — the first Soviet/Russian society of friendship with peoples of foreign countries, which has become an active channel of people's diplomacy and has played an important role in the consolidation of social basis and improvement of relations of comprehensive partnership and strategic cooperation between Russia and China. The author emphasizes the key importance of people's diplomacy as a special “mechanism” for the transfer of the spirit of friendship and cooperation from generation to generation.

Keywords: people's diplomacy, Russia-China friendship Society, China-Russia friendship Society, National years, “One belt, one road”, conjunction, Eurasian economic Union.

Author: Galina V. KULIKOVA, first Deputy Chairperson of the Russia-China Friendship Society, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Culture of the RF (e-mail: orkd@ifes-ras.ru).

2019 год — юбилейный год в жизни Китайской Народной Республики и российско-китайских отношений — год 70-летия провозглашения КНР, 70-летия установления российско-китайских дипломатических отношений и 70-летия создания Общества китайско-российской дружбы.

1 октября 1949 г. с трибуны площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики. Исторической победой завершилась борьба китайского народа за победу народной революции.

Непосредственное участие в этих исторических событиях принимал Генеральный консул СССР в Пекине Сергей Леонидович Тихвинский — будущий академик, всемирно известный специалист по Китаю, председатель Общества российско-китайской дружбы.

В тот день министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай направил С.Л. Тихвинскому письмо, в котором официально сообщал о желании новой республики установить дипломатические отношения с зарубежными странами.

Уже на следующий день, 2 октября 1949 г., С.Л. Тихвинский передал Чжоу Эньлаю ответную телеграмму Советского правительства, заявившего об установлении дипломатических отношений с КНР.

С тех памятных дней прошло 70 лет. За прошедшие годы нашими странами пройден путь, насыщенный большими, порой непростыми событиями и в собственной истории, и в развитии двусторонних отношений.

Сегодня российско-китайские отношения стали отношениями всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, находящимися на самом высоком уровне за всю их историю.

Важную роль в становлении, а затем в восстановлении и развитии российско-китайских отношений играла народная дипломатия.

14 февраля 1950 г. СССР и КНР подписали Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи.

Широкомасштабная помощь нашей страны Китаю после подписания Договора позволила КНР в короткие сроки не только создать собственную промышленность и ее научно-техническую базу, но и содействовала развитию образования, здравоохранения и культуры, созданию вооруженных сил, усилению позиций нового государства в тайваньском вопросе и утверждению его права быть представленным в ООН.

Тепло вспоминают в Китае о 10-тысячном отряде советских специалистов во главе с Иваном Васильевичем Архиповым, участвовавшим в строительстве 156 предприятий в Китае, многие из которых работают и по сей день. Ведущие позиции в китайской науке и ныне занимают представители многотысячного отряда китайских студентов и аспирантов, получивших в 1950-е годы образование в советских вузах.

В 1950-е широкое развитие получило культурное сотрудничество между нашей страной и молодой Китайской Народной Республикой. В Китае побывали и с огромным успехом выступали более ста советских коллективов, в том числе Ансамбль народного танца имени Игоря Моисеева, Ансамбль «Березка», Ансамбль песни и пляски Советской Армии им. А.В. Александрова и другие известные ансамбли и исполнители. В свою очередь и в Советском Союзе с большим успехом выступали китайский цирк, артисты Пекинской оперы, ансамбль народных инструментов и т. д. [*Тихвинский С.Л.* Советско-китайские культурные связи..., с. 211—212].

В первое десятилетие после провозглашения КНР одним из главных центров популяризации в Китае знаний о Советском Союзе было созданное 5 октября 1949 г. Общество китайско-советской дружбы (ОКСД) — первое в Китае общество дружбы с народами зарубежных стран. В Учредительной конференции по созданию Общества участвовал временный поверенный в делах СССР в КНР С.Л. Тихвинский.

С большой речью на конференции выступил член Политбюро, секретарь ЦК КПК Лю Шаоци: «Наша китайская революция, — сказал он, — смогла одержать свои теперешние победы только потому, что мы учились у Советского Союза. Советский Союз является бескорыстным и искренним другом китайского народа, поэтому

вслед за созданием Центрального народного правительства нашей страны нашей первой обязанностью является еще большее укрепление дружбы между Китаем и Советским Союзом...» (Приводится по [Куликова Г.В. Россия — Китай..., с. 31]).

Лю Шаоци стал первым председателем ОКСД. С 1954 г. Общество возглавила Сун Цинлин — супруга Сунь Ятсена, которая до последних дней своей жизни помнила его завет «идти рука об руку с Советским Союзом».

Отделения ОКСД были созданы во всех провинциях, автономных районах, крупных городах КНР. В Пекине, Шанхае и ряде других городов активно работали Дома китайско-советской дружбы. Общество выступило организатором движения по изучению русского языка; издавало журнал «Дружба» и газету «Китайско-советская дружба», а также книги и брошюры о различных сторонах жизни Советского Союза.

В первые годы после создания ОКСД его главным партнером в нашей стране было Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС).

Связи и контакты между общественностью Советского Союза и Китая значительно расширились после того, как в нашей стране 29 октября 1957 г. было создано Общество советско-китайской дружбы (ОСКД) — также первое общество дружбы с народами зарубежных стран. Общество возглавил А.А. Андреев — член Президиума Верховного Совета СССР. В руководство Общества вошли известные государственные и общественные деятели. Активным ядром Общества были известные советские ученые-китаеведы во главе с С.Л. Тихвинским. В целях расширения социальной базы при Обществе были созданы семь профессиональных секций, заседания которых, как правило, проводились в различных трудовых коллективах [Дубровина Л.В., с. 47].

Во всех союзных республиках, краях, областях, крупных городах нашей страны были созданы региональные отделения ОСКД.

25 ноября 1957 г. председатель КНР Мао Цзэдун принял в Пекине делегацию ОСКД во главе с председателем А.А. Андреевым, участвовавшую в мероприятиях Месячника китайско-советской дружбы по случаю 40-й годовщины Великого Октября. 21 июля 1959 г.

первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР Н.С. Хрущев встретился в Кремле с делегацией ОКСД во главе с заместителем председателя ОКСД профессором Цао Цзиньхуа, приглашенной в Москву для участия в мероприятиях Месячника советско-китайской дружбы, посвященного 10-й годовщине КНР.

12 ноября 1959 г. в Москве было подписано Соглашение о сотрудничестве ОСКД и ОКСД, предусматривающее дальнейшее расширение советско-китайских общественных связей. Были установлены прямые контакты между региональными отделениями ОСКД и отделениями ОКСД в провинциях, автономных районах и городах Китая.

В период с октября 1957 по 1967 г. в нашей стране по инициативе ОСКД и при его активном участии была проведена не одна сотня мероприятий, посвященных знаменательным событиям китайской истории и истории советско-китайских отношений, в которых приняли участие более 100 делегаций китайской общественности.

Важное значение для деятельности ОСКД имело создание в феврале 1958 г. Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД). Работавший при ССОД Дом дружбы и Фотокомбинат, а также печатные органы ССОД — журнал «Культура и жизнь» и газета «Московские новости» предоставляли ОСКД возможность пользоваться площадкой для проведения мероприятий и встреч с делегациями китайских партнеров.

1950-е годы можно по праву считать «медовым месяцем» в советско-китайских отношениях. Развернувшееся в это время всестороннее советско-китайское сотрудничество, активная деятельность Обществ дружбы содействовали тому, что народы двух стран лучше узнавали друг друга во благо их добрососедских отношений. И эта работа принесла свои ощутимые плоды.

Однако серьезные осложнения в советско-китайских отношениях, возникшие в 1960-е — 1970-е годы, негативно сказались и на общественных связях. ОКСД не только прекратило свою деятельность в Китае, но и разорвало все контакты с ОСКД. В сложившихся обстоятельствах деятельность ОСКД приобрела особое значение.

В самый разгар «культурной революции» в Китае в Москве в январе 1969 г. была проведена II Всесоюзная конференция ОСКД, ко-

торая приняла постановление «Считать главной задачей деятельности ОСКД содействие сохранению и развитию братской дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами» [Материалы II Всесоюзной конференции...].

Итоги деятельности ОСКД за 1969—1978 гг. были подведены на III Всесоюзной конференции ОСКД, состоявшейся в Москве в феврале 1978 г. В докладе заместителя председателя ОСКД, члена-корреспондента АН СССР С.Л. Тихвинского было подчеркнуто, что за период после II Всесоюзной конференции в нашей стране было проведено 100 различных мероприятий, посвященных знаменательным событиям в жизни Китая и наших двусторонних отношений. Информация о деятельности Общества транслировалась по радио на Китай, печаталась на страницах прессы. III Всесоюзная конференция приняла постановление, в котором вновь подтвердила, что и впредь считает главной задачей деятельности ОСКД содействие восстановлению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами СССР и КНР. От имени советской общественности III Всесоюзная конференция заявила также о том, что ОСКД готово к восстановлению и развитию контактов с ОКСД на основании Соглашения от 12 ноября 1959 г., а также к возобновлению делегационных обменов. «Мы верим в будущее советско-китайских отношений, говорилось в постановлении, — верим, что будущее советско-китайских отношений восторжествует» [Материалы III Всесоюзной конференции...]. На III Всесоюзную конференцию ОСКД, впервые после Учредительной конференции ОСКД в 1957 г., были приглашены и приняли участие сотрудники Посольства КНР во главе с советником-посланником Цянь Цзэнпэем, которым были переданы материалы конференции, свидетельствующие, что советская общественность в 1978 г. первой протянула руку китайским партнерам. Однако прошли годы, прежде чем дружеская рука Москвы дотянулась до Пекина...

27 октября 1982 г. ОСКД торжественно отметило свой 25-летний юбилей. И хотя делегация ОКСД не откликнулась на приглашение принять участие в праздничных мероприятиях, в Москву было направлено приветственное послание, которое огласил участвовавший в торжествах Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР Ян Шоуч-

жэн. В послании отмечалась «благородная деятельность Общества советско-китайской дружбы, направленная на расширение взаимопонимания, укрепление дружбы и сотрудничества между китайским и советским народами» [Куликова Г.В. Знаменательный юбилей..., с. 103].

В 1983 г. активная деятельность ОСКД привела к восстановлению советско-китайских контактов по линии Обществ дружбы. В октябре 1983 г. впервые после 18-летнего перерыва, Китай посетила представительная группа руководителей и активистов ОСКД во главе с председателем Общества академиком С.Л. Тихвинским. После возвращения на Родину С.Л. Тихвинский опубликовал в газете «Известия» статью с впечатлениями о пребывании в Китае.

В октябре 1983 г. нашу страну по приглашению ОСКД с ответным визитом посетила делегация руководителей и активистов ОКСД во главе с Лян Шуфэнь — заместителем председателя народного правительства, заместителем председателя ОКСД провинции Хубэй. О своих впечатлениях от визита руководитель делегации Лян Шуфэнь рассказала в статье «16 дней в Советском Союзе», опубликованной в газете «Гуанмин жибао». Делегацию сопровождал Ли Хуэй, бывший тогда третьим секретарем Посольства КНР, — Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ (08.2009—08.2019).

В ходе этих первых после длительного перерыва поездок их участники убедились в том, что у наших народов сохранились теплые чувства друг к другу и большое желание восстановить дружеские связи и обмены.

25 ноября 1986 г. в выступлении председателя ОСКД, академика С.Л. Тихвинского на IV Всесоюзной конференции Общества было сообщено о том, что ОСКД, «активно работавшее в трудный период двусторонних отношений, не только помогло сохранить теплые чувства народов СССР к Китаю, но и стало центром, сплотившим всех представителей советской общественности, кому было дорого дело дружбы с нашим великим соседом — китайским народом».

Конференция отметила большой вклад ОСКД в становление, а затем и в восстановление и развитие советско-китайских общественных связей [Стенограмма IV Всесоюзной конференции...].

Когда 29 октября 1987 г. в нашей стране торжественно отмечался 30-летний юбилей ОСКД, к нам поступило приветствие У Сюцюаня — председателя ОКСД: «За прошедшие 30 лет Общество советско-китайской дружбы проделало большую работу по укреплению взаимопонимания и развитию традиционной дружбы между китайским и советским народами. Мы высоко ценим это» (приводится по [Куликова Г.В. Во имя взаимопонимания, дружбы и сотрудничества..., с. 53—55]).

После первых обменов группами активистов Обществ дружбы, начиная с 1984 г. стали осуществляться поездки в Москву и Пекин руководителей этих организаций. Так, Москву в мае 1984 г. посетил председатель Китайского народного общества дружбы с заграницей (КНОДЗ) Ван Биннань. В ноябре 1987 г. ОСКД принимало делегацию КНОДЗ во главе с председателем КНОДЗ Чжан Вэньцзинем, приглашенную Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР для участия в торжествах, посвященных 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Для делегации была организована встреча с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громько, заместителем министра иностранных дел СССР И.А. Рогачевым, а также директором ИДВ АН СССР М.Л. Титаренко.

А в июле 1988 г. по приглашению ОСКД нашу страну посетила делегация ОКСД во главе с его председателем У Сюцюанем.

Как известно, 1989 год был отмечен эпохальным событием в истории советско-китайских отношений. 15—18 мая состоялся официальный визит в КНР Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачева. В ходе этого визита Дэн Сяопин, архитектор политики реформ и открытости Китая, предложил «закрыть прошлое, открыть будущее». Подписанное в Пекине «Совместное советско-китайское коммюнике» засвидетельствовало нормализацию советско-китайских отношений, создало благоприятные условия для их дальнейшего развития. Председатель КНОДЗ Чжан Вэньцзинь встретился с членами делегации, сопровождавшей М.С. Горбачева, в составе которой был и директор ИДВ АН СССР, заместитель председателя ОСКД М.Л. Титаренко. Председатель КНОДЗ высоко оценил деятельность ССОД и ОСКД,

содействовавшую восстановлению китайско-советских общественных связей.

В апреле 1990 г. Советский Союз с официальным визитом посетил премьер Госсовета КНР Ли Пэн, тепло принятый руководителями и активистами ОСКД, среди которых были ветераны, участвовавшие в освобождении Северо-Востока Китая от японских оккупантов, и советские специалисты, помогавшие стране в восстановлении народного хозяйства после победы революции.

Встречи китайских руководителей с представителями ОСКД свидетельствовали о признании вклада Общества в становление, восстановление и развитие советско-китайских общественных связей и нормализацию советско-китайских отношений.

В октябре 1989 г. исполнилось 40 лет со дня провозглашения КНР и 40 лет со дня установления советско-китайских дипломатических отношений. По инициативе ОСКД этим юбилейным датам было посвящено торжественное собрание в Колонном зале Дома Союзов. Представители советской общественности приветствовали восстановление советско-китайских межгосударственных отношений, высоко оценивали роль народной дипломатии в их становлении, восстановлении и развитии.

Наступил 1991 г. Не стало Советского Союза. Китай признал Российскую Федерацию в качестве государства — преемника СССР, и страны продолжили осуществлять контакты и развивать сотрудничество. В 1992 г. Россия и Китай назвали себя дружественными странами. В 1994 г. объявили об их конструктивном партнерстве. В 1996 г. установили отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Распад Советского Союза негативно отразился на советской системе народной дипломатии. Была прекращена деятельность ССОД. Все 85 обществ дружбы с народами зарубежных стран, в том числе и первое из них — ОСКД, должны были опираться на собственные силы и средства. Практически все советские общества дружбы прекратили свое существование.

Все... но не Общество советско-китайской дружбы и не наш китайский партнер, ставшие в 1992 г. Обществом российско-китайской (ОРКД) и Обществом китайско-российской дружбы (ОКРД).

В переломные 1990-е годы народная дипломатия в российско-китайских отношениях снова продемонстрировала большую жизненную силу. Благодаря активной позиции директора ИДВ АН СССР, первого заместителя председателя ОСКД М.Л. Титаренко, членов Центрального правления и активистов Общества, ОСКД не только не прекратило свою деятельность, но, получив безвозмездно помещение в здании Института Дальнего Востока, стало использовать все возможности для активизации его деятельности, поддержания контактов со своими партнерами — ОКСД.

В период с 1995 по 2002 г. в Москве и в Пекине организациями дружбы было проведено 8 форумов, посвященных вопросам межрегионального сотрудничества.

3 апреля 1998 г. на VI отчетно-выборной конференции ОРКД председателем Общества стал директор ИДВ РАН М.Л. Титаренко; С.Л. Тихвинский был избран почетным председателем ОРКД. Конференция выразила академику С.Л. Тихвинскому большую благодарность за активное многолетнее руководство Обществом. Автор этих строк была избрана первым заместителем председателя ОСКД и в этом качестве продолжает участвовать в его деятельности и сейчас.

В 1999 г. ОРКД выступило инициатором организации массовой кампании в нашей стране, посвященной 50-й годовщине КНР, 50-й годовщине российско-китайских дипломатических отношений и 50-летию ОКРД.

16 июля 2001 г. в Москве был подписан фундаментальный политический документ — Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Договор, закрепивший концепцию «вечной дружбы и отсутствия вражды между нашими странами», призвал народы России и Китая быть «добрыми соседями, лучшими друзьями и надежными партнерами» [Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве...].

После подписания этого исторического документа ОРКД поставило перед собой задачу расширить социальную базу и активизировать свою деятельность не только в центре, но и в созданных к этому времени региональных отделениях в Санкт-Петербурге, Приморском, Хабаровском и в Алтайском краях, Республике Саха-Якутия,

Республике Марий-Эл, Карелии, Свердловской, Амурской, Иркутской, Читинской и Новосибирской областях, в Еврейской автономной области, Курске, Перми и т. д.

Начиная с 2006 г. ОРКД активно участвовало в таких масштабных акциях, инициаторами которых выступили главы России и Китая, как Национальные и Языковые годы, Годы туризма, Годы молодежных обменов, Годы СМИ и Годы регионального сотрудничества.

Акции «Национальные годы», в рамках которых и в Китае, и в России было проведено более 500 различных мероприятий, содействовали тому, что большое количество людей в двух странах стали лучше понимать друг друга, проявлять взаимный интерес к жизни и культуре страны-соседа, видеть в ней надежного партнера и доброго друга.

В рамках Года Китая в России в 2007 г. был торжественно отмечен 50-летний юбилей ОРКД. В адрес Общества поступило приветствие Президента РФ В.В. Путина, министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, а также представителей китайской стороны.

«Все эти годы активисты Общества ведут плодотворную деятельность по укреплению взаимопонимания и всестороннего сотрудничества с нашим великим соседом — Китайской Народной Республикой. Народная дипломатия во многом помогла сберечь традиционные добрые чувства жителей России и Китая друг к другу, способствовала нормализации межгосударственных связей, а потом подъему их до уровня доверительного партнерства и стратегического взаимодействия ...уверен, что Вы и впредь будете вносить весомый вклад в развитие многоплановых российско-китайских связей», — написал в приветственном послании В.В. Путин (приводится по [Куликова Г.В. Обществу российско-китайской дружбы — 60 лет..., с. 17—18]).

Участовавший в юбилейных мероприятиях в Москве председатель ОКРД Чэнь Хаосу назвал ОРКД «товарищем и партнером КНОДЗ и ОКРД, плодотворное сотрудничество с которым является одним из значимых факторов развития китайско-российских межгосударственных отношений» (приводится по [Куликова Г.В. ОРКД отмечает свой юбилей...]).

Ярким событием Года русского языка в Китае стал песенный фестиваль «К России с любовью: в Китае поют русские песни», который проходил в Пекине и пяти провинциях: Хэйлунцзян, Хэнань, Цзянси, Сычуань и Гуандун. В фестивале приняли участие 12 тыс. коллективов и исполнителей. Руководители ОРКД, в том числе автор этих строк, входили в состав жюри конкурса.

ОРКД и его региональные отделения также активно участвовали в организации и проведении Года китайского языка в России, в рамках которого прошло более 200 мероприятий в 23 субъектах РФ.

Национальные и языковые годы стали наилучшим подтверждением того, какую важную роль в деле взаимопонимания, дружбы и сотрудничества может играть народная дипломатия, когда она пользуется широкой политической, моральной и материальной поддержкой государства.

В 2009 г. ОРКД выступило инициатором и организатором проведения в нашей стране мероприятий, посвященных 60-летию КНР, 60-й годовщине установления российско-китайских дипломатических отношений и 60-летию со дня создания Общества китайско-советской/российской дружбы.

Для участия в этих мероприятиях в Москву была приглашена делегация КНОДЗ, ОКРД во главе с председателем Чэнь Хаосу. В состав делегации входили 30 ветеранов движения китайско-российской дружбы, в том числе дети и родственники первого поколения руководителей КНР и известных китайских революционеров.

В дни праздничных мероприятий состоялось подписание первого в истории отношений Обществ дружбы Совместного заявления, в котором подчеркивалось, что «ОРКД и ОКРД средствами народной дипломатии вносили и продолжают вносить большой вклад в дело дружбы, взаимопонимания и сотрудничества; укрепление и развитие отношений равноправного партнерства и стратегического взаимодействия между нашими странами и народами» [Куликова Г.В. ОРКД. 2009].

8 декабря 2010 г. в докладе председателя ОРКД М.Л. Титаренко на VIII отчетно-выборной конференции Общества сообщалось, что за последние пять лет по линии ОРКД в России было проведено более 200 различных мероприятий, посвященных Китаю и нашим дву-

сторонним отношениям, в том числе ежегодно отмечались годовщины КНР и российско-китайских дипломатических отношений и другие знаменательные даты.

В 2012 г. ОРКД исполнилось 55 лет. К этому юбилею автором этих строк под редакцией председателя Общества академика М.Л. Титаренко и почетного председателя Общества академика С.Л. Тихвинского была издана книга «Россия—Китай: народная дипломатия». В книге впервые рассказывалось об истории создания ОРКД, его связях с китайским партнером — ОКРД, участии организаций дружбы в становлении, восстановлении и развитии российско-китайских отношений и общественных связей.

Выступая на состоявшемся в Дипломатической академии МИД РФ собрании, председатель Общества академик М.Л. Титаренко сказал: «Отмечая 55-летний юбилей ОРКД, мы считаем главной задачей своей деятельности необходимость активно разъяснять российской общественности важность устойчивых добрососедских отношений с Китаем, укрепления дружественных связей, углубления взаимопонимания и доверия, придания нашим связям характера подлинно народных, в которых участвуют не только политики и официальные лица, но и широкие круги граждан наших стран. Именно об этом подробно и интересно рассказывается в только что изданной книге, автор которой всю свою жизнь и деятельность посвятил дружбе и сотрудничеству между народами наших стран» (приводится по [Верченко А.Л. Итоги 2012 года. 55 лет ОРКД]).

Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй в своем выступлении отметил: «ОРКД является опорной силой и ведущим отрядом народной дипломатии в отношениях между Китаем и Россией, подтверждением чего и является изданная книга «Россия—Китай. Народная дипломатия» (приводится по [Куликова Г.В. Год России в Китае...]).

В дни государственного мартовского 2013 г. визита в нашу страну Председатель КНР Си Цзиньпин выступил перед студентами МГИМО МИД РФ на тему «Идти в ногу с веянием эпохи и содействовать мирному развитию на планете», где присутствовали и руководители ОРКД. Он также встретился с группой ученых-китаеведов, выразив им большую благодарность за изучение Китая и

вклад в дело взаимопонимания и дружбы между народами Китая и России.

В рамках Годов молодежных обменов в России и Китае состоялось свыше 600 различных мероприятий. Более 100 тыс. студентов из 132 вузов приняли участие в студенческих обменах. Был создан ряд профильных вузовских объединений и ассоциаций: технических, педагогических, экономических, медицинских и региональных. ОРКД приняло участие в организации выступления в Государственном Кремлевском дворце творческих российских и китайских детских коллективов.

В 2014 г. ОРКД выступило организатором мероприятий, посвященных 65-й годовщине КНР, 65-й годовщине российско-китайских дипломатических отношений и 65-летию ОКРД.

В Москве торжественное собрание с участием Председателя ОКРД Чэнь Юаня и дипломатических сотрудников Посольства КНР в РФ во главе с Послом Ли Хуэем было проведено в Конференц-зале МИД РФ. В Пекине с участием приглашенной делегации ОРКД во главе с председателем М.Л. Титаренко эти даты отмечались торжественным приемом в Доме народных собраний. На приеме выступил председатель ПК ВСНП Чжан Дэцзян и находившаяся в эти дни с официальным визитом в КНР Председатель Совета Федерации РФ В.И. Матвиенко. В своих выступлениях они отметили, что в настоящее время взаимное доверие в политике, практическое сотрудничество, гуманитарные обмены достигли небывало высокого уровня, и высоко оценили вклад организаций дружбы во всестороннее углубление и развитие российско-китайских отношений.

ОРКД совместно с ОКРД выступило инициатором проведения в 2015 г. большого количества мероприятий, посвященных 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 70-летию Победы китайского народа в Войне сопротивления японским агрессорам и завершению Второй мировой войны.

5—6 мая 2015 г. по инициативе ОРКД и ИДВ РАН при активном участии наших китайских партнеров — ОКРД и Цзилиньского университета в Москве была проведена международная конференция на тему «Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне».

Приветствуя и высоко оценивая инициативу по проведению юбилейной конференции, В.В. Путин написал: «... уверен, что Ваша конференция будет способствовать утверждению правдивого видения событий военных лет, поможет увековечить подвиг наших отцов и дедов, внесет существенный вклад в воспитание молодежи в духе патриотизма и дружбы народов» [Приветствие Президента России В.В. Путина].

Председатель КНР Си Цзиньпин в своем послании в адрес конференции отметил, что «Юбилейная конференция будет способствовать укреплению традиционной дружбы народов Китая и России, скрепленной кровью, пролитой для победы, вдохновит народы наших стран для того, чтобы положить начало подъему России и Китая, мирному процессу и более прекрасному будущему человечества» (приводится по [Информация о деятельности ОРКД...]).

Международная конференция явилась наглядным свидетельством того, что общественность России и Китая придерживается единых взглядов на историю и итоги Второй мировой войны, единодушна в стремлении и дальше отстаивать историческую правду, выступать против ее фальсификации, защищать итоги общей победы.

Центральным мероприятием ОРКД по случаю 70-летия Победы стало торжественное собрание, состоявшееся в Зале полководцев Центрального музея Великой Отечественной войны с участием более 800 представителей общественности Москвы и гостей столицы.

Выступавшие подчеркивали роль России и Китая как главных участников и победителей Второй мировой войны на ее Западном и Восточном фронтах, игравших решающую роль в разгроме германского фашизма и японского милитаризма, заявили о недопустимости пересмотра итогов Второй мировой войны в память более чем 60 млн погибших в битвах за победу во имя будущих поколений.

Для участия в мероприятиях, посвященных 70-летию Победы над милитаристской Японией, в Китай при содействии Общества дружбы была приглашена большая группа российских ветеранов-участников боев за освобождение Северо-Восточного Китая от японских агрессоров во главе с генералом армии М.А. Гареевым. Российские ветераны участвовали в торжествах на площади Тяньаньмэнь, а генерал армии М.А. Гареев и генерал-майор Т.Г. Щудло

были приглашены на Центральную трибуну, где их тепло приветствовали Председатель КНР Си Цзиньпин и премьер Госсовета Ли Кэцян. Российским ветеранам были вручены медали «70-летие Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны».

21 сентября 2015 г. председатель ОРКД академик М.Л. Титаренко и автор этих строк — первый заместитель председателя Общества выступили на юбилейном пленарном заседании Российско-Китайского комитета дружбы, мира и развития с информацией о вкладе ОРКД — одного из активных каналов народной дипломатии — в развитие российско-китайских отношений.

Свою деятельность в 2016 г. ОРКД начало с проведения собрания, посвященного 100-летию со дня рождения Ху Яобана — известного государственного и политического деятеля КНР, друга нашей страны. Это было последнее мероприятие, в котором принял участие и выступил председатель ОРКД, директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко.

«Это собрание, посвященное 100-летию со дня рождения Ху Яобана, всегда активно выступавшего за дружбу и сотрудничество между нашими странами и народами, — сказал М.Л. Титаренко, — призывает нас к тому, чтобы как зеницу ока беречь, развивать и приумножать традиции дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами. Укрепление дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами — долг каждого россиянина, любящего свою Родину и заботящегося о ее процветании» (приводится по [Информация о деятельности ОРКД в 2016 г.]). Эти слова председателя ОРКД академика М.Л. Титаренко стали завещанием для всех, кто продолжает дело этого великого ученого, убежденного сторонника дружбы с нашими великим соседом Китаем.

25 февраля 2016 г. М.Л. Титаренко не стало. 6 июня 2016 г. на внеочередном заседании ЦП ОРКД председателем Общества был единогласно избран Д.Ф. Мезенцев — член Совета Федерации ФС РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Д.Ф. Мезенцев поблагодарил участников заседания за оказанное доверие и сказал, что ОРКД будет формировать свои задачи с учетом того уникального уровня стратегического партнерства, авторами которого являются Президент РФ В.В. Путин и Председатель

КНР Си Цзиньпин. При этом он подчеркнул, что ОРКД будет находить такие формы взаимодействия между миллионами граждан наших стран, которые будут рассказывать жителям Китая о России, а России — о Китае.

В 2016 г. — году 15-й годовщины подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР — ОРКД традиционно выступило инициатором проведения торжественного собрания в Москве с участием большой группы китайских дипломатов во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Ли Хуэем и заместителем председателя ОКРД Чжоу Лицюнем.

Празднование 15-й годовщины Договора состоялось 25 июня 2016 г. в Пекине в Доме народных собраний с участием Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента РФ В.В. Путина. В торжественном собрании приняла участие делегация ОРКД во главе с его вновь избранным председателем Д.Ф. Мезенцевым.

Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении подчеркнул, что Китай и Россия воспользуются 15-летием подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве для поддержания регулярных контактов на высшем уровне; берут на себя обязательства оказывать друг другу еще большую поддержку, активно продвигать стыковку стратегий развития обеих стран, а также сопряжение инициативы «Один пояс, один путь» с Евразийским экономическим союзом; призвал Китай и Россию и дальше рука об руку идти по направлению, определенному Договором, в целях выстраивания прекрасного будущего и взаимовыгодных двусторонних отношений.

В свою очередь Президент РФ В.В. Путин отметил, что подписание 15 лет назад Российско-Китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве действительно является заметной датой для наших стран. Ведь именно этот документ юридически зафиксировал стратегический и партнерский характер отношений России и Китайской Народной Республики, отношений нового типа, основанных на взаимном уважении и учете интересов друг друга, которые не только отвечают коренным интересам наших народов, задачам долгосрочного развития двух государств, но и служат важным фактором региональной и глобальной безопасности и стабильности.

10—14 апреля 2017 г. делегация ОРКД во главе с Д.Ф. Мезенцевым прибыла в Пекин для обсуждения с ОКРД вопросов предстоящего празднования 60-летия ОРКД, а также участия ОРКД в российско-китайском деловом и гуманитарном сотрудничестве. Делегация имела встречи с председателем Общества, заместителем председателя ВК НПКСК Чэнь Юанем и его заместителем, заместителем председателя КНОДЗ Сун Цзинью.

Стартом мероприятий навстречу 60-летию ОРКД стала успешно прошедшая встреча председателя Совета Федерации В.И. Матвиенко и председателя ПК ВСНП Чжан Дэцзяна с представителями ОРКД. Во встрече приняли участие Посол РФ в КНР А.И. Денисов и Посол КНР в РФ Ли Хуэй, заместитель министра иностранных дел РФ И.В. Моргулов; заместитель председателя Совета Федерации И.М. Умаханов, а также руководители Республики Башкортостан, Хабаровского края и Амурской области, руководители Россотрудничества Л.Н. Глебова, глава Ростуризма О.П. Сафонов, мэр Иркутска Д.В. Бердников.

В своем выступлении В.И. Матвиенко напомнила участникам встречи об истории создания и деятельности ОРКД, отметила вклад Общества в формирование и расширение общественной базы российско-китайских отношений.

«На протяжении многих лет Общество российско-китайской дружбы и присутствующие на встрече его представители прилагали большие усилия к развитию китайско-российских отношений и укреплению нашего взаимодоверия. Хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы выразить всем Вам благодарность от имени народа и правительства Китая», — сказал председатель ПК ВСНП Чжан Дэцзян [Сайт ОРКД. 19.04.2017].

После встречи в Совете Федерации с представителями ОРКД председатель ПК ВСНП Чжан Дэцзян был принят в Кремле президентом РФ В.В. Путиным, который подчеркнул, что наши стратегические отношения с Китаем подкрепляются и деятельностью по линии межпарламентских связей, а парламенты двух стран поддерживают деятельность ОРКД, которому в этом году исполняется 60 лет.

Внимание Главы российского государства к работе ОРКД свидетельствовало о его уважении к истории Общества, в деятельности которого участвовали и участвуют тысячи и тысячи россиян.

По приглашению Президента РФ В.В. Путина 3—4 июля 2017 г. Москву с официальным визитом посетил Председатель КНР Си Цзиньпин.

В рамках этого визита В.В. Путин и Си Цзиньпин провели в Андреевском зале Кремля встречу с представителями общественных организаций, деловых кругов и медиасообществ двух стран.

На встрече Президент РФ В.В. Путин и Председатель КНР Си Цзиньпин, говоря о предстоящем 60-летнем юбилее ОРКД, отметили его важную роль в продвижении всестороннего российско-китайского сотрудничества и незаменимую роль в укреплении общественной базы российско-китайских отношений.

В интервью в июльском номере 2017 г. журнала «Китай» председатель ОРКД, член Совета Федерации ФС РФ Д.Ф. Мезенцев изложил свои соображения по поводу того, как должно работать Общество в современных условиях. По его словам, новое время требует нового подхода к работе. А это означает и другой уровень межрегионального взаимодействия, более масштабные молодежные обмены, более активную поддержку бизнеса [Интервью Д.Ф. Мезенцева...].

9 октября 2017 г. в ГАБТ России в торжественной обстановке отмечался 60-летний юбилей ОРКД. Поздравить юбиляра пришли представители палат парламента РФ, МИД РФ и других государственных и общественных организаций, члены Центрального правления и активисты Общества, а также представители его региональных отделений. На собрании присутствовали Чрезвычайные и Полномочные Послы России в КНР А.И. Денисов и Китая в РФ Ли Хуэй. В Москву для участия в праздновании прибыла делегация ОКРД во главе с председателем Чэнь Юанем.

Особую торжественность мероприятию придали поздравления, направленные Обществу российско-китайской дружбы лидерами России и Китая. Приветственное послание Президента РФ В.В. Путина под гром аплодисментов огласила В.И. Матвиенко — председатель Совета Федерации ФС РФ. Президент России в своем послании написал: «С деятельностью Общества связана практически вся современная история российско-китайских отношений, которые сегодня вышли на уровень всеобъемлющего доверительного партнерства и стратегического взаимодействия... Весьма важно, — подчеркнул

В.В. Путин, — что к работе Общества все активнее подключается молодежь двух стран. Это дает уверенность, что славные традиции дружбы, взаимопонимания и добрососедства, связывающие граждан России и Китая, будут сохраняться и приумножаться в будущем...» (приводится по [60-летний юбилей ОРКД...]).

Выступивший на вечере Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР в РФ Ли Хуэй зачитал поздравительное послание Председателя КНР Си Цзиньпина, который назвал Общество российско-китайской дружбы «важной силой в деле упрочения и развития китайско-российских отношений». «Межгосударственные отношения строятся на взаимном расположении народов», — написал Си Цзиньпин, призвав рассматривать юбилей как импульс к открытию новых горизонтов народной дипломатии (приводится по [60-летний юбилей ОРКД...]).

Тепло встретили участники торжественного вечера выступление председателя Общества китайско-российской дружбы, заместителя председателя ВК НПКСК Чэнь Юаня, подчеркнувшего большое значение деятельности Общества российско-китайской дружбы — главного партнера Общества китайско-российской дружбы.

«Сегодня мы отдаем дань уважения людям, внесшим огромный вклад в дело китайско-российской дружбы — Лю Шаоци, Сун Цинлин, Цюй У, У Сюцюаню, И.В. Архипову, М.Л. Титаренко, а также выражаем благодарность Чэнь Хаосу, почетному председателю Общества российско-китайской дружбы С.Л. Тихвинскому, председателю Д.Ф. Мезенцеву, первому заместителю председателя Г.В. Куликовой — людям, внесшим и продолжающим вносить значительный вклад в сотрудничество между нашими организациями», сказал Чэнь Юань. В заключение своего выступления он призвал Общество российско-китайской дружбы вместе со своим китайским партнером активно реализовывать задачи, поставленные главами государств [60-летний юбилей ОРКД...]).

Делегация во главе с Чэнь Юанем имела также встречи с полпредом Президента РФ В.В. Путина в Центральном федеральном округе А.Д. Бегловым и вице-премьером, полпредом Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутневым. Обсужда-

лись вопросы возможного расширения межрегионального сотрудничества.

По инициативе наших китайских партнеров 60-летие ОРКД торжественно отмечалось и в Китае. Для участия в юбилейных мероприятиях в Пекин была приглашена делегация ОРКД во главе с председателем Д.Ф. Мезенцевым. В составе делегации были первый заместитель председателя ОРКД — автор этих строк, представители Республики Башкортостан, Тамбовской, Амурской и Челябинской областей. Д.Ф. Мезенцев рассказал о том, что Чэнь Юань — председатель ОКРД, информировал его о принятом в Китае решении создать отделения ОКРД в провинциях КНР [Интервью Д.Ф. Мезенцева для ТАСС...].

2018 год ознаменовался важными событиями в истории российско-китайских отношений с участием глав России и Китая.

По приглашению Председателя КНР Си Цзиньпина состоялся государственный визит в КНР Президента РФ В.В. Путина.

Одним из центральных мероприятий этого визита стало торжественное награждение Президента РФ В.В. Путина орденом Дружбы Китайской Народной Республики — наивысшей наградой для иностранных граждан, «внесших особый вклад в государственное строительство и модернизацию Китая, развитие связей и сотрудничества с КНР и поддержание мира во всем мире». Для участия в этой торжественной церемонии в Пекин была приглашена делегация ОРКД во главе с его председателем Д.Ф. Мезенцевым. В выступлениях при вручении ордена Дружбы Председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Сегодня мы проводим здесь торжественную церемонию, чтобы вручить давнему и большому другу китайского народа — Президенту Российской Федерации Владимиру Путину ордена Дружбы Китайской Народной Республики ... Вручение Президенту Путину этого ордена является первым вручением после создания в Китае системы награждения за государственные заслуги... Орден Дружбы свидетельствует не только о высоком уважении китайского народа в Президенту Путину, но и демонстрирует глубокую дружбу между народами Китая и России...». В.В. Путин в ответном слове, поблагодарив за высокую награду, подчеркнул, что для него является большой честью быть удостоенным почетной государственной награды Ки-

тая — ордена Дружбы. «Мы гордимся общими достижениями в политике, экономике, науке, культуре, ценим высокий уровень взаимодействия с Китаем на международной арене» [Владимир Путин награжден орденом Дружбы КНР].

В рамках Годов межрегионального сотрудничества России и Китая 11—13 сентября 2018 г. во Владивостоке состоялся Восточный экономический форум (ВЭФ), в котором в качестве главного гостя впервые принял участие Председатель КНР Си Цзиньпин.

В работе ВЭФ принимали участие председатель ОРКД Д.Ф. Мезенцев и председатель Союза китайских предпринимателей в России г-н Чжоу Лицунь. Он выступил на панельной сессии Форума на тему «Перекрестки Шелкового пути». Отметив важность сопряжения Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, Чжоу Лицунь подчеркнул, что в основе этих программ должно лежать доверие, которое будет формироваться благодаря привлечению гуманитарной составляющей.

Как известно, 7 сентября 2013 г. во время пребывания в Казахстане, Председатель КНР Си Цзиньпин предложил совместно выстраивать Экономический пояс Шелкового пути. 17 мая 2018 г. было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между КНР и ЕАЭС.

А в 2017 и 2019 г. в Пекине были проведены Форумы международного сотрудничества «Один пояс, один путь».

Форум, состоявшийся 14—15 мая 2017 г. проходил под лозунгом «Наращивание международного сотрудничества по совместному строительству «Одного пояса и одного пути» в интересах международного развития». Президент РФ В.В. Путин был главным гостем на Форуме. В своем выступлении он поддержал инициативу «Один пояс, один путь» и ее сопряжение с Евразийским экономическим союзом и предложил соединить эту инициативу с Северным морским путем, что могло бы создать новую транспортную конфигурацию на Евразийском континенте. В выступлении Председателя КНР Си Цзиньпина была представлена программа взаимодействия стран Евразии в рамках проекта «Один пояс, один путь».

25—27 апреля в Пекине состоялся Второй форум по международному сотрудничеству в рамках инициативы «Один пояс, один

путь». Форум проходил под лозунгом «Совместно строить Пояс и путь, открыть прекрасное будущее». Главным гостем на Форуме был Президент РФ В.В. Путин. В интервью газете «Жэньминь жибао» он отметил, что китайские друзья творчески подходят к вопросам продвижения международного экономического сотрудничества, стремятся внести вклад в обеспечение устойчивого развития на всем пространстве Евразии и что провозглашенная Председателем Си Цзиньпином идея о сопряжении китайской инициативы «Один пояс, один путь» с другими интеграционными объединениями полностью вписывается в планы Евразийского экономического союза. В проведении Форума принял участие председатель ОРКД Д.Ф. Мезенцев и члены Совета Федерации от Ханты-Мансийского автономного округа, с которыми ОРКД имеет деловые контакты и осуществляет сотрудничество.

Во время Форума Председатель КНР Си Цзиньпин провел первую в 2019 г. встречу с Президентом РФ В.В. Путиным, которая состоялась в пекинской гостинице «Дружба», построенной в 1950-е годы для советских специалистов, работавших в Китае. Во время встречи главы России и Китая обсуждали план будущего развития отношений между двумя странами и народами. Китай специально подготовил В.В. Путину два подарка. Один из них — вручение В.В. Путину Университетом Цинхуа диплома почетного доктора этого Университета — одного из самых известных в Китае вузов, среди выпускников которого — многие китайские руководители, в том числе Си Цзиньпин и Ху Цзиньтао. Во время торжественной церемонии награждения главы Китая и России обратились к китайским и российским молодым людям — студентам Цинхуа — с призывом принимать активное участие в укреплении дружбы между народами наших стран. Вторым подарком Китая России стали две большие панды, которые уже доставлены в Москву.

Помимо участия в двусторонних мероприятиях государственного уровня, в течение 2016—2019 гг. ОРКД организовало более 150 различных торжественных собраний и вечеров, посвященных знаменательным датам китайской истории и истории наших двусторонних отношений, а также памяти выдающихся китайских и российских деятелей, внесших большой вклад в развитие взаимопони-

мания и дружбы между нашими странами и народами. Традиционно мероприятия посвящались годовщинам образования КНР и наших дипломатических отношений, годовщинам Российско-Китайского Договора.

В частности, Обществом были проведены мероприятия, посвященные основателю российской и мировой синологии И. Бичурину; всемирно известным ученым китаеведам — академикам С.Л. Тихвинскому и М.Л. Титаренко; российскому дипломату И.А. Рогачеву. Были отмечены и юбилейные даты видных китайских деятелей культуры и искусства: Ци Байши, Лу Синя, Мао Дуня, Ба Цзиня, Цао Цзиньхуа, Ван Мэна и Гао Мана, Сяо Саня и известного российского переводчика и поэта М.И. Басманова. ОРКД провело мероприятия и по случаю 100-летия «Движения 4 мая»; 40-летия политики реформ и открытости.

За последние три года гостями Общества стали делегации провинций Хэйлунцзян, Цзилинь, Шаньси, Шэньси, Гуандун, Юньнань, Хубэй, Хэбэй, Хунань, Сычуань и Хайнань; Синьцзян-Уйгурского автономного района, района Внутренняя Монголия и Нинся-Хуэйского автономного района.

В связи с проведением в 2018—2019 гг. Годов межрегионального сотрудничества ОРКД участвовало в презентациях в Москве городов Пекин, Шанхай; его района Пудун, провинции Ганьсу, Гуандун, Гуйчжоу, Шэньси, городов Гуйян, Ханьчжоу и Ляньюньган.

Общество выступило организатором и участником Фестиваля китайской культуры, прошедшего по 10 городам России; участвовало в презентации новых книг, изданных в России и в Китае по Программе перевода и издания русской и китайской классической и современной литературы, а также в работе со студенческой и школьной молодежью и в мероприятиях, организуемых Китайским культурным центром в Москве.

29 апреля 2019 г. председатель ОРКД, председатель Комитета Совета Федерации по экономической политике Д.Ф. Мезенцев Указом Президента РФ В.В. Путина «за большой вклад в развитие парламентаризма, активную законотворческую деятельность и многолетнюю добросовестную работу» был награжден Орденом «За заслуги пред Отечеством III степени». А 30 апреля Д.Ф. Мезенцев был

назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом России в Белоруссии¹.

Цветущий май 2019 г. ознаменовался важным событием, демонстрирующим особый, высокий уровень российско-китайских отношений. 23 мая 2019 г. в Кремле Президент РФ В.В. Путин вручил Чрезвычайному и Полномочному Послу КНР в РФ Ли Хуэю государственную награду — орден Дружбы. «Это награда — огромная честь не только для меня, но и для всех сотрудников нашего Посольства и всего китайского народа», — заявил Посол Ли Хуэй. «...Эта награда будет стимулировать меня работать больше и лучше на благо углубления добрососедских отношений между двумя странами. ...Я буду, как пионер, всегда готов к дальнейшему служению делу дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами» [Вручение государственных наград Российской Федерации].

В преддверие государственного визита Председателя КНР в Россию 5—8 июня 2019 г. ОРКД выступило инициатором и организатором двух российско-китайских форумов, посвященных 70-й годовщине КНР и 70-летия установления российско-китайских дипломатических отношений. 31 мая 2019 г. совместно с ИДВ РАН и журналом «Новости Китая» при поддержке Отдела пропаганды ЦК КПК, Посольства КНР в РФ и Китайского информационного агентства «Чжунсиньшэ» был проведен Форум на тему «Вспоминая прошлое, устремляемся в будущее: российско-китайские отношения в новую эпоху».

5 июня 2019 г. ОРКД совместно с Пресс-канцелярией Госсовета КНР, Управлением по делам издания и распространения литературы на иностранных языках организовало Российско-Китайский форум глобального управления. Для участия в Форумах, проводимых ОРКД совместно с ИДВ РАН, в Москву прибыли представительные делегации институтов Академии общественных наук Китая, китайских информационных агентств и издательств. С российской стороны в форумах приняли участие руководители и члены ОРКД, рос-

¹ 22 августа 2019 г. новым председателем ОРКД был избран Иван Иванович Мельников, первый заместитель председателя Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, член Совета ГД (*прим. ред.*).

сийские ученые-китаеведы, представители средств массовой информации.

Пройдет юбилейный 2019 год... ОРКД будет и дальше неизменно продолжать свою деятельность во имя того, чтобы наши народы, оставаясь «добрыми друзьями, хорошими соседями и надежными партнерами», и далее активно следовали по пути развития российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в интересах не только двух наших стран, но и мира и безопасности во всем мире.

Библиографический список

60-летний юбилей Общества российско-китайской дружбы. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=292&cntnt01returnid=51> (дата обращения: 12.04.2019).

Верченко А.Л. Итоги 2012 года. 55 лет ОРКД. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=105&cntnt01origid=64&cntnt01returnid=64> (дата обращения: 12.04.2019).

Владимир Путин награжден орденом Дружбы КНР. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57701> (дата обращения: 12.04.2019).

Вручение государственных наград Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60572> (дата обращения: 12.04.2019).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой 16 июля 2001 года // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 15.04.2019).

Дубровина Л.В. Священна и нерушима наша дружба // Культура и жизнь. 1958. № 11.

Интервью Д.Ф. Мезенцева в июльском номере журнала «Китай». URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=281&cntnt01origid=15&cntnt01returnid=15> (дата обращения: 12.04.2019).

Интервью Дмитрия Мезенцева для ТАСС. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=296&cntnt01returnid=51> (дата обращения: 12.04.2019).

Информация о деятельности Общества российско-китайской дружбы в 2015 г. URL: http://orkd.ifes-ras.ru/uploads/attach/2016/orkd_2015_itogi.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

Информация о деятельности Общества российско-китайской дружбы в 2016 г. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=263&cntnt01returnid=51> (дата обращения: 12.04.2019).

Куликова Г.В. Во имя взаимопонимания, дружбы и сотрудничества (К 30-летию ОСКД) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2.

Куликова Г.В. Год России в Китае. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=105&cntnt01origid=60&cntnt01returnid=60> (дата обращения: 12.04.2019).

Куликова Г.В. Знаменательный юбилей // Проблемы Дальнего Востока. 1982. № 3.

Куликова Г.В. Обществу российско-китайской дружбы — 60 лет // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 10—26. DOI: 10.24411/9785-0324-2017-00001

Куликова Г.В. ОРКД отмечает свой юбилей в Год Китая в России // Россия—Китай XXI век. 2007. Ноябрь. С. 16—19.

Куликова Г.В. ОРКД. 2009. Личный архив автора.

Куликова Г.В. Россия—Китай. Народная дипломатия. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. 511 с.

Материалы II Всесоюзной конференции ОСКД. 1969 г. Личный архив автора.

Материалы III Всесоюзной конференции ОСКД. 1978 г. Личный архив автора.

Приветствие Президента России В.В. Путина. URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/1/1460> (дата обращения: 12.04.2019).

Сайт ОРКД. URL: http://orkd.ifes-ras.ru/uploads/attach/2017/2017_04_19%20Translyacia_Rossiysko-Kitayskaya_druzhiba.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

Стенограмма IV Всесоюзной конференции ОСКД. Личный архив автора.

Тихвинский С.Л. Россия—Китай в 2012 году. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=108&cntnt01origid=62&cntnt01returnid=62> (дата обращения: 12.04.2019).

Тихвинский С.Л. Советско-китайские культурные связи // 10 лет Китайской Народной Республики. Сборник статей. М.: Изд-во ИМО, 1959.

References

60-letnij yubilej Obshchestva rossijsko-kitajskoj družby [60th anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=292&cntnt01returnid=51> (accessed: 14 April, 2019). (In Russian).

Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy 16 iyulya 2001 g. (2001) [Treaty of Good Neighborhood, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China], *Site of the President of the Russian Federation*. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Dubrovina L.V. (1958). Svyashchenna i nerushima nasha druzhba [Sacred and indestructible is our friendship], *Kul'tura i zhizn' [Culture and Life]*, No. 11.

Informaciya o deyatel'nosti Obshchestva rossijsko-kitajskoj druzhby v 2015 godu [Information on the activities of the Russia-China Friendship Society in 2015]. URL: http://orkd.ifes-ras.ru/uploads/attach/2016/orkd_2015_itogi.pdf (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Informaciya o deyatel'nosti Obshchestva rossijsko-kitajskoj druzhby v 2016 godu [Information on the activities of the Russia-China Friendship Society in 2016]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=263&cntnt01returnid=51> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Interv'yu D.F. Mezenceva v iyul'skom nomere zhurnala "Kitaj" [The interview with D.F. Mezentsev in the July issue of the journal "China"]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=281&cntnt01origid=15&cntnt01returnid=15> (дата обращения: 12.04.2019).

Interv'yu Dmitriya Mezenceva dlya TASS [The interview with Dmitry Mezentsev for TASS]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=296&cntnt01returnid=51> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Kulikova G.V. (1982). Znamenatel'nyj yubilej [The memorable anniversary], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No. 3. (In Russian).

Kulikova G.V. (1988). Vo imya vzaimoponimaniya, druzhby i sotrudnichestva (K 30-letiyu OSKD) [For the sake of mutual understanding, friendship and cooperation (To the 30th anniversary of the Soviet-Chinese Friendship Society)], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No. 2. (In Russian).

Kulikova G.V. (2007). ORKD otmechaet svoj yubilej v God Kitaya v Rossii [Russia-China Friendship Society celebrates its anniversary in the Year of China in Russia], *Rossiya-Kitaj XXI vek [Russia-China XXI century]*, November: 16—19. (In Russian).

Kulikova G.V. (2009). ORKD. 2009. Lichnyj arhiv avtora [Russia-China Friendship Society. 2009. Personal archive of the author]. (In Russian).

Kulikova G.V. (2012). Rossiya — Kitaj. Narodnaya diplomatiya [Russia — China. People's diplomacy]. M.: "Forum" PH. 511 p. (In Russian).

Kulikova G.V. (2013). God Rossii v Kitae [The Year of Russia in China]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=105&cntnt01origid=60&cntnt01returnid=60> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Kulikova G.V. (2017). Obshchestvu rossijsko-kitajskoj družby — 60 let [60 years of the Russia-China Friendship Society], *Kitaj v mirovoj i regionalnoj politike. Istorija i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and modernity]*, Moscow: IDV RAN (IFES FAS), Iss. XXII: 10—26. (In Russian). DOI: 10.24411/9785-0324-2017-00001.

Materialy II Vsesoyuznoj konferencii OSKD. 1969 g. Lichnyj arhiv avtora [Proceedings of the II all-Union conference of the Soviet-Chinese Friendship Society. 1969. Personal archive of the author]. (In Russian).

Materialy II Vsesoyuznoj konferencii OSKD. 1978 g. Lichnyj arhiv avtora [Proceedings of the II all-Union conference of the Soviet-Chinese Friendship Society. 1978. Personal archive of the author]. (In Russian).

Privetstvie Prezidenta Rossii V.V. Putina [Greetings From the President of Russia V.V. Putin] URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/1/1460> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Sajt ORKD [Site of Russia-China Friendship Society]. URL: http://orkd.ifes-ras.ru/uploads/attach/2017/2017_04_19%20Translyaciya_Rossiysko-Kitayskaya_druz_hba.pdf (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Stenogramma IV Vsesoyuznoj konferencii OSKD. Lichnyj arhiv avtora [Transcript of the IV all-Union conference of the Soviet-Chinese Friendship Society. Personal archive of the author]. (In Russian).

Tikhvinskiy C.L. (2012). Rossiya—Kitaj v 2012 godu [Russia—China in 2012]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=108&cntnt01origid=62&cntnt01returnid=62> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Tikhvinskiy, C.L. (1959). Sovetsko-kitajskie kul'turnye svyazi [The Sino-Soviet cultural ties], *10 let Kitajskoj Narodnoj Respubliki. Sbornik statej [10 years of the People's Republic of China. Collected papers]*. Moscow: “IMO” PH. (In Russian).

Verchenko, A.L. (2012). Itogi 2012 goda. 55 let ORKD [Results of 2012. 55 years of the Russia-China Friendship Society (RCFS)]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?mact=News,cntnt01,detail,0&cntnt01articleid=105&cntnt01origid=64&cntnt01returnid=64> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Vladimir Putin nagrazhdyon ordenom Družby KNR [Vladimir Putin awarded the Order of Friendship of the PRC]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57701> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

Vruchenie gosudarstvennyh nagrad Rossijskoj Federacii [Presentation of State awards of the Russian Federation]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60572> (accessed: 12 April, 2019). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10003

Ли Юнхуэй

КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам российско-китайских отношений в контексте регионального измерения безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Автор исходит из того, что взаимоотношения между двумя странами имеют не только ключевое значение для взаимной безопасности и развития, но также оказывают решающее влияние на политику, безопасность, экономическое сотрудничество и стабильность в Северо-Восточной Азии (СВА).

Сегодняшние китайско-российские отношения строятся на таких принципах, как взаимное уважение и равноправие в политическом диалоге; неприсоединение, неконфронтационность, ненацеленность против третьих сторон, отсутствие идеологических мотиваций; сотрудничество и взаимный выигрыш как долгосрочная движущая сила двусторонних отношений; основополагающая максима «всегда друзья и никогда враги».

¹ Статья подготовлена на основе выступления автора на IX Азиатском форуме «Сотрудничество в Северо-Восточной Азии в контексте новой ситуации» (апрель 2019).

Позитивное воздействие китайско-российских отношений на региональную безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии обусловлено прежде всего тем, что КНР и Россия имеют общие или сходные интересы в сфере региональной безопасности. Китай и РФ выступают за экономическую интеграцию в СВА, которая прямо отвечает хозяйственным интересам обоих государств. Обе страны также стремятся развивать гуманитарные обмены и сотрудничество в Северо-Восточной Азии, включая сферы туризма, образования и инноваций, в которых КНР и Россия усматривают механизмы укрепления взаимного доверия между народами региона и упрочения социальной основы регионального взаимодействия.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, стратегическое партнерство, принцип взаимного выигрыша, Северо-Восточная Азия, региональная безопасность и сотрудничество, экономическая интеграция.

Автор: Ли Юнхуэй, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН). E-mail: liyonghui6768@163.com

Li Yonghui

China-Russia relations and regional cooperation in Northeast Asia

Abstract. The article deals with topical aspects of Chinese-Russian relations, in the context of regional security and cooperation in Northeast Asia. The author implies that relations between the two countries are of key importance for mutual security and development, and also play a decisive role in politics, security, economic cooperation and stability in Northeast Asia.

Current Chinese-Russian relations have such basic features, as mutual respect and equal political dialogue; non-alignment, non-confrontation, not targeting third parties, absence of ideological motivation; cooperation and win-win approach as a long-term driving force for the development of the bilateral relations; 'always friends and never enemies' as a basic principle.

The positive impact of Chinese-Russian relations on regional security and cooperation in Northeast Asia is primarily due to common or shared security interests of China and Russia in the region. China and Russia promote regional economic integration on the basis of their regional economic interests. Both countries also stand for humanitarian

cooperation and exchanges in Northeast Asia in tourism, education, innovation, etc. spheres which facilitate enhancement of mutual trust between the peoples of the region, and steadily strengthen the social basis for regional cooperation.

Keywords: China-Russia relations, strategic partnership, win-win approach, Northeast Asia, regional security and cooperation, economic integration.

Author: LI Younghui, Dr. Sc. (Law), Chief Academic Researcher, Institute of Russian, East European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences (e-mail: liyonghui6768@163.com).

Китай и Россия — страны, обладающие самой протяженной сухопутной границей в мире. Россия является не только великой державой, но и соседней для Китая страной. Российское направление имеет ключевое значение в общей дипломатической стратегии Китая, являясь важным вектором внешней политики КНР. Большое значение связей с Россией обусловлено и тем, что российский фактор играет исключительную роль для формирования Китаем его безопасной и дружественной окружающей среды, столь важной для развития КНР. Китай и Россия относятся к числу одних из самых влиятельных государств мира. Взаимоотношения между двумя странами имеют не только существенное значение для взаимной безопасности и развития, но также оказывают решающее влияние на политику, безопасность, экономическое сотрудничество и региональный мир и стабильность в Северо-Восточной Азии.

I. Основные особенности китайско-российских отношений

Отношения между Китаем и Россией представляют собой образец межгосударственных отношений нового типа и охватывают такие сферы, как обеспечение безопасности, экономическое сотрудничество, контакты на уровне дипломатических структур и культурные связи.

На фоне высокой турбулентности современного мира, переживающего непростой этап кардинальных перемен, всеобъемлющее стратегическое партнерство между Китаем и Россией являет собой

фактор, обеспечивающий надежное, стабильное и плодотворное развитие многих сфер мировой политической и экономической жизни.

В 2019 г. Россия как преемница СССР и Китайская Народная Республика отмечают 70-летие установления дипломатических отношений. Мы помним, что отношения Китая и СССР/России как двух великих суверенных государств прошли через самые серьезные испытания и достойно выдержали их.

После распада Советского Союза внешняя и внутренняя ситуация в КНР и России претерпела значительные изменения. Опираясь на положения «Большого» Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 2001 г. [Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве...], КНР и Россия развивают тесное двустороннее сотрудничество в целом ряде важных областей — в политике, экономике, гуманитарных обменах. Они также укрепляют взаимодействие на международной арене.

Заключение «Большого» Договора способствовало тому, что двусторонние связи Китая и России достигли самого высокого уровня во всей истории отношений двух государств.

Современные китайско-российские отношения строятся на следующих принципах, которые можно рассматривать и в качестве отличительных характеристик диалога сторон.

Во-первых, это взаимное уважение и равноправие в политическом взаимодействии.

В этом отношении у Китая и России были свои исторические уроки.

Китай и Россия исходят из того, что в отношениях двух крупных держав, к тому же являющихся соседями, взаимное уважение и равноправие — это «несущая опора» и основа развития взаимодействия, а также одна из главных и непреходящих характеристик межгосударственных отношений нового типа. После окончания холодной войны для Китая и России закончилось прошлое и открылось будущее. В атмосфере взаимного уважения и равенства, на основе соблюдения коренных интересов двух стран межгосударственные отношения Китая и России прошли три ступени развития: от «отношений дружественных стран» через «конструктивное партнерство» к «все-

объемлющему стратегическому партнерству взаимодействия»¹. В последние годы двусторонние отношения продолжали оставаться на высоком уровне развития, в том числе благодаря личным усилиям глав двух государств.

Во-вторых, — неприсоединение, неконфронтационность, ненаправленность против третьих сторон, отсутствие идеологической мотивации.

Успех развития китайско-российских отношений во многом обусловлен общим стремлением сторон к минимизации рисков, связанных со сложностью внешней обстановки, а также внимательным учетом уроков, полученных КНР и Россией во время холодной войны.

Урок о целесообразности проведения политики неприсоединения и неконфронтационности был вынесен из самой истории противостояния союзов крупных держав во время холодной войны. Этот урок гласит, что «нет постоянных друзей, нет постоянных врагов, есть только постоянные интересы». Четкое соблюдение принципов неприсоединения и неконфронтационности создает условия, способствующие формированию нового мирового многополярного мирового порядка, а также дальнейшей демократизации международных отношений (МО). Принцип демократичности международных отношений является опорой процессов взаимодействия Китая и России. Развитие экономической глобализации по конструктивному пути, а также плодотворность экономической взаимозависимости также обусловлены приверженностью принципу демократичности МО.

Объективная предпосылка и возможность для соблюдения данного принципа кроется в дуалистичности и многовариантности развития международной ситуации. Ведь на мировой арене имеет место не только противоречие интересов крупных государств по всему миру, но и вызревание общности интересов, основанной на принципах целесообразности и взаимного выигрыша. Примером такой общности является взаимная заинтересованность Китая и РФ и ряда

¹ Перевод автора.

других стран в развитии сотрудничества по противодействию ядерной угрозе.

Взаимоотношения РФ и Китая не направлены против третьих сторон и не идеологизированы потому, что идеологические установки не всегда отвечают объективным национальным интересам. Ненаправленность против третьих сторон, отсутствие идеологической мотивации отражают открытость в отношениях между Китаем и Россией.

В-третьих, сотрудничество во имя достижения взаимного выигрыша является надежной движущей силой в деле развития двусторонних отношений.

Стремление к беспроигрышности взаимных связей является собой перспективное направление двусторонних отношений, а также служит долгосрочным движущим мотивом взаимодействия КНР и России. Президент РФ В. Путин сказал: «России нужен процветающий и стабильный Китай, а Китаю нужна сильная и успешная Россия» [Владимир Путин: Россия нуждается в развивающемся и стабильном Китае...].

В 2015 г. Китай и Россия подписали соглашение о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза [Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики...], и с тех пор строительство «Пояса и Союза» неуклонно набирает обороты.

В мае 2018 г. было подписано соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и Евразийским экономическим союзом, что ознаменовало собой вступление полилога Китая и стран-членов Евразийского экономического союза в новый этап системного развития и стало знаменательной вехой в деле строительства «Пояса и Союза».

Экономическое соразвитие Китая и России подразумевает расширение возможностей для укрепления их всестороннего стратегического партнерства и несет в себе позитивную энергию для формирования нового международного порядка и развития системы МО в справедливом и разумном направлении.

Наконец, Китай и Россия — «всегда друзья и никогда враги». Дружба двух стран передается из поколения в поколение, являя со-

бой ценнейший ресурс соразвития и кооперации. Уроки периода китайско-советской конфронтации свидетельствуют о том, что безопасность является неременным условием развития. Опыт истории показывает, что когда китайско-российские отношения складываются позитивно, то это выгодно для всех, а если негативно, то это влечет за собой потери не только для двух государств, но и для очень многих субъектов международных отношений.

В 2001 г. Китай и Россия, подписав «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией», тем самым заложили фундамент развития их стратегического партнерства на долгосрочную перспективу, а также крепкой добрососедской дружбы, равенства и доверия. Договор явил собой правовую основу для будущего развития отношений двух стран и документально-юридически зафиксировал твердое намерение Китая и России быть хорошими соседями, партнерами и друзьями.

Задача политики Китая в отношении РФ заключается в том, чтобы сделать географически близкую и дружественную Россию фактором территориальной безопасности Китая и создать тем самым благоприятную внешнюю среду для внутреннего экономического развития КНР.

Интересы безопасности и стабильности российского Дальнего Востока также чрезвычайно важны: позитивность отношений с Китаем предоставит России возможность избежать противостояния враждебным силам сразу по «двум фронтам» — и на Востоке, и на Западе — и ослабить стратегическое давление на нее со стороны НАТО. В этом смысле ни одна страна Северо-Восточной Азии не может исполнить роль Китая как поддержки и опоры российским позициям в Северо-Восточной Азии.

У России есть четкое понимание того, что в США альтернативы Китаю у нее нет, поэтому она не станет менять свой дружественный курс в отношении КНР. Наоборот, она умножит свои усилия по консолидации российско-китайских отношений во имя долгосрочного и стабильного развития обеих стран. Практика показала, что принцип «всегда друзья и никогда враги» способствовал созданию беспрецедентно благоприятной окружающей среды для экономического соразвития Китая и России.

II. Позитивное влияние китайско-российских отношений на региональную политическую безопасность и экономическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии

Значение региона Северо-Восточной Азии заключается не только в том, что в СВА расположены три крупнейших экономики мира — США, Китай и Япония, но и в том, что он является очагом очень сложных и опасных территориальных споров, а также «колыбелью» корейской ядерной проблемы.

Китайско-российские отношения являются важным фактором поддержания стабильности и развития в Северо-Восточной Азии. Можно сказать, что они «проросли корнями» в почву и жизнь региона. Принципы китайско-российского партнерства нового типа должны стать базовыми и в работе по достижению политической безопасности и расширению экономического сотрудничества между странами Северо-Восточной Азии, задавая «ритм» многостороннему сотрудничеству, совместному развитию и процветанию в регионе.

Главные интересы Китая и России в СВА лежат в сфере поддержания региональной безопасности. Обостряется проблема безопасности в Северо-Восточной Азии: умножается число «горячих точек» в регионе, наряду с традиционными угрозами проявляются новые, нетрадиционные вызовы безопасности. Взаимосвязь этих двух форм угроз становится все более очевидной. Если проблемы — пережитки холодной войны не будут устранены, то риски нового витка холодной войны резко возрастут.

Итак, поддержание безопасности является объектом самой большой и общей заинтересованности Китая и России в Северо-Восточной Азии.

В связи с этим в полный рост встают следующие вопросы: может ли на Корейском полуострове разразиться новый кризис; как осуществлять эффективное антикризисное управление в регионе и как предотвратить эскалацию конфликтов?

Китай и Россия играют позитивную роль в смягчении ситуации на Корейском полуострове, их сотрудничество представляет собой

незаменимый фактор безопасности в плане урегулирования северокорейской ядерной проблемы. Китай и Россия выступают за возобновление шестисторонних переговоров по ситуации на Корейском полуострове и за создание многостороннего механизма безопасности в Северо-Восточной Азии, включая продвижение регулярного многостороннего и многоуровневого диалога и системы многостороннего обмена информацией, совместное противостояние гонке вооружений и поэтапное снятие санкций против КНДР.

Китай и Россия, отношения между которыми достигли наивысшего уровня своего развития, несомненно, могут сыграть уникальную координирующую роль в процессе нормализации ситуации на Корейском полуострове и тем самым способствовать созданию новых механизмов безопасности в Северо-Восточной Азии.

Кроме того, Китай и Россия выступают за расширение экономической интеграции, которая полностью отвечает их хозяйственным интересам в СВА. У России есть все виды ресурсов, необходимых для развития региона, а Китай, Япония, Южная Корея и США располагают финансовыми и технологическими возможностями для обеспечения экономического прогресса в Северо-Восточной Азии.

Взаимодействие Китая и России в рамках Инициативы Пояса и Пути позволит полнее использовать геоэкономический потенциал двух государств и послужить примером для других стран региона в деле развития регионального сотрудничества.

Инициатива Пояса и Пути обеспечивает важную платформу для стратегического партнерства и соразвития Китая, России и других крупных держав в Северо-Восточной Азии. Концепция экономического сообщества в СВА постепенно обретает новые очертания. В этом контексте можно упомянуть китайско-российское взаимодействие по линии «Пояс и Союз», китайско-японско-корейское экономическое сотрудничество, новую «северную политику» Южной Кореи, согласно которой Северная Корея, Россия и Китай будут состоять в партнерской связке, образуя важный механизм регионального экономического сотрудничества в СВА, включающий транспортную, газопроводную, энергетическую и торговую «сети».

И наконец, Китай и Россия нацелены на укрепление гуманитарного сотрудничества и обменов в Северо-Восточной Азии, на со-

действие продвижению кооперации в сферах туризма, образования и инноваций, постоянно стремясь к укреплению взаимного доверия, а также упрочению социальной основы регионального взаимодействия.

Страны Северо-Восточной Азии связаны территориальным соседством, общим историческим опытом и культурными традициями, а их экономические интересы во многом аналогичны и даже совпадают. Однако унаследованные от прошлого, исторически сложившиеся противоречия помешали региону достигнуть понимания его исторической и экономической целостности. Укрепление культурных обменов в регионе и мотивация людей к плодотворной трудовой миграции внесут значимый вклад в формирование чувства единения стран Северо-Восточной Азии. Достижению этой задачи также будут способствовать развитие молодежных обменов, продвижение новых интеграционных проектов, таких, как кооперационная система с участием Китая, Японии и Кореи, проекты открытого и прямого трансграничного сотрудничества, включая экономический коридор между Китаем, Россией и Монголией.

Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии тесно связаны с расстановкой сил и балансом влияния основных региональных держав. Китай и Россия должны совместно с другими государствами региона реализовывать общие интересы в области региональной безопасности и экономического сотрудничества, постоянно стремиться к оптимизации и более полному учету интересов всех государств СВА, изыскивая возможности для многостороннего сотрудничества и согласованного регионального управления. Это очень трудная и многогранная задача, особенно в контексте нынешнего антиглобализационного тренда и возвращения консервативных настроений на мировой арене. Эти тенденции комплексным образом влияют на расстановку сил в Северо-Восточной Азии, во многом препятствуя странам региона развивать полномасштабное многостороннее сотрудничество и осуществлять меры по согласованному региональному управлению.

Тем не менее, «хотя дорога извилиста — будущее светло».

Библиографический список

Владимир Путин: Россия нуждается в развивающемся и стабильном Китае // Жэньминь жибао on-line. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7742326.html> (дата обращения: 03.03.2019).

Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года // Сборник российско-китайских документов. 1999—2007 гг. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 143—151.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 года. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 12.08. 2018).

References

Dogovor o dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy ot 16 iyulya 2001 goda (2001) [Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation, 16 July, 2001], Collection of Russian-Chinese documents. 1999—2007. M.: OLMA Media Group: 143—151. (In Russian).

Sovmestnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o sotrudnichestve po sopryazheniyu stroitel'stva Yevraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i Ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti 8 maya 2015 goda (2015) [A joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on cooperation in the conjunction of the construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt, May 8, 2015]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed: 12 August, 2018). (In Russian).

Vladimir Putin: Rossiya nuzhdaetsya v razvivayushchemsya i stabil'nom Kitae [Vladimir Putin: Russia needs a developing and stable China], *Renmin Ribao On-line*. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7742326.html> (accessed: 3 March, 2019). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10004

В.И. Балакин

РАХ RUSSINICA: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО АЛЬЯНСА НА КОНТИНЕНТЕ ЕВРАЗИЯ

Аннотация. Активно формируемая система евроазиатских международных отношений представляет собой нелинейный синергетический процесс свободного выбора политических идеалов, смыслоопределяющих установок развития, моделей будущего поведения заинтересованных государств. Важнейшей предпосылкой для предотвращения любого неожиданно возникающего кризиса может стать последовательное формирование в геостратегическом межцивилизационном российско-китайском партнерстве самых действенных механизмов взаимного рационального контроля над инстинктивными импульсами односторонней «экспансии» двух стран в Евразии. Россия и Китай уделяют самое серьезное внимание достижению стратегической стабильности на евроазиатском континенте. Евразия в долгосрочных геополитических планах двух великих держав занимает важное место в контексте выстраивания пространства устойчивой безопасности на весьма отдаленную перспективу. Как представляется, крупнейшие цивилизации Евразии, такие, как Россия, Китай, а также Индия, Иран и Турция в обозримом будущем неизбежно приступят к совместной выработке систе-

мы ценностей, которая скорее всего во многом будет не совпадать с постмодернистской парадигмой развития коллективного Запада.

Международные эксперты рекомендуют РФ и Китаю быть крайне осторожными и внимательными при формировании единого евроазиатского пространства, чтобы не допустить подозрений соседей в стремлении КНР и России к политическому доминированию. Реальной стержневой проблемой российско-китайского партнерства в обозримой перспективе скорее всего станет достижение жесткой договоренности о континентальной евроазиатской самоорганизации, призванной уравновесить амбиции Москвы и Пекина, чтобы уберечь интеграционный процесс от сползания в пропасть взаимных упреков. Если это удастся, то тогда вполне можно будет допустить большую вероятность формирования российско-китайского многовекторного альянса. Сложность в функционировании российско-китайского партнерства состоит в том, что в ряде случаев отношения сторон могут переживать кризисные периоды, когда Евразия как геополитическое пространство в силу своего цивилизационного разнообразия окажется неспособной найти общеприемлемое решение вопросов региональной важности, и это заставит Россию и Китай засомневаться в правильности совместно выбранного политического курса.

В отличие от России и Китая, США абсолютно не понимают огромную значимость традиционных ценностей, помогающих формировать на евроазиатском континенте новые реалии, когда все страны региона последовательно стремятся нивелировать существующие идеологические разногласия. В связи с этим важно продумать вопрос о цивилизационных границах континента Евразия, которые остаются весьма условными и совершенно по-разному трактуются на Востоке и Западе, что может политологически выглядеть как жесткое соперничество концепций многополярности и глобализации. На этом фоне существуют две принципиально разные модели будущего мироустройства: однополюсный мир и полицентрический мир, каждому из которых присущи неповторимость и уникальность.

В настоящее время набирает силу процесс отказа многих евроазиатских государств от политического покровительства со стороны Вашингтона, что ведет к поиску ими иных возможностей для реализации своих интересов на международной арене. Главные сомнения в конструктивности политических изменений в Евразии связаны с сомнениями ряда государств в стабильности сложившейся послево-

енной системы, особенно в части валютно-финансового регулирования и торгово-экономического взаимодействия в рамках ВТО, переживающей серьезный кризис. Становление новой картины финансового бытия на евроазиатском континенте сопровождается ростом политической неустойчивости не только в региональном, но и глобальном масштабе. К тому же складываются безусловные требования к человеческой активности, которые можно назвать неким экологическим императивом. Этот императив вынужденно призван ограничить свободу экономических действий человека, чтобы обеспечить новые условия для дальнейшей коэволюции человека и биосферы, при которой финансовый фактор уже не будет играть определяющей роли.

Ключевые слова: Россия, Китай, Евразия, синергетический процесс, традиционные ценности.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

V.I. Balakin

Pax RusSinica: on the probability of the formation of a Russian-Chinese strategic alliance on the Eurasian continent

Abstract. The actively forming system of Eurasian international relations is a non-linear synergetic process of free choice of political ideals, meaning-determining attitudes of development, models of future behavior of interested states. The most important prerequisite for preventing any unexpected crisis seems to be the consistent formation of the most effective mechanisms of mutual rational control over the instinctive impulses of unilateral “expansion” of the two countries in the geostrategic inter-civilizational area of Eurasia. International experts recommend that Russia and China should be extremely careful and attentive in the formation of a common Eurasian space in order to avoid suspicion of neighbors in the desire of China and Russia to political domination. The core problem of the Russian-Chinese partnership in the foreseeable future is likely to be a tough agreement on continental Eurasian self-organization, designed to balance the ambitions of Moscow and Beijing in order to protect the integration process from slipping into the abyss of mutual reproaches. If this succeeds, then it will be possible to allow a greater probability of the formation of a Russian-Chinese multi-vector Alliance. In

long-term geopolitical plans of two great powers Eurasia take an important place in the context of building stable security area in remote perspective. It seems that great civilizations like Russia and China, so as India, Iran and Turkey, in visible future will inevitably set to the joint elaboration of values system which most probably in many aspects may not coincide with the postmodern paradigm of “collective West” development.

The international experts recommend the RF and China to be extremely careful and attentive in formation of the united Eurasian space in order to not arise any suspicion about alleged aspiration of the PRC and Russia to dominate politically. Evidently, real pivotal problem for China-Russia partnership in visible perspective will consist in the achievement of tough agreement on their self-organization in continental Eurasia aimed to balance ambitions of Moscow and Beijing and preserve integration process from slipping down to the abyss of mutual reproaches. If that succeeds, there will appear probability of formatting Russia-China multifaceted alliance. Complexity in functioning of Russia-China partnership is that will be able to arise the occurrences when both sides relations can pour periods of crises and Eurasia as a geopolitical space in virtue of its civilization variety show itself incapable to find common acceptable decision of regional importance questions and that impel Russia and China to doubt in rightness of jointly chosen political course.

Unlike Russia and China, the USA absolutely do not understand the enormous importance of traditional values that help shape new realities on the Eurasian continent, when all countries in the region consistently seek ways to neutralize existing ideological differences. In that connection it is very important to give a meaning of question about Eurasia continent civilization’s frontiers which remain greatly conventional and interpreted absolutely in different way on East and West that can politically look like tough competition of conceptions concerning multi-polarity and globalization. On that background there are two different in principal models of future universe, namely: one polar world and many poles world every of which inherent characteristics of inimitability and humiliation.

Nowadays there is accumulated process when many Eurasian states refuse from political patronage of Washington and that lead them toward a search of other possibilities for realization own national interests on international arena. The main doubts in constructivism of political changes on Eurasia continent have been tied with the apprehensions of some countries toward real stability of developed after the World War II system especially concerning financial regulation and trade-economic interac-

tion in frames of WTO pouring serious crises. Formation of financial existence new picture on Eurasian continent is accompanied by the growth of political instability not only in regional but in global scale. Moreover it's turned out absolute demands to human activity which can be called a certain ecological imperative. This imperative has objectively to limit a freedom of human-being's economic actions so that to secure new conditions for further co-evolution of human-being and biosphere, in which financial factor already will not play main role.

Keywords: Russia, China, Eurasia, synergic process, traditional values.

Author: Vyacheslav I. BALAKIN, Ph.D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru).

Россия и Китай сегодня уделяют самое серьезное внимание достижению стратегической стабильности на евроазиатском континенте. Евразия в долгосрочных геополитических планах двух великих держав занимает важное место с точки зрения выстраивания гарантированного пространства безопасности на весьма отдаленную перспективу. Как представляется, крупнейшие цивилизации Евразии, такие, как Россия, Китай, Индия, Иран и Турция, в обозримой перспективе приступят к совместной выработке системы ценностей, которая скорее всего во многом будет не совпадать с постмодернистской парадигмой развития коллективного Запада [*Borgwardt, Molthagen*, ss. 41—45].

Евроазиатское пространство для атлантического сообщества выступает как пример динамического бытия геополитической системы весьма высокого уровня, объективно требующей выхода за пределы сложившихся оперативных границ, которые сформировались на основе сложных специфических процессов, превращающих Евразию в мощную самовызревающую глобальную доминанту. Все государства, объективно заинтересованные в евроазиатской стабильности, прекрасно осознают, что формируемая система евроазиатских ценностей представляет собой нелинейный синергетический процесс свободного выбора определенных идеалов, смыслоопределяющих установок и моделей будущего поведения.

Российско-китайское партнерство в рамках евроазиатского пространства может преобразоваться в устойчивую самобытную систему, способную своевременно и четко адаптировать процессы своей самоорганизации к существующим и развивающимся геополитическим возможностям.

Становление российско-китайского партнерства в Евразии несомненно будет сопровождаться втягиванием двусторонних отношений в бифуркационные фазы-циклы, когда устойчивость неравновесной системы взаимодействия между Москвой и Пекином станет время от времени снижаться, ибо выработанные ранее механизмы согласования политических курсов в силу устаревания заложенных в них ранее ресурсов будут утрачивать продуктивность.

Сложность в функционировании российско-китайского партнерства состоит в том, что в ряде случаев отношения сторон могут попадать в кризисные периоды, когда Евразия как геополитическое пространство ввиду своего цивилизационного разнообразия окажется неспособной найти адекватное решение вопросов региональной важности и это заставит Россию и Китай засомневаться в правильности совместно выбранного политического курса [Reiter, s. 5].

Видимо, немаловажным фактором станет и психологическая сложность восприятия стремительно развивающихся событий. Подобный период развития систем международных взаимоотношений часто называют «симптомом кризисного состояния» на этапе надвигающегося кризиса, хотя социальные, экономические и прочие объективные параметры вроде бы свидетельствуют о растущем благополучии в рамках партнерств и альянсов [Kaneko, p. 11].

Как представляется, важнейшей предпосылкой для предотвращения неожиданного глубокого кризиса на континенте может стать последовательное формирование в геостратегическом межцивилизационном альянсе Pax RusSinica действенных механизмов взаимного рационального контроля над инстинктивными импульсами одной или другой стороны проявить «экспансию» на евроазиатском поле.

Однако есть и объективные факторы, которые способны осложнить недопущение кризиса в двусторонних отношениях. Цепочка подобного развития событий будет выглядеть следующим образом: Россия и Китай, стремясь к повышению национального уровня

жизни, в какой-то момент на словах опередают ожидания населения, что неизбежно вызовет ошутимое недовольство людей из-за пустых обещаний. Часто в подобных случаях причиной рокового несоответствия желаемого и действительного становится какой-нибудь внезапный региональный военный конфликт или мощные миграционные процессы, приводящие к резкому наплыву беженцев, что естественным образом порождает острые фрустрации в сознании большей части постоянно проживающего на данной территории населения, воспринимающего складывающееся положение как невыносимое и даже унижающее.

Начинается поиск виноватых, вспыхивает агрессивность поведения, обращенная вовнутрь государств партнерства, которая приводит к массовым беспорядкам, и это вполне может стать завершающим актом изначально вроде бы перспективного интеграционного проекта. России и Китаю следует быть крайне осторожными и внимательными при формировании единого евразийского пространства, на котором они рассчитывают политически доминировать, поскольку хорошо известно, что близость желанных целей часто усиливает мотивационное напряжение.

Тем не менее, согласно закону оптимума, эффективность простой деятельности всегда пропорциональна силе мотивации, в то время как эффективность сложной деятельности при чрезмерной мотивации резко падает, и в этом — один из главных источников опасности для партнерств и альянсов, задумываемых как *Rux RusSinica* [*Moshes, Nojonen*, p. 78].

Даже простое сравнение огромного множества кризисных эпизодов прошлого и настоящего позволяет систематизировать подходы по поводу самой принципиальной возможности создания геополитических альянсов между столь различными государствами, каковы являются Россия и Китай.

Следует признать некую объективную реальность, суть которой сводится к наличию в общественном сознании обеих стран весьма опасных долговременно действующих факторов, когда имеющиеся потенциальные инструментальные возможности немотивированной взаимной агрессии в какой-то момент станут превалировать над культурными ограничителями, а при определенных негативных об-

стоятельствах могут проявить себя достаточно коварно, повреждая общественное сознание народов России и Китая. Россия должна учитывать высокую вероятность подобных действий со стороны Китая в рамках формируемого Pax RusSinica, что напрямую связано с последовательно повышающимся уровнем неравновесия на евразийском континенте, которое способно подвергнуть достаточно жесткому испытанию изначальное российско-китайское стремление к устойчивому взаимодействию.

Безусловно, различные негативные внешние факторы постоянно провоцируют очередные кризисы в отношениях между Москвой и Пекином, обе стороны видят такую опасность, делая при этом ставку на выработку некоего геополитического компромисса. В связи с этим стержневой проблемой российско-китайского альянса в обозримой перспективе скорее всего станет достижение договоренности о континентальной евроазиатской самоорганизации, призванной как-то уравновесить амбиции обеих стран и уберечь интеграционный процесс от сползания в пропасть взаимных упреков.

Самоорганизация в Евразии вряд ли когда-нибудь достигнет оптимального предела, ибо она зависит от естественного ритма российско-китайских отношений, в которых доминирует идея национальных интересов, а «идея нации есть не то, что о ней думают во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [Соловьев, с. 220]. Это не что иное, как Великая Гармония, или, иными словами, — неустойчивая устойчивость, сбалансированность, образуемая динамичной подвижностью сторон в лице России и Китая, но при неподвижном центре, каковым является континент Евразия в виде Heart Land.

Такая парадигма неизбежно создает естественное согласие при противостественных разногласиях, последовательно повышающих уровень системного неравновесия, что в свою очередь затрудняет поддержание геополитической устойчивости, ведя всю систему к очередному эволюционному кризису и стимулируя попытки сторон рационализировать политические действия, побуждаемые в реальности иррациональными мотивами.

Естественное согласие России и Китая по Евразии зиждется на общем стремлении всеми силами не допустить политического

господства на континенте внешних сил, которые способны деструктивно повлиять на худо-бедно сложившуюся гармонию межцивилизационного взаимодействия. Иррациональные мотивы, существующие в российско-китайских отношениях на евразийском континенте, можно объяснить объективно различными национальными интересами двух государств, которые сформировались достаточно давно и практически не менялись вследствие их инерционного характера, а также по причине невозможности отказаться от устоявшейся имперской парадигмы функционирования власти в каждой из стран.

Взаимоотношения России и Китая приходят в движение, как это происходит в рамках диалектической формулы «Инь-Ян», то есть, соотносясь с естественным ритмом изменений в окружающем мире, когда движение идет по спирали, но в рамках одной Целостности. И таким образом Москва и Пекин не вступают в жесткую борьбу, ибо в определенном смысле присутствуют друг в друге как две стороны вышеупомянутой Целостности.

По оценкам западных экспертов, в обозримой перспективе имеется лишь один сценарий, при котором Россия и Китай могут разойтись в разные стороны. Это способно произойти в случае, когда у руководства двух государств прервется ощущение взаимной необходимости друг в друге с точки зрения интересов геополитической безопасности, прежде всего, на евроазиатском континенте и когда в мире в целом наступит некий всеобщий Упадок и российско-китайское взаимодействие совсем перестанет играть стратегически важную и стабилизирующую роль для обеих стран [*Gao, Zhang*, p. 38].

Однако подобная противоестественная кризисная ситуация вряд ли продлится долго, поскольку Москва и Пекин неизбежно осознают серьезную опасность непротивления глобальному Упадку и под воздействием объективных обстоятельств приступят к устранению порождающих его причин, с тем чтобы как можно интенсивнее и целеустремленнее перейти к более благоприятной фазе соразвития.

В учении Дзэн существует понятие «Светлой Бездны», дающей ощущение совершенства, где нет недостатка и нет избытка, когда не надо привязываться ни к чему внешнему. Именно в этом состоянии

разум покоится в единстве вещей и действительность приобретает устойчивую стабильность, а двойственность сама собой исчезает [Suzuki, p. 197]. «Долгоиграющий» смысл российско-китайских отношений в Евразии представляет собой не застывший раз и навсегда набор интересов и устремлений, но включает необходимый функционал постоянного переструктурирования и роста, диктует новые формы созидания и даже время от времени достаточно точно выявляет основные направления межцивилизационного эволюционного развития.

История пока не знает примера формирования на евроазиатском континенте столь мощного стратегического комплекса отношений, каковым в случае его реализации способен стать российско-китайский альянс (если стороны решатся перейти от состояния партнерства к состоянию полноценного союза). И Россия, и Китай хорошо понимают, что практически невозможно постоянно удерживать множество в единстве, особенно если искусственно формируемое государственное образование не обладает внутренней духовной опорой и существует только за счет насильственной унификации. Именно унификация погубила ту же Римскую империю, как и многие другие империи, причем без особого вмешательства извне, но из-за несправедливых внутренних законов, противоречивших идее некой высшей Справедливости, не допускающей существование чего-то одного за счет другого.

Еще в древней китайской философии существовал незыблемый постулат, гласивший, что искусственное соединение однородного приводит к Ненависти и даже к открытой Вражде, и причиной этому называлось понятие, которое объясняло сущность подобного явления следующим образом: однородное не способно взаимодействовать, а потому оно нежизнеспособно. Каждая сущность всегда настойчиво стремится к индивидуальному завершению, и никакое насилие не может этому в итоге воспрепятствовать. Как говорил Будда: «состоящее из частей подвержено разрушению, но не подвержено разрушению то, что извечно». Именно поэтому российско-китайское общее видение будущего жизнеспособного евроазиатского геополитического пространства определяется принципом «единства разного», не ущемляющего способности к саморазвитию, к само-

проявлению общего Единого в частном единичном, то есть другими словами, положительным всеединством, подразумевающим реальный выход из сложившегося замкнутого состояния к глобальной открытости, к полному свободному общению со всем миром [Оое, р. 118].

В связи с этим важно осознать цивилизационные границы континента Евразия, которые в значительной степени остаются весьма условными и совершенно по-разному трактуются на Востоке и Западе, что политологически выглядит как весьма жесткое соперничество концепций многополярности и глобализации. На этом фоне существуют две принципиально разные модели будущего мироустройства, как то: однополюсный мир и полицентрический мир, каждому из которых присущи неповторимость и уникальность.

На евроазиатском пространстве Россия и Китай постоянно стремятся выявить общность своих стратегических интересов, подчинить их логике устойчивой коэволюции в рамках многостороннего геополитического взаимодействия, направленного на формирование сбалансированного надгосударственного образования, позволяющего Москве и Пекину держать под эффективным контролем Евразию с целью недопущения в этот важнейший ареал их национальных интересов мощных внешних игроков [Kurečić, р. 23].

В данном контексте речь, прежде всего, идет о США, которые рассматривают евроазиатское пространство, как впрочем и другие районы мира, в качестве вполне реальной зоны своей геополитической ответственности. Таким образом, сложившиеся цивилизационные границы в Евразии являются весьма непредсказуемым и опасным феноменом для США, поскольку Вашингтон абсолютно не понимает (в отличие от России и Китая) огромную значимость формирования на евроазиатском континенте новой реальности, когда все страны региона стремятся к различным вариантам региональной интеграции.

Наиболее эффективным вариантом нейтрализации американских попыток сохранить контроль США над евроазиатской геополитической ситуацией в Москве и Пекине видят реализацию концепции сопряжения китайской инициативы «Один пояс, один путь» с проектом Евразийского экономического союза. Похоже, создание

«матрицы» совместной безконфликтной жизни на пространстве Евразии будет возможно лишь в условиях формирования сообщества различных, но традиционных для данной территории цивилизационных образований, которые во имя стабильного и эффективного функционирования системы саморегуляции начнут искать благоприятные направления для общего развития [*Chen, Feng*, с. 11].

Важнейшим мощным проявлением жизнедеятельности любого цивилизационного образования является его внешняя политика, то есть активность, регулирующая международные отношения с целью реализации национальных интересов, направленных на обеспечение благоприятных внешнеполитических условий для реально успешного осуществления внутривнутриполитических задач. Их реализация евроазиатскими суверенными государствами во многом обусловлена особенностями региональной политической ситуации, положением стран в мировой и региональной экономике, их военно-стратегическим балансом, а также международным влиянием отдельных государств. В данной связи эффективность России и Китая на евроазиатском пространстве обуславливается целым рядом факторов, главным из которых выступает военный потенциал, отражающий могущество двух стран на международной арене в целом.

Желаемый российско-китайский альянс сегодня может быть умозрительно спроецирован не только на Евразию, но и на всю планету, оказывая влияние на мировые события, определяя роль и место обеих стран в системе международных отношений за счет концентрации ресурсов в определенных сферах их внутренней и внешней деятельности, включая политическую, экономическую, военную, информационную и научно-техническую.

Все ключевые евроазиатские государства, взаимодействуя на континенте, также исходят не только из национальных, но и из общезначимых национальных и групповых интересов, опирающихся на целый комплекс внешнеполитических факторов, а именно: профессионализм влиятельных политических деятелей, их поведение на международной арене, особенности деятельности национальных правительств, сложившиеся основные ценности обществ, степень сплоченности и национальное единство данных обществ, уровень экономического и промышленного развития стран континента.

Россия и Китай открыто вынашивают идею создания в Евразии стратегического союза государств, ставящего своей главной целью максимально расширить масштаб международной кооперации, не ограничивая себя при этом формальной регламентацией прав и обязанностей сторон на перспективу, но вместе с тем договариваясь по каждому конкретному проекту взаимодействия. Согласно этой идее, стратегический союз между собой могут заключать не только устойчивые государства — партнеры по региону, но и традиционные принципиальные конкуренты, объединившие свои усилия ради достижения долгосрочных общих целей, стимулирующих решение насущных внешнеполитических и внутривнутриполитических задач [Bunse Friedrich, s. 9].

С точки зрения российско-китайского геополитического альянса, непременным условием складывания любого эффективного стратегического межгосударственного объединения на евроазиатском пространстве, несомненно, станет долгосрочная координация общей внешней политики, развитие и укрепление взаимного доверия, а также постоянное стремление участвующих стран к тесному сотрудничеству на всех уровнях глобального и регионального управления.

Что касается формируемого Россией и Китаем евроазиатского геополитического пространства, то ясный феномен синергетического и интегрального действия многочисленных факторов нелинейного характера со стороны внешней среды объективно заставляет государства Евразии проявлять адаптивные способности к достаточно быстрому восстановлению состояния «устойчивого равновесия», в том числе за счет наращивания российско-китайской стабилизирующей геополитической роли.

Последняя видится обязательным атрибутом уравнивания евроазиатского пространства как стратегического союза, которое сегодня представляет собой ареал, где сталкиваются интересы не понимающих и даже антагонистически настроенных друг против друга культур.

Из этого посыла можно сделать два вывода: без тесного российско-китайского альянса континент Евразия никогда не обретет общности долгосрочных целей, ибо евроазиатские государства абсолютно не доверяют друг другу и нуждаются в надежном геополитическом

модераторе, который реально сможет наладить процесс согласования различных национальных интересов.

Гибкий стратегический союз государств евроазиатского континента способен стать мощным условием диалектического единства суверенных наций, чувствующих, что в тесном договорном единении их развитие будет более эффективным, обеспечивающим максимальные позитивные синергетические преимущества и сводящим к минимуму серьезные отрицательные моменты еще не продуманной до конца интеграции [*Dragneva, Delcour*, p. 9].

На настоящий момент евроазиатское пространство представляет собой реально функционирующую политическую систему, на самом деле вполне целостную и одновременно достаточно сегментированную, части которой произвольно проявляют стремление к слиянию в единое целое.

Подобная диалектическая взаимозависимость требует от лидеров государств Евразии весьма взвешенной внешней политики, с тем чтобы своевременно способствовать поддержанию жизнеспособности национальных правящих режимов через гармонизацию отношений с ведущими региональными державами, могущими существенно повлиять на текущее состояние, перспективы и устойчивость развития отдельных стран. Сегодня ни одно государство евроазиатского континента объективно не может выйти за рамки природных законов коэволюции и порой вынужденного сотрудничества на евроазиатской территории. Это прежде всего связано с фактором природных ресурсов, ибо состояние биосферы Евразии уже все более и более жестко диктует лимиты и направления ресурсопотребления.

Все естественные ограничения человеческой жизнедеятельности в Евразии связаны с нехваткой продовольствия, климатическими катаклизмами, истощением почв, загрязнением и деградацией природной среды, что делает более четкими пределы экономического роста и обуславливает стремление к социальному развитию, базирующемуся на разумном распределении цивилизационных благ.

Нынешняя ситуация на континенте Евразия является объектом пристального внимания евроазиатских государств, поскольку кумулятивный положительный эффект региональных интеграций значи-

тельно повышает совокупные результаты различных многосторонних мероприятий по наращиванию экономической привлекательности континента, что заметно выше по уровню эффективности в сравнении с усилиями евроазиатских стран при их работе в автономном режиме. Следовательно, именно существенный синергетический эффект реального международного взаимодействия на весьма обширном евроазиатском геополитическом пространстве одновременно служит предпосылкой для диверсификации сфер совместной взаимовыгодной деятельности вплоть до создания специальных организаций сотрудничества в Евразии [Levy, s. 150].

Российско-китайский стратегический альянс на евроазиатском континенте может и должен, в случае его формирования, стать неким действенным механизмом посредничества между традиционными государствами единого экономического пространства (если такое будет создано), а также рычагом нивелирования нарастающего на континенте хаоса путем выработки устойчивой парадигмы взаимовыгодных международных отношений.

В настоящее время набирает силу процесс отказа многих евроазиатских государств от политического покровительства со стороны США, что ведет к целеустремленному поиску ими иных возможностей для реализации национальных интересов на международной арене.

Главные сомнения в конструктивности вероятных политических изменений в Евразии связаны с неуверенностью ряда государств континента в реальной, а не продекларированной устойчивости сложившейся послевоенной системы, особенно в части валютно-финансового регулирования торгово-экономического взаимодействия в рамках ВТО, переживающей весьма серьезный кризис.

Доллар ныне исчерпывает возможности своего дальнейшего развития: то есть, период его зрелости и максимальной устойчивости уже позади и сегодня движущей силой сложившейся после Второй мировой войны глобальной финансовой системы выступает не стремление доллара к устойчивости, а нарастающий дисбаланс во внутренней и внешней экономической политике США. Последнее свидетельствует о серьезном диссонансе в американской системе управления финансами, поскольку фактически доллар теряет свою

главную функцию финансового и действенного посредника между двумя противостоящими «мирами». Все это демонстрирует неспособность Вашингтона понять неисчерпаемую глубину мысли Конфуция о том, что не надо делать другому того, чего не желаешь себе (Луньюй) [*Tanaka*, p. 46].

Становление новой картины финансового бытия на евроазиатском континенте сопровождается явным ростом политической неустойчивости не только в региональном, но и глобальном масштабе. Кроме того, объективно складываются категорические и безусловные требования к человеческой активности, которые можно назвать неким экологическим императивом. Этот императив вынужденно призван ограничить свободу экономических действий человека с тем, чтобы обеспечить новые условия для дальнейшей коэволюции человека и биосферы, при которой финансовый фактор уже не играет определяющей роли. Без экологического императива, регулирующего размах и направление хозяйственной деятельности людей и государств, прежде всего таких крупных, как Россия и Китай, жизнеспособность всего человечества может столкнуться с немалыми рисками.

Библиографический список

- Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 738 с.
- Гао Фэй, Чжан Дзиань.* Дуобянь шидзиэся-дэ чжунэ дзинмао гуаньси дзи фачжань цианьдзин : [Перспектива китайско-российских экономических и торговых отношений, исходя из перспективы многосторонности]. Шанхай: Шанхай дасюэ чубаньшэ, 2013. 339 с. (На кит. яз.).
- Канэко Исаму.* Кокусай сэйдзи кодзо то домэй но хэнъё : [Структура международной политики и изменение форм альянсов] // Бэйи кэнкю киё. Токио: Бэйи кэнкюсё сьуппан. 2004. № 1. 20 с. (На яп. яз.).
- Оэ Сэйдзо.* Хикаку тэцугаку-кара тоишу тэцугаку-э : [От сравнительной философии к философии единства] // Сэйдзон кагаку кэнкюсё. Киото: Кёто дайгаку сьуппан, 2014. С. 114—120. (На яп. яз.).
- Танакэ Тосио.* Нитидзё кэйкэн — Дзюнсуэй кэйкэн : [Повседневный опыт — чистый опыт] // Киё Ромбун. Киото: Кёто дайгаку сьуппан, 1988. С. 43—50. (На яп. яз.).

Чэнь Дун Сяо, Фэн Шуай. Ти бианьгэ бэйдзинсиадэ Чжун-Э-Инь саньбянь хэцзо гуаньси : [Задний план системных преобразований отношений трехстороннего сотрудничества Китая, России и Индии]. Шанхай: Шанхай дасюэ чубаньшэ, 2016. 18 с. (На кит. яз.).

Borgwardt Angela, Molthagen Ditma. Gegen Rechtsextremismus in Ost und West. Friedrich-Ebert-Stiftung Forum. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung Verlag, 2006. 52 s.

Bunse Benno, Friedrich Jurgen. Region Asien-Pazifik: Vielfalt, Wachstum, digitale Zukunft. Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie Verlag, 2017. 16 s.

Dragneva Rilka, Delcour Laure. Assessing Legal and Political Compatibility between EU Engagement Strategies and EAEU Membership // Working Paper Series, No. 07. Berlin: Freie Universität Berlin Verlag, 2017. 32 p.

Kurečić Petar. The New Great Game: Rivalry of Geostrategies and Geoeconomies in Central Asia // Hrvatski geografski glasnik. Zagreb: University College of International Relations and Diplomacy, 2010. P. 21—48.

Levy Katja. Annotierte Bibliographie zur Zivilgesellschaft in China / Ostasiatisches Seminar. Berlin: Freie Universität Berlin Verlag, 2016. 185 s.

Moshes Arkady, Nojonen, Matti. Russia-China Relations: current state, alternative futures, and implications for the West. Tampere: The Finnish Institute of International Affairs Press, 2011. 122 p.

Reiter Erich. Ein Essay zur neuen globalen Geopolitik. Wien: Bundesministerium für Landesverteidigung Verlag, 2017. 11 s.

Suzuki D. Zen Buddhism. New York: New York University Press, 1961. 400 p.

References

Borgwardt, Angela; Molthagen, Ditmar (2006). Gegen Rechtsextremismus in Ost und West. Friedrich-Ebert-Stiftung Forum. Berlin: Friedrich Ebert Stiftung Verlag. 52 s.

Bunse, Benno; Friedrich, Jurgen (2017). Region Asien-Pazifik: Vielfalt, Wachstum, digitale Zukunft. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie Verlag. 16 s.

Chen Dong Xiao, Feng Shuai (2016). Tixi biange beijingxiade Zhong-E-Yin sanbian hezuo guanxi [Relations of China-Russia-India trilateral cooperation: back plan of the system transformations]. Shanghai: Shanghai daxue chubanshe. 18 p. (In Chinese).

Dragneva, Rilka; Delcour, Laure (2017). Assessing Legal and Political Compatibility between EU Engagement Strategies and EAEU Membership, *Working Paper Series*, No. 07. Berlin: Freie Universität Berlin Verlag. 32 p.

Gao Fei, Zhang Jian (2013). Duobian shijuexiade zhongye jingmao guanxi ji fazhan qianjing [The Prospect of Sino-Russian Economic and Trade Relations from the perspective of Multilateralism]. Shanghai: Shanghai daxue chubanshe: 37—48. (In Chinese).

Kaneko, Isamu (2004). Kokusai seiji kozo to domei no henyō [The structure of international policy and alteration of alliances' forms], *Boei kenkyusyo kiyo [Defence research analyst]*, No.1. Tokyo: Boei kenkyusyo suppan, 20 p. (In Japanese).

Kurečić, Petar (2010). The New Great Game: Rivalry of Geostrategies and Geoeconomies in Central Asia, *Hrvatski geografski glasnik*. Zagreb: University College of International Relations and Diplomacy: 21—48.

Levy, Katja (2016). Annotierte Bibliographie zur Zivilgesellschaft in China. Ostasiatisches Seminar. Berlin: Freie Universität Berlin Verlag. 185 s.

Moshes, Arkady; Nojonen, Matti (2011). Russia-China Relations: current state, alternative futures, and implications for the West. Tampere: The Finnish Institute of International Affairs. 122 p.

Ooe, Seizo (2014). Hikaku tetsugaku-kara toyitsu tetsugaku-e [From comparative philosophy toward philosophy of unity], *Seizon kagaku kenkyusyo [Scientific research center of Existence]*. Kyoto: Kyoto daigaku syuppan: 114—120.

Reiter, Erich (2017). Ein Essay zur neuen globalen Geopolitik. Wien: Bundesministerium für Landesverteidigung Verlag. 11 s.

Soloviyov, V.S. (1989). Sochineniya v 2-h tomah [Works in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: "Pravda" PH. 738 p. (In Russian).

Suzuki D. (1961). Zen Buddhism. New York: New York University Press. 400 p.

Tanaka, Toshio (1988). Nichijo keiken — Junsui keiken [Everyday experience — Pure experience], *Kiyo Rombun [Analyst Articles]*. Kyoto: Kyoto daigaku syuppan: 43—50. (In Japanese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10005

С.Г. Лузянин, А.Ф. Клименко

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В ШОС ПО РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА¹

Аннотация. На фоне общих представлений, связанных с развитием и обустройством Евразийского континента, в статье рассматривается сотрудничество России и Китая в интеграционных и инфраструктурных процессах в Евразии.

В статье прослеживается эволюция российско-китайского партнерства, призванного сыграть важную роль в формировании Большой Евразии, которое в свою очередь может благотворно и значительно сказаться на усилении геополитического и геоэкономического потенциала РФ; позволит нашей стране диверсифицировать и сбалансировать ее систему внешних связей; наряду с Китаем укрепить сотрудничество с АСЕАН, Японией, Индией, Вьетнамом и рядом других государств.

¹ Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2018 г. № 22 «Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возможностей для России» согласно проекту «Анализ и прогноз новых глобальных и региональных возможностей расширения ШОС для России (2018–2020 гг.)» № 0194-2018-0001. Номер государственной регистрации: АААА-А17-117122890039-3.

Также авторами оцениваются роль и место Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в реализации идеи сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайского проекта «Один пояс, один путь» (ОПОП), в том числе с его континентальной частью — Экономическим поясом Шелкового пути (ЭПШП).

Аргументируется необходимость повышения эффективности Шанхайской организации сотрудничества при решении задач, от которых зависит успех в реализации концепции Большого евразийского партнерства (БЕП).

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство (БЕП), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), проект «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), Большая Евразия, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), безопасность, сотрудничество.

Авторы:

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, директор Института Дальнего Востока РАН. E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

S.G. Luzyanin (Lousianin), A.F. Klimenko

Russian-Chinese cooperation in the SCO on the implementation of the Greater Eurasian partnership concept

Abstract. Against the background of general ideas related to the development and arrangement of the Eurasian continent, the article is focused on Russia-China cooperation in the integration and infrastructure-related processes taking place in Eurasia.

The article traces the evolution of the Russian-Chinese partnership, which plays an important role in the formation of Greater Eurasia. The latter can expose a beneficial and significant impact on enhancing the geopolitical and geo-economic potential of the Russian Federation. It will also allow our country to diversify and balance its system of foreign relations and along with China to strengthen cooperation with ASEAN, Japan, India, Vietnam and a number of other countries.

The authors also assess the role and place of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in the implementation of the concept of the

conjunction of the Eurasian Economic Union (EAEU) with the Chinese “One Belt, One Road” project (OBOR), including its continental part — the Silk Road Economic Belt (SREB).

Arguments are presented to substantiate the necessity of the improving of the SCO efficiency in that conjunction, which, in case of success, will provide new opportunities for the implementation of the Greater Eurasian Partnership (GEP) concept.

Keywords: Greater Eurasian Partnership, Eurasian Economic Union, the Silk Road Economic Belt project (SREB), Greater Eurasia, Shanghai Cooperation Organization, security, cooperation.

Authors: Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN), Dr.Sc. (Hist.), Professor, Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: lousianin@ifes-ras.ru);

Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: klimenko46@ifes-ras.ru).

1. Геополитические и геоэкономические основы формирования Большой Евразии

Россия и Китай как крупные евразийские державы выступают естественными союзниками в интеграционных, инфраструктурных и торговых процессах, происходящих на континенте. Совпадение их геополитических и геоэкономических интересов обусловлено усилением «восточных акцентов» в политической и экономической деятельности России, глобализацией хозяйственных и политических интересов Китая и усиливающимся экономическим и военно-политическим давлением на них со стороны США и их союзников.

Жесткие процессы обновления современной системы международных отношений также серьезно влияют на эволюцию российско-китайского стратегического партнерства. Важным моментом при этом является сознательное расширение его функционала через углубление взаимодействия с СБ ООН, координацию в сирийском, корейском, иранском и других вопросах, которая связана, в том числе, с согласованием национальных стратегий развития и безопасности. Очевидно, что при серьезной экономической асимметрии меж-

ду Россией и Китаем эта координация не может просто основываться на механическом сложении потенциалов. Речь идет, скорее, о механизме взаимодополнения сформировавшихся потенциалов с учетом того, что РФ имеет явное превосходство в военно-стратегическом отношении, а КНР — в экономико-технологическом. В целом же можно говорить о новом качестве партнерства — стратегически устойчивом сотрудничестве двух стран на длительную перспективу.

Результатом эволюции российско-китайского партнерства является формирование «евразийской повестки», которая предусматривает как двустороннее измерение, так и коллективный формат в рамках «сопряжения» Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь», провозглашенной председателем КНР Си Цзиньпином. При этом, двусторонние отношения России и Китая, их стратегическая устойчивость имеют определяющее значение для успеха сопряжения, а в перспективе — и для формирования Большого евразийского партнерства (БЕП).

Как известно, выдвижение идеи БЕП было во многом вызвано обеспокоенностью России падением авторитета Всемирной торговой организации (ВТО) и созданием «закрытых» региональных торговых объединений. В официальных заявлениях российской стороны неизменно отмечается, что инициатива носит открытый и не конфронтационный характер. Это означает, что, во-первых, работа по формированию БЕП будет строиться на принципах, исключающих превращение создаваемого партнерства в замкнутый торгово-экономический блок, и во-вторых, — что партнерство будет работать на основе норм ВТО, гарантирующих прозрачность процедур и уважение интересов сторон. При этом российская сторона выступает за то, чтобы принцип «неделимости», то есть общности экономического пространства, был бы применим не только в области хозяйственных отношений, но и в сфере безопасности. Это предполагает совместную ответственность за обеспечение безопасности на общем для всех участников пространстве БЕП.

Ряд экспертов считает, что РФ выдвинула идею Большого евразийского партнерства в качестве формы региональной экономической интеграции. Эта идея показывает важность для России укреп-

ления ее отношений с Азией. Она может стать стратегией развития страны на азиатском направлении, поскольку формирование Партнерства создаст для РФ принципиально новые возможности для наращивания поставок в Азиатско-Тихоокеанский регион продовольствия, энергоресурсов, инжиниринговых, образовательных, медицинских и туристических услуг, позволит государству играть лидирующую роль в формировании новых технологических рынков, а также развернуть на Россию глобальные торговые потоки [Послание Президента Федеральному собранию, 03.12.2015].

По мнению российского экспертного сообщества, главная цель России — сделать «Одни пояс...» инструментом укрепления и совершенствования ЕАЭС, не допустить конкуренции этих двух проектов, а в дальнейшем положить ресурсы китайской инициативы в основу формирования экономико-политического сообщества Большой Евразии. Другим безусловным приоритетом, отражающим и содержание китайской инициативы ОПОП, является развитие меридиональных транспортно-логистических коридоров, кластеров трансграничного сотрудничества [Бордачев, с. 194].

В перспективе объединенная транспортная сеть позволит создать транспортный коридор от АТР до стран Западной Европы. Создаваемая сеть объединит 18 азиатских и европейских стран общей площадью 50 млн кв. км с населением в 3 млрд человек [Лузянин, Сазонов, с. 39].

Для России выгодна такая логистика, поскольку благодаря ей обеспечивается развитие огромных пространств РФ, от Владивостока до Калининграда. Важно и то, что концепция инициативы ОПОП предусматривает и «охват» Китаем региона Центральной Азии, где у Москвы имеются системные, стратегические интересы.

В будущем формирование Большого евразийского партнерства благотворно скажется как на геополитическом, так и геоэкономическом потенциале России, позволит ей обеспечить сбалансированность ее системы внешних связей, осуществить их диверсификацию путем укрепления сотрудничества как с Китаем, так и с АСЕАН, Японией, Индией, Вьетнамом и рядом других стран.

Строительство Большой Евразии важно не только для России, но, в не меньшей степени, и для Китая. В том числе и в плане обес-

печения национальной безопасности. Соединенные Штаты сделали ставку на сдерживание и ограничение растущего влияния Поднебесной. Хотя теоретически эта политика может измениться, политическое соперничество КНР с США на глобальном уровне и на морских пространствах будет нарастать. Поэтому Пекин жизненно заинтересован в создании безопасной и дружественной окружающей среды на суше, в движении на Запад и Юго-Запад, в частности через открытие новых рынков.

Российско-китайское экономическое партнерство будет играть важную роль в БЕП, учитывая значение позиций двух государств в Евразии. Китай поддерживает идею сотрудничества в рамках этого макрорегиона, потому что она основана на концепции всеобъемлющего партнерства и открытости. Кроме того, в укреплении отношений с Евразией Китай руководствуется не понятиями своей исключительности, а идеями сосуществования и совместного развития. КНР считает Россию стратегическим партнером и рассчитывает на сотрудничество с ней для дальнейшего развития связей в Евразийском макрорегионе.

Понятно, что проект Си Цзиньпина, рассчитанный на длительную перспективу, отражает концепцию геополитического возвышения Китая как новой, растущей сверхдержавы. Но при этом он не направлен против ШОС и не подрывает интересов развития ни Шанхайской организации, ни Евразийского экономического союза, в которых КНР и РФ сегодня остаются ключевыми «игроками».

Постепенно в евразийском регионе будут формироваться условия для дальнейшей реализации идеи соразвития Китая, России и центральноазиатских стран. Это важно и для экономики региона, и для его безопасности, обеспечение которой из-за провальной политики США в Афганистане и роста угроз со стороны негосударственных акторов (ИГИЛ и других запрещенных российским законодательством экстремистских группировок) является все более серьезной проблемой.

Следующим шагом по реализации совместного видения перспектив евразийского континента могла бы стать российско-китайская концепция комплексного развития Евразии, которая бы вклю-

чала в себя как экономические вопросы, так и вопросы безопасности.

В целом, по мнению С.Г. Лузянина, идея превращения Евразии в самостоятельное международно-политическое сообщество является весьма перспективной. Она дает возможность по-новому структурировать и прогнозировать евразийскую систему международно-экономических отношений, выделяя приоритетные форматы (как двусторонние, так и многосторонние), анализируя слабые и сильные стороны развивающегося ОПОП, а также перспективы создания локальных зон свободной торговли (ЗСТ) и/или единой евразийской зоны свободной торговли, движения товаров, услуг и капиталов [Лузянин, 2018, с. 141].

Не исключено, что в силу как самого азиатского менталитета (которому свойственны стратагемность мышления, размеренность и основательность в реализации разработанных планов), так и сравнительно небольшого у китайских партнеров опыта в осуществлении масштабных геостратегических проектов прогресс здесь будет более медленным, чем этого хотелось бы России. Тем не менее, формирование в Евразии самостоятельного «полюса» роста с опорой на комплексную мощь России, Китая и их партнеров по ШОС может стать одним из важнейших геоэкономических и геостратегических процессов современности.

2. Роль и место ШОС в реализации Концепции Большого евразийского партнерства

Не секрет, что выдвинутая Си Цзиньпином идея ОПОП первоначально воспринималась в России и ряде других стран ЕАЭС (на тот момент — Таможенного союза) с некоторой настороженностью. Отдельные российские эксперты даже говорили о том, что китайский проект — это реакция КНР на неповоротливость и медленное развитие ШОС, что «Шелковый путь» — вариант более эффективного развития Центральной Азии и соседних регионов. Однако постепенно прояснилось, что ситуация не столь однозначна.

Представляется, что стратегически важным для успешного строительства Большой Евразии является геополитическое и геоэкономическое расположение стран ШОС. Состоявшееся после Ташкентского саммита 2018 г. расширение Шанхайской организации за счет вступления Индии и Пакистана включило в фокус внимания ШОС Южную Азию, обозначило качественное и количественное усиление ШОС на евразийском пространстве. Потенциал сотрудничества ее участников в продвижении тематики евразийской интеграции значительно возрос.

Вместе с тем, как полагают некоторые российские эксперты, партнерство в формате Шанхайской организации сотрудничества может быть эффективно расширено до более широкого формата — ШОС+. Так, можно включить в сферу деятельности организации диалог с региональными блоками — АСЕАН, ВРЭП, Совет сотрудничества для арабских государств Персидского залива (ССЗ). Практическим шагом на пути координации деятельности участников формата ШОС+ может стать создание Учредительной конференции или просто коллективное участие представителей соответствующих стран и блоков в ключевых глобальных форумах, где заключаются соглашения и координируются совместные действия по возникающим проблемам. Таким образом, появится возможность создать системную регулярную платформу для координации политики между региональными интеграционными группировками [Лузянин, 2018, с. 141].

При этом следует согласиться с мнением С.В. Уянаева (ИДВ РАН) о том, что «большая евразийская тройка» в лице России, Индии и Китая — это объективное политическое и экономическое ядро ШОС, причем данное обстоятельство имеет два измерения. С одной стороны, в формате РИК «ШОСовские тяжеловесы» могут согласовывать важные, порой деликатные, моменты и их коллективный голос имеет повышенный шанс быть услышанным другими членами организации. С другой — с полноформатным принятием Индии сама площадка ШОС дает трехстороннему формату дополнительные (неформализованные) возможности для координации и взаимодействия [Уянаев, с. 210].

В рамках «шанхайского октета» Россия, Китай и Индия могли бы стать точками опоры Евразии, которые будут способны сглаживать эффект разных темпов экономического развития стран Центральной Азии, обеспечивать баланс внешнеполитических приоритетов участников ШОС и нивелировать настороженность малых стран относительно возможного роста экономической зависимости от одной конкретной державы. Но это возможно лишь при определенных условиях.

3. Некоторые проблемы при реализации задач, возлагаемых на ШОС, и возможные пути их решения

В феврале 2019 г. отношения Индии и Пакистана резко обострились после теракта, совершенного против индийской военизированной полиции в северном индийском штате Джамму и Кашмир, жертвами которого стали 45 человек. Ответственность за атаку взяла на себя исламистская группировка «Джаиш-е-Мухаммад» (запрещена в России), руководитель которой обосновался в Пакистане.

Индия обвинила Пакистан в поддержке террористических группировок. ВВС Индии нанесли бомбовый удар по лагерю боевиков «Джаиш-е-Мухаммад» на территории Пакистана, в 60 км от границы. В ответ Пакистаном были совершены артобстрелы позиций индийской армии и нанесены авиационные удары, закончившиеся воздушными боями с индийской авиацией. Однако это не привело к масштабной войне между двумя странами: ядерным державам не просто решиться на такую войну.

Вместе с тем Индия и Пакистан входят не только в клуб ядерных держав, но и являются членами Шанхайской организации сотрудничества. И теперь многое зависит от того, станет ли ШОС реальным механизмом для решения таких кризисов, как нынешний. Ведь перерастание подобных столкновений в полномасштабный конфликт может негативно сказаться на сотрудничестве в рамках этой структуры. Нет сомнения и в том, что индийско-пакистанские противоречия и их привнесение на площадку Организации способны значи-

тельно затруднить возможности ее функционирования. Конфликты и дестабилизация могут отрицательно сказаться и на реализации китайского проекта ЭПШП на отдельных участках, включая его сопряжение с ЕАЭС.

Не секрет, что подходы к евразийской интеграции России, Индии и Китая имеют свои особенности и отличия. РФ и Китай достигли общего понимания в том, что сопряжение проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути является важной частью, первым этапом в продвижении к Большой Евразии. (В понимании автора, понятия «Большая Евразия» и БЭП соотносятся как общее и частное.) Индия, имеющая свои обоснованные резоны, относится к инициативе «Один пояс, один путь» пока с осторожностью. Да и очередной всплеск индо-пакистанского конфликта также не способствует смягчению взглядов Нью-Дели на ОПОП.

И все же площадки РИК и ШОС, причем в варианте параллельного взаимодействия, могли бы послужить сближению позиций. Обнадуживает, что еще в 2016 г., в Коммюнике министерской встречи РИК в Москве, когда Индия даже не была членом ШОС, все три страны подчеркнули «необходимость изучить все подходы к вопросу региональной взаимосвязанности с целью обеспечить большую интеграцию в общем для всех трех сторон регионе» [Уянаев, с. 210]. Да и индо-пакистанский конфликт не без влияния России и Китая удалось приглушить.

Еще один важнейший итог упомянутого выше Ташкентского саммита — снятие возражений против интеграции в Организацию Ирана, которого участники саммита видят непременно членом ШОС в будущем. В результате все транзитные пути из Азии в Европу, за исключением морского пути через Суэцкий канал, окажутся под контролем Организации. Это также будет способствовать реализации идеи Большого евразийского партнерства [Сухарева].

Среди приоритетных задач сопряжения на площадке ШОС — содействие созданию целого ряда ЗСТ, развитию инвестиций, упрощению процедур торговли и строительства трансграничных парков. При этом существуют различия в приоритетах двух сторон при осуществлении сопряжения ЕАЭС и нового Шелкового пути. Китай от-

дает приоритет упрощению торгового и инвестиционного режима между сторонами. В свою очередь Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) рассчитывает на развитие взаимодействия с Китаем и осуществление работы по сопряжению по трем основным векторам: строительству новых и модернизации старых транспортных коридоров в Евразии; заключению всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем; формированию «дорожной карты», охватывающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС и Китая.

Китайские эксперты на протяжении длительного времени указывают на экономическую целесообразность создания зоны свободной торговли в Центральной Азии. Профессор Лю Хуацзинь из Китайской Академии внешней торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР отмечает, что имеющиеся правовые основы развития регионального экономического сотрудничества и существующие рабочие механизмы ШОС обеспечивают необходимые условия для создания ЗСТ [Лю Хуацзинь, с. 112].

После образования ЕАЭС перспектива создания ЗСТ в рамках ШОС трансформировалась в задачу по поиску новых форматов сотрудничества между экономиками отдельных государств, региональными организациями и интеграционными экономическими объединениями на евразийском пространстве.

В рамках инициативы ОПОП наибольшую значимость для Китая обретают центральноазиатские участники ШОС, поскольку они выступают в качестве первых стран, через которые сухопутные коридоры ведут на Запад. На данный момент у КНР нет соглашений о свободной торговле ни с одной из них. Поэтому Китай заинтересован в развитии отношений с ЕАЭС и с другими участниками ШОС, не входящими в ЕАЭС, но выразившими намерение сотрудничать с ним.

Наряду с решением экономических задач при реализации идеи *строительства* БЕП важной целью для ШОС является обеспечение безопасности и стабильности на всем пространстве Организации. Очевидно, что при усилении роли и повышении значимости ШОС

внимание к ней все более и более растет. Так, в Вашингтоне пристально следят за эволюцией Шанхайской группы. Предметом особого внимания является экономический аспект деятельности Организации, а также шаги по реализации сопряжения ЕАЭС и китайской концепции ОПОП. Для США наибольший интерес представляет ее сухопутная составляющая — ЭПШП, так как воплощение в жизнь ее планов может повлиять на реализацию политики Вашингтона в Центральной, Южной Азии и в Афганистане. Представляет интерес для США и вторая часть концепции Китая — Морской Шелковый путь XXI века, поскольку Вашингтон заинтересован в том, чтобы сохранить свои позиции в АТР. Таким образом, дальнейшее укрепление ШОС может рассматриваться как определенный вызов американским позициям в Евразии.

США, не являясь географической частью Евразии, но исходя из собственных геополитических интересов, пытаются получить доступ в «критические зоны» континента, предоставляя либо финансово-экономическую помощь, либо услуги безопасности расположенным там государствам. Как показывает практика последних лет, качество и политическая направленность этих услуг приводит к дестабилизации и обострению конфликтов в местах пребывания США, а потому она противоречит интересам безопасности России и Китая.

Отсюда еще одной важнейшей задачей ШОС является недопущение вмешательства внерегиональных сил в жизнь Организации, в частности в странах Центральной и Южной Азии, минимизация возможностей для «третьих» государств играть на китайско-индийских, ирано-пакистанских, индо-пакистанских и прочих противоречиях и обеспечение для стран ШОС безусловной возможности самим решать проблемы, существующие в зоне ответственности Организации.

Но это самостоятельный вопрос, требующий особой серьезной проработки. Нуждается в дальнейшем исследовании и вопрос о формах и способах участия ШОС в обеспечении безопасности на пространстве Большой Евразии, практически совпадающем сегодня с ареалом ШОС. В связи с этим заслуживает внимания предложение экспертов ИДВ РАН подготовить Концепцию региональной безо-

пасности ШОС [Клименко, с. 135—136]. Она могла бы включать следующие пункты:

- состав субъектов ШОС, на которых будет распространяться действие этой Концепции;
- перечень жизненно важных общих и особых интересов членов ШОС;
- виды внешних и внутренних угроз интересам членов ШОС;
- цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности;
- состав и структура органов, непосредственно ответственных за обеспечение безопасности;
- методы обеспечения безопасности, порядок выделения для этого необходимых ресурсов, сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы Организации в целом или ее участникам в отдельности;
- порядок взаимодействия ШОС с ОДКБ и с другими организациями по безопасности, а также некоторые специальные вопросы.

Как представляется, способы обеспечения региональной безопасности силами ШОС могли бы быть сформулированы в предлагаемой Концепции по всему спектру названных выше предложений.

Заключение

Подводя краткий итог сказанному, следует отметить следующее.

1. Процессы сближения китайского мегапроекта «Один пояс один путь» и Евразийского экономического союза неизбежно вызовут смену не только геоэкономических, но и геополитических акцентов в Евразии. Политическая карта евразийского пространства уже сегодня «читается» иначе, чем 5—10 лет назад. Вес и роль его ключевых игроков — России и Китая — постепенно растут, что особенно значимо для Москвы в условиях сохраняющейся конфронтации с Вашингтоном и его союзниками. Евразия без разделительных линий и барьеров (торговых, миграционных, политических, куль-

турных, межконфессиональных) — это новое качество отношений между государствами.

2. Формирование обновленного мира, в частности в евразийском его сегменте — процесс длительный и многовариантный. Россия и Китай в настоящее время являются не только объектами трансформации, но и активными субъектами, влияющими на процесс переформатирования отдельных компонентов современной международной структуры, вносят свой вклад в процесс обновления и стабилизации, включая борьбу против мирового трансграничного терроризма, реформирование институтов глобального управления, создание новых структур. В достижении этой цели «континентальное партнерство» двух членов Совета Безопасности ООН с близкими взглядами на проблемы современного мира могло бы сыграть решающую роль.

3. Китайская инициатива ОПОП вряд ли станет институционализированным проектом освоения евразийского пространства. Скорее всего она сохранит нынешнее качество экономического, инвестиционного, транспортного и гуманитарного процесса. В то же время ЕАЭС и ШОС четко ориентированы на дальнейшую институционализацию, структурное укрепление и расширение. Одновременно повышается востребованность ШОС (совместно с ОДКБ) как механизмов безопасности в Большой Евразии и взаимодействия китайского ОПОП и ЕАЭС. В силу этого процесс формирования Большого евразийского партнерства предполагает наполнение новым содержанием повестки расширенной ШОС.

4. Как показывает практика последних лет, качество и политическая направленность предоставляемой со стороны США финансово-экономической помощи либо услуг безопасности, либо иных услуг государствам, расположенным в важных для Вашингтона регионах, приводит там к дестабилизации и обострению конфликтов, а потому данная практика противоречит интересам безопасности России и Китая. В силу этого при реализации идеи строительства БЕП, наряду с решением экономических задач, важной политико-дипломатической миссией ШОС является нейтрализация активности внешних сил в регионе в плане минимизации их негативного влияния на политику некоторых стран Центральной и Южной Азии.

Не менее важно — исключить возможность для «третьих» сторон играть на существующих в Шанхайской организации противоречиях, сделав так, чтобы участники Организации сами могли решать возникающие в своем регионе проблемы.

Библиографический список

Бордачев Т.В. Новое евразийство. Как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике. 2015. Сентябрь/октябрь. С. 194—202. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754> (дата обращения: 24.03 2019).

Клименко А.Ф. Экономический пояс Шелкового пути и проблема безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXI. М., 2016. С. 119—137.

Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / отв. ред. академик В.С. Мясников. М.: Весь Мир, 2018. 323 с.

Лузянин С.Г., Сазонов С.Л. Экономический пояс шелкового пути: модель 2015 года // Обозреватель/Observer. 2015. № 5(304). С. 35—46.

Лю Хуацзинь. Идея создания зоны свободной торговли ШОС: расчеты, проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3(4). С. 110—116.

Послание Президента Федеральному собранию, 3 декабря 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 24.03 2019).

Сухарева О. Саммит Шанхайской организации сотрудничества: рождение Большой Евразии. URL: <https://www.ritmearasia.org/news--2016-06-27--sammit-s-hanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva-rozhdenie-bolshoj-evrazii-anhaj> (дата обращения: 24.03 2019).

Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах мирового порядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова: монография / отв. ред. В.С. Мясников. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. 320 с.

References

Bordachov T. (2015). *Novoe evraziistvo. Kak sdelat sopriazhenie rabotajuschim* [New Eurasianism. How to make the conjunction work], *Rossija v globalnoj politike* [Russia in the global politics], September/October: 194—202. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754> (accessed: 24 March, 2019). (In Russian).

Klimenko A.F. (2016). Ekonomicheskij poias Sholkovogo puti i problema besopasnosti na prostranstve Shanchajskoj organizazii sotrudnichestva [The Silk Road Economic Belt and the security problem in the space of the Shanghai Cooperation Organization], *Kitaj v mirovoj i regionalnoj politike. Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and modernity]*, Moscow: IDV RAN (IFES FAS), Iss. XXI: 119—137. (In Russian).

Liu Huating (2009). Ideja sozdaniya zoni svobodnoj trgovli SHOS: raschoti, problemi i perspektivi [The idea of creating a free trade zone of the SCO: calculations, problems and prospects], *Eurasian economic integration*. No. 3(4): 110—116. (In Russian).

Lousianin S.G. (2018). Rossija-Kitaj: formirovanie obnovlionnogo mira: monografija. [Russia — China: shaping a renewed world: monograph], exec.ed. Academician V.S. Miasnikov. Moscow: “Ves mir” PH. 323 p. (In Russian).

Lousianin S.G., Sazonov S.L. (2015). Ekonomicheskij poias sholkovogo puti: model 2015 goda. [Silk Road Economic Belt: model 2015], *Obozrevatel/ObsERVER*. № 5(304): 35—46 (In Russian).

Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniju, 3 dekabria 2015 g. [Presidential Address to the Federal Assembly, December 3, 2015]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (accessed: 24 March, 2019). (In Russian).

Sukhareva O. (2016). Sammit Shanchajskoj Organizazii sotrudnichestva: Rozhdenie Bolshoj Evrazii [Shanghai Cooperation Organization Summit: the birth of Greater Eurasia]. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2016-06-27--sammit-sha-nhajskoj-organizazii-sotrudnichestva-rozhdenie-bolshoj-evrazii-24358> (accessed: 24 March, 2019). (In Russian).

Uyanaev S.V. (2019). Rossija—Indija—Kitaj v konturach mirovogo poriadka. K 90-letiju akademika Evgeniya Maximovicha Primakova: monografija. [Russia—India—China: in the contours of the world order. To the 90th anniversary of Academician Yevgeny Maccimovich Primakov: monograph], exec. ed. Academician V.S. Miasnikov. Moscow: “Forum” PH. 320 p. (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10006

Д.В. Ефременко

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются новые тенденции в развитии Шанхайской организации сотрудничества после ее расширения в 2018 г. Анализируются итоги китайского председательства в ШОС в 2018 г. Показано, что традиционный для ШОС приоритет — вопросы безопасности Центральной Азии — ни в коем случае не утрачивает своего значения. Но если прежде Исламская Республика Афганистан (ИРА) могла рассматриваться скорее в качестве внешнего фактора центральноазиатской безопасности, то теперь урегулирование ситуации в этой стране оказывается особо актуальным для дальнейшей работы ШОС как таковой. В случае вывода американских войск из Афганистана перед ШОС встанет задача широкого содействия дальнейшей стабилизации в ИРА и недопущения переброски террористических группировок из Афганистана на территорию стран Центральной Азии.

Расширение ШОС за счет Индии и Пакистана означает как существенный рост политико-экономического веса Организации, так и неизбежную абсорбцию ею тех межгосударственных противоречий, которые прежде имели для ШОС периферийное значение. Участие Индии в ШОС, по всей видимости, явится преградой для эволюции Организации как антизападного геополитического альянса.

Решающим фактором дальнейшего развития ШОС становится взаимодействие в треугольнике «Россия—Индия—Китай» (РИК).

В его контексте следует принять во внимание два сценария взаимодействия РФ, Индии и КНР. Первый (более реалистичный) предполагает, что наиболее конструктивными в этом треугольнике станут российско-китайские и российско-индийские отношения, тогда как отношения между Китаем и Индией будут более проблемными, идущими по пути как подъема, так и спада. В случае обострения китайско-индийских отношений роль России будет состоять в том, чтобы, несмотря на возникающие проблемы, способствовать достижению в рамках РИК работоспособных компромиссов по текущей повестке ШОС и БРИКС. При благоприятных обстоятельствах и наличии политической воли три страны смогут выработать общую позицию по значимым международным проблемам, а также своевременно реагировать на те или иные кризисные процессы в сферах экономики или безопасности. Второй сценарий предполагает постепенное качественное углубление и расширение сотрудничества в формате РИК, основанное на совпадающем видении его участников геополитических трансформаций в Большой Евразии. В этом случае можно предположить, что ШОС с течением времени действительно станет основой формирования Большого евразийского партнерства.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, безопасность Центральной Азии, афганское урегулирование, треугольник «Россия—Индия—Китай», геополитические трансформации в Евразии.

Автор: Ефременко Дмитрий Валерьевич, доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: efdv2015@mail.ru

D.V. Efremenko

New stage in the development of the Shanghai Cooperation Organization

Abstract. The article discusses new trends in the development of the Shanghai Cooperation Organization after its expansion in 2018. The results of the Chinese presidency of the SCO in 2018 are also analyzed. It is shown that traditional priority for the SCO — Central Asian security issues — in no way lose their significance. But if before Afghanistan could be considered mostly as an external factor of Central Asian security, now the settlement of the situation in the country acquires topicality and direct importance for the further work of the SCO as such.

The accession of India and Pakistan in the SCO means both significant increase of the political and economic weight of the Organization, and the inevitable absorption by the Organization of India-Pakistan rivalry that previously was of only peripheral significance for the SCO. India's participation in the SCO seems to become a hindrance to the evolution of the Organization towards an anti-Western geopolitical alliance. The decisive factor for the further SCO development may be sought in the "Russia-India-China" (RIC) triangle activities. In this context, two scripts of the interaction between Russia, India and China should be considered. The first, and more realistic one assumes that Russian-Chinese and Russian-Indian relations within the triangle will have mostly positive impact on the inter-SCO situation, while Chinese-Indian relations may be much more troublesome. Under certain favorable conditions, the three countries will be able to develop a common stance on significant international issues or timely respond to crisis processes in economic or security spheres. The second script assumes a gradual qualitative deepening and expansion of cooperation within the RIC format, based on a common vision of geopolitical transformations in Greater Eurasia. In this case, it can be assumed that over time, the SCO will become the basis for the formation of the Great Eurasian Partnership.

Keywords: Shanghai Cooperation Organization, Central Asian security, Afghan settlement, Russia-India-China triangle, geopolitical transformations in Eurasia.

Author: Dmitry V. EFREMENKO, Dr.Sc. (Political Science), Deputy Director, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: efdv2015@mail.ru).

В 2018 г. начался новый этап в истории Шанхайской организации сотрудничества, связанный с расширением состава ее полноправных членов за счет Индии и Пакистана. Это событие дает основания рассмотреть новую расстановку сил внутри ШОС и возможные изменения в характере задач и эффективности Организации. Но еще более значимыми стимулами для анализа проблематики ШОС являются принципиальные трансформации мирового порядка, создающие условия для частичного переопределения миссии Организации.

США при администрации Д. Трампа провозгласили Китай и Россию основными силами, бросающими вызов американскому могуществу, влиянию и интересам [National Security...]. При этом в

тексте Стратегии национальной безопасности США, подписанном Д. Трампом в декабре 2017 г., именно Китай рассматривается как держава, способная уверенно противостоять Соединенным Штатам по максимальному набору параметров. Балансируя на грани развязывания беспрецедентной по масштабам торговой войны и решившись на юридическое преследование ключевых фигур китайского бизнес-сообщества, Вашингтон подтвердил, что рассматривает Пекин в качестве принципиального оппонента. Достижение компромиссных соглашений между США и КНР по вопросам торговли и инвестиций вполне возможно, но, очевидно, оно не будет означать изменение основного вектора китайско-американских противоречий. В российском экспертном сообществе крепнет уверенность в том, что конкуренция между США и Китаем станет «стержнем» глобальной политики на несколько ближайших десятилетий.

Рассматривая Китай и Россию как угрозу и в свою очередь угрожая важнейшим интересам этих стран, США невольно способствуют дальнейшему укреплению российско-китайского стратегического партнерства. Само это партнерство по своим масштабам и задачам все в большей степени может приближаться к статусу союза, условия и устойчивость которого, однако, не регламентируются межгосударственными соглашениями.

Несомненно, что эти тенденции будут иметь серьезные последствия для Центральной Евразии. Ныне появляются основания говорить о «пекинско-московском консенсусе» [*Cau*] — своеобразной системе совместного влияния, направленной на обеспечение стабильности макрорегиона и предполагающей совместную защиту интересов России и Китая при функциональном распределении ролей между ними. Несомненно, что при этом будет происходить сокращение экономического, военного и политико-идеологического влияния США и Запада на этот макрорегион. В глобальном контексте это повлечет за собой общее ослабление американской гегемонии, но в то же время будет наблюдаться не просто сосуществование, но и наращивание экономического взаимодействия Центральной Евразии с Европой, другими регионами и странами, где доминирует западная политико-институциональная модель.

Строго говоря, ШОС на протяжении большей части своего существования способствовала движению именно в этом направлении. Китай и Россия имели достаточно возможностей, чтобы ШОС выступала в качестве важного инструмента «пекинского-московского консенсуса». Однако предпочтение было отдано тому, чтобы сделать ШОС более многосторонней организацией, способной учитывать расширенный спектр интересов и оказывать стабилизирующее влияние на евразийский континент в целом. Данный выбор, согласованный между Москвой и Пекином, представляется весьма дальновидным: российско-китайское стратегическое партнерство по-прежнему остается «центром притяжения» в Центральной Евразии, но ШОС способствует вовлечению других стран и регионов в более масштабные геополитические трансформации, в которых наряду с Китаем и РФ очень важную роль предстоит сыграть Индии. При этом Россия и КНР фактически согласились с тем, что ШОС не будет выступать в качестве непосредственного оппонента руководимых Соединенными Штатами альянсов.

Такое расширение функционала и географического ареала ШОС является для нее серьезным вызовом, требующим значительных организационных усилий и дипломатического мастерства. Поэтому можно считать большой удачей, что в первый год после расширения состава ШОС председательство в Организации осуществлял Китай. Пекин в это время предложил ШОС конструктивную повестку совместной работы. При этом продолжалась реализация инициативы «Один пояс, один путь» и ее сопряжение с интеграционными процессами в рамках ЕАЭС. Для мировой политики это означало уверенное продвижение по пути формирования полицентричного мирового порядка, а для мировой экономики — диверсификацию транспортных коридоров и дальнейшую реструктуризацию глобальных цепочек добавленной стоимости в пользу Китая и некоторых других стран незападного мира [*Diesen*, с. 1—15].

Кульминационным пунктом китайского председательства в ШОС стала встреча глав государств и правительств, проходившая 9—10 июня 2018 г. в Циндао. Очень важными для ее благоприятного исхода явились предварительные переговоры в неформальной обстановке между председателем КНР Си Цзиньпином и премьер-ми-

нистром Индии Нарендрой Модии в Ухане. В ходе этих переговоров в основном удалось преодолеть напряженность, связанную с инцидентами на плато Доклам и в районе озера Пангонг-Цо летом 2017 г., а также с политическим кризисом на Мальдивских островах, и переключиться на конструктивное расширение политической и экономической повестки и в двусторонних отношениях, и в форматах ШОС и БРИКС. Если учесть, что после переговоров в Ухане Н. Модии также имел встречу с президентом России В. Путиным в Сочи, то становится понятным, что трехстороннее взаимодействие в формате РИК следует рассматривать в качестве основы для дальнейшего развития Шанхайской организации сотрудничества.

На саммите в Циндао лидеры стран ШОС убедительно продемонстрировали готовность к поступательному развитию сотрудничества, а в итоговой Декларации сформулировали согласованные подходы по ряду ключевых проблем глобальной экономики и мировой политики. В числе факторов глобальной нестабильности и неопределенности Декларация называет односторонние протекционистские меры и другие вызовы в международной торговле, обострение конфликтов в ряде регионов, резкий рост угроз терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности, эпидемий инфекционных заболеваний и климатические изменения [Qingdao Declaration ...]. Признавая переходный и турбулентный характер современных международных отношений, лидеры стран ШОС подтвердили готовность внести значительный вклад в объединение усилий мирового сообщества для противодействия этим глобальным вызовам. Принципиальное значение имеет поддержка всеми странами расширенной ШОС позитивной программы строительства международных отношений нового типа, воплощающих взаимное уважение, справедливость, равенство, взаимовыгодное сотрудничество, — программы, концептуальной основой которой являются идеи создания «сообщества единой судьбы человечества».

Циндаоская декларация уделяет значительное внимание проблемам Центральной Азии. Очевидно в этом проявилось стремление снять возможные опасения того, что расширение ШОС приведет к ухудшению стратегической роли Центральной Азии и даже к ее периферизации [Luzyanin S., Zhao Huasheng et al.]. В частности, в Дек-

ларации выражена поддержка усилиям «стран Центрально-Азиатского региона по активизации сотрудничества в политической, экономической, культурно-гуманитарной и других сферах» [Qingdao Declaration...], причем отдельная позитивная характеристика дана первой консультативной встрече глав государств Центральной Азии (г. Астана, 15 марта 2018 г.). Эти новые тенденции в регионе Центральной Азии были обусловлены, в первую очередь, политическими изменениями в Узбекистане: Шавкат Мирзиёев, избранный президентом страны после смерти Ислама Каримова, в короткий срок резко активизировал внешнюю политику Узбекистана. Благодаря его усилиям удалось добиться прорыва в урегулировании значительной части пограничных проблем с Кыргызстаном, Туркменистаном, Казахстаном и Таджикистаном. Циндаоская декларация подтвердила, что важные новации в межгосударственных отношениях стран Центрально-Азиатского региона рассматриваются Пекином и Москвой как вполне совместимые с инициативой «Один пояс, один путь», интеграционными процессами в рамках ЕАЭС и возможностями кооперации внутри ШОС.

Вместе с тем Декларация саммита в Циндао показала, что различия в подходах к важным вопросам многостороннего сотрудничества в Евразии полностью устранить не удастся. В Декларации была высказана поддержка идеи сопряжения китайской инициативы «Пояса и пути» и интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. Однако в перечне стран ШОС, поддержавших сопряжение «Пояса и пути» и ЕАЭС, отсутствует Индия. Тем самым Нью-Дели продолжил демонстрировать сдержанное отношение к китайской инициативе. В то же время индийская сторона воздержалась от того, чтобы вовсе заблокировать какое-либо упоминание о сопряжении.

В контексте расширения и новой геополитической роли ШОС проблематика безопасности приобретает новые измерения. Это в полной мере относится и к функционированию Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС). В Циндаоской декларации задачи РАТС определены согласно предложениям китайской стороны как борьба с «тремя силами зла» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В такой постановке проблем безопасности

следует видеть еще один успех китайского председательства. Согласие всех членов ШОС с необходимостью противостояния «трем силам зла» также особенно важно ввиду того, что в будущем внутри РАТС возможно усиление противоречий между Индией и Пакистаном по вопросу, какие конкретно группы следует считать террористическими и экстремистскими.

В связи с расширением ШОС проблема поддержания безопасности в Центральной Азии ни в коем случае не утрачивает своего значения. Но если прежде Афганистан мог рассматриваться, скорее, в качестве внешнего фактора центральноазиатской безопасности, то теперь урегулирование ситуации в этой стране оказывается столь же значимым для успеха дальнейшей работы ШОС. За исключением США, все внешние участники афганского урегулирования являются полноправными членами ШОС или имеют статус наблюдателя (Иран). Разумеется, различие интересов отдельных стран — членов ШОС не только может, но и наверняка будет проявляться в отношении конкретных политических и военных параметров внутриафганского урегулирования, роли в этом процессе движения «Талибан» (запрещенного в России), а также американского присутствия в Афганистане.

Ситуация в ИРА становится наиболее серьезным вызовом для ШОС. Развитие событий драматическим образом ускорило в начале 2019 г., когда США в ходе прямых переговоров (без участия правительства в Кабуле) с представителями «Талибана» наметили основные параметры компромиссного решения по выводу войск США из Афганистана в обмен на гарантии талибов не укрывать на территории ИРА террористические группы и не сотрудничать с ИГ (запрещенного в России). И хотя предполагается, что для достижения в рамках этих переговоров согласия о политическом будущем Афганистана потребуется участие нынешнего кабульского правительства, фактически речь идет о готовности Вашингтона при определенных условиях смириться с доминирующей ролью «Талибана» в будущей афганской политике.

На протяжении 2018 г. Россия при поддержке стран ШОС внесла значительный вклад в поиск внутриафганского урегулирования. Несмотря на официальный запрет «Талибана» в России, российская

дипломатия исходила из реалистической оценки развития событий в ИРА, выстраивая диалог с основными группами, оказывающими влияние на военно-политическую ситуацию в этой стране. Судя по всему, перспективы продвижения межафганского диалога в Московском формате, наряду с установкой президента Трампа на прекращение или радикальное сокращение прямого американского военного участия в конфликтах на Ближнем и Среднем Востоке, побудили Вашингтон активизировать собственные дипломатические усилия. Под давлением США правительство Ашрафа Гани на протяжении 2018 г. тормозило процесс переговоров в многостороннем Московском формате, несмотря на постоянное ухудшение ситуации с безопасностью и расширение неконтролируемой Кабулом части территории Афганистана. В результате в начале 2019 г. американские дипломаты вступили в прямые переговоры с «Талибаном», а оставленному в стороне президенту Гани [U.S., Taliban...] пришлось напоминать афганцам о печальной участи своего предшественника Наджибуллы, казненного талибами в 1996 г.

Торможение межафганского диалога в Московском формате вовсе не означает, что у России, Китая, Пакистана, Индии, других стран-членов ШОС больше нет возможностей влиять на ситуацию в ИРА. Скорее можно говорить о временной паузе, когда вопрос о выводе американских войск будет согласовываться США напрямую с талибами. Но даже на этом этапе и талибы, и правительство в Кабуле будут заинтересованы в расширении диалога со странами ШОС (включая Иран, имеющий в Организации статус наблюдателя). В случае начала вывода американских войск будет усиливаться «вакуум безопасности», и те власти, которые в тот момент будут фактически контролировать большую часть территории Афганистана, неизбежно активизируют взаимодействие с ведущими странами ШОС и, вероятно, — с Организацией в целом. Перед ШОС, таким образом, встанет задача широкого содействия (исключающего прямое военное вмешательство) дальнейшей стабилизации в Афганистане и недопущения переброски террористических группировок (прежде всего, так или иначе связанных с ИГ) на территорию стран Центральной Азии.

Между тем в российском военно-дипломатическом и экспертном сообществе всерьез опасаются возможной преднамеренной дес-

табилизации в Центральной Азии как «сопутствующего» результата американской «стратегии выхода». Основная угроза в данном случае может исходить вовсе не от «Талибана», а от ряда других транснациональных экстремистских группировок, для которых Афганистан служит по большей части транзитной территорией. В зоне наибольшей уязвимости находятся Таджикистан, не входящий в ШОС и ОДКБ Туркменистан, а также Киргизия, государственные институты которой до сих пор остаются недостаточно упорядоченными. Тем не менее, наиболее реалистичный сценарий (предполагающий осложнение обстановки), может быть связан вовсе не с переносом «джихада» в Центральную Азию, а с симбиозом экстремизма и наркоторговли и попытками отдельных государств региона силовыми методами защитить себя от такого рода «комбинированной активности». Сложность ситуации может состоять в том, что активные действия, начинаясь со спецоперации национальных сил по борьбе с наркотрафиком и иными видами криминальной деятельности, затем станут перерастать в более масштабный и интенсивный конфликт, урегулировать который без привлечения коллективных силовых ресурсов будет весьма сложно. Очевидно, что на такое развитие событий необходима адекватная и своевременная реакция со стороны ОДКБ как организации региональной безопасности, а также со стороны ШОС и ее антитеррористической структуры. Насущной задачей становится усиление координации между ОДКБ и ШОС по вопросам безопасности и борьбы с силами «трех зол».

В целом следует подчеркнуть, что возможный уход США и НАТО из Афганистана будет означать фактическое признание Западом своего поражения, влекущего за собой чрезвычайно важные геостратегические последствия. В этом контексте активная роль ШОС и согласованность позиций входящих в нее стран становятся ключевыми внешними факторами стабилизации Афганистана, а вместе с ним — всей Центральной Азии.

В связи с этим имеет смысл подробнее рассмотреть новую расстановку сил внутри ШОС. Ее расширение за счет Индии и Пакистана означает как существенный рост политико-экономического веса ШОС, так и неизбежную абсорбцию Организацией тех межгосударственных противоречий, которые прежде имели для ШОС пе-

риферийное значение. Речь идет, во-первых, о глубоких противоречиях между Индией и Пакистаном, сопровождающих всю историю их существования в качестве независимых государств, во-вторых — о территориальных разногласиях между КНР и Индией, препятствующих выстраиванию глубоких доверительных отношений между ними, и, в-третьих, о том, что решающим фактором дальнейшего развития ШОС становится взаимодействие в треугольнике «Россия—Индия—Китай».

Индо-пакистанское соперничество потенциально является наиболее серьезной проблемой, способной привести к существенному снижению эффективности ШОС. Однако работа Организации в расширенном составе в 2018 г. дает повод для осторожного оптимизма. Совершенно очевидно, что в 2018 г. и Пакистан, и Индия стремились к тому, чтобы их противоречия не сказались негативно на функционировании ШОС. Разумеется, расчеты на то, что длящийся более 70 лет индо-пакистанский конфликт удастся урегулировать именно в формате Организации, являются нереалистичными. В частности, Индия весьма негативно относится к каким-либо попыткам вывести урегулирование конфликта за рамки двусторонних отношений. Однако одновременное участие в ШОС Индии и Пакистана может расширить сферы и нарастить опыт позитивного взаимодействия двух стран, создав со временем более благоприятную атмосферу для поиска урегулирования фундаментальных разногласий между ними. В известном смысле эта тенденция проявилась в ходе нового кризиса в отношениях между двумя странами, разразившегося в начале 2019 г. Хотя Индия на официальном уровне продолжает заявлять об отказе от посредничества третьих стран, фактически (по данным пакистанских источников [*Yousaf*]) в сравнительно быстром преодолении этого кризиса наиболее важную роль сыграла Россия при поддержке Китая.

Новая ситуация полноправного одновременного участия Индии и Пакистана в ШОС позволяет Москве более решительно идти по пути укрепления отношений с Пакистаном. Существенное сближение позиций по Афганистану и ухудшение отношений России и ИРП с США создают возможности для вывода двустороннего взаимодействия на уровень продвинутого партнерства. Политические

элиты РФ и Пакистана все глубже осознают, что стратегические интересы двух стран продолжают сближаться и не последнюю роль в этом играет фактор дружественных отношений с Китаем.

Россия заинтересована в расширении доступа на рынок Пакистана, даже несмотря на тяжелое положение, в котором сейчас находится экономика ИРП. В России растет интерес к использованию Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и порта Гвадар, хотя в силу географических и логистических факторов экономическая эффективность освоения российскими грузоотправителями этого маршрута пока не до конца очевидна.

Таким образом, Россия будет стремиться использовать новые возможности сотрудничества в рамках ШОС как для содействия в снижении напряженности в пакистано-индийских отношениях, так и для укрепления российско-пакистанского партнерства. Однако линия на «балансирование» между Индией и Пакистаном все же сохранится, хотя и будет использоваться более выборочно и, вероятно, в более широком геостратегическом контексте. Так, можно предположить, что, расширяя военно-техническое сотрудничество с Исламабадом, Москва будет тем самым предостерегать Нью-Дели от чрезмерного сближения с США в формате Четырехстороннего диалога (Quad). В то же время следует учитывать, что увлечение индийской элиты концептом Индо-Тихоокеанского региона и особенно перспективами сотрудничества с США, Японией и Австралией, обусловлено в решающей степени наличием целого комплекса проблем в китайско-индийских отношениях.

Трехстороннее взаимодействие России, Индии и Китая продолжает сегодня исполнять роль «несущего каркаса» БРИКС. Равным образом этот трехсторонний формат становится доминантой и в ШОС. Треугольник РИК, разумеется, никогда не представлял собой антиамериканский альянс, но, тем не менее, он способствовал тому, что ведущие страны незападного мира все более уверенно заявляли о своих правах на достойное место в мировом порядке XXI века.

Можно говорить о двух сценариях взаимодействия России, Индии и Китая и его влияния на ШОС. Первый сценарий предполагает, что наиболее позитивными параметрами в этом треугольнике бу-

дут отличаться российско-китайские и российско-индийские отношения, тогда как отношения между Китаем и Индией окажутся более проблемными, характеризующимися периодами и подъема, и спада. В этом случае роль России будет состоять в том, чтобы способствовать достижению в рамках РИК работоспособных компромиссов по текущей повестке ШОС и БРИКС. При благоприятных обстоятельствах три страны могут сформулировать общую позицию по значимым международным проблемам или своевременно реагировать на те или иные кризисные процессы в сферах экономики или безопасности.

Второй сценарий предполагает постепенное качественное углубление и расширение сотрудничества в формате РИК, основанное на общем видении геополитических трансформаций в Большой Евразии. В этом случае можно предположить, что ШОС с течением времени станет основой формирования Большого евразийского партнерства, а Россия, Индия и Китай совместно придут к пониманию своей основополагающей роли в формировании «человечества единой судьбы».

В настоящее время более реалистичным выглядит первый сценарий. Заявляя о многовекторности своей внешней политики, Индия стремится к укреплению ее позиций как крупной державы, дружественные отношения с которой хотят развивать все ведущие «игроки» мировой политики. Средствами достижения этих целей являются и диалог в формате РИК, и полноправное членство в ШОС, и участие в Quad вместе с США, Японией и Австралией. С точки зрения геополитики, концепция Большой Евразии предлагает Индии роль одной из главных опор формирующегося мегарегиона. В свою очередь концепция Индо-Тихоокеанского региона «помещает Индию в центр региональной системы безопасности» [*Unjhwala*], позволяя при этом избежать в этом регионе чьего-либо преобладания. Правда, будучи доведенной до своего логического завершения, концепция Индо-Тихоокеанского региона означает вовлечение Индии в «сдерживание» Китая под руководством США. Но если Индия сделает этот шаг и интегрируется в руководимые США военно-политические альянсы, то это будет означать, что она окажется по другую сторону геополитического фронта и по отношению к России.

Можно предположить, что как правительство Нарендры Моди, так и другие ответственные политические силы Индии, продолжая развитие отношений в рамках Quad и приближаясь затем к определенной черте риска (ее можно назвать и красной линией), вновь будут акцентировать постулат о стратегической автономии и многовекторности своей внешней политики. Ряд индийских экспертов рекомендуют сохранять участие Индии в различных многосторонних форматах сотрудничества, поскольку такое участие, во-первых, подтверждает рост ее авторитета на мировой арене и, во-вторых, отражает потребность в демонстрации своего повсеместного присутствия в качестве серьезного глобального игрока [*Unnikrishnan, Purushothaman*].

Вместе с тем участие Индии в ШОС скорее всего станет преградой для эволюции Организации в направлении антизападного геополитического альянса. Очевидно, что совместное противостояние гегемонистскому курсу США — это, в первую очередь, ключевое направление стратегического партнерства России и Китая, а также группы поддерживающих их стран, состав которых не полностью совпадает с нынешним составом ШОС.

Что касается российско-индийской стороны треугольника РИК, то здесь есть свои особенности. В отличие от всестороннего и постоянного совершенствующегося партнерства России и Китая, отношения Москвы с Нью-Дели в основном продолжают базироваться на инерции прежних советско-индийских отношений, военно-техническом сотрудничестве и далекой от системной полноты торгово-экономической кооперации.

Отсутствие серьезного конфликта интересов и давние традиции дружбы являются важными, но недостаточными основаниями для дальнейшего развития российско-индийских отношений. В России еще не до конца осознали, что в отличие от советской эпохи, Индия больше не будет играть роль младшего партнера, что по своему экономическому весу эта страна вошла в число мировых лидеров и что амбиции ее политической и экономической элиты являются очень серьезными. Здесь, очевидно, потребуется коррекция подходов с российской стороны. Не менее значимой является задача обновления модели торгово-экономического сотрудничества между Моск-

вой и Нью-Дели. Здесь обе стороны должны приложить значительные усилия к достижению существенного прогресса, включая снятие существующих бюрократических барьеров и улучшение условий инвестирования. Недостаточная (особенно по сравнению с Китаем) экспортная ориентированность индийской экономики в известном смысле облегчает задачу формирования зоны свободной торговли между Индией, Россией и другими странами ЕАЭС. Большое значение для перспектив российско-индийской торговли и экономического сотрудничества будет иметь открытие мультимодального транспортного коридора Север—Юг, включающего также Иран и Азербайджан. Данный транспортный коридор является меридиональным и с точки зрения России он служит важным дополнением, а не противовесом широтным транспортным коридорам, формируемым в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

В целом можно говорить о том, что дружественным российско-индийским отношениям еще предстоит пройти через этап модернизации. По всей видимости, Индия и Россия и далее будут развивать сотрудничество таким образом, чтобы укреплять свое положение в качестве мощных и влиятельных «игроков» в трансформирующейся системе международных отношений. При этом Москва будет прилагать усилия, чтобы взаимодействие в формате РИК было как можно более содержательным и конструктивным, способным находить решения для все более масштабных проблем в интересах России, Индии и Китая, а также государств, с которыми эти три страны сотрудничают в рамках ШОС и БРИКС.

Библиографический список

Cau E. The geopolitics of Beijing-Moscow consensus // *The Diplomat*. 04.01.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-geopolitics-of-the-beijing-moscow-consensus> (accessed: 12.05.2019).

Diesen G. China's geoeconomics and "the new cold war" // *Valdai papers*. 2018. No. 96. P. 1—15.

Joshi M. Why India should be wary of the Quad // *The Wire*. 13.11.2017. URL: <https://thewire.in/diplomacy/india-us-japan-australia-quadrilateral-alliance> (accessed: 12.05.2019).

Luzyanin S., Zhao Huasheng et al. Russian—Chinese dialogue: the 2018 model. Report No. 39/2018. Moscow: NPMP RIAC, 2018. 152 p.

National security strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 12.05.2019).

Qingdao declaration of the Council of Heads of State of Shanghai Cooperation Organisation. 10.06.2018. URL: <http://eng.sectesco.org/load/443667> (accessed: 12.05.2019).

Unjhawala Y.T. Quad needs both economic & military plan for Indo-Pacific // Economic Times. 23.02. 2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/quad-needs-both-economic-military-plan-for-indo-pacific/articleshow/63049831.cms> (accessed: 12.05.2019).

Umnikrishnan N., Purushothaman U. Indian approaches to multilateral cooperation and institutions in Eurasia // Russia in Global Affairs. 09.01.2019. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Indian-Approaches-to-Multilateral-Cooperation-and-Institutions-in-Eurasia-19932> (accessed: 12.05.2019).

U.S., Taliban move closer to deal on American troop exit // The Washington Post. 28.01.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/afghan-president-calls-for-direct-talks-with-taliban-us-tentatively-agrees-on-framework-that-could-lead-to-troop-withdrawal/2019/01/28/23ecbaba-22f9-11e9-81fd-b7b05d5bed90_story.html?utm_term=.d65100dd3cf2 (accessed: 12.05.2019.)

Yousaf K. Russia's 'unnoticed' efforts helped defuse Indo-Pak tensions // The Express Tribune. 24.03.2019. URL: <https://tribune.com.pk/story/1936404/1-russias-unnoticed-efforts-helped-defuse-pak-india-tensions/> (accessed: 12.05.2019).

References

Cau, E. (2018). The geopolitics of Beijing-Moscow consensus, The Diplomat. January 04. URL: <https://thediplomat.com/2018/01/the-geopolitics-of-the-beijing-moscow-consensus> (accessed: 12 May, 2019)

Diesen, G. (2018). China's geo-economics and "the new cold war", Valdai papers. No. 96: 1—15.

Joshi, M. (2017). Why India should be wary of the Quad, The Wire. November 13. URL: <https://thewire.in/diplomacy/india-us-japan-australia-quadrilateral-alliance> (accessed: 12 May, 2019).

Luzyanin, S.; Zhao Huasheng et al. (2018). Russian—Chinese dialogue: the 2018 model. Report No. 39/2018. Moscow: NPMP RIAC. 152 p.

National security strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 12 May, 2019).

Qingdao declaration of the Council of Heads of State of Shanghai Cooperation Organisation (2018). URL: <http://eng.sectesco.org/load/443667/> (accessed: 12 May, 2019).

Unjhawala, Y.T. (2018). Quad needs both economic & military plan for Indo-Pacific, *Economic Times*, February 23. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/quad-needs-both-economic-military.plan-for-indo-pacific/articleshow/63049831.cms> (accessed: 12 May, 2019).

Unnikrishnan, N.; Purushothaman, U. (2019). Indian approaches to multilateral cooperation and institutions in Eurasia, *Russia in Global Affairs*. No. 09.01. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/valday/Indian-Approaches-to-Multilateral-Cooperation-and-Institutions-in-Eurasia-19932> (accessed: 12 May, 2019).

U.S., Taliban move closer to deal on American troop exit (2019), *The Washington Post*, January 28. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/afghan-president-calls-for-direct-talks-with-taliban-us-tentatively-agrees-on-framework-that-could-lead-to-troop-withdrawal/2019/01/28/23ecbaba-22f9-11e9-81fd-b7b05d5bed90_story.html?utm_term=.d65100dd3cf2 (accessed: 12 May, 2019).

Yousaf, K. (2019). Russia's 'unnoticed' efforts helped defuse Indo-Pak tensions, *The Express Tribune*. March 24. URL: <https://tribune.com.pk/story/1936404/1-russias-unnoticed-efforts-helped-defuse-pak-india-tensions/> (accessed: 12 May, 2019).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10007

Ю.В. Кулинцев

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ШОС И КОНЦЕПЦИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ»: ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Аннотация. В статье анализируется содержание разделов концепции ЭПШП и Стратегии развития ШОС, посвященных гуманитарному сотрудничеству. Автор показывает, что оба программных документа предполагают создание и использование различных коммуникационных площадок, ориентированных на целый ряд социальных групп (таких, как, например, Медиа-форум ШОС, Женский форум ШОС, Бизнес-форум ШОС, встречи экспертов-представителей профильных министерств, фестивали культуры, кино, театрального искусства под эгидой ОПОП, спортивные мероприятия, образовательные платформы), позволяющих на основе опыта различных культур формировать и стимулировать новые сферы сотрудничества, постепенно вводя их в инструментарий «мягкой силы» ШОС и ОПОП.

Готовность стран-членов совершенствовать гуманитарное направление Организации не только через формирование коммуникационных площадок, но и путем включения выполнимых положений о культурно-гуманитарной кооперации в совместные документы, создания нормативно-правовой базы для культурно-гуманитар-

ного взаимодействия демонстрирует стремление ШОС придать этой сфере стабильный, надежный и долгосрочный характер.

Так, созданные в рамках ШОС механизмы встреч министров культуры и образования несут в себе серьезный потенциал, весьма полезный в деле реализации концепции Экономического пояса Шелкового пути. Благодаря «ресурсу коллективности», эти встречи имеют синергетический эффект, когда создаваемый общий результат работы превышает по значению результат «сложения» усилий отдельных его участников. Потому итоги таких встреч вносят ощутимый вклад также и в дело совместного построения будущего справедливого миропорядка.

Расширению культурно-гуманитарных связей посвящен особый раздел в концепции Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Акцент в нем делается на развитии взаимопонимания и на сближении различных цивилизаций, создающих «социальный фундамент» для строительства ЭПШП. Благодаря своему обширному культурно-цивилизационному базису проект ЭПШП может надеяться даже на постепенное вызревание его мировоззренческого компонента. Ныне же использование исторического контекста древнего Шелкового пути позволяет объединить под единым форматом государства, значительно отличающиеся внутренним политическим устройством и уровнем экономического развития. Это дает основания воспринимать концепцию ЭПШП и как экономический, и как культурно-гуманитарный интеграционный проект.

Автор приходит к выводу, что акцент на гуманитарных связях, прослеживающийся в программных документах, является констатацией необходимости применения «мягкой силы» в реализации планов ЭПШП и политики ШОС, способствующей формированию как положительного имиджа отдельных стран-участниц, так и этих интеграционных объединений в целом. В статье также обозначены кооперационные возможности, возникающие благодаря осуществлению гуманитарного сотрудничества в рамках ЭПШП и ШОС.

Ключевые слова: культурно-гуманитарное сотрудничество, Стратегия развития ШОС, концепции ЭПШП, международные отношения, Китай, «мягкая сила».

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: kulintsev.y@ ifes-ras.ru

Yu. V. Kulintsev

The SCO Development Strategy and the Silk Road Economic Belt concept: integration potential of cultural and humanitarian cooperation

Abstract. The article contains analysis of those sections of the SREB concept and the SCO Development strategy which are devoted to the humanitarian cooperation. The author shows that both program documents presume establishment and application of communication platforms based on the experience of different civilizations and different cultures in order to form and stimulate various spheres of interaction, and to become an important element of the substantial development of each member State.

There have been created mechanisms of Ministerial meetings within the SCO framework. These mechanisms seem applicable for the Silk Road Economic Belt as well. They can lead to the synergy effect, when value of common achievements exceeds the effect of “simply” summarized efforts of all participant parties. Therefore, the results achieved here make a more tangible contribution to the joint construction of a new and just world order. Political leadership of the two countries demonstrates common strive to give the humanitarian cooperation a stable and long-term character of sustainable interaction.

Chinese Belt and Road Initiative concept includes special sections describing the development of the humanitarian cooperation. Much attention is given to the promotion of mutual understanding and approximation of different civilizations, which can contribute to the creation of called “social basis” of the SREB. The powerful ideological component of the SREB is represented by its cultural and civilizational basis. The experience of the Ancient silk road made it possible to unite many States within a single format; even those of them which significantly differ in their political regimes and level of economic development. Therefore, the concept of the SREB may be represented as an economic initiative and cultural-humanitarian integration project as well.

The author comes to the conclusion that the emphasis on humanitarian ties, which can be traced in the above mentioned program documents, is an independent vector and a manifestation of so called “soft power” in the promotion of SREB and SCO politics aimed at the formation of a positive image of individual member States and integration associations as a whole. The article also identifies the integration opportunities arising from the humanitarian cooperation within the framework of the SREB and the SCO.

Keywords: cultural cooperation, SCO development strategy, Silk Road Economic Belt, international relations, China, “soft power”.

Author: Yury V. KULINTSEV, Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru).

Сфера культурных и гуманитарных связей всегда являлась и является особым направлением международного взаимодействия. Значение потенциала гуманитарного вектора отмечается во всех масштабных международных инициативах и концепциях. В этом смысле ШОС не является исключением. Так, статья 1 Хартии ШОС гласит, что основные цели и задачи Организации — это «поощрение эффективного сотрудничества в культурной и других областях; содействие всестороннему социальному и культурному развитию», а в статье 3 постулируется, что одним из направлений сотрудничества является «расширение взаимодействия в области науки и техники, образования, здравоохранения, культуры, спорта и туризма» [Хартия ШОС].

Дальнейший анализ программных документов показывает, что «к настоящему времени сложились предпосылки для выведения ШОС на качественно новый уровень, характеризующийся повышением эффективности сотрудничества в сферах развития культурных и гуманитарных связей», при этом государства — члены ШОС одной из своих общих целей на период до 2025 г. считают «расширение культурно-гуманитарных связей, а также развитие контактов между людьми» [Стратегия развития ШОС..., 2015].

В Стратегии развития ШОС до 2025 г., принятой на Уфимском саммите (в 2015 г.), отдельный раздел посвящен культурно-гуманитарному взаимодействию. Международные акторы договорились, что это сотрудничество будет осуществляться в двустороннем и многостороннем форматах.

Основными его направлениями были определены:

- расширение связей между образовательными, научными и исследовательскими учреждениями;
- реализация совместных научно-исследовательских программ и проектов;

- создание баз данных и реестров памятников архитектуры;
- проведение научно-технической и искусствоведческой экспертизы;
- музейное проектирование;
- развитие взаимных туристских потоков;
- взаимодействие в области здравоохранения;
- взаимодействие в сфере охраны окружающей среды, экологической безопасности;
- предотвращение негативных последствий изменения климата [Стратегия развития ШОС..., 2015].

Нормативно-правовой основой для выполнения указанных задач является Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области культуры 2007 г. [Соглашение между правительствами... , 2007]. На Ташкентском саммите ШОС решением Совета глав государств-членов был принят План действий на 2016—2020 гг. по реализации Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. [План действий... , 2016], который подразумевает развитие практики регулярного проведения совещаний министров образования, встреч экспертов государств-членов, наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС, представителей Секретариата ШОС.

Кроме того, созданные в рамках ШОС механизмы встреч министров культуры и образования несут в себе серьезный потенциал, весьма полезный для реализации концепции Экономического пояса Шелкового пути. Благодаря «ресурсу коллективности» этих встреч, они имеют синергетический эффект, когда общий результат работы превышает по важности результат «сложения» усилий отдельных его участников. В силу этого коллективная деятельность вносит ощутимый вклад в дело совместного построения будущего справедливого миропорядка.

Официальные лица многократно отмечали важность гуманитарного взаимодействия, которое становится одним из драйверов развития многих сфер сотрудничества в формате ШОС. Выступая на саммите глав государств ШОС в Циндао в 2018 г., председатель КНР Си Цзиньпин призвал «упрочить гуманитарное сотрудничество, активно реализовывать Концепцию сотрудничества в области охраны

окружающей среды государств — членов ШОС, продолжать практику организации молодежных лагерей, продвигать многоплановое сотрудничество в сферах образования, науки и техники, культуры, туризма, здравоохранения, ликвидации последствий стихийных бедствий и СМИ» [Годовой обзор... , 2018].

В основополагающем документе «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» [Видение и действие... , 2015], раскрывающем видение китайских властей принципов реализации указанной инициативы, отмечается необходимость координации различных мер (включая политические, финансово-экономические и инфраструктурные) по развитию гуманитарных обменов через многосторонние механизмы и многоуровневые платформы.

Развитию культурно-гуманитарных связей также посвящен отдельный раздел в концепции ЭПШП. Там особый акцент делается на развитии взаимопонимания и сближении различных цивилизаций как механизмов создания «социального фундамента» ЭПШП. Мощным объединяющим «агентом» ЭПШП являются ее культурно-цивилизационные корни. Использование исторического опыта древнего Шелкового пути оказалось весьма полезным в деле объединения государств, значительно отличающихся своим внутривнутриполитическим устройством и уровнем экономического развития, в целях достижения общих задач экономического роста. Это позволяет трактовать ЭПШП не только как экономический, но и как культурно-гуманитарный интеграционный проект.

Концепция Экономического пояса Шелкового пути не предполагает изменения политических систем стран-участниц, она не направлена против каких-либо блоков или объединений, наоборот — она носит инклюзивный характер, будучи прозрачной и открытой. При этом Пекин как автор ЭПШП выступает за сопряжение этой инициативы со стратегиями развития государств-участников и готов приспособлять ее к уже существующим механизмам межстранового взаимодействия.

Что касается гуманитарной сферы, то концепция Экономического пояса Шелкового пути, наряду с культурными и научными об-

менами, сотрудничеством в области СМИ, предполагает и развитие контактов по линии молодежных организаций и волонтерского движения.

Китайской стороной был анонсирован и запущен крупный образовательный проект, направленный на развитие студенческих обменов в рамках ЭПШП. Правительство Китая ежегодно выделяет 10 тыс. грантов для студентов из стран, участвующих в строительстве Экономического пояса Шелкового пути, часть их которых успешно реализуется в рамках проекта Университета ШОС [Кулинцев, 2017, с. 59—63].

Основными направлениями гуманитарного вектора ЭПШП являются:

- проведение совместных Годов культуры;
- проведение кино- и телевизионных фестивалей;
- организация книжных ярмарок;
- подача совместных заявок на регистрацию объектов мирового наследия ЮНЕСКО;
 - увеличение масштабов туристических обменов;
 - развитие обменов в области спорта;
 - расширение сотрудничества в медицинской сфере;
 - укрепление научного сотрудничества;
 - активизация усилий по охране экологии и сохранению биологического разнообразия;
- использование интернет-платформ и новых СМИ в деле формирования дружеской культурной среды и позитивного общественного мнения [Видение и действие... , 2015].

Сравнительный анализ содержания разделов, посвященных гуманитарному сотрудничеству в концепции ЭПШП и в Стратегии развития ШОС, показывает, что оба этих программных документа предполагают создание и использование коммуникационных площадок, ориентированных на различные социальные группы: например, такие, как форумы (Медиа-форум ШОС, Женский форум ШОС, Бизнес-форум ШОС), экспертные встречи (представителей профильных министерств), фестивали (кино, культуры, театрального искусства под эгидой ОПОП, спортивные мероприятия (Марафон ШОС), образовательные платформы (сетевой Университет

ШОС), туристические маршруты, позволяющие на основе опыта различных цивилизаций и культур формировать и стимулировать новые сферы сотрудничества, постепенно вводя их в инструментарий «мягкой силы» ШОС и ОПОП. Подобная интеграция, а также повышение разнообразия форм взаимодействия с соседними странами в значительной мере способствует устойчивости развития каждой из стран-участниц.

Успех гуманитарного трека становится одним из важнейших факторов результативности межгосударственного сотрудничества как такового. Игнорирование или недостаточное внимание к этой области может возыметь эффект «отложенного» характера, способный проявиться спустя пять-десять лет, и привести к торможению многосторонних связей между международными акторами, а при дальнейшем усугублении ситуации — к осложнениям на политическом и экономическом уровнях [Морозов, Сафронова, 2014, с. 37].

Необходимо отметить, что с географической точки зрения ЭПШП, один из основных маршрутов которого проходит по странам Центральной Азии, в значительной мере затрагивает территориальную зону ответственности Шанхайской организации сотрудничества.

Стратегию развития ШОС и концепцию Экономического пояса Шелкового пути помимо географического фактора «роднит» ряд других важных обстоятельств. В рамках двух проектов, как уже указывалось, большое внимание уделяется тому аспекту гуманитарного сотрудничества, который нацелен на воспитание молодого поколения, а сфера образования рассматривается как возможное широкое «поле» приложения совместных усилий.

Богатство наработанного в рамках ШОС опыта гуманитарного взаимодействия в области образования и культуры, экологии и ликвидации последствий стихийных бедствий позволяет говорить о полезности его использования и в рамках концепции ЭПШП. В частности, в ШОС с 2005 г. разрабатываются и реализуются планы многостороннего культурного сотрудничества, ряд мероприятий которого проводится на ежегодной основе. Сюда относятся перекрестные Дни культуры стран ШОС, ежегодные фестивали культуры и искусства стран ШОС [Кулинецв, Российско-китайские отношения... , 2018].

Необходимость полноформатного, надежного и предсказуемого характера сотрудничества в гуманитарной сфере между странами ШОС и государствами — участниками ЭПШП обусловлена рисками текущей международной конъюнктуры, определяемой в частности агрессивным стремлением стран Запада сохранить свое лидирующее положение в мире. Участники указанных выше интеграционных объединений понимают, что в случае резкого усугубления геополитической ситуации они по объективным причинам будут не готовы в одиночку дать адекватный ответ возникающим вызовам.

Россия и Китай заинтересованы в сохранении традиционных зон своего влияния в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, а сами страны Центральной Азии также настроены на отстаивание своих позиций в противостоянии с внерегиональными «игрокам». И участие в интеграционных проектах может обеспечить им поддержку крупных государств в реализации задач развития.

Таким образом, совпадение устремлений стран — участниц ШОС и ЭПШП открывает перед ними возможности по совместному отстаиванию своих интересов, в том числе и в сфере культурно-гуманитарного сотрудничества. Активное гуманитарное взаимодействие эффективно сохраняет наработанные традиционные связи между народами и по-прежнему является важным аспектом поддержания стратегической стабильности и региональной безопасности на пространстве ШОС и ЭПШП.

В связи с вышеизложенным целесообразно обозначить ряд перспективных направлений гуманитарной интеграции в рамках ЭПШП и ШОС.

1. *Проведение скоординированной информационной политики.* Создание единой информационной сети на основе кооперации ведущих СМИ стран-участниц позволит охватить более широкую аудиторию и доводить до общественности собственные взгляды, возможно, альтернативные трактовкам западных массмедиа. Своевременное и действенное информационное обеспечение становится важнейшим инструментом, позволяющим препятствовать манипуляциям общественным мнением, к чему регулярно прибегают западные СМИ [Примеры публикаций... , 2019].

2. *Совершенствование сотрудничества в области медицины, здравоохранения и санитарного контроля.* Актуальность сотрудничества в данной сфере обуславливается проблемами подготовки квалифицированного медперсонала и невысоким уровнем оснащения больниц в странах Центральной Азии [Сафронова, 2011, с. 97]. Продуктивность взаимодействия в профилактике эпидемических и иных заболеваний и в повышении качества медицинских услуг напрямую влияет на социальную и общую здравоохранную обстановку в регионе.

3. *Развитие кооперации в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.* Географические ареалы ЭПШП и ШОС выделяются своим разнообразием, включающим в себя практически все имеющиеся на Земле природные пояса. Подобная вариативность создает риски возникновения самых разных и опасных природных явлений — наводнений, землетрясений, снежных лавин, оползней, засухи и т. п. Ввиду масштабности промышленного потенциала и высокой численности рабочей силы, сосредоточенных в зоне ответственности ШОС и ЭПШП, не исключены и риски техногенных катастроф, то есть вызванных деятельностью человека.

4. *Расширение сотрудничества в области экологии.* Проблемы изменения климата затрагивают все страны без исключения. Актуальность этого вопроса подтверждается прошедшей в 2015 г. в Париже конференцией по климату, участие в которой приняли более 100 стран [Конференция по изменению... , 2015]. В ходе своего выступления председатель КНР Си Цзиньпин подтвердил готовность Китая выступать в качестве ответственной державы, вносящей больший вклад в защиту экологии [Си Цзиньпин выступил... , 2015]. Активизация взаимодействия по охране окружающей среды как в рамках ШОС, так и в рамках ЭПШП повышает шансы на успех совместных усилий по решению наиболее острых вопросов, связанных с восстановлением, распределением и защитой водных ресурсов.

5. *Активизация взаимодействия в сфере туризма.* Туристическая отрасль, помимо продвижения культурных ценностей принимающей страны, способна оказать значительное влияние и на внутреннюю экономику. Кроме того, туризм выполняет уникальную функцию в деле сближения народов и развития межкультурного со-

трудничества. Увеличивающийся туристический поток из КНР стимулирует значительные поступления в региональные бюджеты соседствующих с Китаем стран. В 2017 г. только прямые поступления от китайского въездного туризма в РФ достигли 120 млрд рублей. Примерно треть из этих доходов поступает от транспортных компаний, осуществляющих международные перевозки [Прямые поступления... , 2018].

Перспективность сотрудничества в сфере туризма отмечают многие международные организации. В частности, ЮНЕСКО прогнозирует, что к 2020 г. по туристическим маршрутам вдоль Великого шелкового пути будет совершено до 500 тыс. турпоездов, что делает эти маршруты самими привлекательными в мире [Онлайн-платформа ЮНЕСКО..., 2019]. Очевидно, что успех подобных начинаний чрезвычайно важен для расширения культурно-гуманитарного взаимодействия между странами.

Итак, гуманитарное сотрудничество можно назвать самостоятельным вектором и ресурсом «мягкой силой» государства [Морозов, Сафронова, 2015, с. 119—128], важной для продвижения планов ЭПШП и ШОС и направленной на формирование положительного имиджа как отдельных стран — участниц данных двух проектов, так и этих интеграционных объединений в целом. Результативное использование потенциала гуманитарного сотрудничества неотделимо от успеха экономического и политического взаимодействия (и наоборот), ибо оно способствует улучшению взаимопонимания между народами, создавая социальную основу для кооперации в других сферах.

Библиографический список

Годовой обзор: Шанхайская организация сотрудничества: новый этап развития и новые перспективы. 2018. URL: http://russian.news.cn/2018-12/20/c_137687444.htm (дата обращения: 12.05.2019).

Кулинецов Ю. В. Российско-китайские отношения. Хроника 2017—2018. 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/digests/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-khronika-1-kv-2017-g-i-kv-2018-g/> (дата обращения: 12.05.2019).

Кулинец Ю.В. Университет ШОС в контексте концепции ЭПШП и его роль в воспитании молодого поколения // Форум Нового Шелкового пути. Алматы: «КазНУ», 2017. С. 59—63.

Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. 2014. № 32 (269). С. 35—49.

Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. О гуманитарном сотрудничестве РФ и КНР в ШОС // Стратегия развития ШОС до 2025 года: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства: монография / под ред. С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 119—128.

Онлайн-платформа ЮНЕСКО «Шелковый путь». 2019. URL: <https://ru.unesco.org/silkroad/> (дата обращения: 12.05.2019).

План действий на 2016—2020 годы по реализации Стратегии развития ШОС до 2025 года. 2016. URL: http://kgd.gov.kz/sites/default/files/files_framework/plan.pdf (дата обращения: 12.05.2019).

Примеры публикаций, тиражирующих недостоверную информацию о России. 2019. URL: <http://www.mid.ru/ru/nedostovernie-publikacii> (дата обращения: 12.05.2019).

Сафронова Е.И. 10-летие ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 96—123.

Си Цзиньпин выступил с важной речью на церемонии открытия Климатической конференции в Париже. 2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1201/c31520-8983892-2.html> (дата обращения: 12.05.2019).

Соглашение между правительствами государств — членов ШОС о сотрудничестве в области культуры // Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 2007. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 12.05.2019).

Стратегия развития ШОС до 2025 года. 2015. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 12.05.2019).

Хартия ШОС. 2002. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 12.05.2019).

Туидун гунцзянь сычоу чжилу цзинцзидай хэ 21 шицзи шанхай сычоу чжилудэ юаньван юй синдун. Цюань вэнь : [Видение и действие совместного строительства ЭПШП и Морского Шелкового пути 21 века. Полный текст.]. 2015. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2015-09/15/content_36591064.htm (дата обращения: 12.05.2019). (На кит. яз.).

References

Godovoy obzor: SHankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: novyy etap razvitiya i novyye perspektivy (2018) [Annual report: the SCO review: new stage of development and new prospects]. URL: http://russian.news.cn/2018-12/20/c_137687444.htm (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

KHartiya SHOS (2002) [Charter of the Shanghai Cooperation Organization]. URL: <http://rus.sectsco.org/documents/> (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Kulintsev Y.V. (2017). Universitet SHOS v kontekste kontseptsii EPSHP i ego rol' v vospitanii mladogo pokoleniya [SCO University in the SREB concept and its role in the education of young generation], *Forum Novogo Shelkovogo puti. Almaty: «KazNU» [New Silk Road Forum. Almaty: KazNU]:* 59–63. (In Russian).

Kulintsev Y.V. (2018). Rossiysko-kitayskiye otnosheniya. Khronika 2017–2018 [Russian-Chinese relations. 2017–2018 Chronicle]. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/digest/digests/rossiysko-kitayskie-otnosheniya-khronika-1-kv-2017-g-i-kv-2018-g/> (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Morozov Y.V., Safronova E.I. (2014). Znachenije gumanitarnogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya s tsentral'no-aziatskimi partneram i v ramkakh SHOS [The meaning of humanitarian cooperation between Russian and China with Central Asian countries and within SCO], *Natsional'nyye interesy, priority i bezopasnost' [National interests, priorities and security].*No. 32 (269): 35–49. (In Russian).

Morozov Y.V., Safronova E.I. (2015). O gumanitarnom sotrudnichestve RF i KNR v SHOS [About humanitarian cooperation between Russia and China in SCO], *Strategiya razvitiya SHOS do 2025 goda: iskhodnyye realii i faktor rossiysko-kitayskogo partnerstva [SCO development strategy towards 2025: initial conditions and factor of Russian-Chinese partnership].* Moscow: IDV RAN (IFES RAS): 119–128. (In Russian).

Onlayn-platforma YUNESKO “Shelkovyy put'” (2019) [UNESCO on-line platform “Silk Road”]. URL: <https://ru.unesco.org/silkroad/> (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Plan deystviy na 2016–2020 gody po realizatsii Strategii razvitiya SHOS do 2025 goda (2016) [Plan of action for 2016–2020 to implement the SCO development strategy towards 2025]. URL: http://kgd.gov.kz/sites/default/files/files_framework/plan.pdf (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Primery publikatsiy, tirazhiruyushchikh nedostovernuyu informatsiyu o Rossii (2019) [The examples of publications which spread fake news about Russia]. URL: <http://www.mid.ru/ru/nedostovernie-publikatsii> (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Safronova E.I. (2011). 10-letiyе SHOS: nekotoryye itogi sotrudnichestva stran Organizatsii v oblasti zdravookhraneniya i likvidatsii chrezvychaynykh situatsiy [10 years

of the SCO: some results of cooperation of member states in the fields of healthcare and rectification of the Emergency Situations' consequences], *Kitaj v mirovoj I regionalnoj politike. Istorija i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and modernity]*. Moscow: IDV RAN (IFES RAS), No. 16: 96—123. (In Russian).

Si TSzin'pin vystupil s vazhnoy rech'yu na tseremonii otkrytiya Klimaticheskoy konferentsii v Parizhe (2015) [Xi Jinping made an important speech during the opening ceremony of Climate conference in Paris]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1201/c31520-8983892-2.html> (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Soglasheniye mezhdru pravitel'stvami gosudarstv-chlenov SHOS o sotrudnichestve v oblasti kul'tury (2007) [Agreement on Cooperation in Culture between the Governments of the Members States of the SCO]. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Strategiya razvitiya SHOS do 2025 goda (2015) [Development strategy of the SCO until 2025]. URL: <http://rus.sectesco.org/documents/> (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Tuidong gongjian sichouzhilu jingjidai he 21 shiji shanghai sichouzhilude yuanwang yu xindong. Quanwen (2015) [Vision and actions on jointly building Belt and Road. Full text]. URL: http://www.china.org.cn/chinese/2015-09/15/content_36591064.htm (accessed: 12 May, 2019). (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10008

Я.В. Лексютина

КИТАЙСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ» И АБИИ: ПОДХОДЫ ЯПОНИИ И ИНДИИ¹

Аннотация. Несмотря на то, что выдвинутые Пекином в 2013 г. инициатива «Пояс и путь» и предложение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) на настоящий момент получили широкую поддержку в международном сообществе, некоторые страны до сих пор категорически отказываются присоединиться к ним. К таким странам относятся Индия и Япония, имеющие весьма неоднозначные отношения с Китаем, в которых сочетаются элементы и сотрудничества, и соперничества, и конфликтности. На сегодняшний день Индия является государством-учредителем и вторым крупнейшим акционером АБИИ, но она крайне резко выступает против инициативы «Пояс и путь». А Япония — напротив, не будучи членом АБИИ, в 2017—2019 гг. проявила, однако, свою заинтересованность в сотрудничестве с Китаем по реализации китайской инициативы «Пояс и путь».

В данной статье характеризуются позиции и подходы Индии и Японии к китайским меганачинаниям — инициативе «Пояс и путь» и Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций. Автором прослеживается логика поведения Индии и Японии по отношению к

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

названным китайским инициативам, приводятся случаи и формы неприятия Индией и Японией этих инициатив, характеризуется контент критики в адрес китайских начинаний и присущие двум странам опасения, связанные с реализацией Китаем названных инициатив, а также рассматриваются предпринимаемые Нью-Дели и Токио меры, нацеленные на купирование рисков, связанных с воплощением в жизнь китайских планов.

В статье также высказывается предположение о том, что сохранявшееся «окно возможностей» для выборочного участия Индии в инициативе «Пояс и путь» было закрыто в 2017 г. по причине китайско-индийского инцидента на плато Доклам в Бутане и осложнения ситуации вокруг шриланкийского порта Хамбантота. При этом автор отмечает, что к 2017 г. сформировались более благоприятные условия для подключения Японии к китайской инициативе «Пояс и путь» в силу преодоления кризиса в китайско-японских отношениях, вызванного вспыхнувшими было противоречиями вокруг принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку (в 2012 г.), а также неупорядоченного характера американской поддержки Японии из-за непредсказуемости позиции администрации Д. Трампа по целому ряду международных вопросов.

Ключевые слова: Китай, инициатива «Пояс и путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Япония, Индия.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Ya. V. Leksytina

China's Belt and Road Initiative and the AIIB: Japan's and India's attitudes

Abstract: Despite the fact that the Belt and Road Initiative and the proposal to establish the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), which were both put forward by Beijing in 2013, have received broad support in the international community, some countries still rigidly refuse to join them. Those countries include India and Japan, which have ambiguous relations with China, combining elements of cooperation and elements of rivalry and conflict as well. To date, India is a founding member and the second largest shareholder of the AIIB, but the country still strongly opposes the Belt and Road Initiative. Japan, on the contrary, is

not a member of the AIIB, but in 2017—2019 it revealed its interest in the cooperation with China on the implementation of the Belt and Road Initiative as a co-financer.

This article describes the reactions and approaches of both India and Japan to Chinese initiatives: the Belt and Road Initiative and the proposal to establish an Asian Infrastructure Investment Bank. The article explains the logic of the behavior of India and Japan in relation to Chinese initiatives, identifies cases and forms of expression of India and Japan's opposition to Chinese initiatives, reveals the substance and the content of criticism of the Chinese initiatives and of inherent fears of the two countries associated with the development of the Chinese projects. Author also describes measures taken by New-Delhi and Tokyo to hedge the risks associated with the implementation of China's initiatives. The article also argues that the window of opportunity for India's selective participation in the Belt and Road Initiative was closed in 2017 due to the outbreak of the Sino-Indian confrontation in Doklam and the situation around the Sri Lankan port of Hambantota. On the contrary, by 2017, more favorable environment was formed for Japan to join China's Belt and Road Initiative in view of overcoming the crisis in Sino-Japanese relations caused by the 2012 Diaoyudao/Senkaku Islands mutual conflict, and the inconsistency of the Trump administration's position on a number of international issues, including the US support for Japan.

Keywords: China, Belt and Road Initiative, Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), Japan, India.

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Dr.Sc. (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University. ORCID: 0000-0001-6766-1792 (e-mail: lexyana@ya.ru).

Инициатива «Пояс и путь» и предложение о создании нового многостороннего регионального банка развития — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) были выдвинуты Пекином почти синхронно, в 2013 г. и фактически символизировали выход Китая на принципиально иной уровень его взаимодействия с международной системой. Эти китайские инициативы были восприняты в мире по-разному. Более того: с течением времени позиция отдельных стран в отношении китайских инициатив претерпела заметные изменения.

На момент проведения в Пекине в апреле 2019 г. второго Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» к сотрудничеству с Китаем по реализации этой инициативы присоединились 131 государство и 30 международных организаций [И тун чжунго цянъдин гунцзянь...]. Масштаб поддержки инициированного Пекином АБИИ также впечатляющий: к маю 2019 г. членами АБИИ являлись 70 государств (в том числе ряд развитых экономик — Германия, Великобритания, Франция, Италия, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия) и 27 стран находились на разных стадиях формального присоединения к этому многостороннему банку развития [Members and Prospective Members of the Bank]. По количеству стран-членов АБИИ ныне уступает лишь многосторонним банкам развития Группы Всемирного банка — Международному банку реконструкции и развития (МБРР) и Международной ассоциации развития (МАР) (189 и 173 члена соответственно).

Несмотря на такую, казалось бы, представительную по количеству стран поддержку китайских инициатив, есть ряд государств, сохраняющих либо дистанцированность от китайских инициатив, либо выражающих свое резкое неприятие последних. В частности двумя такими странами являются Индия и Япония, имеющие весьма неоднозначные отношения с Китаем. С одной стороны, и Индия, и Япония активно развивают торгово-экономические связи с Китаем. КНР — крупнейший торговый партнер Японии, на нее приходится 25 % всего японского товарооборота. Для Индии Китай — второй по значению торговый партнер с долей 11 % от общего внешнеторгового оборота этой южноазиатской страны. Три государства являются переговорщиками по вопросу создания масштабной зоны свободной торговли в Восточной Азии — Всеобъемлющего регионального экономического партнерства. Более того, Индия вместе с Китаем — участники БРИКС и ШОС, что объективно предполагает их тесное взаимодействие по широкому кругу глобальных и региональных вопросов.

Но с другой стороны, и у Индии, и у Японии есть серьезные территориальные противоречия с Китаем. Обе страны разделяют с Китаем сложное историческое прошлое, оказывающее деструктивное влияние на текущее состояние взаимных связей (для Индии — это

война 1962 г. и последовавшие за этим события, для китайско-японских отношений — период японской агрессии 1937—1945 гг.). Кроме того, в отношениях Китая и Японии, Китая и Индии проявляются элементы регионального соперничества. Негативное влияние на динамику китайско-индийских отношений оказывают также пакистанский фактор и кашмирский вопрос (в котором Китай поддерживает Пакистан), а также факт открытого противостояния на плато Доклам в Бутане, имевший место летом 2017 г.

Такая неоднозначность — сочетание в двусторонних связях с Китаем как элементов сотрудничества, так и серьезных элементов соперничества и конфликтности, не могла не отразиться на позиции и реакции этих двух стран в отношении указанных китайских инициатив. На текущий момент Индия, хотя и является страной-учредителем и вторым крупнейшим акционером АБИИ, крайне резко выступает против инициативы «Пояс и путь». А Япония, напротив, не будучи членом АБИИ, в последние два года проявляет заинтересованность в сотрудничестве с Китаем в деле осуществления инфраструктурного строительства в третьих странах.

Особенность подхода Индии к китайским инициативам

Из всех государств мира, пожалуй, самая жесткая критика в адрес китайской инициативы «Пояс и путь» звучит из Индии (равно как и из США). Индия бойкотировала оба китайских Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», категорически отказываясь направлять своих официальных представителей на это важное для Китая мероприятие (в мае 2017 г. и в апреле 2019 г. соответственно). Индийское неприятие китайской инициативы нашло отражение и на встречах ШОС, членом которой Индия недавно стала. Так, Индия отказалась присоединиться к выражению поддержки китайской инициативе в Совместном коммюнике, принятом по итогам 16-го заседания Совета глав правительств государств — членов ШОС (30 ноября — 1 декабря 2017 г.). Аналогичная ситуация повторилась при подготовке Циндаоской декларации ШОС в июне 2018 г.

Официальное объяснение позиции Нью-Дели опирается на два основных тезиса:

- по мнению индийской стороны, инициатива «Пояс и путь» подрывает суверенные права Индии на земли, оккупированные Пакистаном (это часть территории Кашмира под наименованием Гилгит-Балтистан, контролируемая ИРП). Так, ряд проектов в русле Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) осуществляются в районах, на которые претендует Индия. По мнению индийцев, это подрывает суверенитет Индии и «подпитывает» претензии Пакистана на оккупированные им индийские территории. При этом ситуацию осложняет тот факт, что КПЭК играет «флагманскую» роль в инициативе «Пояс и путь»;

- по утверждению Нью-Дели, инициатива «Пояс и путь» не соответствует международным стандартам и принципам предоставления помощи развитию, в частности таким, как должное управление, верховенство закона, прозрачность, открытость, соблюдение экологических стандартов, принцип финансовой ответственности и пр. [Official Spokesperson's Response].

С продвижением китайской инициативы «Пояс и путь» у Индии связаны достаточно серьезные опасения:

- успех Китая в реализации «Пояса и пути» рассматривается в Индии, имеющей великодержавные амбиции, как фактор расширения геополитического влияния и лидерских позиций Китая в ущерб индийским интересам;

- большую озабоченность вызывает субпроект инициативы «Пояс и путь» — «Морской Шелковый путь XXI века». Активность Китая по его направлению подкрепляет уже давно существующие в Индии опасения относительно имплементации стратегии Пекина под названием «Нить жемчуга» и нарастающего присутствия Китая в Индийском океане;

- «Пояс и путь» бросает серьезный вызов Нью-Дели, поскольку предусматривает достаточно глубокое экономическое проникновение Китая в Южную Азию, которая традиционно рассматривается Индией как ее естественная и исключительная сфера влияния. Особую обеспокоенность вызывает у Нью-Дели сотрудничество Китая с Бангладеш, Мьянмой и Непалом. Вразрез индийским интересам

идут транспортно-логистические планы Китая и, в частности, Трансгималайский коридор, призванный связать Катманду и Китай, тем самым предоставив Непалу альтернативу, снижающую его логистическую зависимость от Индии;

- Индию беспокоит и «Ледяной» Шелковый путь. У Нью-Дели есть вполне обоснованные опасения относительно того, что возможная переориентация на Северный морской путь идущих через Индийский океан морских путей, связывающих рынки Европы и Азии, приведет к снижению значимости Индии в системе традиционных маршрутов грузоперевозок;

- высказываются в Индии и опасения того, что присоединение страны к «Поясу и пути» будет равнозначно признанию неизбежности превосходства Китая в Азии, превращения Индии на длительную перспективу в азиатскую державу «второго класса». Опасается Нью-Дели и того, что «Пояс и путь» создаст китаецентричную систему в Азии, которая будет маргинализировать других крупных региональных акторов;

- обеспокоена Индия и возможными стратегическими последствиями иных китайских проектов по линии инициативы «Пояс и путь». Для индийцев информативным негативным примером того, к чему может привести продвижение инициативы «Пояс и путь», стала ситуация со Шри-Ланкой, которая, будучи не в состоянии расплатиться по китайским кредитам, была вынуждена в 2017 г. уступить китайцам право на 99-летнюю аренду индийского порта Хамбантога.

И, наконец, следует подчеркнуть, что если до 2017 г. еще наблюдалась вероятность выборочного участия Индии в инициативе «Пояс и путь», то она была утрачена в 2017 г. ввиду, во-первых, китайско-индийского противостояния на плато Доклам, и, во-вторых, в связи с ситуацией вокруг порта Хамбантога.

Не ограничиваясь критикой инициативы «Пояс и путь» и бойкотированием своего участия в ней, Нью-Дели предпринял ряд шагов, призванных противостоять китайской инициативе и разрастанию влияния КНР в регионе:

- Нью-Дели модифицировал в 2014 г. заявленный еще в 1990-х годах курс Look East («Смотри на Восток») на политику Act East («Действуй на Востоке»);

- в 2014 г. Индия выдвинула проект «Маусам», нацеленный на создание на обширной территории Южно-Азиатского субконтинента и побережья Индийского океана новой платформы взаимовыгодного экономического сотрудничества, в котором ведущей силой была бы Индия;

- был предложен и проект «Дорога специй», а также получила импульс концепция SAGAR (Security and Growth for All in the Region);

- Нью-Дели проявляет все больший интерес к реанимации развиваемой еще со времен Б. Обамы идеи стратегического взаимодействия в четырехстороннем формате «США, Япония, Индия, Австралия» (the Quad);

- будучи в силу финансовых причин неспособной самостоятельно противостоять китайской инициативе «Пояс и путь», Индия в качестве ключевого партнера в формулировании ответа китайской мегаинициативе избрала Японию, вместе с которой в 2017 г. объявила о создании Азиатско-Африканского коридора роста (Asia Africa Growth Corridor, AAGR).

Принципиально по-иному складываются отношения Индии и АБИИ. В первую очередь, это связано с кардинальными различиями между двумя китайскими инициативами. Так, «Пояс и путь» представляет собой китайскую одностороннюю инициативу, где все решения принимаются исключительно Пекином, который зачастую предоставляет связанные кредиты именно на своих условиях. А вот АБИИ — это полноценный многосторонний банк развития, соответствующий лучшим международным практикам. Несмотря на то, что АБИИ был инициирован КНР и Китай является его крупнейшим акционером, в АБИИ решения о выделении кредитов и об условиях кредитования принимаются не Пекином единолично, а всеми членами Банка. Иными словами, получая финансирование от АБИИ, страны-реципиенты не попадают в какую-либо форму зависимости от Китая и не сталкиваются с необходимостью принимать диктуемые Китаем условия.

Во-вторых, подключение Индии к работе АБИИ было обусловлено заинтересованностью страны в получении кредитов от Банка на реализацию важных для Индии инфраструктурных проектов. На

текущий момент Индия является крупнейшим получателем кредитов АБИИ: из 28 одобренных проектов 7 получила Индия на общую сумму в 1,3 млрд долл., что составило четверть от объема всех кредитов АБИИ (5,3 млрд долл.). Фактически для Индии АБИИ стал оптимальным источником финансирования, не сопряженным с выполнением каких-либо особых обязательств перед Китаем.

И, наконец, в-третьих, участие Индии в АБИИ стало возможным и потому, что стране было предложено присоединиться к Банку с самого начала. Более того, Индия приложила успешные усилия, чтобы получить статус второго после Китая крупнейшего акционера АБИИ, и это полностью отвечает ее амбициям. В случае же проекта «Пояс и путь» Китай не консультировался с Индией до его обнародования; такие консультации не были проведены и после оглашения инициативы, что, по мнению индийцев, умаляло статус Индии как важного партнера.

Специфика японского подхода к китайским инициативам

При анализе отношения Японии к двум указанным китайским инициативам в первую очередь нужно учитывать особенности исторического фона. Дело в том, что в 2013—2016 гг. общий фон для подключения Японии к китайским инициативам был в целом неблагоприятным: с 2012 г., когда с новой силой в китайско-японских отношениях вспыхнули противоречия по поводу принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку, отношения между КНР и Японией оказались на самой нижней точке своего развития с момента установления дипломатических отношений между сторонами в 1972 г. Более того, при оценке вероятности своего участия в китайских инициативах Токио не мог не учитывать и тот факт, что успех Пекина в реализации этих инициатив существенно усиливает позиции Китая в борьбе за региональное лидерство.

Создание АБИИ бросило вызов уже давно функционирующему при определяющей роли Японии многостороннему банку развития — Азиатскому банку развития (АБР). Возникал вопрос о целесообразности создания новой структуры, дублирующей деятельность

АБР. Более того, в вопросе о подключении или неподключении к АБИИ на Японию оказывал сильное давление Вашингтон.

Что касается инициативы «Пояс и путь», то вплоть до 2017 г. Япония дистанцировалась от нее.

В критике в адрес «Пояса и пути» задействовались преимущественно следующие тезисы.

1. Определяющая роль государства, а не частного сектора в китайской инициативе. Основные средства поступают от Экспортно-импортного банка Китая и Банка развития Китая (в том числе по линии Фонда Шелкового пути) в адрес китайских госпредприятий, которые и осуществляют капиталовложения в строительство зарубежной инфраструктуры.

2. Условия предоставления Китаем заемных средств странам-реципиентам не соответствуют стандартам, разработанным Комиссией по оказанию помощи развитию ОЭСР, и способны приводить к финансовым кризисам в странах-заемщиках [*Син Кавасима*, 2018]. Как указывают критики «Пояса и пути», в ряде случаев Китай, заведомо зная о неспособности отдельных стран погашать задолженность, выделяет им крупные кредиты в расчете на получение впоследствии различных привилегий, например, обретения контроля над созданной при финансировании Китая инфраструктурой.

3. Связанный характер предоставляемых Китаем кредитов, который может заключаться не только в том, что контракты осуществляются китайскими подрядчиками с использованием китайских строительных материалов, оборудования и китайской рабочей силы, но и в требованиях к странам-реципиентам внедрять и использовать, например, китайскую навигационную систему «Бэйдоу» или закупать продукцию китайских телекоммуникационных компаний (Huawei и ZTE).

4. Неприменение Китаем условий, традиционно выдвигаемых западными странами странам-заемщикам (проведение демократических преобразований, внедрение системы должного управления, соблюдение экологических стандартов, трудовых стандартов и пр.), подрывает усилия Запада по стимулированию демократических процессов и распространению «лучших практик».

В целях купирования рисков, связанных с китайской инициативой «Пояс и путь», Япония предприняла целый ряд мер:

- Токио разработал и стал активно продвигать концепцию «качественной инфраструктуры». По существу, японской стороной была избрана стратегия «игры» на противопоставлении китайской и японской моделей зарубежного инфраструктурного строительства. Так, китайская модель характеризуется скоростью осуществления проектов, большим количеством последних и особой масштабностью заявленного инфраструктурного кредитования. Отличительной же чертой японской модели позиционируется высокое качество создаваемой инфраструктуры, а также применение лучших технологических решений;

- в мае 2015 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ обнародовал инициативу «Партнерство ради качественной инфраструктуры» (Partnership for Quality Infrastructure), в мае 2016 переименованную в «Расширенное партнерство ради качественной инфраструктуры», предполагающую выделение в 2017—2021 гг. порядка 200 млрд долл. на «качественное» инфраструктурное строительство во всем мире [The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”, 2016];

- в мае 2017 г. Япония совместно с Индией объявила о создании Азиатско-Африканского коридора роста;

- Токио стал развивать и трехсторонние формы сотрудничества в сфере инфраструктурных инвестиций — с США и Индией, а также с США и Австралией.

Первые признаки отказа Японии от изначального неприятия китайской инициативы «Пояс и путь» проявились в 2017 г., когда генеральный секретарь Либерально-Демократической партии Японии Тосихиро Никай принял участие в первом Форуме высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» (май 2017 г.). Спустя несколько недель, в июне 2017, на международной конференции «Будущее Азии» С.Абэ выразил готовность присоединиться к реализации инициативы «Пояс и путь» при условии, что создаваемая инфраструктура будет доступна для всех и при ее сооружении будет налажен транспарентный и справедливый режим закупок; проекты же станут экономически целесообразными, а возврат

заимствуемых средств — возможен для страны-реципиента в объемах, не наносящих вреда стабильности государственных финансов.

В начале мая 2018 г. во время визита премьерера Госсовета КНР Ли Кэцзяна в Японию стороны договорились об учреждении совместного Комитета содействия деловому сотрудничеству в третьих странах. Так был фактически инициирован китайско-японский диалог, получивший характеристику «сотрудничества в третьих странах».

Изменение позиции Токио в отношении инициативы «Пояс и путь» можно объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, присоединение к ней открывает широкие возможности для нормализации отношений с Китаем, составляющей важную внешнеполитическую задачу как *per se*, так и в условиях непредсказуемости линии американской администрации Д. Трампа. Во-вторых, непримиримое соперничество двух государств в вопросах развития инфраструктуры в третьих странах чревато немалым уроном, в то время как их сотрудничество может оказаться взаимовыгодным. Как свидетельствует опыт двух стран (наиболее показателен здесь пример борьбы между двумя государствами за контракт на строительство высокоскоростной железной дороги в Индонезии в 2015 г.), их соперничество за инфраструктурные проекты в третьих странах может привести к существенному конкурентному занижению стоимости подрядов, что в конечном счете играет на руку только стране-реципиенту. В-третьих, Токио не может далее игнорировать тенденцию усиления поддержки инициативы «Пояс и путь» в мировом сообществе.

Таким образом, проведенный на примере Японии и Индии анализ демонстрирует то, как сложный процесс учета совершенно разнонаправленных факторов и обстоятельств приводит к вытеснению внятной позиции мировых акторов относительно выдвинутых Пекином инициатив «Пояс и путь» и АБИИ.

Библиографический список

Син Кавасима. «Один пояс, один путь»: как создать многосторонние механизмы партнерства, соперничества и сдерживания между Японией и Китаем? URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a05801/> (дата обращения: 12.03.2019).

И тун чжунго цянъдин гунцзянь «идай илу» хэцзо вэньцзянь дэ гоцзя илань : [Список стран, подписавших с Китаем документы о сотрудничестве в русле инициативы «Пояс и путь»] // Чжунго идай илу ван [Сайт китайской инициативы «Пояс и путь»]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/gbjg/gbgk/77073.htm> (дата обращения: 20.05.2019). (На кит. яз.).

Members and Prospective Members of the Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (дата обращения: 20.05.2019).

Official Spokesperson's Response to a Query on Participation of India in OBOR/BRI Forum // Indian Ministry of External Affairs. May 13, 2017. URL: <https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/28463/official+spokespersons+response+to+a+query+on+participation+of+india+in+oborbri+forum> (дата обращения: 20.05.2019).

The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (дата обращения: 21.03.2019).

References

Members and Prospective Members of the Bank. URL: <https://www.aiib.org/en/about-aiib/governance/members-of-bank/index.html> (accessed: 20 May, 2019).

Official Spokesperson's Response to a Query on Participation of India in OBOR/BRI Forum, *Indian Ministry of External Affairs*, May 13, 2017. URL: <https://www.mea.gov.in/media-briefings.htm?dtl/28463/official+spokespersons+response+to+a+query+on+participation+of+india+in+oborbri+forum> (accessed: 20 May, 2019).

Sin, Kavasima (2018). «Odin po yas, odin put'»: kak sozdat' mnogostoronniye mekhanizmy partnerstva, sopernichestva i sderzhivaniya mezhdru YAponiyei i Kitayem? [“One Belt, One Road”: how to create multilateral mechanisms of partnership, competition, and containment between Japan and China?]. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a05801/> (accessed: 12 March, 2019). (In Russian).

The G7 Ise-Shima Summit “Expanded Partnership for Quality Infrastructure”. 2016. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/files/000241007.pdf> (accessed: 21 March, 2019).

Yi tong zhongguo qianding gongjian “yidai yilu” hezuo wenjiande guojia yilan [List of countries that have signed the “One Belt, One Road” cooperation document with China], *Zhongguo yidai yilu wang* [The site of China's Belt and Road Initiative]. URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/gbjg/gbgk/77073.htm> (accessed: 20 May, 2019). (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10009

А.В. Ломанов

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ЕС: МЕЖДУ СОТРУДНИЧЕСТВОМ И СОПЕРНИЧЕСТВОМ¹

Аннотация. В статье рассматривается новая ситуация, сложившаяся в отношениях Китая и Европейского союза (ЕС). Быстрый рост Китая побудил в 2019 г. руководящие структуры ЕС больше не считать КНР развивающейся страной и потребовать от нее взять на себя больше ответственности за поддержание существующего мирового порядка. Провозглашение Китая «системным соперником» стало указанием на рост настороженности и тревоги со стороны европейских элит. ЕС намерен не только добиваться от Китая более сбалансированных и равноправных отношений в экономике, но и решительно отстаивать собственные интересы. У «системного соперничества» может быть позитивный подтекст в том случае, если Запад займется решением собственных проблем для того, чтобы вернуть привлекательность либеральной модели. Однако сдерживание и подавление развития Китая ради «провер-

¹ Статья основана на материалах автора, собранных для обсуждения доклада Ханса-Йоахима Шпангера (Гессенский фонд исследований проблем мира и конфликтов, Франкфурт) «Новый взгляд на европейскую безопасность» на 22-й российско-германской встрече «Шлангенбадские беседы» в апреле 2019 г.

жения» эффективности его модели и возвращения Западу утраченной самооценки способно привести человечество к новой холодной войне.

Ряд экспертов полагает, что сформировать новую модель взаимодействия Китая и Европы удастся на основе взаимной адаптации к происходящим изменениям. Объединению Китая и Европы против унилатерализма и протекционизма может препятствовать переход ЕС к широкомасштабному использованию протекционистских мер в отношении Китая. В перспективе ЕС, создав более эффективный механизм контроля над инвестициями, займет сбалансированную позицию и откажется от протекционизма ради приверженности принципам свободы торговли.

Необходимо совместить старые и новые проекты региональной интеграции таким образом, чтобы не допустить возникновения между ними отношений идеологически мотивированной конкуренции. Способность заинтересованно реагировать на новые планы регионального сотрудничества становится преимуществом Китая на фоне настороженности Европы в отношении «Пояса и пути» и принципиального нежелания ЕС устанавливать связи с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Китайская сторона хочет найти в евразийской интеграции дополнительные возможности для развития партнерства с Россией и строительства «Пояса и пути». Проблемы взаимодействия «Пояса и пути», ЕАЭС и ЕС обретают все большую актуальность по мере продвижения и укрепления новых интеграционных форматов в Евразии. В нынешнем взаимодействии России, Китая и ЕС заметна неравномерность баланса между экономической мощью и «стратегической автономией». Пришло время поработать над созданием «треугольника» с участием Китая на новой идеологической основе, не предполагающей абсолютного превосходства европейских стандартов и ценностей. Это зависит от способности обеспечить понимание интересов всех сторон и уважение к ним.

Ключевые слова: либеральная система, «стратегическая автономия», протекционизм, «Пояс и путь», евразийская интеграция.

Автор: Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

A.V. Lomanov

China-EU Relations: between cooperation and competition

Abstract. The article deals with the new situation in the relations between China and the EU. In 2019, China's rapid growth prompted the EU's governing structures to no longer consider the PRC as a developing country and to demand from Beijing more responsible approach to the maintenance of the existing world order. The proclamation of China as a "systemic rival" has been an indication of the growing alertness and anxiety on the part of European elites. The EU intends both to seek from China more balanced and equal economic relations and to defend more resolutely their own interests as well. "Systemic rivalry" may have a positive connotation if the West tackles its own problems in order to restore the attractiveness of the liberal model. However, deterring and suppressing China's development for the sake of "refuting" the effectiveness of its model and of returning to the West its lost self-esteem can lead to a new cold war.

A number of experts believe that it will be possible to create a new model of interaction between China and Europe on the basis of mutual adaptation to the changes. Possibility of China and Europe joining their hands against unilateralism and protectionism is challenged by the EU's large-scale use of protectionist measures against China. In the future, the EU could take a balanced position and abandon protectionism for the sake of adherence to the principles of free trade, creating a more effective mechanism for investments' monitoring.

It is necessary to combine old and new projects of regional integration in a way permitting them to become free from ideologically instigated competition. The ability to respond with interest to new regional cooperation plans is becoming an advantage of China in comparison with Europe's circumspection about the "Belt and Road" initiative (BRI) and the fundamental unwillingness of the EU to establish ties with the Eurasian Economic Union (EAEU). The Chinese side wants to find additional opportunities in the Eurasian integration for the development of partnership with Russia and the construction of the "Belt and Road". The problems of interaction between the BRI, the EAEU and the EU are becoming increasingly important as far new integration formats in Eurasia are being promoted and strengthened. The current interaction between Russia, China and the EU is marked by an uneven balance between economic power and "strategic autonomy". It is time to work on

creating a “triangle” with China's participation on a new ideological basis which does not presuppose the absolute superiority of European standards and values. This depends on the ability to ensure that the interests of all parties are understood and respected.

Keywords: liberal system, “strategic autonomy”, protectionism, “Belt and Road” initiative (BRI), Eurasian integration.

Author: Alexander V. LOMANOV, Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, Chief Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: a_lomanov@hotmail.com).

В марте 2019 г. Европейская комиссия и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности обнародовали «Стратегический обзор» отношений Европейского союза и Китая. Во Введении было подчеркнуто, что «в Европе ширится понимание того, что баланс вызовов и возможностей, предоставляемых Китаем, изменился. В последнее десятилетие экономическая мощь и политическое влияние Китая росли беспрецедентными масштабами и с невиданной скоростью, отражая его амбиции стать ведущей мировой державой».

Осознание произошедших перемен привело к тому, что руководящие структуры ЕС призвали больше не считать Китай развивающейся страной, поскольку он стал «ключевым глобальным актором» и «ведущей технологической державой». От Китая потребовали взять на себя больше ответственности за поддержание «основанного на правилах международного порядка», от него также ждут большей взаимности, исключения дискриминации и открытости.

Отныне европейский подход к Китаю является многослойным. Это «партнер по сотрудничеству в различных областях политики», с которым у ЕС есть близко совпадающие цели. Это и «партнер по переговорам», с которым необходимо найти баланс интересов. Вместе с тем это «экономический конкурент», стремящийся к технологическому лидерству. Одновременно Китай — «системный соперник, продвигающий альтернативные модели управления» [EU—China — A strategic outlook. 2019, p. 1].

Провозглашение Китая «системным соперником» стало свидетельством роста настороженности и тревоги со стороны европейских элит. ЕС намерен не только добиваться от Китая более сбалансированных и равноправных экономических отношений, но и решительно отстаивать собственные интересы. Однако провозглашение «системного соперничества» в области моделей управления может оказаться недобрый предвестием возобновления идеологического соперничества Востока и Запада.

Убежденность Запада в превосходстве либеральной системы наталкивается одновременно как на внутренние вызовы, связанные с ростом социального неравенства и сокращением шансов на улучшение уровня жизни каждого последующего поколения, так и с «возвышением» Китая, где невиданный рост экономики происходит в рамках «неправильной» социально-политической модели. У «системного соперничества» может быть позитивный подтекст в том случае, если Запад займется решением собственных проблем, чтобы вернуть либеральной модели блеск и привлекательность. Однако сдерживание и подавление развития Китая ради «опровержения» эффективности его социально-экономической модели и возвращения Западу утраченной самооценки способно привести человечество к новой холодной войне. Опасность возникнет в том случае, если Европа повторит допущенную в отношениях с Россией ошибку и будет пытаться взаимодействовать с Китаем без учета китайских интересов.

Тенденция к многополярности ведет к относительной «маргинализации» Европы, которая становится менее ценным партнером как для США, так и для России. Х.-Й. Шпангер отмечает, что Западная Европа оказалась в двойственной ситуации. С одной стороны, она не может больше оставаться простым придатком американской сверхдержавы, президент которой относится к союзникам с равнодушием либо презрением. Одновременно Европа не готова к коллективному противостоянию с «ревизионистскими» державами в лице Китая и России, которых в Европе подвергают критике. Немецкий политолог не возлагает больших надежд на провозглашаемый в Европе лозунг «стратегической автономии» и рекомендует предпринять реалистичные шаги, например, начать диалог между ЕС и ЕАЭС, а также

включить в «восточную политику» ЕС фактор российско-китайского взаимодействия по созданию трансконтинентального евразийского моста, соединяющего Китай с Европой.

Понимание этих тенденций является необходимой предпосылкой для продвижения нового формата взаимодействия между Россией, Китаем и ЕС. Перспектива формирования в Евразии нового конструктивного «треугольника», в котором нет острого военно-политического соперничества, зависит от способности обеспечить понимание интересов всех сторон и уважение к ним. Столь же важно выявлять и прогнозировать объективные тенденции роста ведущих участников регионального развития.

Директор Института Европы Китайской академии современных международных отношений Чжан Цзянь полагает, что слабость Евросоюза является долгосрочной тенденцией. В течение длительного времени у ЕС не будет ни уверенности в себе, ни «стратегической автономии». Исследователь отмечает, что между Китаем и ЕС нет фундаментального конфликта интересов, однако их отношения будут страдать вследствие хаотичной политики Д. Трампа и глобального усиления протекционизма.

Отношение ЕС к Китаю меняется. На первый план выходят обвинения в консервации «искаженного характера» китайской экономики через оказание поддержки государственному сектору и участия государства в экономическом развитии. По мнению ЕС, это создает «несправедливую конкуренцию» по отношению к иностранному бизнесу, включая европейский. Китай с настороженностью воспринимают как главного конкурента ЕС, а не как партнера по экономическому сотрудничеству. В отношении Китая выдвигают обвинения в проведении им политики «разделяй и властвуй» при взаимодействии со странами Центральной, Восточной и Южной Европы. Громче зазвучали рассуждения о том, что КНР создает альтернативу западной модели развития, и потому Запад должен совместными усилиями дать ответ на этот китайский вызов [Чжан Цзянь, 2018, с. 41].

Предполагается, что на фоне относительного ослабления Европы и продолжающегося подъема Китая обе стороны будут адаптироваться к происходящим изменениям. ЕС следует изменить ментали-

тет и политику в отношении Китая, последнему также необходимо обновить свой взгляд на отношения с ЕС. Акцент на общности устремлений Китая и ЕС к поддержанию эффективных многосторонних механизмов глобального управления, приверженности сторон политике открытости помогает сделать оптимистический прогноз. Предполагается, что ЕС осознает, что растущий китайский рынок становится все более важным для европейских производителей товаров и услуг. У ЕС есть общие с Китаем интересы в деле развития Африки, борьбе с климатическими изменениями, поддержании стабильности на Ближнем Востоке, решении проблемы беженцев и обеспечении глобального устойчивого развития. Поэтому курс на сотрудничество будет сохранять приоритетность в отношениях Китая и ЕС. Для поддержания этой тенденции стороны должны лучше понимать друг друга, держать под контролем взаимные разногласия, не давать им влиять на ход долговременного сотрудничества [Чжан Цзянь, 2018, с. 58].

Проблема в том, что эти рассуждения повторяют рекомендации китайских экспертов в начальный период «торговой войны» между США и Китаем. Предотвратить разрастание конфликта они не смогли. Формирование в американской элите широкого антикитайского консенсуса лишило практического смысла советы укреплять сотрудничество с помощью неправительственных обменов, поиска общих интересов, контроля над разногласиями, стремления к взаимному выигрышу и т. п. Появление в Европе тезиса о начале «системного соперничества» с Китаем угрожает повторением этого сценария.

Трудности в развитии торгово-экономических отношений с США, выход Великобритании из ЕС, ухудшение американско-российских отношений, ужесточение требований США к союзникам по НАТО подталкивают ЕС к укреплению своей «стратегической автономии». Осуществление этого курса, по мнению китайских исследователей, способно привести к двояким последствиям. С одной стороны, увеличится потребность ЕС в сотрудничестве с Китаем, в проведении переговоров по двустороннему соглашению об инвестициях и торговле, соглашению о зоне свободной торговли. С другой стороны, укрепление «стратегической автономии» ЕС может повлечь за

собой ужесточение позиции по отношению к Китаю [Cui Hongjian, 2018, p. 63].

Китайские исследователи признают, что отношения между ЕС и Китаем вступают в период структурных изменений. Европа ценит потенциальные выгоды от сотрудничества с Китаем, однако одновременно ощущает свою неподготовленность к нарастанию китайской мощи. Это ведет к тому, что члены ЕС по-прежнему укрепляют двустороннее экономическое и торговое сотрудничество с Китаем. Однако на уровне общеевропейских институтов формируется настрой на балансирование китайского влияния и поддержание бдительности в отношении Китая. На уровне глобального управления прежние намерения ЕС включить Китай в господствующую международную систему в качестве «объекта» остались в прошлом, поскольку Китай сам превращается в одного из ведущих «субъектов» глобального управления. На фоне ослабления связей с США ЕС стремится к сотрудничеству с Китаем при одновременном наращивании давления на него ради сохранения собственных конкурентных преимуществ. Китай понимает интерес Европы и предлагает в опоре на общие интересы в глобальном экономическом управлении отстаивать мультилатерализм как противоположность унилатерализму США [Фэн Цуньвань, 2018].

Китайские исследователи отмечают, что перемещение американских стратегических интересов из Европы и Ближнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион заставляет ЕС обращать все больше внимания на китайско-американские и китайско-российские отношения. Сотрудничество между Китаем и ЕС в сфере глобального управления способно создать противовес усилению консервативной и популистской политики в странах Запада. После избрания Д. Трампа на пост президента США у Китая и ЕС появился стимул «придерживаться многосторонней системы управления, развивать более тесное сотрудничество в области свободной торговли и инвестиций и глобального экономического управления» [Cui Hongjian, 2018, p. 57].

Однако продвижению концепции создания идеального китайско-европейского альянса, оппонировавшего унилатерализму и протекционизму, препятствует переход ЕС к широкомасштабной прак-

тике протекционизма в отношении Китая. Лю Цзокуй (Институт Европы Китайской академии общественных наук) отмечает, что отношение ЕС к китайской инициативе «Пояс и путь» прошло через три этапа. В 2013—2014 гг. институты ЕС занимали выжидательную позицию. В 2015 г. ЕС заявил о желании соединить свои инвестиционные программы с китайской инициативой. С 2016 г. реакция ЕС стала носить оборонительный характер: Евросоюз начал усиливать защиту своих рынков и вводить ограничения на доступ к его высоким технологиям. В ЕС растет беспокойство тем, что благодаря массивным инвестициям Китай сумеет укрепить присутствие в важнейших секторах европейской экономики и расширить свое влияние [*Liu Zuokui*, 2018, p. 145—147].

Предполагается, что рост протекционистских настроений в отношении Китая отражает неуверенность ЕС в своих силах перед лицом китайского подъема. Лю Цзокуй прогнозирует, что в обозримом будущем политический ландшафт Европы останется консервативным, поэтому следует ожидать усиления протекционистской политики, которая отвечает настроениям европейских избирателей, стремящихся найти защиту от последствий глобализации и роста новых держав. Китаю будет все труднее вести политический диалог с ЕС по «Поясу и пути», заключать важные соглашения о сотрудничестве в рамках этой инициативы. Европейская сторона станет все настойчивее требовать принятия Китаем «высоких стандартов» и «наилучших практик», и это еще больше затруднит достижение договоренностей. По сути дела европейские нормы и стандарты превращаются в инструмент конкуренции и самозащиты. Будет усиливаться контроль над китайскими инвестициями в европейскую экономику в целях ограничения их доступа в «стратегические отрасли». Поскольку ЕС отказывается признать китайскую экономику рыночной, то остается основание для антидемпинговых расследований против Китая, число которых, скорее всего, не уменьшится [*Liu Zuokui*, 2018, p. 161—163].

Перспективы улучшения ситуации во взаимодействии Китая и ЕС Лю Цзокуй связывает с ослаблением позиций популистских и ультраправых сил в европейской политике. Предпосылкой сотрудничества выступает сохранение заинтересованности европейских стран в привлечении иностранных инвестиций. По мере накопле-

ния опыта китайские компании лучше поймут европейскую деловую среду, возьмут на себя больше социальной ответственности, помогут создать больше рабочих мест. Это изменит к лучшему мнение европейцев о «Поясе и пути». Ожидается, что ЕС займет сбалансированную позицию и откажется от протекционизма, но будет создавать более эффективный механизм контроля над инвестициями. Китайский эксперт полагает, что ради сохранения собственной конкурентоспособности ЕС будет следовать принципам свободы торговли, в чем заинтересован Китай. Однако правила инвестирования в проекты «Пояса и пути» станут более строгими, китайской стороне придется учитывать европейские требования по расширению доступа на китайский рынок и защите прав интеллектуальной собственности [Liu Zuokui, 2018, p. 164—165].

Появление инициативы «Пояса и пути» стало воплощением конкуренции моделей развития, бросающей вызов прежней роли ЕС как мирового образца региональной интеграции. «Пояс и путь», партнерства АСЕАН с важнейшими международными игроками (США, Китай, Россия, Япония, Южная Корея и др.), а также Транстихоокеанское партнерство представляют собой набор новых инициатив, «существенным образом отличающихся и от классической интеграционной схемы, сформулированной в теории международных отношений на основе опыта ЕС, и от отношений “нового регионализма” с опорой на негосударственных игроков и транснациональные процессы, возникающие “помимо” государства» [Воскресенский, Колдунова, Киреева, 2017, с. 49].

Проблема в том, каким образом совместить старые и новые проекты, дабы избежать формирования между ними отношений идеологически подстегиваемой конкуренции. Чжао Хуашэн (Институт международных исследований Фуданьского университета) обратил внимание на российскую концепцию Большого евразийского партнерства, подчеркнув ее связь с «поворотом на Восток» во внешней политике России. Он отметил, что после украинского кризиса политическая основа для интеграции России в Европу была утрачена, однако неправильно считать, что Большое евразийское партнерство находится в конфронтации с Европой. Оно не будет отвергать Европу, так как его границы пересекаются с европейскими территориями

и, естественно, не будет препятствовать сотрудничеству со странами ЕС. «Хотя Большое евразийское партнерство является заменой и заполняет пустоту, оставленную разрушенной концепцией “Большой Европы”, оно не отвергает идею развития связей с Европой. Разница в том, что Россия заняла другую позицию, и Большое евразийское партнерство развивает связи с Европой в других рамках. Большое евразийское партнерство может быть концептуально оформлено и как восстановление западничества, и как поворот Восток. В философском смысле природа Большого евразийского партнерства возвращается к онтологии России, она опирается на Россию и развивает отношения как с Востоком, так и с Западом» [*Zhao Huasheng*, 2018, p. 73].

Исследователь признает, что в Китае еще нет четкой концепции Евразии, и тем более — Большой Евразии. «Мало кто говорит о евразийской политике Китая, и нет официального заявления, которое бы полностью объясняло новую концепцию Евразии. После распада Советского Союза Китай не рассматривал территорию бывшего Советского Союза как сплоченный регион. Вместо этого он обычно делил регион на несколько субрегионов, таких, как Россия, Центральная Азия, Кавказ и Восточная Европа. Именно различие между этими регионами и разница в их географическом расстоянии до Китая приводили к их дифференцированному значению для Китая в сферах безопасности, дипломатии и экономики. Концепция евразийского сотрудничества только недавно начала привлекать внимание» [*Zhao Huasheng*, 2018, p. 79].

Способность Китая заинтересованно реагировать на новые планы регионального сотрудничества становится преимуществом на фоне настороженного отношения Европы к инициативе «Пояс и путь» и принципиального нежелания ЕС устанавливать связи с ЕАЭС. Китайская сторона не склонна отвергать евразийскую концепцию, она хочет найти в ней дополнительные возможности для развития партнерства с Россией и строительства «Пояса и пути». В формировании трехстороннего сотрудничества между Китаем, Россией и Европой китайские исследователи видят возможность более эффективного продвижения «Пояса и пути». Большая Евразия предоставляет Китаю «новую перспективу и рамки» для участия в

интеграционных процессах. Расширение евразийского сотрудничества «может прорвать разделительную линию, которая существует между регионом бывшего Советского Союза и регионом, не входившим в бывший Советский Союз. Это поможет достичь более прочного уровня регионального сотрудничества в области безопасности, что выгодно для стабильности Большого евразийского региона» [Zhao Huasheng, 2018, p. 82].

Участие в евразийском сотрудничестве способно помочь Китаю «консолидировать стратегический тыл», обеспечить основу для подъема КНР и повлиять на перестройку мировой структуры, стать полезной платформой для глобального управления и выстраивания международной политики. Чжао Хуашэн поставил вопрос о том, является ли Большое евразийское партнерство долгосрочной стратегией России или же оно — лишь «переходная политика». Сомнения в перспективах проекта связаны с оценкой мощи России, представляющейся недостаточной для его полномасштабного продвижения. Хотя перспективы Большого евразийского партнерства «остаются туманными», Китаю следует участвовать в развитии всестороннего сотрудничества в этом регионе. «Более широкое евразийское сотрудничество отвечает национальным интересам Китая, особенно в том, что оно способствует строительству инициативы “Пояс и путь”. Китай должен вместе с Россией и другими заинтересованными странами продвигать интенсификацию евразийского сотрудничества» [Zhao Huasheng, 2018, p. 84].

Проблемы взаимодействия «Пояса и пути», ЕАЭС и ЕС обретают все большую актуальность по мере инициирования и укрепления новых интеграционных форматов в Евразии. Российские исследователи обоснованно указывают, что рано или поздно ЕАЭС придется заниматься согласованием экономических стандартов как с Китаем, так и с ЕС, в противном случае смысл «сопряжения» ЕАЭС с «Поясом и путем» для Китая заметно снизится [Сафронова, 2019, с. 7]. Однако перспектива появления общих для Китая, России и ЕС стандартов в области роли государства в экономике, поддержки национальных инновационных отраслей остается делом будущего. Китай не пойдет на добровольное принятие ограничений, способных затормозить его экономический рост.

26 апреля 2019 г. в выступлении на втором Международном форуме «Один пояс, один путь» президент Российской Федерации Владимир Путин отметил: «Мы выступаем за конструктивное и равноправное развитие деловых связей с Европейским союзом — нашим давним и традиционным партнером. Никакие текущие разногласия не могут перечеркнуть нашу общую ответственность за будущее Европы и всей Евразии» [Владимир Путин принял участие...]. Это недвусмысленное указание на то, что «поворот на Восток» не отменяет заинтересованности России в сотрудничестве с ЕС.

В нынешнем взаимодействии России, Китая и ЕС заметна неравномерность баланса между экономической мощью и «стратегической автономией» этих стран. Россия обладает полнотой суверенитета в международной политике, но ей недостает экономических ресурсов для развития. Европа обладает прочной экономической базой, тогда как тема возможного обретения «стратегической автономии» относится к будущему. Суверенный и богатый Китай обладает сразу двумя характеристиками, что придает ему уверенность в успехе, делает китайскую политику напористой и целеустремленной. Прежние мечты о сближении богатой Европы и сильной России как естественных союзников потерпели провал. Пришло время поработать над созданием «треугольника» с участием Китая на новой идеологической основе, не предполагающей абсолютного превосходства европейских стандартов и ценностей.

Библиографический список

Владимир Путин принял участие во втором Международном форуме «Один пояс, один путь». Глава Российского государства выступил на церемонии открытия рабочей программы форума. 26 апреля 2019 года. Пекин. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60378> (дата обращения: 10.05.2019).

Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 37—57. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57.

Сафронова Е.И. Проект ЭПШП и российско-китайский диалог // Азия и Африка сегодня. 2019. № 3. С. 2—9. DOI: 10.31857/S032150750004064-2

Фэн Цуньвань. Дочун вэйцзи шицзяо ся дэ Оумэн чжэнцэ тяочжэн цзи Чжун Оу гуаньси : [Корректировка политики ЕС и отношения между Китаем и ЕС с точки зрения множественных кризисов] // Гоцзи чжаньван. 2018. № 6. С. 78—94. (На кит. яз.).

Чжан Цзянь. Оумэн фачжань тайши юй Чжун Оу гуаньси : [Тенденции развития ЕС и отношения между Китаем и ЕС] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2018. № 5. С. 33—41, 58. (На кит. яз.)

Cui Hongjian. China-EU Relations: Structural Changes and Future Prospects // *China International Studies*. 2018. Issue 2. P. 47—65.

EU-China — A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament. The European Council and the Council. Strasbourg: European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. 12.3.2019. 8 pp. URL: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 10.05.2019).

Liu Zuokui. Europe's Protectionist Position on the Belt and Road Initiative and Its Influence // *China International Studies*. 2018. Issue 5. P. 145—165.

Zhao Huasheng. Greater Eurasian Partnership: China's Perspective // *China International Studies*. 2018. Issue 1. P. 68—84.

References

Cui Hongjian (2018). China-EU Relations: Structural Changes and Future Prospects, *China International Studies*. Issue 2: 47—65.

EU-China — A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament. The European Council and the Council (2019), *Strasbourg: European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy*. 8 pp. URL: <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed: 10 May, 2019).

Feng Cunwan (2018). Duochong weiji shijiao xia de Oumeng zhengce tiaozheng ji Zhong Ou guanxi [EU Policy Adjustment and China-EU Relations from the Perspective of Multiple Crisis]. *Guoji zhanwang [World Outlook]*. No 6: 78—94. (In Chinese).

Liu Zuokui (2018). Europe's Protectionist Position on the Belt and Road Initiative and Its Influence, *China International Studies*, Issue 5: 145—165.

Safronova, Elena I. (2019). Proekt EPSHP i rossijsko-kitajskij dialog [The SREB Project and the Russian-Chinese Dialogue] *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*, No. 3: 2—9. (In Russian). DOI: 10.31857/S032150750004064-2

Vladimir Putin prinyal uchastie vo vtorom Mezhdunarodnom forume «Odin poyas, odin put'». Glava Rossijskogo gosudarstva vystupil na ceremonii otkrytiya rabochej programmy foruma. 26 aprelya 2019 goda, Pekin [Vladimir Putin took part in the second International forum “One belt, one road”. The Russian President spoke at the opening ceremony of the forum's work programme. 26 April 2019, Beijing] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60378> (accessed: 10 May, 2019). (In Russian).

Voskressenski, Alexei D.; Koldunova, Ekaterina V.; Kireeva, Anna A. (2017). Transregional'nye i regional'nye proekty v usloviakh «postzapadnoi» mezhdunarodnoi real'nosti (Transregional and Regional Projects in “Post-Western” International Reality), *Comparative Politics Russia*, No. 2: 37—57. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-37-57

Zhang Jian (2018). Oumeng fazhan taishi yu Zhong Ou guanxi [EU Development Situation and China-EU Relations], *Xiandai guoji guanxi [Contemporary International Relations]*, No.5: 33—41, 58. (In Chinese).

Zhao Huasheng (2018). Greater Eurasian Partnership: China's Perspective, *China International Studies*, Issue 1: 68—84.

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10010

О.А. Тимофеев

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ ТОРГОВЫЙ КОНФЛИКТ 2019 ГОДА И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ: МЕЖДУ ПЕССИМИЗМОМ И НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ

Аннотация. Статья посвящена обострению китайско-американского торгового конфликта в 2019 г. Представлены политические и экономические параметры спора между Пекином и Вашингтоном: двухуровневая игра во внешней политике, фактор престижа в торгово-экономических спорах, повышение импортных тарифов, защита прав интеллектуальной собственности, субсидирование государственных предприятий, обязательный трансфер технологий. В первой части статьи проведен анализ цикличности кризисов в китайско-американских отношениях, рассмотрены так называемые большие и малые циклы. Вторая часть посвящена влиянию внешнеполитической стратегии американской администрации Д. Трампа на развитие торговых отношений между Китаем и США. Новая американская администрация фактически отошла от политики предшественников, которые считали экономическую взаимозависимость краеугольным камнем двусторонних отношений. В третьей части представлены позиции сторон в ходе «майского» обострения торгового конфликта и фактического отказа сторон от дальнейших переговоров, а также значение «третьего» пакета взаимных санкций. Несмотря на существенные уступки со стороны Китая, США

продолжают настаивать на принятии их требований, касающихся поддержки государственных предприятий и защиты прав интеллектуальной собственности. Четвертая часть посвящена развернувшейся информационной кампании в рамках китайско-американского торгового конфликта. В отличие от предыдущих кризисов, в мае 2019 г. Китай занял более активную позицию, с самого начала инициировав массированную информационную кампанию по защите собственных национальных и экономических интересов. Это проявилось, прежде всего, в публичных заявлениях руководителя китайской делегации на торговых переговорах, вице-преьера Госсовета КНР Лю Хэ, которые он сделал сразу же после американских демаршей.

Автор подчеркивает, что обострение экономического спора между крупнейшими экономиками мира подрывает общий баланс китайско-американских отношений, а также способен оказать существенное воздействие на глобальную экономику в целом. Данный конфликт, скорее всего, будет носить достаточно затяжной характер и может привести к активизации усилий Китая по продвижению альтернативных экономических стратегий — прежде всего инициативы «Один пояс, один путь». В качестве ответных ограничительных мер на американский протекционистский демарш Китай, видимо, будет стремиться к замещению американской, прежде всего сельскохозяйственной продукции на российскую.

Ключевые слова: китайско-американские отношения, торговая война, импортные тарифы, «Сделано в Китае — 2025», государственные предприятия.

Автор: Тимофеев Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Российский университет дружбы народов. E-mail: timooa@mail.ru

O.A. Timofeev

The Sino-US trade conflict 2019 and its prospects: between pessimism and uncertainty

Abstract. The article discusses the aggravation of the Sino-US trade conflict in 2019. The political and economic parameters of the dispute between Beijing and Washington are presented: a two-layer game in foreign policy decision making, a factor of state's prestige in trade and economic disputes, increasing of import tariffs, protection of intellectual property rights, subsidies for the State-owned enterprises (SOEs) and

mandatory technology transfer. In the first part, the author analyses cyclical nature of crises in Sino-US relations, inter alia, their 'long' and 'short' cycles. The second part is devoted to the impact of the US Trump administration's foreign strategy on the China and the US bilateral trade. The new US administration has fell apart from the policy of its predecessors, which considered economic interdependence as a cornerstone of bilateral relations. The third part illuminates positions of the parties during sharp aggravation of the trade conflict in May, 2019; the actual refusal of the parties to further negotiations, as well as the significance of the "third" package of sanctions on their bilateral relationship. Despite significant concessions on the part of China, the United States continues to insist on accepting their demands of lesser support to Chinese SOEs and protecting intellectual property rights. The fourth part is devoted to the unfolding information war under the framework of the Sino-US trade conflict. In contrast to previous crises, in May 2019, China took a more active stance, starting from the very beginning with a massive information campaign to protect its own national and economic interests. This was manifested, above all, by public statements by the head of the Chinese delegation at the trade negotiations, the State Council Vice-Premier Liu He, which he made immediately after the US moves. The author emphasizes that current economic dispute between the world's largest economies jeopardizes the overall balance of Sino-American relations, and may have a significant impact on the global economy as a whole. The current conflict will be likely of long-term run and can lead to the intensification of China's efforts to promote alternative economic strategies, e.g. the BRI. As a response to the US protectionist measures, China will be likely to seek to replace American import (e.g. agricultural) goods by Russian ones.

Keywords: China-US relations, trade war, import tariffs, Made in China — 2025, State-owned enterprises (SOEs).

Author: Oleg A. TIMOFEEV, Ph.D. (History), Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: timooa@mail.ru).

Сорокалетний юбилей установления дипломатических отношений между Китаем и США (1 января 1979 г.) совпал по времени с крупнейшим кризисом в отношениях между двумя странами — повышением таможенных тарифов, вводимых администрацией Д. Трампа, и ответными действиями Пекина.

1. Цикличность кризисов в китайско-американских отношениях

Периоды кризисов не являются чем-то новым и неожиданным в сложном клубке взаимозависимости и противоречий между Пекином и Вашингтоном. Эксперты расходятся в оценке того, для которой из сторон слом существующего порядка в китайско-американских отношениях является большим приоритетом. В американской аналитике преобладает мнение, что Китай как «ревизионистская» держава пытается сломать устоявшийся глобальный статус-кво. Однако, к примеру, Дж. Миршаймер считает, что Китаю для получения относительных преимуществ в будущем, напротив, достаточно обеспечить устойчивость существующих тенденций [Mearsheimer, 2014].

Заметной особенностью развития кризисов в китайско-американских отношениях стала их цикличность. Во-первых, в начальный период нахождения у власти любой администрации США отношения между двумя странами всегда были хуже, чем в конце. Данная тенденция имеет объективную подоплеку: правительство, которое не связано предвыборными интересами, подразумевающими обострение критики в адрес Китая (*China bashing*), может позволить себе действовать в диалоге с КНР с учетом долгосрочной перспективы, не поддаваясь давлению со стороны общественного мнения.

Во-вторых, китайско-американские отношения подвержены влиянию и более долгосрочных кризисов — десятилетних циклов. Так случилось, что наиболее существенные «идиосинкразические» (термин Д. Лэмптона и Д. Эвинга [Lampton, Ewing, 2003, p. 16]) события происходили в канун очередной десятилетней годовщины с момента установления дипломатических отношений:

- в 1989 г. — события на площади Тяньаньмэнь, вызвавшие введение санкций западных стран против Китая. Часть из них — эмбарго на поставку вооружений — не отменена до сих пор;
- в 1999 г. — ракетный удар по посольству КНР в Белграде в ходе косовского кризиса, повлекший самые масштабные антиамериканские выступления в Китае.

Несмотря на во многом сохраняющуюся преемственность американского курса в отношении КНР в конце «нулевых» годов XXI века,

важнейшим направлением внешней политики пришедшей к власти в 2009 г. американской администрации Б. Обамы явился так называемый поворот к Азии (Pivot to Asia), который в связи с его явным антикитайским характером стал основным геополитическим препятствием на пути развития отношений между двумя странами.

2. Изменение политики США при администрации Д. Трампа

Однако существенной особенностью прошлых масштабных кризисов было наличие «подушки безопасности» — динамично развивавшегося торгово-экономического сотрудничества, обеспечивавшего высокую степень экономической взаимозависимости и устойчивости к различного рода геополитическим потрясениям. В отличие от прошлых, нынешний кризис затрагивает как раз двустороннюю торговлю, с одной стороны, подрывая ее роль стабилизатора китайско-американских отношений, а с другой — перенося наиболее важные стратегические противоречия глобального масштаба в сферу экономики. Следует отметить, что в последние годы дефицит США в торговле с Китаем постоянно нарастал, и как только к власти пришел Д. Трамп — президент, весьма «сфокусированный» на теме экономических преимуществ США, разразился самый масштабный экономический кризис в двусторонних отношениях.

США традиционно имеют значительный внешнеторговый дефицит: в 2018 г., например, он составил 621 млрд долл., однако дефицит в торговле с Китаем значительно превышает соответствующий показатель для других крупных торговых партнеров США, таких, как Мексика, Германия, Япония (рис. 1).

Как и многие другие крупные конфликты, нынешняя «торговая война» обладает значительно выраженным признаком цикличности. Как известно, значительная часть предвыборной риторики Д. Трампа была посвящена проблеме несбалансированности торговли с Китаем. Угрозы объявить Пекин валютным манипулятором многократно звучали от высокопоставленных сотрудников предыдущих американских администраций, однако лишь нынешнее правительство отважилось пойти на решительные действия в данном вопросе.

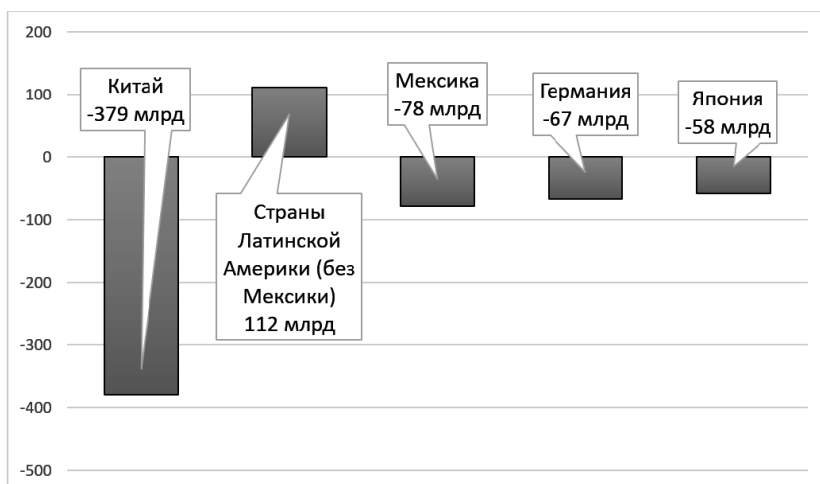

Рис. 1. Сальдо торгового баланса США с отдельными странами и регионами в 2018 г. (долл. США)

Источник: U.S. Department of Commerce.

Уже летом 2017 г., несмотря на в целом позитивные оценки двумя сторонами состоявшегося накануне саммита глав США и Китая в Мар-а-Лаго и принципиальное решение восстановить механизм постоянно действующего китайско-американского экономического диалога, Офисом торгового представителя США было начато расследование действий, связанных с кражей Китаем ряда высоких технологий и нарушением прав интеллектуальной собственности в отношении США.

Несмотря на проведение в мае 2018 г. торговых переговоров вице-премьера Госсовета КНР Лю Хэ с представителями экономического блока администрации США и обещание китайской стороны предпринять меры по снижению американского дефицита в торговле с КНР к концу 2020 г. на 200 млрд долл. за счет расширения американского экспорта в Китай, уже через месяц Вашингтон повысил импортные тарифы на значительный ассортимент китайских товаров (1102 наименований) общей стоимостью около 50 млрд долл. [Behsudi, 2019].

Позднее было объявлено и о так называемом втором пакете ограничений на сумму до 200 млрд долл., тарифная ставка на импорт которых с начала 2019 г. должна была достигать 25 %.

В ноябре 2018 г. в США состоялись промежуточные выборы в Конгресс, а председатель КНР Си Цзиньпин на Первой китайской международной выставке импортных товаров пообещал в ближайшие 15 лет довести объем импорта товаров и услуг Китая до 40 трлн долл. Уже 2 декабря на саммите «Большой двадцатки» (G20) в Буэнос-Айресе стороны решили начать новые интенсивные переговоры и отложить до 1 марта 2019 г. (впоследствии этот срок был продлен) повышение до 25 % импортного тарифа в рамках «второго» пакета американских санкций и ранее объявленные контрмеры со стороны Китая [*Behsudi*, 2019].

В ходе пятимесячных переговоров стороны неоднократно выражали удовлетворение их ходом. На состоявшейся в марте 2019 г. 2-й сессии ВСНП 13-го созыва было принято решение о снятии требования по обязательной передаче зарубежными компаниями технологий при создании совместных предприятий на территории Китая, против чего традиционно выступали страны Запада.

3. Обострение кризиса в мае 2019 г.

1 мая министр финансов США С. Мнучин заявил о том, что после очередного раунда переговоров, прошедшего в Пекине, США и Китай вплотную приблизились к подписанию торгового соглашения о частичной отмене пошлин на импорт товаров из КНР. Было решено в ближайшее время продолжить переговоры в Вашингтоне, где, согласно некоторым источникам, стороны могли сообщить о подписании торгового соглашения [*Behsudi*, 2019].

Однако 10 мая администрация США приняла решение все же имплементировать «второй» пакет тарифов в более жестком варианте (25 %), что привело к сворачиванию торговых переговоров и ответным шагам со стороны Китая.

Представители США объясняют данное решение нежеланием Пекина следовать американским требованиям по защите прав ин-

теллектуальной собственности. В более общем смысле это означает требование свернуть программу перевода китайского экспортного производства на более высокий технологический уровень «Сделано в Китае — 2025», в последние годы ставшую основным раздражителем в отношениях между КНР и странами Запада. По мнению западных политиков, китайское правительство предпринимает недостаточные усилия и по защите иностранной интеллектуальной собственности в КНР. Работа по обеспечению авторских прав все еще остается слабой при том, что иностранные участники СП в течение долгого времени все же были вынуждены передавать технологии китайским партнерам в качестве условия ведения бизнеса в КНР. По оценкам американского экономиста Г. Райта, это обходилось американскому бизнесу в сотни млрд долл. в год [Wright, 2019].

Еще один блок разногласий связан со структурными особенностями китайской экономики (высокая степень участия государства в национальном хозяйстве) и подозрениями западных стран в государственной поддержке экспортных отраслей Китая с помощью нерыночных методов. Достаточно давняя и важная проблема заключается в том, что экономика КНР в последние десятилетия отчасти обязана своим быстрым ростом значительному целевому субсидированию экспортноориентированных компаний и отраслей. США уже давно настаивают на том, чтобы Китай сокращал эти субсидии.

Тем не менее, во-первых, Китай старается учитывать «озабоченности» своих главных экономических партнеров. Так, например, упоминание о программе «Сделано в Китае — 2025» было полностью исключено из Доклада о работе правительства, сделанном в марте 2019 г. на сессии ВСНП [Чжэнфу гунцзо баогао, 2019]. При этом, декларация в докладе главы правительства КНР Ли Кэцяна стремления перейти к общепринятым в мире правилам ведения внешней торговли и работы с иностранными инвестициями, как и намерения изменить в планируемом новом законе о зарубежных инвестициях норму об обязательной передаче технологий, тоже направлены на улучшение торгово-экономических связей с ведущими партнерами, включая достижение прогресса в торговых переговорах с США.

Важнейшим инструментом реализации концепции «управления государством на основе закона», нацеленной на строительство пол-

ноценного правового государства как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сферах, является применение общепринятых международных норм и практик ведения внешнеторговой/внешнеэкономической деятельности. Планируемая отмена нормы об обязательной передаче технологий иностранными инвесторами важна не только для достижения компромисса в торговых переговорах с США: значительное беспокойство по поводу данного требования китайского законодательства уже давно выражали представители политических и деловых кругов стран ЕС, других развитых стран.

Во-вторых, усилия западных партнеров США по противодействию реализации основных положений данной программы уже приносят результаты. Как видно из опубликованного 15 мая 2019 г. журналом «Форбс» списка крупнейших публичных компаний мира, ведущие высокотехнологичные компании КНР по объему активов значительно уступают как основным китайским финансовым организациям, так и своим американским конкурентам (табл. 1).

Таблица 1. Список «Форбс» крупнейших публичных компаний мира в 2019 г.

		Страна	Сфера деятельности
1	ICBC	Китай	Финансы
2	JP Morgan Chase	США	Финансы
3	Строительный банк Китая	Китай	Финансы
4	Сельскохозяйственный банк Китая	Китай	Финансы
5	Bank of America	США	Финансы
6	Apple		Высокие технологии
7	Группа компаний Ping An	Китай	Страхование
8	Банк Китая	Китай	Финансы
9	Royal Dutch Shell	США	Нефтегазовая промышленность
10	Wells Fargo	США	Финансы
27	China Mobile (中国移动通信)	Китай	Телекоммуникации
74	Tencent	Китай	Высокие технологии

Источник: Murphy A., Ponciano J., Hansen S. et al. Murphy A., Ponciano J., Hansen S. et al.

Важной особенностью развивающегося кризиса является то, что ныне он находится на промежуточном этапе. В целях усиления давления на китайскую сторону руководители администрации США неоднократно заявляли о том, что после введения «второго» пакета санкций [China's Acts...] возможен и третий, самый крупный пакет на сумму до 300 млрд долл. (табл. 2), ввод которого пока отложен.

Таблица 2. Товарные позиции, на настоящий момент не включенные в список американских экономических ограничений в торговле с Китаем

	Стоимость импорта в 2018 г., млрд долл.
Мобильные телефоны	44,8
Переносные персональные компьютеры	38,7
Двигающиеся игрушки, пазлы, сборные модели	11,9
Игровые консоли	5,4
Компьютерные мониторы (кроме жидкокристаллических и мониторов на основе электронно-лучевых трубок)	4,6
Плоскопанельные телевизоры с диагональю менее 13,5 дюйма и кассетные видеомэгагнитофоны	4,5
Запоминающие устройства (напр., USB, жесткие диски)	4
Детали телефонных аппаратов	2,5
Изделия из пластика	2,4
Многофункциональные периферийные устройства	2,3

Источник: Office of the United States Trade Representative (USTR).

4. Информационная поддержка требований сторон

В целом, в отличие от предыдущих этапов обострения торгово-экономических споров, в мае 2019 г. стороны перешли к полномасштабной информационной войне. Если президенту США присуще объявлять о его ключевых решениях через социальную сеть Twitter, то опубликование реакции официального Пекина до последнего времени отличалось следующими особенностями.

1. Оно велось по каналам официальных пресс-служб, прежде всего МИД, придерживающихся традиционно сдержанного тона (выражение сожаления и призывы решать вопросы путем диалога).

2. Лидеры государства, а также руководителя китайской делегации предпочитали не высказываться о ходе переговоров, ссылаясь на необходимость дать сторонам время и возможность достичь компромисса в спокойной обстановке без излишнего внимания прессы.

На нынешнем этапе Китай явно перешел к более активной информационной политике. Причина этого заключается в том, что любое внешнеполитическое решение имеет как международное, так и внутривнутриполитическое значение. В китайском обществе уже достаточно давно зреет глухое недовольство характером отношений с США, и слом Вашингтоном «аргентинского консенсуса»¹ в мае 2019 г. способен резко усилить критику любых компромиссов, на которые могут пойти власти КНР. Уже через два дня после официальной публикации решения США о повышении импортных тарифов, во время переговоров с американской стороной вице-премьер Лю Хэ дал подробное интервью китайским СМИ, в котором заверил, что Китай не пойдет на уступки по наиболее важным вопросам. Руководитель китайской делегации впервые подробно изложил китайскую переговорную позицию, а также ключевые разногласия с США. По его словам, эти противоречия касаются трех ключевых моментов, на решении которых настаивает Пекин.

1. Китай полагает, что в целях достижения соглашения необходимо отменить все пошлины, наложенные США в мае 2019 г., ибо введение подобных мер таможенного протекционизма знаменует начало новых торговых войн.

2. Объемы торговых закупок должны соответствовать существующим реалиям и возможностям. Стороны не должны произвольно менять торговые параметры, зафиксированные в декабре 2018 г. на переговорах в Аргентине.

3. Итоговый текст соглашения должен констатировать достижение баланса интересов и требований каждой из сторон. При этом

¹ Соглашение по приостановке торговой войны, которое было достигнуто на саммите G20 в Аргентине в декабре 2018 г.

сбалансированность торгового соглашения не должна подрывать международный престиж каждой из сторон. В связи с сохраняющимися разногласиями еще остаются некоторые ключевые проблемы, не решенные разрешения в процессе переговоров [Лю Хэ цзешоу ...].

Таким образом, из-за действий администрации Д. Трампа риторика *China bashing*, обвинения Пекина в стремлении к переносу производств из США в Китай (аутсорсинге), подрыве производственного сектора в США как основного препятствия для нормального развития двусторонних отношений перестали быть темой предвыборной агитации, превратившись в перманентный фактор информационной активности. Непредсказуемость американской администрации и растущие в КНР опасения по поводу возможных чрезмерных уступок китайской стороны заставляют Пекин также отказываться от традиционной практики минимального освящения подробностей переговоров. При этом обращение главного китайского переговорщика к термину *цзуньянь* (чувство достоинства) показывает, что для руководства Китая экономическая выгода не является более единственной целью торгово-экономических переговоров с США.

Начало массовой информационной кампании означает, судя по всему, и начало курса на затяжную торговую войну между Пекином и Вашингтоном. При этом есть все основания полагать, что переговорщики добились небольшого прогресса в разрешении фундаментальных разногласий между Китаем и США.

В краткосрочной перспективе КНР вряд ли прекратит субсидирование государственных предприятий или существенно усилит защиту прав интеллектуальной собственности западных стран. В значительной степени это связано и с объективными причинами — замедлением темпов роста экономики, в условиях которого любые существенные политические изменения становятся рискованными.

В долгосрочной перспективе западным странам, при наличии действенных экономических стимулов, возможно, удастся убедить Китай отказаться от существующей модели развития экспортных производств. Однако еще не известно, хватит ли администрации Трампа терпения ради достижения ее краткосрочных целей найти компромисс, который поспособствовал бы созданию более ровной площадки для развития отношений в долгосрочной перспективе.

Ввиду этого многие из тех проблем, которые ранее активно обсуждались в рамках системы китайско-американских диалогов, Пекин будет вынужден перенести на другие площадки, прежде всего, связанные с развитием инициативы «Один пояс, один путь». При таком развитии событий вполне вероятно превращение указанной инициативы в полноценную международную **стратегию**, о возможности чего говорил, в частности, бывший руководитель пресс-канцелярии Госсовета КНР Чжао Цичжэн на состоявшемся 27 апреля 2019 г. в Пекине 28-м Форуме «Ваньшоу» «“Один пояс, один путь”: глобализация нового типа и глобальное управление»¹.

Библиографический список

Лю Хэ цзешоу Чжунго мэйти цайфан шилу : [Интервью Лю Хэ СМИ Китая]. URL: <http://news.cctv.com/2019/05/11/ARTIZzN2obvreKh7ZRpiXz2c190511.shtml> (дата обращения: 11.05.2019). (На кит. яз.).

Чжэнфу гунцзо баогао : [Доклад о работе правительства]. URL: http://www.gov.cn/premier/2019-03/16/content_5374314.htm (дата обращения: 01.05.2019). (На кит. яз.).

Behsudi A. U.S., China near deal to roll back some tariffs // Politico. URL: <https://www.politico.com/story/2019/05/01/us-china-deal-tariffs-1400007> (accessed: 01.05.2019).

China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation. A Notice by the Office of USTR on 05/09/2019 // Federal Register. 2019. Vol. 84. No. 90. P. 20459—60.

Lampton D., Ewing R. The U.S.-China Relationship Facing International Security Crises. Washington: The Nixon Center, 2003. 92 p.

Mearsheimer J. Can China Rise Peacefully? URL: <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (accessed: 25.10.2014).

Murphy A., Ponciano J., Hansen S. et al. Global 2000 — The World's Largest Public Companies 2019. URL: <https://www.forbes.com/global2000/#35e89ca2335d> (accessed: 16.05.2019).

Office of the United States Trade Representative (USTR). URL: <https://ustr.gov> (accessed: 16.05.2019).

U.S. Department of Commerce. URL: <https://ustr.gov> (accessed: 16.05.2019).

¹ Личный архив автора.

Wright G. China-US trade war heats up: 3 reasons it won't cool down anytime soon. URL: <https://theconversation.com/china-us-trade-war-heats-up-3-reasons-it-wont-cool-down-anytime-soon-109853> (дата обращения: 13.05.2019).

References

Behsudi A. (2019). U.S., China near deal to roll back some tariffs, *Politico*. URL: <https://www.politico.com/story/2019/05/01/us-china-deal-tariffs-1400007> (accessed: 1 May, 2019).

China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation (2019). A Notice by the Office of USTR on 05/09/2019, *Federal Register*. Vol. 84. No. 90: 20459—60.

Lampton, D., Ewing R. (2003). The U.S.- China Relationship Facing International Security Crises. Washington: The Nixon Center. 92 p.

Liu He jieshou Zhongguo meiti caifang shilu [Liu He accepts interviews with Chinese media]. URL: <http://news.cctv.com/2019/05/11/ARTIZzN2obvreKh7ZRpiXz2c190511.shtml> (accessed: 11 May, 2019). (In Chinese).

Mearsheimer J. (2014). Can China Rise Peacefully? URL: <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (accessed: 25 October, 2014).

Murphy A., Ponciano J., Hansen S. et al. Global 2000 — The World's Largest Public Companies 2019. URL: <https://www.forbes.com/global2000/#35e89ca2335d> (accessed: 16 May, 2019).

Office of the United States Trade Representative (USTR). URL: <https://ustr.gov> (accessed: 16 May, 2019).

U.S. Department of Commerce. URL: <https://ustr.gov> (accessed: 16 May, 2019).

Wright G. (2019). China-US trade war heats up: 3 reasons it won't cool down anytime soon. URL: <https://theconversation.com/china-us-trade-war-heats-up-3-reasons-it-wont-cool-down-anytime-soon-109853> (accessed: 13 May, 2019).

Zhengfu gongzuo baogao [Report on the Work of the Government] (2019). URL: http://www.gov.cn/premier/2019-03/16/content_5374314.htm (accessed: 1 May, 2019). (In Chinese).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10011

А.О. Виноградов, А.Ю. Заклепенко, Е.И. Сафронова

США, КИТАЙ И ВТО: ПОСЛЕДСТВИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОГО ТОРГОВОГО КОНФЛИКТА ДЛЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния «торговой войны» между США и Китаем и ее возможных последствий как для экономик двух стран, так и для мировой экономики в целом.

В мае 2019 г. произошла очередная эскалация конфликта, когда Трамп обвинил Китай в попытке пересмотреть достигнутые в ходе нескольких раундов переговоров условия торгового соглашения, а также в желании вообще отложить его подписание. В итоге дополнительные пошлины на китайские товары стоимостью 200 млрд долл. были подняты с 10 до 25 %. С 1 июня 2019 г. начали действовать ответные меры Китая. Таким образом, на данный момент торгово-экономические связи между Китаем и США достигли наивысшего уровня напряженности с момента установления дипломатических отношений между двумя странами.

В статье делается акцент на роли ВТО в китайско-американских отношениях, дается краткий ретроспективный обзор процесса вступления КНР в данную организацию, когда администрация Б.Клинтон способствовала ему в надежде нарастить экспорт в Китай. Кроме того, рассматриваются споры между Китаем и США в рамках ВТО.

И США, и Китай несут многомиллиардные убытки из-за торговой войны. Основной ее удар по американской экономике пришелся на отрасли, подпавшие под ответные меры Китая: сельское хозяйство, авиастроение, автомобилестроение, нефтяная отрасль. Торговая война негативно сказывается на темпах роста китайской экономики. Для увеличения активности на внутреннем рынке и ослабления влияния торгового конфликта Пекин принял дополнительные меры по либерализации экономики: было уменьшено налоговое бремя, понижены импортные пошлины, сняты серьезные ограничения на работу иностранных компаний.

В статье дается прогноз возможных последствий торгового конфликта для американской и китайской экономики, для международной торговли и для самой ВТО.

Ключевые слова: торговая война, ВТО, международная торговля, США, Китай, торгово-экономические отношения, ЕС, экспорт, импорт, торговый дефицит (дефицит торгового баланса).

Авторы:

Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова. E-mail: vinandr@mail.ru

Заклепенко Анастасия Юрьевна, бакалавр НИУ ВШЭ. E-mail: ayuzaklepenko@edu.hse.ru

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

A.O. Vinogradov, A.Yu. Zaklepenko, E.I. Safronova

USA, China and WTO: implications of the US-China trade conflict for the world trade

Abstract. The article is devoted to the current status of the trade war between the US and China and its probable consequences for the economies of the two countries and for the world economy as a whole.

In May 2019, took place another escalation of the conflict, when President Trump accused China of trying to revise the terms of the trade

agreement reached during several rounds of negotiations, as well as of the desire to postpone the signing of the agreement. As a result, additional duties on Chinese goods worth 200 billion USD were raised from 10 % to 25 %. Since June 1, China's response measures began to operate. Thus, at the moment, trade and economic relations between China and the United States have reached the highest level of tension since the establishment of diplomatic relations between the two countries.

The article focuses on the role of the WTO in Chinese-American relations, provides a brief retrospective review of the process of China's accession to this organization, when the Clinton administration contributed to this accession in the hope of increasing American exports to China. It also characterizes disputes between China and the United States within the WTO.

Both the US and China are suffering multi-billion dollar losses because of the trade war. Its main impact on the American economy covered industries that fell under retaliatory "trade war" measures of China: agriculture, aircraft, automotive, oil industry. The trade war has a negative influence on the growth rate of the Chinese economy. To increase activity in the domestic market and thus weaken the impact of the trade conflict, Beijing has taken additional measures to liberalize Chinese economy: the tax burden and import duties have been reduced, serious restrictions on the work of foreign companies have been removed.

Moreover, the article provides a forecast of the probable consequences of the trade conflict for the American and Chinese economies, for international trade and for the WTO itself.

Keywords: trade war, WTO, international trade, USA, China, trade and economic relations, EU, export, import, trade deficit (trade balance deficit).

Authors:

Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Senior Lecturer at the Higher School of Economics of the National Research University (HSE); Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor at the Faculty of World Politics, M.V. Lomonosov Moscow State University (e-mail: vinandr@mail.ru);

Anastasiya Yu. ZAKLEPENKO, Bachelor at the HSE (e-mail: ayuzaklepenko@edu.hse.ru);

Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: safronova@ifes-ras.ru).

Китай, США и ВТО

США на протяжении нескольких десятилетий были главным сторонником и защитником глобализации и свободной торговли. Они стояли у истоков крупных международных организаций, таких, как ВТО, МВФ, и во многом контролировали их деятельность.

Однако по мере усиления Китая лидирующее положение США в мировой экономике начало ослабевать. Рост внешнего долга и безработицы, ухудшение положения среднего класса и кризис во многих отраслях промышленности привели в стране к нарастанию недовольства прежними, либеральными принципами торговли. В силу этого лозунги президента США Д. Трампа о возрождении национального производства, которые он поставил во главу угла своей предвыборной программы, были поддержаны представителями среднего класса и малого бизнеса, жителями небольших городов, малообеспеченными слоями населения, а также представителями традиционных отраслей промышленности (металлургия, угольная и химическая промышленность, машиностроение, строительство). Одной из ключевых идей в этом направлении стало обещание резко повысить импортные пошлины на китайские товары.

Отметим, что Китай отнесся к предвыборным обещаниям Трампа достаточно скептически, стараясь подчеркнуть взаимовыгодность торгово-экономических отношений между двумя странами [Торгово-экономические отношения Китая и США в цифрах]. Американцы же сфокусировали свое внимание не на выгодах от партнерства с Китаем, а на угрозах, которые представляет для них растущее экономическое и политическое влияние КНР. В «Стратегии национальной безопасности США 2017» Китай был назван «ревизионистской державой», цели которой заключаются в установлении миропорядка, основанного на ценностях и интересах, противоположных американским, и перестройке форматов сотрудничества ради собственной выгоды. Китай обвинили в краже американской интеллектуальной собственности на суммы в сотни миллионы долларов [National Security Strategy of the United States of America].

Напомним, что в 2000—2015 гг. ВВП Китая рос в среднем на 9,4 % в год, в то время как в США этот показатель составлял только

1,9 %. Хотя в последние годы темпы прироста ВВП в Китае сократились, они остались существенно выше американских. По прогнозу Академии общественных наук Китая, темп роста китайской экономики в 2019 г. составит 6,3 % [Темпы роста китайской экономики...].

В 2013 г. Китай обошел США по объему ВВП по паритету покупательной способности (ППС): 16,8 трлн долл. у КНР против 16,7 трлн долл. у США. В 2018 г. разрыв увеличился до 5 трлн долл.: 25,2 трлн долл. у Китая и 20,4 трлн долл. у США [World Development Indicators GDP at market prices...].

С 2009 г. Китай занимает 1-е место в мире по объему экспорта и 2-е место по объему импорта. С 2012 г. КНР лидирует по объему внешней торговли. В 2017 г. доля Китая в мировом экспорте товаров составила 13,2 %, США — 9 %; а в мировом импорте доля КНР — 10,5 %, США — 13,7 % [World Trade Statistical Review 2018].

Китай является мировым нетто-экспортером, и дефицит Соединенных Штатов в торговле с Китаем возрастает с каждым годом: в 2007—2017 гг. он составлял 220—396 млрд долл., в 2018 г. — 419 млрд долл., а это уже более 70 % всего торгового дефицита США. В декабре 2001 г. Китай официально стал 143-м членом Всемирной торговой организации на правах развивающейся экономики, что дало ему ряд преференций, в том числе право на сохранение экспортных субсидий в течение 8 лет, право выдавать импортные лицензии в течение 2 лет и т. д.

Расчеты американцев на выгоды от вступления Китая в ВТО во многом оказались преувеличенными, а китайский экспорт рос быстрее китайского импорта. Американские товары не завоевали популярность на китайском рынке, зато американские корпорации быстро поняли, что переместив производство в Китай, можно снизить стоимость затрат на рабочую силу и таким образом получить большую прибыль. Д. Трамп на саммите АТЭС в Дананге в ноябре 2017 г. заявил о нежелательности заключения новых многосторонних торговых соглашений и подверг критике ВТО. Си Цзиньпин в свою очередь предстал как защитник свободной торговли, призвав к большей сбалансированности процесса глобализации [*Solis M.*].

В целом складывается интересная ситуация взаимных американо-китайских претензий в рамках ВТО. США обвиняют Китай в от-

сутствии рыночной экономики, а КНР возбуждает в ВТО дела против Соединенных Штатов в связи с их продолжающимся обращением с Китаем как с нерыночной экономикой, что дает США большую свободу для введения антидемпинговых и компенсационных пошлин на китайские товары в тех секторах, где велика роль государства.

За 18 лет членства в ВТО Китай участвовал в 20 спорах в качестве истца, в 43 спорах в качестве ответчика и 168 спорах в качестве третьей стороны [China. WTO]. Рассмотрим подробнее дела между Китаем и США.

Из 20 дел, инициированных Китаем в ВТО, 15 адресовались США как ответчику (при этом треть из них имеют отношение к текущей американско-китайской торговой войне, ведущейся с начала 2018 г.), а оставшиеся 5 — Европейскому союзу.

Анализ показывает, что из 10 дел, инициированных Китаем в адрес США до торговой войны, результаты рассмотрения 6 дел удовлетворяли претензии Китая, однако в 4 из этих случаев Китай заявлял о несогласии с тем, что США в полной мере выполнили рекомендации ВТО. Результаты еще 2 дел были в пользу США, и по 2 делам не удалось достигнуть решения. Стоит отметить, что с момента запроса консультации до вынесения решения проходил минимум год, именно поэтому ВТО и критикуют за процессуальную медлительность.

Из 43 дел в адрес Китая более половины были инициированы США (23), 9 дел инициированы ЕС, по одному делу — Гватемалой и Бразилией, 3 дела — Канадой, 4 — Мексикой, 2 — Японией.

Иски США к Китаю были удовлетворены в 14 случаях, по 9 делам решения нет, в том числе по делу о повышении тарифов на американские товары в июле 2018 г. (DS558: China — Additional Duties on Certain Products from the United States).

Стоит обратить внимание на то, что большинство дел, инициированных Китаем в отношении США, касаются именно увеличения пошлин на китайские товары, в то время как американские запросы более имеют отношение к китайскому законодательству, включая вопросы защиты интеллектуальной собственности, электронные платежи, государственную поддержку предприятий.

Анализируя нынешнюю непростую ситуацию в американско-китайской торговле, следует подчеркнуть, что США и ранее поднима-

ли пошлины на китайские товары, но лишь на отдельные группы наименований, в то время как текущая торговая война затронула основные товарные группы во всей двусторонней коммерции.

В целом решения ВТО в более половины случаев удовлетворяли и претензии Китая, и США. Соединенные Штаты при этом являются более активными пользователями регулятивной системы ВТО. Однако решения Организации не являются обязательными и не предусматривают санкции за их невыполнение. Даже в тех случаях, когда ответчик отчитывался о выполнении рекомендаций ВТО, истец зачастую заявлял о том, что он не удовлетворен итогами выполнения рекомендаций.

Кроме того, от момента запроса до отчета ответчика о выполнении рекомендаций проходит минимум год. Сначала истец запрашивает консультацию с ответчиком, второй соглашается, далее третьи стороны присоединяются к консультациям, потом Орган по разрешению споров формирует комиссию, которая готовит отчет по делу, который, в свою очередь, часто обжалуется одной из сторон в Апелляционном органе ВТО. После вынесения решения Апелляционным органом определяется период для выполнения его рекомендаций и постановлений, который обычно занимает от нескольких месяцев до года. В конце периода истец должен сообщить Организации о выполнении принятых решений.

Такой способ подходит для устранения несоответствия национального законодательства нормам ВТО или для решения небольших торговых споров, но никак не для решения серьезного торгового конфликта.

Торговый конфликт США и Китая

Причины и ход торговой войны США с Китаем с января по ноябрь 2018 г. подробно описаны в статьях А.О.Виноградова и А.И.Салицкого (см. [Виноградов А., Салицкий А. США—Китай...], а также [Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К.]). Остановимся на событиях, произошедших после этого времени.

Во время саммита G20 в Аргентине (30 ноября — 1 декабря 2018 г.) Д. Трамп и Си Цзиньпин провели переговоры, на которых договорились не вводить новые торговые пошлины в течение 90 дней, чтобы оставить время для дальнейших консультаций. Трамп согласился не повышать 1 января тарифы с 10 до 25 % на товары из списка от 24 сентября (имеется в виду второй пакет торговых санкций против Китая, охватывающих товары на сумму в 200 млрд долл., в перечень которых входит практически весь ассортимент электронной продукции китайского производства как в виде готовых конечных товаров, так и их комплектующих, например, электронных плат, узлов и блоков). Кроме того, по словам американской стороны, Китай должен был закупить «очень значительное» количество продукции сельскохозяйственного, промышленного и энергетического секторов, чтобы уменьшить торговый дисбаланс [US-China trade war...].

14 декабря 2018 г. Госсовет КНР объявил о том, что с 1 января по 31 марта 2019 г. будет приостановлено действие дополнительной 25 % пошлины на американские автомобили в качестве ответного шага на решение Трампа не поднимать тарифы с 10 до 25 % на китайские товары стоимостью 200 млрд долл. 31 марта китайские власти продлили действие этого решения на неопределенный срок [Китай продлит период отмены повышенных пошлин...].

Первые в 2019 г. американо-китайские переговоры были назначены на 30 января. Однако 28 января США обвинили в мошенничестве одну из крупнейших китайских компаний в области мобильной связи — корпорацию *Huawei*. Обвинения компании и ее финансовому директору Мэн Ваньчжоу были предъявлены по 23 пунктам, в том числе таким, как финансовое мошенничество, кража технологий у компании *T-Mobile*, отмывание денег и нарушение санкций против Ирана [Acting Attorney General Matthew Whitaker Announces...]. В *Huawei* не согласились с предъявленными обвинениями, а МИД КНР потребовал прекратить давление на китайские компании. Поскольку Вашингтон подозревает *Huawei* в передаче информации китайскому правительству, то от продукции этой компании стали отказываться государственные органы США, Австралии и Новой Зеландии.

Позже Мэн Ваньчжоу, которая является не только финансовым директором Huawei, но и дочерью основателя компании, была задержана в Канаде. Ее выпустили под залог, однако обвинения с нее до сих пор не сняты.

30—31 января 2019 г. в Вашингтоне прошли очередные американо-китайские переговоры. Делегацию Китая вновь возглавил вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ. Китайская делегация заявила, что «честные, конкретные и конструктивные переговоры достигли важного прогресса». Д. Трамп, в свою очередь, назвал «колоссальным прогрессом» решение КНР возобновить закупку соевых бобов в США, а также согласие Пекина изменить законодательство в области принудительной передачи технологий (то есть, отказаться от требования обязательного переноса в Китай НИОКР для иностранных компаний, создающих производства на территории КНР) и защиты интеллектуальной собственности. На переговорах не обсуждались выдвинутые против Huawei и его финансового директора Мэн Ваньчжоу обвинения. Торговый представитель США Р. Лайтхайзер подчеркнул необходимость механизма соблюдения договоренностей. Переговоры с целью заключения соглашения было решено продолжить после китайского Нового года [Zheng S., Huang K.].

Однако на переговорах с 21 по 24 февраля в Вашингтоне стороны так и не смогли прийти к соглашению. Тем не менее, Д. Трамп в очередной раз назвал переговоры продуктивными и отложил повышение пошлин с 10 до 25 %, намеченное уже на 1 марта. Одним из немногих известных общественности результатом данных переговоров стало заверение китайской стороны в том, что она не будет искусственно занижать стоимость юаня, что могло бы ослабить эффект от введения пошлин¹ [Swanson A., Rappoport A.]. Следующие переговоры прошли в Пекине 28—29 марта. По их завершению Трамп заявил, что, хотя переговоры и прошли очень хорошо, однако его устроит только «великая сделка» [Martina M., Mason J.].

3—5 апреля Лю Хэ снова прилетел в Вашингтон для 9-го раунда переговоров с торговым представителем США Р. Лайтхайзером и

¹ Занижение курса юаня ведет к снижению экспортных цен, и это нивелирует эффект от повышения пошлин.

министром финансов С. Мнучиным. Президент Трамп заявил, что о достижении соглашения может быть объявлено в ближайшие четыре недели. Никаких конкретных подробностей, однако, опубликовано не было [Lawder D.].

30 апреля 2019 г. прошли консультации между Китаем и США по подготовке переговоров, запланированных на 8 мая в Вашингтоне. Д. Трамп даже пошел на некоторую уступку, исключив из повестки переговоров промышленный кибершпионаж со стороны Китая [Трамп смягчил позицию США...].

Однако 5 мая отношение Трампа к американо-китайским переговорам вновь поменялось. В своем Твиттере Трамп объявил о повышении 10 мая дополнительной пошлины на китайские товары стоимостью 200 млрд долл. с 10 до 25 %, а также о введении 25 % пошлины на товары суммой 325 млрд долл. в скором будущем. Причиной этого Трамп назвал медленное течение переговоров и желание китайской стороны пересмотреть его условия [Donald Trump Twitter].

Лю Хэ все-таки прилетел на переговоры в Вашингтон. Однако они продлились недолго: вечер 9-го и утро 10-го мая. Никакого соглашения достигнуто не было [Collins K., Liptak K.], а вот повышение тарифов до 25 %, объявленное Трампом накануне, вступило в силу.

Предварительные итоги торговой войны для США

Во-первых, Трампу не удалось сократить дефицит в торговле товарами с Китаем: в целом в 2018 г. он составил 419 млрд долл. При этом американский экспорт уменьшился на 10 млрд долл. до 120 млрд долл., а импорт, наоборот, увеличился на 34 млрд долл. до 539,5 млрд долл. (частично рост импорта можно объяснить закупками «впрок»). Общий дефицит США в их внешней торговле увеличился на 84 млрд долл., или на 10 % — до 891 млрд долл. [U.S. International Trade in Goods and Services...], из которых примерно половина — сумма дефицита торговли США с Китаем.

В январе—феврале 2019 г., по данным китайской таможни, и экспорт в США, и импорт из США сократились по сравнению с

2018 г.: американо-китайский товарооборот в январе—феврале 2019 г. упал на 20 % по сравнению с предыдущим годом. Но в марте американский экспорт показал небольшой рост, примерно на 4 % по сравнению с предыдущим годом, и составил 31,8 млрд долл. Всего за 3 месяца экспорт уменьшился на 8,9 млрд долл. (на 9 %) — до 91 млрд долл., а импорт — на 13,3 млрд долл. (на 32 %) — до 28,4 млрд долл.

Во-вторых, тарифная война не вызвала волны переноса производства в Китай. Количество новых рабочих мест в США, создаваемых переносом производства обратно — решорингом¹ в 2018 г. по сравнению с 2017 г. сократилось. Так, в 2017 г. решоринг и связанные с ним ПИИ привели к созданию в США более 170 тыс. рабочих мест в производстве [Reshoring Initiative 2017 Data Report]. Однако в 2018 г. этот показатель составил лишь 140 тыс. [Reshoring Initiative 2018 Data Report].

Торговая война имела негативные последствия прежде всего для тех отраслей экономики США, которые попали под удар ответных мер Китая. Превая — это сельское хозяйство. Напомним, что в 2017 г. американские фермеры поставляли 60 % своего урожая соевых бобов на китайский рынок. Уменьшение поставок в КНР сельскохозяйственной продукции приблизительно на 40 % в 2018 г. привело к падению цен на эти продукты и убыткам для фермеров. Так, цены на соевые бобы достигли десятилетнего минимума прошлым летом. На поддержку фермеров администрация Трампа выделила 12 млрд долл. из федерального бюджета, чтобы компенсировать их потери от торговой войны [Donnan S., Singh S.].

Второй отраслью, которая оказалась наиболее чувствительной к перипетиям торговой войны, стало авиастроение. Китай является одним из крупнейших рынков авиаперевозок, который продолжает расти. Китайские авиакомпании были одними из крупнейших покупателей продукции фирмы Boeing, принося ей 5 млрд долл. ежегод-

¹ Решоринг — процесс возвращения в страну производства, ранее перенесенного в другую страну с более низкими издержками производства. В данном случае — процесс возвращения производств обратно в США из Китая путем инвестирования средств, «заработанных» на некогда вынесенных в КНР производствах (Прим. ред.).

но. С началом торговой войны вопрос закупки самолетов у Boeing или Airbus стал козырем в руках китайцев. После крушения самолета Эфиопских авиалиний Boeing 737 Max 10 марта 2019 г. Китай явился первой страной, запретившей полеты этой модели самолетов уже на следующий день [Sutherland B.].

Далее, автомобильная отрасль. В 2018 г. *General Motors*, *Ford* и *Fiat Chrysler* оценили свои примерные убытки от тарифной войны в 1 млрд долл. [Hirtzer M., Polansek T.].

И, наконец, нефтяная отрасль. В 2017 г. на Китай приходилось 20 % всего экспорта американской нефти. В августе 2018 г. Китай прекратил покупку американской нефти. В итоге, за весь 2018 г. доля Китая в экспорте американской нефти составила 11 %. А за период с января по февраль 2019 г. Китай купил только 2,7 % всей идущей на экспорт американской нефти [Exports: Oil].

Итоги торговой войны для экономики Китая

К последствиям торговой войны для Китая можно отнести следующие обстоятельства.

Во-первых, замедление темпов роста как экспорта, так и экономики в целом.

Во-вторых, увеличение безработицы из-за закрытия или сокращения производств на небольших предприятиях на юге Китая, ориентированных на экспорт в США.

Для смягчения этих последствий Пекином были приняты дополнительные меры по либерализации экономики и увеличению активности на внутреннем рынке.

Кроме того, Китай понизил импортные пошлины на ряд товаров, чтобы компенсировать потери от снижения импорта из США. Так, с 1 ноября были понижены тарифы на импорт 1585 наименований товаров: строительную технику, контрольно-измерительные приборы и другое электротехническое оборудование — с 12,2 до 8,8 %, на текстильные изделия и строительные материалы — с 11,5 до 8,4 %, на изделия из бумаги, некоторые другие сырьевые товары и изделия первичной обработки — с 6,6 до 5,4 %. Госсовет сообщил о

снижении общего уровня таможенных пошлин с 9,8 до 7,5 % [Китай с 1 ноября снизит пошлины...].

Китай также ввел дополнительные послабления в области регулирования деятельности иностранных компаний. В конце 2018 г. был опубликован проект закона об иностранных инвестициях, запрещающего принудительный трансфер технологий иностранными компаниями и необоснованное вмешательство государства в иностранный бизнес. 13 марта этот закон был принят ВСНП [*Behsudi A.*].

Последствия торговой войны для ВТО

Как уже говорилось, США — самый активный пользователь системы разрешения споров ВТО. Выход США из ВТО представляется маловероятным хотя бы потому, что, как оказалось, развязывать торговые войны можно и состоя в данной организации. Никаких санкций со стороны ВТО не последовало, поскольку она не имеет механизмов по принуждению к выполнению ее решений. Кроме того, выход из ВТО для США повлечет повышение таможенных тарифов для американских товаров в странах, с которыми у США нет соглашения о свободной торговле.

При этом реформа ВТО в ближайшие несколько лет также маловероятна. Противоречия между развитыми и развивающимися странами принципиальны: последние заинтересованы в отказе от принципа консенсуса в принятии решений ВТО в пользу признания принципа большинства, что не устраивает развитые страны — члены Организации. (Напомним, что на данный момент любая страна — член ВТО может воспользоваться правом вето для блокировки решений, касающихся изменения процедуры принятия решений.)

Вместо попытки реформировать ВТО США пошли по пути изменения практики торговых отношений с другими странами, чтобы в ущерб системе общих правил напрямую устанавливать и корректировать индивидуальный формат внешнеэкономических связей с отдельными странами вне зависимости от существующей международной правовой практики.

Последствия тарифной войны для международной торговли

Помимо Китая, серьезный урон от повышения пошлин так или иначе понесли Южная Корея, Япония, ЕС, Россия, Турция. Рост пошлин на сталь и алюминий привел к снижению цен на мировом рынке металлов. Цены на сталь стали падать с середины марта 2018 г. и показывали нисходящую тенденцию до конца 2018 г. В 2019 г. наблюдается небольшой рост, хотя прежний уровень цен так и не восстановлен. Уровень цен на алюминий снижается с мая 2018 г.

Торговая война стала одной из главных причин замедления темпов роста мирового ВВП в 2018 г. В 2017 г. рост мировой экономики составил порядка 4 %. По прогнозам, в начале 2018 г. мировая экономика должна была вырасти на 3,9 % в 2018 г. (и даже в 2019 г.), однако темпы мирового роста в 2018 г. составили 3,6 %, причем в первой половине года рост достигал 3,8 %, а во второй упал до 3,2 %. Кроме торгового конфликта между США и Китаем, МВФ среди причин замедления темпов роста мировой экономики называет макроэкономические проблемы в Аргентине и Турции, перебои в немецком автомобильном производстве, ужесточение политики кредитования в Китае. Апрельский прогноз МВФ на 2019 г. — это снижение роста мировой экономики до 3,3 % [World Economic Outlook].

С другой стороны, многие крупные европейские компании увеличили свои продажи в Китай в силу возникшей ценовой неконкурентоспособности аналогичных американских товаров. Это, в первую очередь, французский Airbus и немецкие марки автомобилей. Количество проданных в 2018 г. машин Audi и Mercedes-Benz по сравнению с 2017 г. увеличилось на 12,9 %, BMW — на 20,8 %, в то время как продажи Ford упали на 54,3 % [Статистика-2018 в Китае...].

Для России торговая война между США и Китаем также создала условия для более тесного торгового сотрудничества с КНР. В 2018 г. объем товарооборота между Россией и Китаем вырос на 24,5 % по сравнению с 2017 г., составив 108 млрд долл., причем РФ стала нет-

то-экспортером в торговле с КНР впервые с 2006 г. Поставки топлива и нефти выросли на 63 % — до 41 млрд долл. Экспорт продовольствия из России в Китай увеличился на 42 % до — 2,5 млрд долл. Заметно выросли поставки таких товаров, как соя, растительные масла, рыба, напитки, шоколадные изделия [*Фейнберг А.*].

Библиографический список

Виноградов А., Салицкий А. США—Китай: торговая война развязана. URL: http://www.perspektivy.info/misl/idea/ssha_kitaj_torgovaja_vojna_razvazana_2018-08-13.htm (дата обращения: 27.05.2019).

Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник РУДН, серия «Международные отношения». 2019. № 1. С. 35—46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46.

Китай продлит период отмены повышенных пошлин на автомобили из США. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6279155> (дата обращения: 05.05.2019).

Китай с 1 ноября снизит пошлины на импорт 1585 наименований товаров. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/107541> (дата обращения: 05.05.2019).

Статистика-2018 в Китае: прекращение роста и новый бестселлер. URL: <https://autoreview.ru/news/statistika-2018-v-kitae-prekraschenie-rosta-i-novyuy-bestseller> (дата обращения: 08.05.2019).

Темпы роста китайской экономики в 2019 г. составят 6,3 % — прогноз // Россия-Китай: Главное. URL: <http://www.sinorusfocus.com/p/7583.html> (дата обращения: 13.01.2018).

Торгово-экономические отношения Китая и США в цифрах // Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0225/c31518-9182648.html> (дата обращения: 30.03.2019).

Трамп смягчил позицию США на переговорах с Китаем ради заключения торговой сделки. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6394986> (дата обращения: 05.05.2019).

Фейнберг А. Российский экспорт в Китай превысил импорт впервые с 2000-х. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/02/2019/5c5d84549a79471a68d07dd1> (дата обращения: 08.05.2019).

Acting Attorney General Matthew Whitaker Announces National Security Related Criminal Charges Against Chinese Telecommunications Conglomerate Huawei / The United States Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/opa/video/ac>

ting-attorney-general-whitaker-announces-national-security-related-criminal-charges (accessed: 14.04.2019)

Behsudi A. China's new investment law replete with question marks // Politico. URL: <https://www.politico.com/story/2019/03/15/chinas-investment-law-trade-1274817> (accessed: 05.05.2019).

China // WTO. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/a1_chine_e.htm (accessed: 30.03.2019).

Collins K., Liptak K. Latest round of US-China trade talks end without agreement. URL: <https://edition.cnn.com/2019/05/10/politics/us-china-trade-talks-white-house/index.html> (accessed: 10.04.2019).

Donald Trump Twitter. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1125069836088950784> (accessed: 08.05.2019).

Donnan S., Singh S. Trump's Trade War Is Hurting Farmers, But They Still Think He Can Win It. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-04-11/trump-s-trade-wars-sap-spring-optimism-and-profits-on-u-s-farms> (accessed: 05.05.2019).

Exports: Oil // USTradeNumbers. URL: <https://www.ustradenumbers.com/expor-t/Oil/> (accessed: 05.05.2019).

Hirtzer M., Polansek T. Trade wars cost U.S., China billions of dollars each in 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china/trade-wars-cost-u-s-china-billions-of-dollars-each-in-2018-idUSKCN1OR1JH> (accessed: 05.05.2019).

Lawder D. As latest round of U.S.-China talks end, 'significant work' remains. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china/as-latest-round-of-u-s-china-talks-end-significant-work-remains-idUSKCN1RH1XS> (accessed: 11.04.2019).

Martina M., Mason J. UPDATE 7-U.S., China report progress in Beijing trade talks. URL: <https://ru.reuters.com/article/americasRegulatoryNes/idUKL3N21G08E> (accessed: 07.04.2019).

National Security Strategy of the United States of America. The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 13.01.2018).

Reshoring Initiative 2017 Data Report: Reshoring Plus FDI Job Announcements Up 2,800 % Since 2010 // Reshoring Initiative. URL: <http://reshorenw.org/blog/reshoring-initiative-2017-data-report-reshoring-plus-fdi-job-announcements-up-2-800-since-2010/> (accessed: 05.05.2019).

Reshoring Initiative 2018 Data Report // Reshoring Initiative. URL: <http://reshorenw.org/blog/reshoring-initiative-2018-data-report/> (accessed: 05.05.2019).

Solis M. The new geopolitics of trade in Asia // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/11/15/the-new-geopolitics-of-trade-in-asia> (accessed: 30.03.2019).

Sutherland B. China's Boeing Threat Has More Bite Than Bark // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-19/boeing-ba-may-feel-china-trade-bite-after-all> (accessed: 05.05.2019).

Swanson A., Rappeport A. Trump Delays a Tariff Deadline, Citing Progress in China Trade Talks // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/24/us/politics/us-china-trade-truce.html> (accessed: 09.04.2019).

U.S. International Trade in Goods and Services, December 2018 // Bureau of Economic Analysis. URL: <https://www.bea.gov/news/2019/us-international-trade-goods-and-services-december-2018> (accessed: 05.05.2019).

US-China trade war: Deal agreed to suspend new trade tariffs // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-46413196> (accessed: 07.04.2019).

World Development Indicators GDP at market prices (current US\$) // World Bank. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=development-indicators> (accessed: 13.01.2019).

World Economic Outlook, April 2019. Growth Slowdown, Precarious Recovery // International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019> (accessed: 07.05.2019).

World Trade Statistical Review 2018 // WTO. URL: https://read.wto-ilibrary.org/trade-monitoring/world-trade-statistical-review-2018_0ab3aa40-en#page125 (accessed: 01.04.2019).

Zheng S., Huang K. China and US upbeat on progress after Washington trade talks // South China Morning Post. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2184590/china-says-washington-trade-talks-were-frank-and-made-important> (accessed: 07.04.2019).

References

Acting Attorney General Matthew Whitaker Announces National Security Related Criminal Charges Against Chinese Telecommunications Conglomerate Huawei, *The United States Department of Justice*. URL: <https://www.justice.gov/opa/video/acting-attorney-general-whitaker-announces-national-security-related-criminal-charges> (accessed: 14 April, 2019).

Behsudi A. (2019). China's new investment law replete with question marks, *Politico*. URL: <https://www.politico.com/story/2019/03/15/chinas-investment-law-trade-1274817> (accessed: 5 May, 2019).

China. *WTO*. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/a1_chine_e.htm (accessed: 30 March, 2019).

Collins, K.; Liptak, K. (2019). Latest round of US-China trade talks end without agreement. URL: <https://edition.cnn.com/2019/05/10/politics/us-china-trade-talks-w-hite-house/index.html> (accessed: 10 April, 2019).

Donald Trump. Twitter. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1125069836088950784> (accessed: 8 May, 2019).

Donnan, S.; Singh, S. (2019). Trump's Trade War Is Hurting Farmers, But They Still Think He Can Win It. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2019-04-11/trump-s-trade-wars-sap-spring-optimism-and-profits-on-u-s-farms> (accessed: 5 May, 2019).

Exports: Oil, *USTRadeNumbers*. URL: <https://www.ustradenumbers.com/export/Oil/> (accessed: 5 May, 2019).

Feinberg A. (2019). Rossijskij eksport v Kitaj prevysil import vperve s 2000-h [Russian exports to China exceeded imports for the first time since the 2000s]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/02/2019/5c5d84549a79471a68d07dd1> (accessed: 8 May, 2019). (In Russian).

Hirtzer, M.; Polansek, T. (2018). Trade wars cost U.S., China billions of dollars each in 2018, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china/trade-wars-cost-u-s-china-billions-of-dollars-each-in-2018-idUSKCN1OR1JH> (accessed: 5 May, 2019).

Kitaj prodlit period otmeny povyshennyh poshlin na avtomobili iz SShA [China will extend the period of cancellation of increased duties on cars from the United States]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6279155> (accessed: 5 May, 2019). (In Russian).

Kitaj s 1 noyabrya snizit poshliny na import 1585 naimenovanij tovarov [China from November 1 will reduce duties on imports of 1585 items]. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/107541> (accessed: 5 May, 2019). (In Russian).

Lawder, D. (2019). As latest round of U.S.-China talks end, 'significant work' remains, *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china/as-latest-round-of-u-s-china-talks-end-significant-work-remains-idUSKCN1RH1ou> (accessed: 11 April, 2019).

Martina, M.; Mason, J. UPDATE 7-U.S., China report progress in Beijing trade talks, *Reuters*. URL: <https://ru.reuters.com/article/americasRegulatoryNes/idUKL3N21G08E> (accessed: 7 April, 2019).

National Security Strategy of the United States of America. *The White House*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 13 January, 2018).

Reshoring Initiative 2017 Data Report: Reshoring Plus FDI Job Announcements Up 2,800 % Since 2010, *Reshoring Initiative*. URL: <http://reshorenw.org/blog/>

reshoring-initiative-2017-data-report-reshoring-plus-fdi-job-announcements-up-2-800-since-2010/ (accessed: 5 May, 2019).

Reshoring Initiative 2018 Data Report, *Reshoring Initiative*. URL: <http://reshorenw.org/blog/reshoring-initiative-2018-data-report/> (accessed: 5 May, 2019).

Solis M. (2017). The new geopolitics of trade in Asia, *The Brookings Institution*. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2017/11/15/the-new-geopolitics-of-trade-in-asia> (accessed: 30 April, 2019).

Statistika-2018 v Kitae: prekrashchenie rosta i novyj bestseller [Statistics-2018 in China: the cessation of growth and a new bestseller]. URL: <https://autoreview.ru/news/statistika-2018-v-kitae-prekrashchenie-rosta-i-novy-bestseller> (accessed: 8 May, 2019). (In Russian).

Sutherland B. (2019). China's Boeing Threat Has More Bite Than Bark, *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-19/boeing-ba-may-feel-china-trade-bite-after-all> (accessed: 5 May, 2019).

Swanson A., Rappoport A. (2019). Trump Delays a Tariff Deadline, Citing Progress in China Trade Talks, *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/24/us/politics/us-china-trade-truce.html> (accessed: 9 April, 2019).

Tempy rosta kitajskoj ekonomiki v 2019-m sostavyat 6,3 % — prognoz [The growth rate of the Chinese economy in 2019 will be 6.3 % — forecast], *Rossiya—Kitaj: Glavnoe [Russia-China: Main News]*. URL: <http://www.sinorusfocus.com/p/7583.html> (accessed: 13 January, 2018). (In Russian).

Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Kitaya i SShA v cifrah [Economic and trade relations between China and the United States in figures], *Renmin Ribao [People's daily]*. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0225/c31518-9182648.html> (accessed: 30 March, 2019). (In Russian).

Tramp smyagchil pozitsiyu SShA na peregovorah s Kitaem radi zaklyucheniya torgovoj sdelki [Trump softened the US stance in negotiations with China for the sake of a trade deal]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6394986> (accessed: 5 May, 2019). (In Russian).

U.S. International Trade in Goods and Services, December 2018, *Bureau of Economic Analysis*. URL: <https://www.bea.gov/news/2019/us-international-trade-goods-and-services-december-2018> (accessed: 5 May, 2019).

US-China trade war: Deal agreed to suspend new trade tariffs, *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-46413196> (accessed: 7 April, 2019).

Vinogradov A., Salitskii A. (2018). SShA — Kitaj: torgovaya vojna razvyazana [US — China: trade war unleashed]. URL: http://www.perspektivy.info/misl/idea/ssha_kitaj_torgovaya_vojna_razvyazana_2018-08-13.htm (accessed: 27 May, 2019). (In Russian).

Vinogradov A.O., Salitskii A.I., Semenova N.K. (2019). Amerikano-kitajskaya ekonomicheskaya konfrontatsiya: ideologiya, hronologiya, znachenie [American-Chinese economic confrontation: ideology, chronology, significance], *Vestnik RUDN, seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya» [Bulletin of PFUR (Peoples' Friendship University of Russia), "International relations" series]*, No. 1: 35—46. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46.

World Development Indicators GDP at market prices (current US\$), *World Bank*. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=development-indicators> (accessed: 13 January, 2019).

World Economic Outlook, April 2019. Growth Slowdown, Precarious Recovery, *International Monetary Fund*. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019> (accessed: 7 April, 2019).

World Trade Statistical Review 2018, *WTO*. URL: https://read.wto-ilibrary.org/trade-monitoring/world-trade-statistical-review-2018_0ab3aa40-en#page125 (accessed: 1 April, 2019).

Zheng, S.; Huang, K. (2019). China and US upbeat on progress after Washington trade talks, *South China Morning Post*. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2184590/china-says-washington-trade-talks-were-frank-and-made-important#!> (accessed: 07.04.2019).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10012

Н.А. Замараева

КНР НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И В ЮЖНОЙ АЗИИ (ПРОЕКТ КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОРИДОРА)

Аннотация. Статья посвящена современному статусу проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), составной части Инициативы «Пояс и путь» (ИПП).

Три года, прошедшие с даты подписания проектов КПЭК в 2015 г., выявили и первые вызовы реализации, и первые двусторонние пакистано-китайские разногласия. В статье анализируются причины замедления строительства объектов КПЭК; экономический кризис в Пакистане, вызванный дефицитом иностранной валюты для оплаты импортных поставок и безуспешные обращения Исламабада к Пекину осенью 2018 г. с просьбой облегчить условия контрактов КПЭК. Военно-гражданские власти Пакистана продемонстрировали и соглашательскую позицию с Китаем, и одновременно получили второй источник финансовой помощи от Королевства Саудовская Аравия (КСА). Дополнительные инвестиции КСА в строительство нефтеперерабатывающей установки в порту Гвадар ознаменовали принципиально новый этап ИПП, а именно — ее выход на Аравийский полуостров. Пакистан, таким образом, получил

новый имидж как нефтяная артерия между Китаем и странами Персидского залива.

Страны Среднего Востока и Южной Азии — Афганистан, Индия, Иран продемонстрировали неоднозначное отношение к ИПП и ее составляющей — КПЭК. Индия, основной экономический конкурент Китая в регионе, изначально отвергала новую транспортную инфраструктуру, строящуюся в Пакистане, мотивируя свою позицию тем, что эта инфраструктура предназначена для обслуживания товарных потоков исключительно в/из КНР. В то же время Афганистан и Иран, финансово зависимые от Поднебесной, выражали уверенность, что взаимодействие Пакистана и Китая не нанесет вреда соседним государствам.

Ключевые слова: Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), инфраструктура, сопряжение, Гвадар, Королевство Саудовская Аравия (КСА), сырая нефть, природный газ, Афганистан, Индия, Иран.

Автор: Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: olunja@mail.ru

N.A. Zamaraeva

The PRC in the Middle East and South Asia (China-Pakistan Economic Corridor Project)

Abstract. The article is devoted to the current status of the CPEC project — an integral part of the Belt and Road Initiative (BRI).

Three years since the date of the CPEC projects' signing (in 2015) have revealed both first challenges to their implementation and first bilateral disagreements as well. The article analyzes reasons for the slowdown in the construction of CPEC facilities (in 2015—2018); the economic crisis in Pakistan, caused by a shortage of foreign currency to pay for import supplies, and unsuccessful appeals of Islamabad to Beijing in autumn 2018 to ease some financial conditions of the CPEC contracts. Pakistan's civilian military authorities demonstrated a compromise position towards China.

After the refusal of Beijing to render any financial support, Islamabad did its best to find another source of financial assistance and at last found it in the Kingdom of Saudi Arabia at the beginning of 2019. The additional investments of the KSA in the construction of a refinery in the Gwadar port marked a fundamentally new stage of the Belt and Road Initiative — its access to the Arabian Peninsula. Pakistan, thus, got

a new image as a hydrocarbon artery between China and the countries of the Persian Gulf.

The countries of the region — Afghanistan, India, Iran have demonstrated an ambiguous attitude towards the BRI and its component CPEC as well. India, the main economic competitor of China in the region, initially criticized the new transport infrastructure being built in Pakistan, claiming that it will exclusively serve the interests of trade flows to/from China. At the same time, Afghanistan and Iran, financially dependent on China, expressed confidence that Pakistani-Chinese interaction would not harm the neighboring states.

Keywords: China—Pakistan economic corridor (CPEC), infrastructure, interface, Gwadar, KSA, crude oil, natural gas, Afghanistan, India, Iran.

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: olunja@mail.ru).

Две отличительные черты флагманского проекта КПЭК китайской инициативы «Пояс и путь» (ИПП) проявились в 2018—2019 гг. Это как первые двусторонние вызовы, так и выход «коридора» за пределы Пакистана.

Что касается вызовов, то они имели место на двух направлениях:

- на уровне двусторонних пакистано-китайских разногласий в 2018—2019 гг. по вопросам имплементации проекта и их урегулирования;
- по вектору усиления региональных вызовов, тормозящих продвижение ИПП (отсутствие внутривосточного согласия в Афганистане; меры США и Индии по блокировке ИПП; военно-политическая напряженность между Индией и Пакистаном в феврале—марте 2019 г.; пересмотр достигнутых ранее договоренностей по торгово-экономическим соглашениям (на примере стран — членов СААРК).

Географическое продление КПЭК, подключение к нему стран Аравийского полуострова подтверждает процесс глобализации ИПП [Ефременко, с. 29—41].

Председатель КНР Си Цзиньпин охарактеризовал первые два десятилетия XXI века как период стратегических возможностей для

построения мощного и процветающего Китая. Ключевой задачей XIX съезд КПК (в октябрь 2017 г.) объявил дальнейшее стимулирование экономического роста КНР [Полный текст доклада...]. Китайские государственные банки и китайские фирмы, начиная еще с 2006 г., профинансировали и реализовали крупные инфраструктурные проекты на миллиарды долларов по всему Индо-Тихоокеанскому региону, в Африке, на Ближнем Востоке, в Европе и Латинской Америке. Одновременно Китай неохотно открывает двери для иностранных инвестиций и экспортной продукции других стран.

Пакет документов по строительству крупнейшего зарубежного инфраструктурного проекта — Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) — стороны подписали в 2015 г.

Итоги трехлетней реализации проекта КПЭК

Новые федеральные власти Пакистана подвели итоги реализации проектов КПЭК за три года. В июле 2018 г. победу на всеобщих парламентских выборах одержала партия Движение за справедливость Пакистана (ДСП), а ее лидер Имран Хан в августе 2019 г. занял пост премьер-министра.

Исламабад подтвердил курс на стратегическое партнерство с Китаем, подчеркнув важность проектов КПЭК. Однако приоритетной целью для Китая и Пакистана остается строительство города-порта Гвадар на берегу Ормузского залива. Его местоположение логистически является точкой сопряжения сухопутной и морской составляющих ИПП. Другие объекты КПЭК представляют пока второстепенный интерес для КНР.

Косвенные данные, которые стали доступны автору, подтвердили, что к 2019 г. только 9 млрд долл. из 62 млрд долл., ранее согласованных Исламабадом и Пекином на цели строительства объектов КПЭК, были освоены Пакистаном.

Турбулентный период в пакистано-китайских отношениях стартовал в одночасье с приходом к власти партии ДСП. Ее победа ознаменовала смену политической элиты, что вызвало обоснованные опасения Пекина за судьбу проекта КПЭК. Подпись под пакетом

пакистанского кейса КПЭК поставил бывший премьер Наваз Шариф. Верховный суд Пакистана в июле 2018 г. признал его «бесчестным», и на этом основании он был дисквалифицирован как член Маджлис-и-Шура (парламента). Пекин поспешил заверить нового премьера еще до его инаугурации в своем намерении и далее укреплять двусторонние отношения с ИРП [Chinese Ambassador calls on...]. Настороженность Китая была вызвана планами новых властей Пакистана пересмотреть проекты КПЭК в связи с непрозрачностью финансовой стороны последних.

Китайская модель экономического развития с ее планами построения общества среднего достатка, структурными реформами, программой борьбы с нищетой, создания миллионов рабочих мест для малообеспеченных слоев населения была созвучна предвыборной Программе Имран Хана «100 дней». Но пакистанские СМИ быстро «отрезвили» молодого премьера, напомнив об отсутствии в Китае политической оппозиции (традиционной для Пакистана), расстреле за инакомыслие демонстрантов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и т. д.

Первый вызов, с которым столкнулось правительство И.Хана, — это надвигающаяся угроза кризиса платежного баланса. Если дефицит счета текущих операций в 2015 г. составлял 1 % ВВП, то к 2018 г. он увеличился до 5 % ВВП. Резервы иностранной валюты оставались на низком уровне, экономический рост замедлился. Пакистан катился к дефолту. Многие обвиняли в этом Китай. По мере реализации проектов КПЭК поток наличности накачивал внутренний спрос, раздувал пузырь на рынке недвижимости, повышал стоимость валюты и, как следствие, привел к неустойчивости роста импорта.

Рост бюджетного дефицита оставался на уровне 6 и 6,6 % ВВП в 2017—2018 финансовом году (завершился 30 июня 2018 г.). Казна не досчиталась 8 млрд долл. на погашение внешнего долга. Государственный банк Пакистана оказался не в состоянии оплачивать кредиты ряда проектов Коридора, а иностранной валюты в казне для обслуживания долгов за импортные поставки оставалось на два—три месяца.

Новые власти осенью 2018 г. провели ревизию проектов КПЭК. Пакистан имел обязательства по выплате долга в размере 6,017 млрд

долл. [Statement from Chinese Embassy 2018/12/29]. Задержки платежей бизнес-партнерам в Поднебесной, учитывая кризис с ликвидностью, вызвали напряженность в пакистано-китайских отношениях осенью 2018 г.

Дефицит наличности отчасти был спровоцирован Китаем. Ряд положений контрактов, подписанных в рамках «всепогодного стратегического совместного партнерства» в апреле 2015 г. премьер-министром Н. Шарифом и председателем КНР Си Цзиньпином, уже тогда вызывал вопросы, например, о непрозрачности финансовых схем оплаты проектов и завышенных процентных ставок кредитования. Но открытая критика проекта в Пакистане была и остается под запретом.

Неразглашение финансовых статей соглашений по КПЭК пакистанские СМИ признали одной из предпосылок возможной несостоятельности Исламабада по оплате китайских кредитов. По подсчетам пакистанских экономистов, предыдущее правительство правящей партии Пакистанская мусульманская лига, ПМЛ (Н) (Наваза Шарифа) оставило стране задолженность по проектам КПЭК в размере 130 млрд рупий, в то время как ежемесячные выплаты достигли 1,2 млрд рупий. Пекин парировал, что экономическая зависимость от Китая — результат чрезмерного добровольного использования китайского капитала. В реальности проект КПЭК вовлекает множество китайских и/или совместных пакистано-китайских компаний, каждая из которых финансирует конкретный объект.

На практике пакистанские компании заключали договоры не с официальными властями Китая (правительственными агентствами или отраслевыми министерствами), а в большинстве случаев с частными компаниями. Сложность заключалась в том, что в ответ на предъявленные пакистанскими компаниями финансовые претензии, официальные лица Китая отвечали, что те заключали договора не с государством, а с частными инвесторами и посему Пекин не несет ответственности по подробным финансовым претензиям.

Дополнительным бременем для пакистанской экономики стали выплаты по займам Международному валютному фонду (МВФ), взятые еще прежним правительством, возглавляемым Н. Шарифом. Доведенные до отчаяния, новые власти Пакистана осенью 2018 г.

высказали претензии Китаю связи с невыполнением им ранее обещанных социальных программ в рамках КПЭК, а также «кабальными», по их мнению, условиями планируемого к подписанию Договора о свободной торговле (ДСТ).

Федеральным властям осенью 2018 г. не удалось сформировать спасительный «Оборотный фонд» в размере 22 млрд рупий, с тем чтобы оплачивать счета по четырем китайским энергетическим проектам (угольные электростанции Сахивал, Энгро-Тар и в порту Кассим, а также ветряная электростанция UEP). В сложных переговорах с китайской стороной Исламабад смог настоять только на корректировке Долгосрочного плана КПЭК (принят в 2013 г.) — приостановить строительство или сократить затраты на ряд ключевых объектов КПЭК.

Экономическая ситуация в стране также осложнилась после решения США в 2018 г. приостановить оказание финансовой и военной помощи Исламабаду в рамках программы борьбы с терроризмом.

Правительство И. Хана и судьба проекта КПЭК

Премьер-министр ИРП И. Хан, несмотря на критику в пакистанских СМИ, возлагал надежды на «всепогодного друга», отправляясь в КНР в ноябре 2018 г. Он заверял китайцев в том, что его страна — надежный экономический и стратегический партнер. Но визит оказался безрезультатным: ни надежды на пересмотр ряда соглашений по КПЭК, ни финансовой помощи Пекин не дал.

Непродолжительный кризис в пакистано-китайских отношениях осенью 2018 г. Поднебесная нивелировала следующими обещаниями:

- инвестировать в социальные программы: образование, сельское хозяйство, борьбу с бедностью, здравоохранение и профессиональную подготовку молодежи;
- предоставить очередные льготные кредиты в размере 5,874 млрд долл. на строительство проектов транспортной инфраструктуры во внутренних районах Пакистана в рамках КПЭК. В ус-

ловиях экономического кризиса Китай одалживал больше денег Пакистану, все дальше загоняя его в долговую ловушку.

Несмотря на отказ предоставить отсрочку платежей, «помочь» наличными деньгами, обе стороны приложили усилия, чтобы «погасить» слухи о финансовой обременительности проектов КПЭК для бюджета Пакистана. Экономическая доминанта Китая и его и дипломатическое влияние на Пакистан подтолкнули Исламабад сделать заявление, что «...прибыль от инвестиций в пакистанскую экономику перевесит эти выплаты» [Ministry of Planning clarifies...]. Этому есть объяснения и в Исламабаде, и в Пекине.

Политический кризис в Пакистане в 2017—2018 гг. укрепил позиции генералитета, который играет ведущую роль при решении важных экономических, внутривластных, внешнеполитических задач. Иными словами, в Пакистане налицо гражданская модель управления под контролем военных. Таким образом, поддержка добрососедских отношений с Китаем — это часть стратегии государственной безопасности Пакистана. Визит начальника штаба сухопутных войск генерала К.Баджвы в Пекин еще в октябре 2018 г. урегулировал возникшие недоразумения и вновь подтвердил, что Китай является единственным стратегическим партнером Пакистана¹. Анализ косвенных данных показывает, что часть китайских денег, выделенных на проекты КПЭК, использовалась генералитетом на нужды обороны страны и охрану сухопутных объектов КПЭК.

Пакистан — нефтяная артерия между Китаем и Аравийским полуостровом

Отказ Китая предоставить финансовую помощь или смягчить условия контрактов КПЭК заставил Исламабад осенью 2018 г. обратиться к другим адресатам: Международному валютному фонду (МВФ), Малайзии, Турции и богатым странам Персидского залива (Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)). Традиционное (13-е с конца 1980-х годов) обраще-

¹ Пакет документов КПЭК подписан председателем КНР Си Цзиньпином и премьер-министром ИРП Н. Шарифом в марте 2015 г.

ние Исламабада к МВФ натолкнулось на неприемлемые условия (например, разрешить «свободное плавание» рупии). Альтернативу жестким требованиям МВФ в тот период Исламабад нашел в лице КСА и ОАЭ.

Пакет помощи Эр-Рияда включал поддержку платежного баланса и отсрочку платежей за поставляемую КСА сырую нефть. Это помогло правительству Пакистана стабилизировать ситуацию в экономике.

Финансовая поддержка КСА совпала по времени со стратегическими планами Китая продвигать инициативу ИПП далее по треку древнего Шелкового пути, за пределы пакистанского порта Гвадар, через Ормузский пролив на Аравийский полуостров, в страны Персидского залива.

Саудовская Аравия в феврале 2019 г. присоединилась к проекту КПЭК в качестве третьего стратегического партнера.

Китай рассматривает Африку, страны Персидского залива, Россию, Центральную Азию как источники углеводородов для удовлетворения растущего спроса на сырую нефть и природный газ на внутреннем рынке. Диверсификация поставщиков энергии и видов ее транспортировки — приоритетные задачи Поднебесной, гарантии ее энергетической безопасности и экономического роста. Китай занимает вторую строчку по объемам потребления сырой нефти в мире и третью по объемам потребления природного газа. КСА поставляет 12,6 % (на 20,5 млрд долл.) из 67 % общего объема импортируемой Китаем сырой нефти, уступив 1-е место только России (14,6 % и 23,7 млрд долл. соответственно). Зависимость Пекина от импорта углеводородов заставляет поддерживать и жестко контролировать логистику их поставок и избегать внешних сбоев. По данным Международного энергетического агентства, к 2035 г. доля импорта в общем потреблении углеводородов в Китае возрастет до 80 %. В том же 2017 г. Китай импортировал 34 % всего объема потребляемого им природного газа, и к 2035 г., согласно прогнозам, импорт вырастет до 46 %.

Движение навстречу КНР и КСА отвечало стратегическим интересам обоих. КСА и КНР по итогам визита наследного принца КСА Мухаммада бен Салмана в Китай 22 февраля 2019 г. заявили о новой модели сотрудничества, «...усилении синергизма стратегий развития

и обеспечения интеграции интересов саудовской программы реформ “Видение 2030” с китайской Инициативой “Пояса и Пути” [Chinese president meets ...].

Цель саудовского «Видения 2030» — утвердить КСА в качестве мирового инвестиционного центра, учитывая финансовые возможности Королевства, направленные на стимулирование местной экономики и диверсификацию источников доходов. Китай поддержал проводимый курс реформ КСА: присоединение Королевства повышало международный статус ИПП.

Будучи прагматически настроенным, Пекин одновременно топил саудовскую монархию ускорить подписание следующих документов:

- дорожной карты, связывающей ИПП с Программой «Видение 2030» в целях укрепления сотрудничества в энергетике, строительстве объектов инфраструктуры, в торговле и инвестиционном взаимодействии;

- пакета документов по созданию Зоны свободной торговли Китая и Совета сотрудничества стран Персидского залива.

Пакистан, точнее, его территория, в новом «саудовском векторе» ИПП рассматривается и Пекином, и Эр-Риядом как транспортная логистическая составляющая, нефтяная артерия между Китаем и странами Аравийского полуострова. Порт Гвадар на побережье Ормузского пролива начинает выполнять запланированную для него роль «узла соединения» сухопутной дороги и морского пути ИПП, «хаба» экспортно-импортной перевалки грузов из Китая и обратно.

Пекин и Эр-Рияд в перспективе получают выгоды и от логистики. Традиционно маршрут нефтеналивных танкеров в Китай проходит через Малаккский пролив, который дорого обходился китайской экономике. Ввод в эксплуатацию НПЗ в пакистанском Гвадаре не только сократит расстояние, но и минимизирует транспортные расходы [Лузянин, Кашин, с. 21—28].

Помимо перевалки и торгово-коммерческих операций порт готов выполнять функции военно-морской базы и стать очередным украшением китайского морского проекта «Нитка жемчуга». Имеются в виду китайские военные и коммерческие объекты вдоль мор-

ских коммуникаций ИПП, которые планируются к сооружению от материковой части Китая до порта Судан на Африканском Роге. Пекин уже ввел в эксплуатацию и намерен построить дополнительное количество военных баз, например, в Гвадаре. Это продиктовано вопросами обеспечения безопасности граждан Китая, грузов и объектов на протяжении всей ИПП.

В 2017 г. Китай опубликовал «Видение морского сотрудничества в рамках Инициативы Пояса и Пути», в котором говорится о трех морских коридорах. Одним из них обозначен путь, пролегающий через Индийский океан. Китай всегда подчеркивал важность сотрудничества с прилегающими государствами в области обеспечения безопасности на море.

Интересы экономического процветания и усиления политического влияния и в регионе, и в мире делают Китай особо чувствительным к международным и региональным вызовам: терроризму, пиратству, стихийным бедствиям и эпидемиям. Это обстоятельство обуславливает повышенные требования к безопасности.

Учитывая ограниченность числа китайских военных баз на территории других государств, Пекин меняет подходы к вопросам безопасности на объектах, находящихся за пределами Китая. В настоящее время рассматриваются варианты и возможности сочетания военной логистики и параллельного доступа к зарубежным коммерческим портам стран, которые дружественно относятся к КНР (например, пакистанский порт Гвадар).

Сопряжение китайской ИПП и саудовской программы реформ «Видение 2030» имеет и военно-политический подтекст. Формула председателя Си Цзиньпина о «поддержке мира через экономическое развитие» подтвердила готовность Китая «...совместно анализировать вектор управления на Ближнем Востоке... укреплять международное сотрудничество в борьбе с экстремизмом и предотвращать его проникновение на Ближний Восток» [Chinese president meets...].

Исламский военный антитеррористический альянс (ИВАА), проект безопасности мусульманского мира, был анонсирован наследным принцем КСА Мохаммедом бин Салманом еще в 2016 г. Цель Альянса, по словам его командующего, пакистанского генера-

ла в отставке Р. Шарифа, — «...разработка стратегий и тактик для борьбы с терроризмом во всем мире» [When mercy enfolded...]. В настоящее время в него входит 41 мусульманское государство. Таким образом, саудовская часть ИПП уже находится под надежной защитой ИВАА. Подключение КСА к китайской ИПП отчасти было «спланировано» Исламабадом, вернее, все тем же генералом в отставке Р. Шарифом.

Но разногласия между Исламабадом и Пекином все же существуют на дипломатическом уровне. Пакистан — одна из немногих стран региона, которая позволяет себе открыто не соглашаться с позицией Китая. Например, в дни репрессий китайских властей в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) против мусульман-активистов, выступавших за выход СУАР из состава КНР, внешнеполитическое ведомство ИРП вызвало посла КНР и предупредило о недопустимости подобного обращения с мусульманами. Исламабад позиционирует себя защитником всех мусульман.

Государственные финансовые и коммерческие структуры Пакистана открыто выступают против навязывания китайскими банками высоких процентных ставок. Исламабад извлек выводы из Колумбийского урока, когда Шри-Ланка в силу ее экономической зависимости от китайского капитала подписала в июле 2017 г. кабальный контракт на аренду порта Хамбантота сроком на 99 лет. Со своей стороны Пакистан отказался от настойчивых услуг Поднебесной в модернизации железнодорожного полотна, а также закупок подвижного состава китайских производителей, помня опыт покупки 100 локомотивов, которые по прибытию в Пакистан были отправлены на «задний двор».

КСА впервые вошло в Пакистан с углеводородным проектом. В прошлом Королевство направляло инвестиции в Пакистан или щедро одаривало его подарками. Исламабад и Эр-Рияд в феврале 2019 г. подписали Меморандум о взаимопонимании по строительству на деньги КСА (8 млрд долл.) нефтеперерабатывающей установки в пакистанском Гвадаре. Исходным сырьем для НПЗ станут поставки сырой нефти из КСА; далее нефтепродукты будут транспортироваться в Китай. Таким образом, пакет финансовой помощи КСА в размере 6 млрд долл. и Меморандумы о взаимопонимании на сумму

10 млрд долл., подписанные в феврале 2019 г., можно рассматривать и как проявление нетерпимости Исламабада к навязыванию Поднебесной обременительных долговых финансовых условий, и как демонстрацию финансовой альтернативы как Китаю, так и МВФ в лице КСА.

Активность премьер-министра И. Хана на китайском и аравийском направлениях в первые месяцы после его прихода к власти свидетельствовала о корректировке внешнеполитического курса Исламабада, последовательном отступлении от приоритетной ориентации на США.

Индия и китайская инициатива «Пояс и путь»

Страны региона, в первую очередь Индия и Иран, в силу разных причин еще в 2015 г. негативно отнеслись к проекту Китайско-пакистанского экономического коридора.

Нью-Дели открыто выступил против КПЭК, считая планы председателя Си Цзиньпина в Пакистане угрозой национальной безопасности Индии. Индийские СМИ писали, что сеть сухопутной транспортной инфраструктуры и морских путей окутывает Индийский субконтинент, угрожая в первую очередь региональной торговле. Особую опасность для Индии представляет-де пакистанский порт Гвадар, где Китай планирует построить военно-морскую базу, контролировать проход нефтеналивных танкеров, которые держат курс на индийские порты.

Индия предложила альтернативу КПЭК — строительство Ирано-афгано-индийского коридора. Согласно планам, трек берет начало от иранского порта Чабахар, далее идет до Афганистана и в Индию, огибая территорию Пакистана. Основная цель проекта — стимулировать региональную торговлю, перевозить товары в Афганистан и страны Центральной Азии. Пакистан в настоящее время не разрешает транзит индийских товаров через свою территорию в соседнюю страну. Трехстороннее соглашение о транспортно-транзитном коридоре было также подписано Кабулом, Нью-Дели и Тегераном в мае 2016 г.

Начальную сумму инвестиций (500 млн долл.) Индия направила на модернизацию и развитие портовой инфраструктуры, а также связанных с ней автодорог и подъездных железнодорожных путей. Первый транш в размере 85,21 млн долл. поступил в Иран уже в 2016 г. В том же году был подписан договор аренды порта Шахид Бехешти (порт Чабахар состоит из двух частей — Шахид Бехешти и Шахид Калантари) [Иран передал Индии в оперативное управление часть порта Чабахар]. Согласно планам индийского правительства, порт Чабахар должны были ввести в эксплуатацию к 2018 г., что позволило бы Индии перевозить грузы в Афганистан морем, а затем через Чабахар и по территории Ирана. Но реализация проекта в силу ряда причин замедлилась. Индия ускорила планы технической модернизации порта и поставила первую партию пшеницы в Афганистан через Чабахар уже осенью 2017 г.

Укрепление стратегических отношений США и Индии, главного экономического конкурента Китая в регионе, привело в ноябре 2018 г. к исключению иранского порта Чабахар (инфраструктурный проект Нью-Дели) из санкционного списка США с целью продвижения индийского проекта экономического развития Афганистана.

Афганистан и китайская инициатива «Пояс и путь»

На протяжении многих лет Китай стремится оживить древний Шелковый путь, и, соединив транспортными коридорами свои южные территории с Центральной Азией и Южной и Юго-Восточной Азией, Евразией и Европой, преобразовать его в глобальную торговую сеть.

Афганистан занимает особое место в системе внешнеполитических приоритетов Китая, так как страны имеют 50 км общей границы. Однако внутривнутриполитическая нестабильность в Афганистане в первой четверти XXI в. полностью блокировала планы подключить северо-восточного соседа КНР к ИПП. В качестве вызова Пекин воспринимал и многолетнее военное присутствие в стране войск НАТО (в рамках антитеррористической кампании коалиционных войск США/НАТО в 2001—2014 гг. и кампании «Решительная под-

держка» — с 2015 г. по настоящее время). На фоне событий в Афганистане ухудшалась ситуация с безопасностью в СУАР КНР из-за роста там террористической активности уйгуров-мусульман.

Совокупность целого ряда факторов дала Пекину повод рассматривать афганское направление как второстепенный вектор в рамках ИПП. Но, исходя из традиционного представления о том, что иностранные войска рано или поздно будут выведены, Пекин все-таки внес Афганистан в свои перспективные планы. События XX в. подтвердили, что Китай умеет ставить цели и добиваться их.

В 2018 г. стартовал многоэтапный процесс прямых переговоров по урегулированию положения в Афганистане между США и запрещенным в России «Движением Талибан Афганистана» (ДТА). Понимая неизбежность вывода иностранных войск из Афганистана, Китай долгие годы жил ожиданиями устранения препятствий для реализации своих планов.

При этом подготовку к присоединению Кабула к ИПП Пекин начал заблаговременно. Подписав в 2016 г. Меморандум о взаимопонимании по присоединению Афганистана к ИПП, Афганистан и Китай вступили в новый этап экономического сотрудничества. В том же году первый китайский грузовой поезд многодневным маршрутом через Казахстан и Узбекистан прибыл в Кабул. Позднее были возобновлены прямые авиарейсы из Кабула в Урумчи — столицу Синьцзян-Уйгурского автономного района [Окимбеков, с. 135—154; Лузянин, Кашин, с. 21—28].

Понятно, что полномасштабный выход на рынок Афганистана возможен только в постконфликтной обстановке. Тогда будет открыт доступ к региональным торговым путям. Через территорию Афганистана проходит самый короткий путь между Центральной Азией и Южной Азией, а также между Китаем и Ближним Востоком.

Иран и китайская инициатива «Пояс и путь»

Пекин был и остается самым крупным торговым партнером Тегерана в последние 30 лет. Тегеран ежегодно продает Пекину сырой нефти на 11 млрд долл. несмотря на режим американских санкций

[Ивин, с. 151—166]. Более того, китайский бизнес активизировался и в Иране с 2018 г., уже при администрации Д. Трампа, заполнив пустоту, оставленную уходом с местного рынка американских и европейских компаний.

Существуя в режиме международных финансовых ограничений, Иран вынужден полагаться на политических союзников на Востоке. С 2006 г. товарооборот Китая с Ираном вырос более чем в 2 раза, достигнув уровня 28 млрд долл. Пекин также направляет в Тегеран инвестиции, но не в таких объемах, которые необходимы экономике Ирана. Например, в 2017 г. Китай оказывал поддержку Ирану в строительстве метро в Тегеране — от производства рельсов до производства 70 вагонов метрополитена.

В 2016 г. Китай уже делал предложение Ирану присоединиться к ИПП. Тегеран не стал отказываться, но режим американских санкций диктует сторонам необходимость изыскивать особые варианты оплаты сделок. Трехстороннее ирано-афгано-индийское соглашение не представляет значимую конкуренцию или угрозу для ИПП, в частности КПЭК, в силу давних партнерских отношений Пекина и Тегерана, а также минимального финансирования Нью-Дели инфраструктурных объектов порта Чабахар.

Итак, КПЭК является одним из главных экономических приоритетов правительства Пакистана, которое стремится, чтобы другие страны региона присоединились к этому проекту.

Библиографический список

Ефременко Д.В. Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 29—41. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10003.

Ивин А.В. Иран как потенциальный конкурент российской энергетической политике // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы. М.: ИВ РАН, 2016. С. 151—166.

Иран передал Индии в оперативное управление часть порта Чабахар. URL: <https://regnum.ru/news/2545523.html> (дата обращения: 27.12.2018).

Лузянин С.Г., Кашин В.Б. Новые измерения стратегического и военно-политического партнерства России и Китая (региональные аспекты) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 21—28. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10002.

Окимбеков У.В. Афганистан и сопредельные страны: торгово-экономические отношения // Мусульманский мир на исторических рубежах России. М.: ИВ РАН, 2017. С. 252—270.

Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 18.10.2017).

Chinese Ambassador calls on the Foreign Minister. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=NjY1OQ> (accessed: 27.08.2018).

Chinese president meets Saudi crown prince. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1640593.shtml (accessed: 22.02.2019).

Ministry of Planning clarifies a news article on CPEC Debt. URL: https://www.pc.gov.pk/web/press/get_press/258 (accessed: 26.12.2018).

Statement from Chinese Embassy 2018/12/29/. URL: <https://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1625941.htm> (accessed: 29.12.2018).

When mercy enfolded us! URL: <https://nation.com.pk/09-Nov-2018/when-mercy-enfolded-us> (accessed: 08.11.2018).

References

Chinese Ambassador calls on the Foreign Minister. URL: <http://mofa.gov.pk/pr-details.php?mm=NjY1OQ> (accessed: 27 August, 2018).

Chinese president meets Saudi crown prince. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1640593.shtml (accessed: 22 February, 2019).

Efremenko D.V. (2018) Sopryazhenie Kitaiskoi inichiativi “Economicheskiiy poays Shelkovogo puti” i integrachionnogo proekta “Evraziyskiy ekonomicheskiiy soyuz” v kontekste transformachiy sovremennogo miroporaydka [The conjugation of the Chinese initiative “The Economic Belt of the Silk Road” and the integration project “The Eurasian Economic Union” in the context of transformations of the modern world order]. *Kitaj v mirovoj I regionalnoj politike. Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and modernity]*, Moscow: IDV RAN (IFES RAS), Iss. XXI: 29—41. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10003.

Iran peredal Indii v operativnoe upravlenie chast porta Chabahar [Iran handed over to India operational control of part of the port of Chabahar]. URL: <https://regnum.ru/news/2545523.html> (accessed: 27 December, 2018). (In Russian).

Ivin A.V. (2016). Iran kak potentsialny konkurent rossiyskoy energeticheskoy politike [Iran as a potential competitor to the Russian energy policy]. *Iran vo vtoroy decade XXI veka: vizovi I perspektivi [Iran in the second decade of the XXI century: challenges and prospects]*. Moscow; IV RAN (IOS RAS): 151—166. (In Russian).

Lousianin S.G., Kashin V.B. (2018). Novye izmereniya strategicheskogo I politicheskogo partnerstva Rossii i Kitaya (regionalniye aspekty) [New dimensions of the strategic and military-political partnership of Russia and China (regional aspects)]. *Kitaj v mirovoj I regionalnoj politike. Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and modernity]*. Moscow: IDV RAN (IFES RAS), Iss. XXI: 21—28. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10002.

Ministry of Planning clarifies a news article on CPEC Debt. URL: https://www.pc.gov.pk/web/press/get_press/258 (accessed: 26 December, 2018).

Okimbekov U.V. (2017). Afganistan i sopredelnie strani: torgovye i ekonomicheskie otnosheniya [Afghanistan and neighboring countries: trade and economic relations]. *Musulmanskiy mir na istoricheskikh rubeshah Rossii [Muslim world on the historical borders of Russia]*. Moscow; IV RAN (IOS RAS): 252—270. (In Russian).

Polnyi tekst doklada s kotorim vistupil Si Dzinpin na 19-m s'ezde KPK [The full report delivered by Xi Jinping at the 19th CPC Congress], URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed: 18 October, 2017) (In Russian).

Statement from Chinese Embassy 2018/12/29. URL: <https://pk.chineseembassy.org/eng/zbqx/t1625941.htm> (accessed: 29 December, 2018).

When mercy enfolded us! URL: <https://nation.com.pk/09-Nov-2018/when-mercy-enfolded-us> (accessed: 08 November, 2018).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10013

Л.Е. Васильев

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу основных направлений политики Китая в Южной Азии, рассмотрению особенностей двусторонних отношений Китая с Пакистаном и Индией, а также оценке наиболее значимых направлений внешней политики КНР на ближайшую перспективу.

В статье отмечается, что современный Китай не только стремится выйти на лидирующие позиции в торгово-экономической сфере, но и намерен выступать с политико-экономическими инициативами, принимать активное участие в глобальном «переформатировании» мира и стать одним из мировых лидеров в процессах освоения новых технологических укладов.

В ходе проведенного анализа автором сделан вывод о том, что в настоящее время самой серьезной угрозой для КНР является провозглашение новой администрацией США курса на жесткое соперничество с Китаем на международной арене, а также действия Вашингтона по дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Вашингтон недвусмысленно напоминает Пекину о возможном блокировании геополитических интересов Китая как на юго-западе (Индийский океан), так и на юго-востоке (Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря).

В статье отмечается также, что Соединенные Штаты усиливают свое военно-морское присутствие в Тихом океане, укрепляют взаимодействие в военной сфере с традиционными и потенциальными конкурентами КНР, в частности с Южной Кореей, Филиппинами, Сингапуром и другими странами АТР. Развертывание по американской инициативе и с американской помощью систем ПРО ТВД на территориях Японии, Южной Кореи и Тайваня рассматривается в Пекине как действия, наносящие ощутимый ущерб китайским интересам в сфере военной безопасности.

Автор констатирует, что основной причиной целенаправленного противодействия Китаю со стороны западных государств являются их опасения, связанные с серьезными конкурентными возможностями и постоянным ростом потенциала КНР.

В статье отмечается также, что к основным угрозам и вызовам стабильности и безопасности Китая следует отнести наличие практически во всех государствах Южной и Центральной Азии значительных групп населения, проповедующих идеи сепаратизма, исламистского экстремизма и использующих для достижения своих целей методы и способы террористической борьбы.

Ключевые слова: Южная Азия, Китай, Индия, Пакистан, региональная безопасность, геополитика.

Автор: Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail:levdvina@mail.ru

L. Ye. Vasiliev

Some aspects of China's policy in South Asia

Abstract. The article analyzes main directions of China's policy in South Asia, examines bilateral relations of China with Pakistan and India and studies the most important directions of the PRC's foreign policy in the short term.

The article acknowledges that modern China intends to take leading positions not only in the field of trade and economy, but also seeks to promote its political-economic initiatives, to play an active role in the "reformatting" of the world order and to become one of the global leaders in the implementation of newest technological techniques.

In the course of the analysis, the author concludes, that currently the most serious threat to China is the proclamation by the new US administration of a policy of tough rivalry with China in the international arena, as well as Washington's actions to destabilize the situation in the Middle

East and Central Asia. Washington clearly reminds Beijing of the possible blocking of China's geopolitical interests both in the South-West (Indian Ocean) and in the South-East (South China and East China seas).

The article also notes that the United States are reinforcing their naval presence in the Pacific Ocean, strengthening cooperation in the military sphere with traditional and potential competitors of the PRC, in particular with South Korea, the Philippines, Singapore and other Asia-Pacific countries. The deployment at the initiative and with the help of the US of anti-ballistic missile (ABM) and theater defense missile (TMD) systems in the territories of Japan, South Korea and Taiwan is considered by Beijing to be actions damaging Chinese interests in the sphere of military security.

The article states that the basis for purposeful opposition to China by part of the West stems from concerns of the latter associated with serious competitive opportunities and constant growth of the PRC's potential.

The article also notes that main threats and challenges to the stability and security of China arise due to the existence of those significant population groups in almost all States of South and Central Asia, that adhere to ideas of separatism, Islamic extremism and use methods and tactics of terrorist struggle in the achievement of their goals.

Keywords: South Asia, China, India, Pakistan, regional security, geopolitics.

Author: Leonid Ye. VASILIEV, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: levdvina@mail.ru).

1. Основные направления политики Китая в Восточной Евразии

За последние годы Китай добился значительных успехов в модернизации экономики и повышении уровня жизни своих граждан. Влияние Пекина на международной арене постоянно растет. За короткий промежуток времени КНР постепенно превратилась в одну из крупнейших экономик мира, укрепила национальный суверенитет и как следствие — получила возможность оказывать всестороннее и все возрастающее влияние на ход развития основных международных политических и экономических процессов. Китайская экономика с темпом роста более 6 % в год (6,6 % за 2018 г., 1-е место

среди 5 ведущих экономик мира) позволила обеспечить ВВП Китая в 2018 г. в размере 12,85 трлн долл., тогда как в 1983 г. ВВП КНР оценивался лишь в 301,8 млрд долл [ВВП Китая в 2018...].

Кроме того, современный Китай стремится выйти на лидирующие роли не только в торгово-экономической сфере, но и выступать с политико-экономическими инициативами, принимать активное участие в глобальном «переформатировании» мирового порядка и стать одним из глобальных лидеров в освоении новых технологических укладов. Китай сегодня находится в числе стран, которые успешно конкурируют с ведущими мировыми державами, прежде всего — с США не только в международной и торгово-экономической, но и военно-политической сфере. Энергичная деятельность Пекина по развитию БРИКС и ШОС, реализация им транснациональной инициативы «Один пояс, один путь», провозглашение курса на «всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие» с Россией вызывают значительное недовольство и противодействие как со стороны Запада, так и со стороны ведущих государств Востока.

Однако, проводя такую политику и выстраивая отношения с другими странами, КНР сталкиваться с многочисленными, сложными традиционными и нетрадиционными угрозами национальной безопасности, а также с необходимостью противодействия им.

Согласно последней Белой книге Национально-освободительной армии Китая, вышедшей в 2013 г., основные угрозы безопасности КНР носят тройственный характер и исходят от интернациональных террористических, сепаратистских и экстремистских группировок. Причем эти угрозы постоянно нарастают [Белая книга НОАК, 2013].

Кроме того, в последнее время ряд стран предпринял шаги по повышению военного потенциала, укреплению союзнических связей и обеспечению своего военного присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, США поставили своей целью перебазировать в АТР к 2020 г. 60 % своих военно-морских сил, а недавно заявили о создании по периметру восточных границ Китая системы ПРО, предназначенной якобы исключительно для парирования «северо-корейской угрозы» [*Чэнь Чжихао*].

Не менее значительной угрозой Китаю его руководство считает деятельность сепаратистских сил Тайваня, которые, опираясь на США, предпринимают масштабные усилия по «сохранению независимости» острова от КНР. Пекин полагает, что эта активность крайне дестабилизирует мирное развитие ситуации в этом регионе и мешает логичному и справедливому возвращению о. Формоза (колонияльное название Тайваня) под юрисдикцию материкового Китая.

К числу важных угроз национальной безопасности руководство КНР относит также интенсивное развитие крупными мировыми державами новых и более эффективных военных технологий и их стремление обеспечить свое превосходство в космосе и в кибернетическом пространстве. Все это заставляет Пекин предпринимать ответные меры, что сопряжено со значительными финансовыми затратами [Белая книга НОАК, 2013].

В своей первой за всю историю Поднебесной книге «Военная стратегия Китая», изданной Информационным бюро Государственного Совета КНР в мае 2015 г., руководство государства рассматривает угрозы и вызовы в еще более широком контексте. Так, было заявлено, что в настоящее время «происходят глубокие изменения в международной обстановке. Переживают исторические перемены мировое соотношение сил, система глобального управления, геостратегия в азиатско-тихоокеанском регионе и в мировой экономике.

В международных отношениях начинают развиваться гегемония, политика грубой силы и неоинтервенционизм. Разные международные акторы прилагают усилия по эскалации борьбы за власть и перераспределению законных интересов других государств. Активизация терроризма, возникновение религиозных противоречий, территориальных споров приводят к появлению горячих точек на изменяющейся карте мира. Непрекращающиеся локальные бои, постоянные конфликты, частые кризисы по-прежнему являются обычным состоянием некоторых регионов. Мир все так же сталкивается с реальной и потенциальной угрозой широкомасштабной войны» [Военная стратегия Китая, 2015].

Некоторые эксперты считают, что в настоящее время самой серьезной угрозой для КНР является провозглашение новой адми-

нистрацией США курса на жесткое соперничество с Китаем на международной арене, а также действия Вашингтона по дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В Пекине хорошо осознают, что если «ближневосточный хаос» вооруженных и социальных конфликтов распространится на все геополитическое пространство от Суэца до Тибета, КНР неизбежно столкнется с проблемами обеспечения своей территориальной целостности и суверенитета.

В КНР также серьезно обеспокоены тем, что непосредственно вблизи ее границ происходит эскалация исламистских угроз. В частности, речь идет об активизации сторонников ИГИЛ (запрещено в России) и других религиозных экстремистских организаций в Афганистане и государствах Центральной Азии. Сверх того, Китай вынужден реагировать и на разрастание пантюркистских тенденций в Центральной Азии, за которыми стоит Турция. В этом случае необходимо учитывать, что в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая проживают уйгуры — турки мусульманского вероисповедания [Небренчин, с. 12].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что основными направлениями внешней политики Китая на ближайшую перспективу станут:

- поддержание стабильности в Восточной Евразии и АТР, содействие экономическому развитию этих регионов;
- обеспечение как дружественности двусторонних и многосторонних связей государств региона, так и безопасности на приграничных с Китаем территориях;
- недопущение монопольного доминирования в регионе какой-либо страны, особенно недружественной КНР;
- обеспечение открытости и доступности энергетических и других ресурсов государств Евразии для экономики Китая;
- создание политических и экономических предпосылок для возможного усиления китайского влияния в регионе.

Довольно велико число тех аналитиков, которые полагают, что в обозримом будущем произойдет смещение «вектора силы» в международных отношениях с Запада на Восток. В частности, А. Рахмеев отмечает «эволюцию международной системы к постепенному пе-

пераспределению власти в сторону доминирования Китая». Правда, эксперт обращает также внимание на тот факт, что «Китай, возможно, не готов взять на себя роль США в мире» (приводится по [Ходаков]).

В самом деле, руководству Китая отнюдь не свойственна присущая США «моральная ответственность» за демократию в мировом сообществе, тем более в свете того, к чему таковая «ответственность» привела. Это великолепно иллюстрируют примеры бывшей Югославии, Ирака, Ливии и др. Китай крайне осторожно действует на Ближнем Востоке и в Африке, постепенно расширяя там зону своих геополитических усилий. При этом Пекин достаточно грамотно и корректно реагирует на периодически возникающее в отдельных странах недовольство его экономической политикой.

В то же время вряд ли у кого-то возникнут сомнения относительно желания США и далее доминировать на международной арене, провоцируя различной степени интенсивности конфликты между потенциальными военно-экономическими конкурентами. И в этом случае скорее всего прав А. Рахме: «Весь вопрос заключается в том, что Китай выступил в поддержку многополярного мира. В то время как США цепляются за отживший свое однополярный и не могут приспособиться к новому миру, состоящему из нескольких центров силы» (приводится по [Ходаков]).

Для достижения своих целей Вашингтон активно использует приемы и методы, сформулированные С. Манном в «Стратегии управляемого хаоса» и направленные на создание конфликтных ситуаций в регионах, соседних со странами — прямыми конкурентами США. К таким методам, примененным в АТР, можно отнести проведение летом 2017 г. США совместно с Индией и Японией совместных учений флотов на подступах к стратегическому для снабжения Китая Малаккскому проливу. Разумеется, эти маневры не оставили Пекин равнодушным. Примечательно также участие в учениях морских сил самообороны Японии. Это не только способствует обострению отношений между США и Индией с одной стороны и Китаем — с другой, но и дальнейшему обострению отношений между Пекином и Токио.

Такими действиями, Вашингтон недвусмысленно напоминает Пекину о возможном блокировании реализации геополитических интересов Китая как на юго-западе (Индийский океан), так и на юго-востоке (Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря). При этом необходимо учитывать тот факт, что, по оценкам экспертов, общие запасы нефти в Южно-Китайском море могут достигать 213 млрд баррелей: этот объем уступает разведанным ресурсам только двух государств — Саудовской Аравии и Венесуэлы и превосходит российские. Кроме того в недрах Восточно-Китайского моря, по оценкам экспертов, залегают 1,5 млрд куб. м природного газа и до 100 млрд баррелей нефти.

Отметим также, что Китай и Япония считают свои права в Восточно-Китайском море неоспоримыми. Япония настаивает на фиксации границ особых экономических зон в равном удалении от береговой линии каждой заинтересованной страны, в то время как Китай претендует на континентальный шельф, протянувшийся за пределы равноудаленной от берега границы до Окинавской впадины. Китай и Япония продолжают также оспаривать принадлежность близлежащих островов Дяоюйдао (японское название — Сенкаку) [*Чэнь Чжихао*].

Соединенные Штаты же усиливают свое военно-морское присутствие в Тихом океане, укрепляют взаимодействие в военной сфере с традиционными и потенциальными конкурентами КНР, в частности с Южной Кореей, Филиппинами, Сингапуром и другими странами АТР. Развертывание по американской инициативе и с американской помощью систем ПРО ТВД на территориях Японии, Южной Кореи и Тайваня рассматривается в Пекине как действия, наносящие ощутимый ущерб китайским интересам в сфере военной безопасности.

Одновременно с этим следует отметить, что в основе целенаправленного противодействия КНР со стороны Запада, сочетающегося с его вынужденным масштабным торгово-экономическим сотрудничеством с Китаем, лежат опасения, связанные с серьезными конкурентными возможностями и постоянно растущим потенциалом КНР. Их отражением являются различные теории и лозунги ан-

тикитайской направленности, в том числе такие, как «китайская угроза» или «Пекинский консенсус».

Концепция «китайской угрозы» исходит из того, что усиление мощи КНР несет угрозу рыночным демократиям со стороны «недемократического Китая». Экологическая вариация данной теории указывает на то, что рост китайской мощи сопровождается все расширяющимся гигантским потреблением мировых энергетических и сырьевых ресурсов и, как следствие — разрушением глобальной окружающей среды [*Небренчин*, с. 17—18].

Анализируя вышесказанное, необходимо все же подчеркнуть, что несмотря на все трудности «Китай неуклонно будет идти дорогой мирного развития, строго придерживаться самостоятельного и мирного внешнеполитического курса, противостоять разным формам гегемонизма и политики грубой силы, никогда не добиваться гегемонии и не осуществлять экспансию» [Военная стратегия Китая, 2015].

2. Сотрудничество Китая и Пакистана

Официальные отношения между Китаем и Пакистаном были установлены в 1951 г. Оба государства уделяют большое внимание поддержанию двусторонних дружеских и взаимовыгодных связей, успешно реализуют совместные экономические проекты. Пекин оказывает финансовую помощь Исламабаду. Между Пакистаном и Китаем действует соглашение о свободной торговле, объемы которой активно растут. Товарооборот между странами в 2018 г., по некоторым данным, составил около 15 млрд долл. [Правительство Пакистана...].

Верный своему главному стратегическому принципу «экономика определяет геополитику», Китай активно участвует в модернизации транспортной инфраструктуры Пакистана, решая при этом две стратегические задачи: обеспечение безопасной транспортировки энергоносителей по маршруту Персидский залив — Южно-Китайское море и ограничение влияния США в «чувствительных» для Китая регионах Среднего Востока, Южной и Центральной Азии.

Кроме того, Пакистан является крупнейшим импортером китайских вооружений и военной техники. Страны реализуют ряд совместных проектов, в частности по созданию истребителя FC-1 (JF-17 в пакистанском обозначении), а также танков MBT 2000. КНР сыграла значительную роль в создании Исламабадом собственного ядерного оружия, а также активно помогает развитию пакистанской гражданской ядерной программы. Кроме того, Китай активно обсуждает с Пакистаном возможность формирования на пакистанской территории своих военных баз [*Коваленко*].

Государства регулярно обмениваются визитами руководителей высокого уровня и считают друг друга близкими стратегическими партнерами. При этом Китай воспринимает Пакистан в качестве регионального противовеса интересам США и НАТО и поддерживает позицию Пакистана по вопросу о принадлежности Кашмира. Так, уже в мае 2016 г. прозвучало заявление официального представителя МИД Китая Цзян Юй о необходимости уважения суверенитета и территориальной целостности Пакистана. «Любое нападение на Пакистан — это нападение на Китай» заявила дипломат (приводится по [*Петров*]). Кроме того, Пекин рассматривает Исламабад в качестве связующего звена в его сотрудничестве с мусульманскими странами.

В мае 2017 г. Пекин и Исламабад договорились о создании Китайско-пакистанского экономического коридора (далее — КПЭК) в целях интенсификации экономического сотрудничества двух стран. Экономический коридор — это инфраструктурный проект стоимостью 46 млрд долл., который включает в себя строительство железных и автомобильных дорог, а также трубопроводов. Он соединит пакистанский порт Гвадар, построенный на деньги КНР и контролируемый китайским бизнесом, с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР КНР). Проект трактуется как часть продвигаемой Китаем инициативы «Один пояс, один путь» (далее — ОПОП). Экономический коридор позволит китайцам получить доступ к побережью Индийского океана в обход Малаккского пролива и по кратчайшему маршруту экспортировать грузы из западных районов КНР.

Реализация проекта КПЭК ценна тем, что дает возможность увидеть общие принципы, по которым Китай планирует реализовывать и другие инициативы на территории ОПОП. *Во-первых*, это требование максимального контроля над процессом строительства объектов. Пекин предпочитает по возможности использовать своих рабочих, свои материалы, свои стандарты и свою технику. *Во-вторых*, максимальный контроль над созданными объектами и компаниями. Все вложения должны быть не только окупаемыми, но и «соответствовать дипломатической стратегии» Китая, которая заключается, прежде всего, в обеспечении условий для экономического процветания самой КНР [Почему опыт взаимодействия...].

Таким образом, Китай расширяет собственный рынок, обеспечивая сбыт продукции в приграничных китайских областях. При этом финансирование проектов осуществляется за счет низкопроцентных займов, отдавать которые необходимо будет или деньгами, или предоставлением контроля над построенными объектами. Конечно, сегодня вопрос политической «платы» за китайские инвестиции в публичной плоскости не ставится, но в том, что такая плата потребуется, сомнений ни у кого нет. Другими словами, потенциал большой долговой массы может быть использован для политического влияния на руководство тех стран, на территории которых осуществляется проект.

Мнения экспертов касательно реализации проекта КПЭК разделились: кто-то называет его спасением экономики Пакистана, другие — планом его «колонизации». Однако все эксперты сходятся в одном: КПЭК предполагает очень глубокое проникновение китайского государства и китайских компаний на пакистанский рынок. И проникновение настолько значительное, что, глядя со стороны, его можно принять за стратегию развития экономики Пакистана, созданную Пекином специально для этой страны.

Однако при рассмотрении проекта следует учитывать несколько очень интересных фактов. Так, Пекин планирует превратить СУАР, и в особенности — округ Кашгар, в базу по переработке получаемого на территории Пакистана сельскохозяйственного сырья. Итоговую сельхозпродукцию планируется продавать в Китае, Пакистане и соседних странах. Будут построены заводы по первичной переработке

мяса, молока, зерна, овощей, фруктов, производству джема. Все это будет осуществляться путем выкупа государством земли у частных фермеров и крестьян с последующей сдачей ее в аренду компаниям с китайским капиталом для создания племенных животноводческих хозяйств и сельскохозяйственных комплексов. Другими словами, пакистанские крестьянские хозяйства будут поглощены китайскими агрохолдингами, что произошло ранее и в самом Китае, и во многих других странах мира [Почему опыт взаимодействия...].

Кроме того, Пекин считает, что все созданные на территории Пакистана компании должны в максимальной степени принадлежать Китаю и «служить интересам Китая». Предприятия с доминирующим китайским капиталом создадут фабрики по производству удобрений, пестицидов, вакцин и фуража для скота, заняв таким образом ключевые позиции в цепочках добавленной стоимости. Данная стратегия будет подкреплена всей финансовой мощью Китая. При этом финансирование проекта будет идти в виде кредитов, а к примеру, не в виде помощи развитию.

В связи с реализацией проекта экономического коридора впервые встал вопрос о китайском военном присутствии на территории Пакистана. В августе 2016 г. было заключено соглашение на уровне начальников генеральных штабов Китая, Таджикистана, Афганистана и Пакистана о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом [*Коваленко*]. В рамках этого соглашения китайцы уже осуществляли определенные операции на территории Ваханского коридора в Афганистане и, вероятно, можно предположить такое же их присутствие на севере Пакистана в случае необходимости. Есть данные, что китайцы намерены на ротационной основе базировать свои военные корабли в пакистанском порту Гвадар.

Таким образом, Пекин стремится к расширению собственного военного присутствия на пакистанской территории путем создания там своих военных баз. При этом, как отмечают эксперты, Китай преследует как минимум три стратегические цели: оказание военно-политического давления на Индию; ограничение влияния Вашингтона в Пакистане и Афганистане; непосредственное наблюдение за деятельностью «уйгурских сепаратистов» в Северо-Западной пограничной провинции Пакистана (далее — СЗПП).

Анализируя цели и условия их достижения в рамках реализации проекта КПЭК, можно выделить несколько достаточно серьезных угроз для партнеров Китая, на которые обращают внимание эксперты.

Первое. Экономика Пакистана может не справиться с тем долговым бременем, которое несут с собой китайские инвестиции в проект (по последним данным, составляющие 50—60 млрд долл. при ВВП Пакистана в 2018 г. — 303 млрд долл.). Долги, как уже было сказано выше, придется либо отдавать, либо в счет их погашения передавать китайской стороне контроль над построенными в рамках проекта объектами.

Второе. Для охраны своих объектов Китай планирует ввести в Пакистан тысячи сотрудников китайских военных и охранных компаний. Более того, как уже сказано выше, в связи с реализацией проекта экономического коридора Китай всерьез изучает вопрос о военном присутствии своих регулярных войск на территории Пакистана, что может вызвать весьма негативную реакцию исламского населения страны.

Третье. Строительство КПЭК уже сейчас вызывает серьезное недовольство Индии и потенциально может привести к обострению общей ситуации с безопасностью в регионе. Некоторые индийские официальные лица многократно высказывались против проекта, полагая его направленным на окружение Индии и нарушающим ее территориальную целостность. Здесь следует отметить, что часть инфраструктуры проекта проходит через спорные между Индией и Пакистаном территории. Однако, несмотря на протесты индийской стороны, Китай приступил к активному освоению находящихся под пакистанским контролем спорных территорий в Джамму и Кашмире в рамках почти двух десятков масштабных проектов. Среди них — разработка месторождения молибденовой руды, возведение гидротехнических сооружений, строительство мостов. Но самый значительный — проект прокладки железнодорожной ветки и шоссейной трассы протяженностью 750 км через пустыню Каракорум. Такая активность Пекина только усугубляет положение и усложняет ситуацию.

3. Решение проблем во взаимоотношениях Китая и Индии

Индийско-китайские отношения за последние годы пережили целый ряд кризисов в различных сферах. К наиболее острым проблемам двусторонних отношений можно отнести следующие.

1. Индия недовольна, о чем было сказано выше, масштабными работами по реализации проекта КПЭК в рамках китайской инициативы ОПОП. Это вызвано тем, что транспортные магистрали экономического коридора прокладываются по спорным территориям Кашмира, контролируемым пакистанцами, и рассматриваются в Нью-Дели как непризнание Пекином суверенитета Индии над этим районом. Более того, Китай пытается привлечь к проекту коридора соседние страны, что еще больше раздражает Индию.

Складывающаяся ситуация заставляет Индию создавать альтернативы международным инициативам Пекина. В противовес китайско-пакистанскому партнерству Нью-Дели активно работает над формированием треугольника Индия—Иран—Афганистан. Конкурентом КПЭК и ОПОП можно считать идею создания экономического коридора «Север—Юг», который позволил бы связать Индию с Россией и странами Северной Европы.

2. Как было сказано выше, Китай рассматривает возможность базирования своих военных кораблей на ротационной основе в пакистанском порту Гвадар, который, занимая стратегическое положение между Аравийским морем и Персидским заливом, предоставляет Поднебесной кратчайший доступ к рынкам Ближнего Востока, Африки и Европы. В дополнение к этому в 2017 г. китайцы получили в аренду порт Хамбантота в Шри-Ланке и активно его модернизируют, вкладывая в соответствующий проект более 1 млрд долл. Естественно, индийцы опасаются, что этот порт, как, возможно, и порты Мальдив и Пакистана, могут быть использованы Пекином для размещения военно-морских баз [*Наркевский*]. Возможной активизации деятельности китайских военных кораблей в Индийском океане Индия противопоставляет совместные с Японией и США учения ВМС, активизируя военное сотрудничество и с Вьетнамом.

3. Активное проникновение китайцев в такие страны, как Бангладеш, Мьянма, Мальдивские острова, а также участие в перегово-

ном процессе в Афганистане создают у многих индийских политиков и экспертов ощущение постепенной блокады Индии ее главным геополитическим противником.

Сильны противоречия и в вопросе обеспечения безопасности в Афганистане, где Индия и Китай выступают как конкуренты в борьбе за влияние в этой стратегически важной для них стране. Кроме того, Индия добивается от Китая признания террористическими ряд группировок, действующих в Кашмире и на территории Пакистана.

4. Яблоком раздора между двумя государствами стали также две пограничные территории. Первая — Аксай Чин в западном секторе границы, вторая — Аруначал Прадеш в восточном секторе границы. Последние пограничные столкновения между подразделениями вооруженных сил двух государств произошли в апреле 2013 г. (Аксай Чин) и в июне 2017 г. (плато Доклам). Следует подчеркнуть, что конфликтующие стороны в обоих случаях воздержались от вооруженных столкновений, превратив конфликт в своеобразные «потасовки» военных. Более того, пограничные инциденты подтолкнули стороны к подписанию Соглашения о военном сотрудничестве на границе. В апреле 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Нарендра Моди провели неформальную встречу для снятия напряженности. Кроме того, лидеры поручили своим компетентным ведомствам разработать «стратегическое руководство» для пограничной охраны, чтобы предотвратить инциденты на границе.

Вместе с тем следует отметить, что при всех проблемах в политической и военной сферах экономическое сотрудничество между двумя крупнейшими странами Азии продолжает развиваться. В 2017 г. товарооборот между Индией и Китаем составил 84,44 млрд долл. Более того, председатель Си и премьер Моди во время встречи в апреле 2018 г. представили свое видение дальнейшего двустороннего сотрудничества.

«Я очень доволен встречей с председателем Си Цзиньпином в Ухане. Мы провели масштабные и продуктивные переговоры и обменялись мнениями по вопросу укрепления индийско-китайских отношений и других внешнеполитических вопросов». Этот пост, размещенный премьер-министром Индии Нарендрой Моди в ки-

тайской социальной сети *Weibo* по итогам двухдневного неформального саммита в апреле 2018 г., ознаменовал начало нового этапа в диалоге Нью-Дели и Пекина [Куприянов].

Независимые наблюдатели отмечают, что после этих переговоров отношения между Индией и Китаем вновь обрели положительную динамику. Таким образом, с апреля 2018 г. диалог Нью-Дели и Пекина развивается по восходящей: переговоры ведутся практически по всему кругу интересов сторон. Здесь же следует подчеркнуть, что на 2019 г. запланирован ответный визит Си Цзиньпина в Индию, который может привести к дальнейшему расширению китайско-индийского сотрудничества.

Библиографический список

Белая книга Национально-освободительной армии Китая. URL: <https://topwar.ru/27728-belaya-kniga-narodno-osvoboditelnoy-armii-kitaya.html> (дата обращения: 05.04.2019).

ВВП Китая в 2018 г. вырос на 6,6 %. URL: <https://ria.ru/20190122/1549699266.html> (дата обращения: 05.04.2019).

Военная стратегия Китая: девятая «Белая книга». URL: <http://rusrand.ru/events/voennaja-strategija-kitaja-devjataja-belaja-kniga> (дата обращения: 05.04.2019).

Коваленко Н. Сближение Китая и Пакистана добавит проблем России // Деловая газета «Взгляд». URL: <https://vz.ru/world/2017/3/25/863401.html> (дата обращения: 05.04.2019).

Куприянов А. Великий южноазиатский поворот // Россия в глобальной политике. 2018. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Velikii-yuzhnoaziatskii-povorot-19845> (дата обращения: 05.04.2019).

Наркевский Д. Китай — Индия: незамеченная встреча глобального масштаба. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-indiya-ne-zamechennaya-vstrecha-globalnogo-masshtaba/> (дата обращения: 05.04.2019).

Небренчин А., Небренчин С. КНР — сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. М.: АНО Центр стратегических оценок и прогнозов, 2017. 116 с.

Петров В. Пакистан—Индия—Китай: треугольник нестабильности. URL: <http://lawinrussia.ru/content/pakistan-indiya-kitay-treugolnik-nestabilnosti> (дата обращения: 05.04.2019).

Почему опыт взаимодействия Китая и Пакистана важен для России. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/25600-pochemu-opyt-vzaimodejstviya-kitaja-i-pakistana-vazhen-dlja-rossii.html> (дата обращения: 05.04.2019).

Правительство Пакистана: торговля с Китаем будет вестись в юанях. URL: <https://regnum.ru/news/2514970.html> (дата обращения: 05.04.2019).

Ходаков И. Треугольник Примакова. URL: <https://vpk-news.ru/articles/46758> (дата обращения: 05.04.2019).

Чэнь Чжухао. Китай и Индия: отношения, вызовы, перспективы. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/kitay-i-indiya-otnosheniya-vyzovy-perspektivy> (дата обращения: 05.04.2019).

References

Belaya kniga Nacional'no-osvoboditel'noj armii Kitaya (2013) [White book of China's National Liberation Army]. URL: <https://topwar.ru/27728-belaya-kniga-narodno-osvoboditel'noy-armii-kitaya.html> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Chen Zhihao (2013). Kitaj i Indiya: otnosheniya, vyzovy, perspektivy [China and India: relations, challenges, perspectives]. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/kitay-i-indiya-otnosheniya-vyzovy-perspektivy> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Khodakov I. (2018). Treugol'nik Primakova [The Primakov's triangle]. URL: <https://vpk-news.ru/articles/46758> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Kovalenko N. (2017). Sblizhenie Kitaya i Pakistana dobavit problem Rossii [China—Pakistan rapprochement will add to the troubles of Russia], *Delovaya gazeta «Vzglyad»* [Business newspaper “Vzglyad”]. URL: <https://vz.ru/world/2017/3/25/863401.html> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Kupriyanov A. (2018). Velikij yuzhnoaziatskij povorot [The Great South Asian pivot], *Rossiya v global'noj politike* [Russia in global policies]. No. 6. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Velikii-yuzhnoaziatskii-povorot-19845> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Narkevsky D. (2018). Kitaj — Indiya: nezamechennaya vstrecha global'nogo masshtaba [China — India: the unnoticed meeting of a global scale]. URL: <https://rusiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-indiya-nezamechennaya-vstrecha-global'nogo-masshtaba> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Nebrenchin A., Nebrenchin S. (2017). KNR — sverhderzhava XXI veka: rossijsko-kitajskie perspektivy [The PRC — the superpower of the 21st century: the Russian-Chinese perspectives], M.: ANO Centr strategicheskikh ocenok i prognozov [The centre of strategic estimations and forecasts], 116 p. (In Russian).

Petrov V. (2016). Pakistan-Indiya-Kitaj: treugol'nik nestabil'nosti [Pakistan-India-China: the triangle of instability]. URL: <http://lawinrussia.ru/content/pakistan-indiya-kitaj-treugolnik-nestabilnosti> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Pochemu opyt vzaimodejstviya Kitaya i Pakistana vazhen dlya Rossii (2017) [Why the experience of interaction between China and Pakistan is important for Russia]. URL: <http://www.stanradar.com/news/full/25600-pochemu-opyt-vzaimodejstvija-kitaja-i-pakistana-vazhen-dlja-rossii.html> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Pravitel'stvo Pakistana: trgovlya s Kitaem budet vestis' v yuanyah (2018) [The Government of Pakistan: trade with China will be in Chinese yuan]. URL: <https://regnum.ru/news/2514970.html> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

Voennaya strategiya Kitaya: devyataya «Belaya kniga» (2015) [The Military strategy of China: the ninth “White book”]. URL: <http://rusrand.ru/events/voennaja-strategija-kitaja-devjataja-belaja-kniga> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

VVP Kitaya v 2018 godu vyros na 6,6 % [China's GDP in 2018 increased by 6,6 %]. URL: <https://ria.ru/20190122/1549699266.html> (accessed: 5 April, 2019). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10014

В.Е. Петровский

РОССИЯ, КИТАЙ И ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальным аспектам региональной безопасности в контексте российско-китайского взаимодействия и сотрудничества в Арктике. Стратегическое значение Арктического региона в мировой геоэкономике и геополитике постепенно, но неуклонно возрастает. В силу климатических изменений перспективы доступа к богатым природным ресурсам в Арктике, возможное открытие Северо-Западного прохода, а также развитие Северного морского пути привели к тому, что ряд арктических стран возобновили присутствие в регионе, в том числе и военное.

Меры по модернизации российского арктического военного потенциала служат не столько проецированию силы нашей страны за пределы территории РФ, сколько усилению возможностей пограничной охраны для защиты национальных арктических территорий, которые становятся все более логистически доступными. В отличие от России как арктической страны, Китай, который позиционирует себя как «приарктическая страна» с собственными интересами в Арктике, в настоящее время не ведет военную деятельность в регионе. Однако Пекин не исключает возможности милитаризации Арктики, особенно если он сам будет более активно вовлечен в освоение арктических ресурсов.

Для устранения непонимания или недоверия относительно политики безопасности в регионе арктическим государствам следует прояснить свои военные доктрины и операционные правила для вооруженных сил, а также договориться о мерах транспарентности и военного доверия на двустороннем и многостороннем уровне. К этим мерам вполне могли бы присоединиться и приарктические страны, включая Китай. Российско-китайское сотрудничество в Арктике можно было бы распространить и на военную сферу, особенно в случае возникновения в регионе общих или сходных вызовов и угроз.

Ключевые слова: Арктический регион, региональная безопасность, модернизация военного потенциала, меры транспарентности и военного доверия, Северный морской путь (СМП), российско-китайское сотрудничество.

Автор: Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: petrovsk4@gmail.com

V. Ye. Petrovskiy

Russia, China and regional security in the Arctic

Abstract. The article deals with the actual aspects of regional security in the Arctic, in the context of Russian-Chinese interaction and cooperation in the region. Strategic importance of the Arctic increases in global geo-economics and geopolitics steadily, but consistently. Due to the climate changes, prospects of enhanced access to rich mineral resources in the region, as well as possible opening of the North West Passage and development of the Northern Sea Route, have resulted in increased military presence in the Arctic of a number of States.

Modernization of the Russian military potential in the Arctic serves to strengthen border guard potential and to protect Russian Arctic territories (which become more accessible), rather than to project Russia's power outside the region. Unlike Russia as an Arctic State, China, which positions itself as a 'Near-Arctic State' with certain interests in the region, nowadays is not being involved in any kind of military activities in the Arctic. However, China does not exclude the possibility of militarization of the Arctic, especially if China itself will be more actively involved in exploitation of Arctic resources.

To avoid mutual misunderstanding or mistrust on regional security policy issues, Arctic States should clarify to each other their military doctrines and military operation rules, as well as agree on military transparency and confidence-building measures on bilateral and multilateral levels. Near-Arctic States, including China, could join these measures as well. Russian-Chinese cooperation in the Arctic could be extended to the military sphere, especially in case of common or similar security challenges and threats in the region.

Keywords: Arctic region, regional security, modernization of military potential, military transparency and confidence-building measures, Northern Sea Route, Russian-Chinese cooperation.

Author: Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: petrovsk4@gmail.com).

Региональная безопасность в Арктике — важный аспект российско-китайского взаимодействия и сотрудничества в регионе в силу того, что стратегическое значение Арктики в мировой геоэкономике и геополитике постепенно, но неуклонно возрастает.

Российские и зарубежные эксперты единодушно констатируют, что конец холодной войны ознаменовался резким снижением военной активности и Запада, и России в Арктике, поскольку их внимание переключилось на вопросы внутренней безопасности (в случае с Россией) и сокращения оборонных бюджетов, а также на другие международные проблемы. Однако перспектива разработки изобильных природных ресурсов Арктики, а также возможное открытие Северо-Западного прохода и модернизация Северного морского пути в силу климатических изменений привели к тому, что ряд арктических стран возобновили военное присутствие в регионе.

В текущих оценках военной обстановки в Арктике основное внимание уделяется анализу нестратегической (конвенциональной) военной деятельности и военного строительства стран региона — их военно-морской, авиационной и сухопутной составляющих, — которые могли бы быть задействованы для решения ограниченных задач собственно в Арктическом регионе.

На этом общем фоне растет и российское военное присутствие в Арктике, но этот процесс нужно сопоставлять не с 1990-ми годами,

когда Россия практически не присутствовала на Арктическом театре, а с советским периодом, по сравнению с которым российское военное присутствие в Арктике по-прежнему остается минимальным.

В утвержденных Президентом РФ 18 сентября 2018 г. «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» главные цели и стратегические приоритеты государственной политики РФ в Арктике в сфере военной безопасности, защиты и охраны государственной границы Российской Федерации, пролегающей в Арктической зоне РФ, были определены как обеспечение благоприятного оперативного режима в Арктической зоне Российской Федерации, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) общего назначения Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе [Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике...].

Меры модернизации российского арктического потенциала являются, по общей оценке, серьезными, однако в основном имеют задачей замену устаревающей военной техники. Эти меры нацелены не на проецирование силы РФ за пределы российской территории, а на усиление потенциала пограничной охраны и защиты национальных арктических территорий, которые становятся все более логистически доступными [Арктика в фокусе современной геополитики, с. 421].

В случае России к военно-стратегическим соображениям добавляется необходимость ускоренного развития региона, которое невозможно осуществить лишь гражданскими силами. Так, значительная часть инфраструктуры Северного морского пути (СМП) имеет двойное назначение. Военные части задействованы в уборке арктических островов, и в этом деле им нет альтернативы.

В отличие от России как арктической страны, Китай, который позиционирует себя как «приарктическая страна» с интересами в Арктическом регионе, в настоящее время не осуществляет военную деятельность в Арктике. Однако Пекин не исключает возможности милитаризации Арктики, особенно если он сам будет более активно вовлечен в освоение арктических ресурсов. По мнению китайских

военных экспертов, на стратегическом уровне размещение любых наступательных (баллистические ракеты дальнего радиуса действия с ядерными боеголовками) или оборонительных (системы ПРО) стратегических вооружений будет угрожать безопасности Китая, увеличивая его уязвимость ввиду снижения подлетного времени ракет и уменьшения потенциала ответного удара. В случае роста военной активности в Арктике, особенно присутствия там атомных подводных лодок с баллистическими ракетами на борту (ПЛАРБ), сил стратегического сдерживания и ПРО в зоне Северного Ледовитого океана или в непосредственной близости от нее, Китай будет развивать соответствующие технологии и политику для отражения потенциальных угроз [Yilmaz, p. 15—16].

В опубликованной в январе 2018 г. Белой книге по Арктической политике Китая не прояснены некоторые аспекты ключевых интересов КНР в регионе, особенно касающиеся национальной стратегии безопасности и обороны, что закономерно вызывает споры и разночтения среди российских и зарубежных ученых и экспертов.

Они констатируют, что интерес Поднебесной к Арктике очевиден, но он не ограничивается отдаленной перспективой получения полезных ископаемых, которые составляют пятую часть всех природных ресурсов Земли. Эксперты считают, что в большей степени заинтересованность носит экономический, а в перспективе — и военно-стратегический характер. Китай вошел в крупнейшие российские арктические проекты и хочет играть ведущую роль в разработке правил игры в новых сферах, что уже вызывает беспокойство у некоторых членов Арктического совета (АС). И хотя военная составляющая не просматривается, полностью исключить ее они не могут.

Существуют опасения относительно того, что Китай, с его длинной историей защиты своих суверенных интересов, будет уважать суверенные права арктических стран, а не прибегать к военной силе для защиты своих интересов. Фактически, идея китайского военного присутствия в Арктике не находится за пределами возможного — она уже достаточно серьезно обсуждается в КНР. Например, профессор Ли Чжэнфу из Даляньского морского университета писал, что «Арктика имеет большое военное значение, и это признается другими странами», а старший полковник Хань

Сюдун еще в 2008 г. отмечал, что «на фоне сложных территориальных споров в Арктике нельзя исключать применения силы» (приводится по [Rainwater, p. 75]).

Арктическая стратегия Китая может нести конфликтный потенциал, но только при вполне определенных и ограниченных обстоятельствах. Если китайская экономика начнет действительно серьезно полагаться на ресурсы и торговые пути в Арктике, то угроза им может побудить КНР размещать дополнительные военно-морские контингенты в регионе для защиты своих интересов и предотвращения недовольства внутри страны. Тем не менее, потребуется еще значительное время, прежде чем ключевые китайские экономические интересы сместятся в Арктику, что дает арктическим странам возможность заранее сформулировать свою политику в отношении продвижения Китая на Крайний Север [Rainwater, p. 68].

Следует учитывать, что, по мнению экспертов, арктический военный потенциал Китая ограничен в количественном и качественном отношении, и пока нет предпосылок к его наращиванию. Китай обладает лишь небольшим количеством боевых самолетов, могущих угрожать региону, а его атомный подводный флот, способный к плаваниям подо льдами, малочислен и недостаточно хорошо технически оснащен для ведения операций в Арктике. Потенциал проекции китайской силы в Арктику минимален, и вряд ли это обстоятельство изменится в обозримом будущем [Lackenbauer, Lajeunesse, Manicom, Lasserre, p. 165].

При этом в китайском военно-экспертном сообществе все чаще звучат голоса в пользу того, что китайско-российское сотрудничество в Арктике можно было бы распространить и на военную сферу, особенно в случае возникновения в регионе общих или сходных вызовов и угроз (это также способствовало бы легитимизации китайского военного присутствия в регионе). Чтобы добавить еще одно стратегическое измерение к существующему всеобъемлющему партнерству, сторонам следует стремиться к совместимости своих арктических стратегий для устранения существующего недоверия и непонимания, в связи с чем Китаю было бы целесообразно уверить Москву в уважении ее суверенитета и территориальной целостности [Yilmaz, p. 20].

По мнению экспертов, на наших глазах возникает новая «арктическая идентичность». В отличие от традиционных военно-политических угроз в Арктике в центре внимания оказались нетрадиционные угрозы безопасности личности, а также культурной, энергетической, экономической и экологической безопасности. После окончания периода военной конфронтации такой подход казался логичным.

Изменения климата и ускорение таяния арктических льдов сделали добычу полезных ископаемых на Арктическом шельфе и использование новых судоходных путей в Северном Ледовитом океане более прибыльными, что в свою очередь породило новые серьезные вызовы для окружающей среды и обострило необходимость усилить потенциал поисково-спасательных операций, а также мер для минимизации угроз нефтяных разливов, терроризма, нелегального трафика, миграции и организованной преступности.

Развитие вооруженных сил в Арктике связано не столько с осознанием основных угроз, сколько с созданием потенциала для отражения вызовов, связанных с экономическими, политическими и экологическими рисками в регионе. Сравнительно малочисленные конвенциональные вооруженные силы, приспособленные для действий в суровых условиях и на бескрайних просторах Арктики, будут и впредь поддерживаться на уровне существенно более низком, чем во времена холодной войны.

Однако рост военной активности в регионе, в котором несколько государств претендуют на юридическое расширение полосы континентального шельфа, доступного для разработки его богатых природных ресурсов, и риск непреднамеренных инцидентов между этими государствами являются поводом для беспокойства. Видные европейские эксперты в связи с этим полагают, что для устранения непонимания или недоверия относительно политики безопасности в регионе арктическим государствам следует прояснить свои военные доктрины и операционные правила, а также договориться о мерах военного доверия на двустороннем и многостороннем уровне [Virtanen, p. 84].

При формировании потенциального режима военных мер доверия в Арктике следует уделить больше внимания военно-морским

силам (ВМС), поскольку именно они будут играть возрастающую роль в регионе, хотя они пока и не охвачены в полной мере существующими режимами доверия. Эти меры должны будут включать в себя данные о дислокации сил флотов в условиях повышенной боеготовности, в противном случае до 64 % акватории региона, включающей в себя международные воды и эксклюзивные экономические зоны, не подпадут под режим мер доверия.

Смягчению противоречий на этом направлении способствовало бы введение взаимных ограничений на перемещение военно-морских сил в Арктике и взаимных уведомлений. Ограничения военно-морской и иной деятельности в регионе могут быть наиболее эффективным образом обеспечены только при создании действенной системы оповещения и соблюдения интересов сторон. В более широком плане обеспечение интересов стран арктического региона, разрешение спорных вопросов в Арктике в целом требует учета конкретных озабоченностей сторон и пакетных решений [Арктика: зона мира и сотрудничества, с. 99].

Ограничения военно-морской деятельности, особенно для подводных лодок, не препятствуют согласованию совместных действий кораблей, подводного флота и авиации России и Запада (а также, возможно, КНР и других заинтересованных государств) в Арктике и в Северной Атлантике в спасательных операциях, научных исследованиях, а также сопровождению судов по СМП и в проливах северной Канады (Северо-Западный проход), защите от пиратства, предотвращению экологических бедствий и т. д. Важность этих функций будет возрастать по мере расширения хозяйственного освоения и использования Северного Ледовитого океана. И наоборот, освоение Арктики будет все больше вступать в противоречие с практикой военно-морского соперничества в регионе. При расширяющейся сети нефте- и газодобывающих платформ, трубопроводов и интенсивном танкерном судоходстве продолжение опасных «военных игр» подводных лодок чревато повторением экологической катастрофы Мексиканского залива 2010 г. [Арктика: зона мира и сотрудничества, с. 71—72, 74].

Вопросы безопасности судоходства являются исключительно важными, особенно в Арктическом регионе, где совершают плава-

ние самые различные суда — ледоколы, танкеры, сухогрузы, круизные, рыболовные и научно-исследовательские. Более того, арктические танкеры, перевозящие в основном углеводородное сырье, увеличивают риск экологических бедствий в случае нештатных ситуаций [Laruelle].

Для обеспечения безопасности судоходства в арктических водах предлагаются нижеследующие меры и принципы:

- необходимо решать возникающие споры на основе верховенства права, прежде всего, на основе Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS). США следует присоединиться к ней;

- в целях предотвращения опасных ситуаций, таких, как непреднамеренные военные инциденты и возможная эскалация конфликтов, заинтересованные правительства должны создать систему сотрудничества, включая горячие линии связи, регулярные диалоги по дипломатическим и стратегическим вопросам, и проводить совместные учения;

- в дополнение к существующим двусторонним и многосторонним механизмам, следует рассмотреть создание новой многосторонней структуры с участием прибрежных стран от Арктики до Восточной Азии, включая Канаду, США, Россию, Японию, Китай, Южную и Северную Корею;

- научное сообщество, общественность и неправительственные общественные организации могут служить полезным «поставщиком идей» для правительств, бизнеса и международных организаций. Во имя обеспечения стабильности и процветания Восточно-Азиатско — Арктического региона, необходимо продолжать исследования по вопросам взаимоотношений Восточной Азии и Арктики, включая вопросы границ и приграничного сотрудничества, безопасности и международной политики [Hara].

Вышеупомянутые меры в области прозрачности и военного доверия могли бы быть реализованы арктическими (и «приарктическими», включая Китай) странами без особых дополнительных усилий, в рамках существующих структур и режимов: например, через расширение странами-участницами мандатов или увеличение зон применения этих мер, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению их верификационного потенциала. Для еще большей

экономии ресурсов обмен информацией и верификацию¹ в Арктике можно было бы осуществлять силами объединенных верификационных команд и институтов, в соответствии с предложениями о реформе контроля над вооружениями в европейском контексте, которые уже обсуждаются.

В этом отношении Арктический регион мог бы послужить моделью будущих реформ в рамках ОБСЕ, включая страны — наблюдатели Организации, в числе которых находится и Китай. Предложенные механизмы обмена информацией и верификации можно было бы также использовать при проведении поисково-спасательных операций, осуществлении морского патрулирования и пограничного контроля, обнаружении разливов нефти и в случае иных экологических бедствий. Такое сотрудничество уже осуществляется с 2014 г. в рамках механизма SUCBAS для Балтийского моря, а также было предложено в рамках использования расширенного мандата для Договора об открытом небе (ДОН).

Помимо чисто арктических форумов, арктические и приарктические государства могли бы обсуждать вопросы региональной безопасности на других международных форумах, например, на уровне ОБСЕ, Совета Евро-Атлантического партнерства НАТО или Совета «Россия—НАТО». Военные представители арктических стран могли бы встречаться при обсуждении имплементации Венского документа о мерах военного доверия или ДОН [Schaller, p. 350].

Среди зарубежных экспертов по Арктике широко распространено мнение о том, что если среди членов НАТО возникнут споры по Арктике, например, между США и Канадой, Канадой и Норвегией или между Данией и Канадой, то такие споры будут, скорее всего, разрешены мирно. Обострение вопросов безопасности более вероятно в случае споров с участием США, России и Китая.

Такой подход представляется весьма схематичным и одномерным. Вряд ли стоит заведомо приписывать Китаю конфронтационные намерения в Арктике «по умолчанию». В этом контексте представитель РФ в Арктическом совете Н. Корчунов отметил, что

¹ Под термином «верификация» понимается взаимная проверка достоверности данных по мерам доверия, предоставляемых на добровольной основе.

страны Восточной Азии — Китай, Южная Корея и Япония — демонстрируют приверженность работе в рамках механизма арктического сотрудничества на принципах устойчивого развития и коллективного начала. По словам Н. Корчунова, для России важно, чтобы включение всех заинтересованных неарктических государств в механизмы сотрудничества в Арктике не отягощало региональную обстановку элементами военного противостояния и конфронтации (приводится по [США и Великобритания наращивают военно-политическую напряженность...]).

Эксперты отмечают, что в рамках Арктического совета государства региона могли бы углублять военное сотрудничество по примеру АСЕАН, проводя совместные военные и поисково-спасательные учения. Более того, прямое военное сотрудничество предоставило бы большие возможности другим странам по ряду направлений. Например, подобно арктическому научному сообществу, можно было бы создать и разведывательное сообщество (форум) арктических стран. Последний помог бы повысить уровень транспарентности в военных и военно-промышленных вопросах. Там, где это возможно, арктические страны могли бы участвовать в совместных военных учениях. Наконец, интенсификация использования СМП, которая будет сопровождаться развитием туризма и торговли, может привести к тому, что восемь арктических стран создадут объединенные силы береговой охраны для координации усилий в соответствующей области [Lidow, p. 307—308].

Региональный форум АСЕАН (АРФ) показал пример снижения «порога входа»¹ и вовлечения других участников, в дополнение к странам — членам АСЕАН. В рамках форума десятки государств участвуют в обсуждении важных вопросов. В этой связи высказывается мнение о том, что «арктические государства и Арктический совет декларируют свою инклюзивность на уровне риторики, но не в реальности». Арктическое сотрудничество нуждается в совершенствовании за счет включения в него неарктических стран. В рамках Арктического совета арктические страны могли бы усилить взаимо-

¹ «Порог входа» — это степень доступности для участия в какой-либо международной структуре.

действие и сотрудничество с внерегиональными акторами, имеющими свои интересы в Арктике. Существующая сейчас культура арктического управления, в рамках которой такие интересы рассматриваются с подозрением, должна смениться культурой «умеренного доверия», и Арктический региональный форум мог бы способствовать этому [*Lidow*, p. 308].

В заключение следует отметить, что сотрудничество в Арктике не свободно от проблем, привносимых из более широкой сферы глобальной политики. Существенную роль здесь играет инерция военно-стратегического противостояния России и США, напоминающая о себе каждый раз в периоды обострения отношений между ними. Принятые в отношении РФ в контексте украинского кризиса санкции западных стран замедлили работы по разведке ресурсов российского арктического шельфа, привели к замораживанию кооперации в военной сфере, сказались на финансировании участия российских ученых в программах международного научного сотрудничества. Стали более интенсивными военно-стратегическая деятельность и военные учения России в регионе.

Изменилась тональность и так усилившейся риторики в обсуждении военно-политических вопросов. Все государства региона пристально следят за проводимыми здесь военными учениями и военной деятельностью, просчитывая худшие сценарии. Приостановлены совместные военно-морские учения с участием России, встречи начальников генеральных штабов. Все это не позволяет в полной мере воспользоваться плодами регионального сотрудничества, затрудняет и тормозит решение многих вопросов арктической повестки дня, испытывает на прочность сформировавшийся в последние годы «арктический консенсус» [Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации, 2015, с. 19].

Библиографический список

Арктика в фокусе современной геополитики. М.: Институт региональных проблем, 2015. 56 с.

Арктика: зона мира и сотрудничества. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 195 с.

Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации. М.: Магистр, 2015. 304 с.

Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <https://rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (дата обращения: 15.04.2019).

США и Великобритания наращивают военно-политическую напряженность в Арктике — представитель РФ в Арктическом совете. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0329/c31519-9561833.html> (дата обращения: 15.04.2019).

Hara Kimie. From Cold War Thaws to the Arctic Thaw: The Changing Arctic and Its Security Implications for East Asia // *The Asia-Pacific Journal*. 2014. Vol. 11. Issue 26. No. 3. June 30. URL: <https://apjif.org/2014/11/26/Kimie-Hara/4142/article.html> (accessed: 15.04.2019).

Lackenbauer Whitney P., Lajeunesse Adam, Manico James, Lasserre Frederic. China's Arctic Ambitions and What They Mean for Canada / University of Calgary Press. 2018. 274 p.

Laruelle Marlene. In Search of Borea, Hopes, Hypes and Realpolitik in Russia's Arctic Strategy. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/medialibrary/a4c/luaruelle_russia_s-strategy-in-the-arctic.pdf (accessed: 15.04.2019).

Lidow Reid. Toward an Arctic Way: Regimes, Realignment, & the ASEAN Analogue // *Arctic Yearbook* 2015. P. 296—312.

Rainwater Siloh. Race to the North. China's Arctic Strategy and Its Implications // *Naval War College Review*, 2013. Vol. 66. № 2. Art. 7. P. 1—21.

Schaller Benjamin. The Arctic Security Community: Proving Ground or Sub-Plot of a Tensed European Security Environment? // *Arctic Yearbook* 2015. P. 345—364.

Virtanen Vesa. The Arctic in world politics. The United States, Russia, and China in the Arctic — implications for Finland / Harvard University, 17 July 2013. 108 p.

Yilmaz Serafettin. Exploring China's Arctic Strategy: Opportunities and Challenges // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017. Vol. 3. № 1. March. P. 1—22.

References

Арктика в фокусе современной геополитики (2015) [Arctic in the Focus of Contemporary Geopolitics]. Moscow, Institute of Regional Problems. 56 p. (In Russian).

Арктика: зона мира и сотрудничества (2011) [Arctic: Zone of Peace and Cooperation]. Moscow, IMEMO PH. 195 p. (In Russian).

Hara, Kimie (2014). From Cold War Thaws to the Arctic Thaw: The Changing Arctic and Its Security Implications for East Asia, *The Asia-Pacific Journal*: Vol. 11,

Issue 26, No. 3, June 30. URL: <https://apjif.org/2014/11/26/Kimie-Hara/4142/article.html> (accessed: 15 April, 2019).

Lackenbauer, Whitney P.; Lajeunesse, Adam; Manico, James; Lasserre, Frederic (2018). *China's Arctic Ambitions and What They Mean for Canada* / University of Calgary Press. 274 p.

Laruelle, Marlene (2013). In Search of Borea, Hopes, Hipes and Realpolitik in Russia's Arctic Strategy. URL: http://www.arcticandnorth.ru/upload/medialibrary/a4c/laruelle_russia_s-strategy-in-the-arctic.pdf (accessed: 15 April, 2019).

Lidow, Reid (2015). Toward an Arctic Way: Regimes, Realignment, & the ASEAN Analogue, *Arctic Yearbook*: 296—312.

Mezhdunarodno-politicheskie uslovia razvitia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii (2015) [International-Political Conditions of Development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Moscow, Magistr PH. 304 p. (In Russian).

Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dalneishuu perspektivu (2009) [Outlines of the State Policy of the Russian Federation in Arctic up to 2020 and Beyond]. URL: <https://rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html> (accessed: 15 April, 2019) (In Russian).

Rainwater, Siloh (2013). Race to the North. China's Arctic Strategy and Its Implications, *Naval War College Review*. Vol. 66. No. 2. Art. 7:1—21.

S'H'A i Velikobritania naraschivayut voenno-politicheskuu napryazhennost v Arktike — predstavirel RF v Arkticheskom sovete (2019) [USA and Great Britain Increase Military and Political Tension in the Arctic — Russian Representative in the Arctic Council]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0329/c31519-9561833.html> (accessed: 15 April, 2019) (In Russian).

Schaller, Benjamin (2015). The Arctic Security Community: Proving Ground or Sub-Plot of a Tensed European Security Environment? *Arctic Yearbook*: 345—364.

Virtanen, Vesa (2013). The Arctic in World Politics. The United States, Russia, and China in the Arctic — implications for Finland. Harvard University. 108 p.

Yilmaz, Serafettin (2017). Exploring China's Arctic Strategy: Opportunities and Challenges, *China Quarterly of International Strategic Studies*. Vol. 3. No. 1. March: 1—22.

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10015

Arild Moe, Olav Schram Stokke

CHINA AND ARCTIC SHIPPING: POLICIES, INTERESTS AND ENGAGEMENT¹

Summary. China is widely perceived as an emerging key actor in Arctic shipping. The purpose of the article is to clarify how strong China's engagement really is; how much of it is purely commercial, and how much is a reflection of political goals. We take a bottom-up approach, examining use of arctic sea routes from the perspectives of Chinese governmental agencies and companies, but we also place shipping in the context of China's Arctic policy. The Arctic policy is upbeat on Arctic shipping options, subsuming them under the larger Belt and Road Initiative as a "Polar Silk Road". However, the Chinese shipping industry's actual moves into the region have been cautious, and mainly reflect sober commercial calculations.

Keywords: Arctic, shipping, China, «Polar Silk Road», «Belt and Road initiative» (BRI), COSCO — China Ocean Shipping (Group) Company (COSCO Group).

¹ **Acknowledgments.** Research for this article was funded by the Research Council of Norway, Norruss programme, project 220571.

It is a revised and updated version of *A. Moe and O. S. Stokke*: "Asian Countries and Arctic Shipping: Policies, Interests and Footprints on Governance", *Arctic Review on Law and Politics*, Vol. 10. 2019: 24–52. The authors are grateful for comments and suggestions to drafts of the original article from *Yang Jian, Jong Deog Kim, Fujio Ohnishi, Cecile Pellaudeix, Oran Young and Leilei Zou*.

Authors:

Arild MOE, Cand. polit. (Political Science), Research Professor, Fridtjof Nansen Institute (Lysaker, Norway) (amoe@fni.no);

Olav Schram STOKKE, Dr. philos. (Political Science), Professor, University of Oslo, Department of Political Science (Oslo, Norway); Research Professor, Fridtjof Nansen Institute (Lysaker, Norway) (e-mail: o.s.stokke@stv.uio.no).

Арильд МУ, Улав Скрам СТОККЕ**Китай в арктическом судоходстве:
политика, интересы и направления участия**

Резюме. Китай все более широко воспринимается как восходящий ключевой участник арктического судоходства. Цель данной статьи — выяснить, каковы масштабы реальной вовлеченности Китая в этот процесс; в какой степени она имеет собственно коммерческую подоплеку и насколько является отражением политических интересов. Анализ строится «снизу вверх», отталкиваясь от подходов китайских правительственных инстанций и компаний к использованию арктических морских путей, и до уровня арктической политики Китая как таковой. Эта политика демонстрирует оптимистичный взгляд на перспективы участия страны в арктическом судоходстве, которые рассматриваются в контексте «Полярного Шелкового пути» — составной части более масштабной инициативы «Пояс и путь». Однако в практическом плане курс китайской судоходной отрасли на проникновение в регион носит осторожный характер, в основном руководствуясь трезвым коммерческим расчетом.

Ключевые слова: Арктика, судоходство, Китай, «Полярный Шелковый путь», China Ocean Shipping (Group) Company (COSCO Group)¹, инициатива «Пояс и путь».

Авторы:

Арильд МУ, кандидат политических наук, профессор-исследователь, Институт им. Фридьофа Нансена (Лисакер, Норвегия). E-mail: amoe@fni.no;

¹ COSCO Group — китайская компания, мировой контейнерный оператор (входит в десятку крупнейших в этой отрасли), лидер в секторе навалочных грузов (Прим. ред.).

Улав Скрам СТОККЕ, доктор философии, профессор Кафедры политологии Университета г. Осло (Осло, Норвегия); профессор-исследователь Института им. Фритьофа Нанесена (Лисакер, Норвегия). E-mail: o.s.stokke@stv.uio.no.

Introduction

How important is shipping for the Arctic aspirations of China? How much of its engagement is purely commercial, and how much is a reflection of political goals? We take a bottom-up approach, examining Arctic sea routes from the perspectives of Chinese governmental agencies and companies, rather than a top-down approach centered on Arctic change. A recent study ranked China highest among the leading maritime nations of the world, with Japan and the Republic of Korea as third and fourth [*Menon and DNV-GL*, 2018]. Given the global orientation of their maritime industries, these nations will always assess Arctic options across a wide array of alternatives.

Three alternative transit routes are in focus in debates over trans-Arctic shipping: the Northeast Passage between the Atlantic and the Pacific north of Russia, the Northwest Passage through Canada's Arctic archipelago, and the Central Route across the North Pole. For the near future, it is only the Northeast Passage—specifically, the Northern Sea Route—that has attracted serious interest from Asian shipping actors [*Moe*, 2014]. The Northwest Passage has depth limitations and remains severely constrained by permanent or moving ice. Regular use of the Central Route remains a futuristic scenario, requiring far greater ice retreat than seen so far [*Melia et.al.*, 2016]. The “Northeast Passage” is the loose term historically applied to the entire Arctic passage between Europe and Asia: the *Northern Sea Route* is the clearly demarcated sea area between the Kara Sea in the west to the Bering Strait in the east, extending 200 nautical miles from the coast, developed and regulated by Soviet and Russian authorities since the 1930s. In addition to its potential as a transit corridor, this route is of interest to the shipping industry because of transport-intensive resource extraction projects in the Russian North. Shipping out from the Arctic or into it is termed “destination shipping”, as distinct from *transit shipping* between the Pacific and the Atlantic.

China's Arctic policy

China issued its Arctic policy document in January 2018. As in all Arctic strategy documents so far, there is a fourfold emphasis on scientific research, economic opportunities, environmental protection, and the human dimension—notably the traditions and living conditions of indigenous peoples. While such documents do not reveal all aspects of state interests, they provide occasions for articulating priorities. Here we review these policy statements, noting their sensitivity to the privileged role enjoyed by Arctic coastal states and relatively little attention paid to maritime transport relative to scientific research and environmental protection.

Due to China's steadily rising geopolitical status, its foreign-policy moves are followed with keenness by the outside world. China acquired its first (and as yet only) ice-strengthened research vessel in 1993; in 2004, the Chinese Arctic and Antarctic Administration set up an Arctic research base in Svalbard, Norway. Its Arctic engagements have expanded during the past decade from an early focus on scientific research, orchestrated by polar research agencies more heavily engaged in Antarctic than in Arctic research.

China's Arctic policy document is thorough and specific, reflecting a longstanding process of developing regional priorities and defining four principles: respect, cooperation, win—win results, and sustainability. “Respect” and “cooperation” refer primarily to international institutions, notably the UN Law of the Sea Convention (LOSC) and the network of “global, regional, multilateral and bilateral channels” for facilitating joint endeavors [China's Arctic Policy, 2018, part III]. Reciprocity is highlighted — that coastal states must respect the rights that non-Arctic states enjoy in the region—a point reiterated in official Chinese statements on the Arctic over the past decade. A speech by the Assistant Minister of Foreign Affairs, Hu Zhengyue, on a visit to Svalbard in 2009 was the first prominent articulation of how China perceives its role in this region. Only slightly modified, this speech titled “China's view on Arctic cooperation” was published on the Ministry website, indicating that it represented official policy [Bekkevold, 2015]. Like the 2018 policy document, the 2009 speech reflects China's longstanding foreign-policy line of reassuring the outside world that it accepts the international order [Zhang Feng, 2012; Chen, 2011]. Three points emphasized by the Assistant Minister in 2009 are no less prominent in the 2018 official policy document: the requirements un-

der LOSC for cooperation with non-Arctic states on matters such as shipping, the gains derivable from joint scientific research and peaceful pursuit of win—win opportunities, and the transregional effects of Arctic environmental change [Hu, 2010].

How one's own country is affected by Arctic environmental change is a prominent and recurrent feature of all Asian-state policy statements on the Arctic, explicitly justifying a greater scientific presence in the region and implicitly suggesting some level of stakeholder saliency [Stokke, 2014; Roseth, 2014; Jakobson and Peng, 2012].

The third principle put forward in Chinese policy, “win—win results”, has become increasingly prominent in official statements and was in 2015 already cited among the central norms underlying China's practice in the Arctic [Zhang, 2015]. The term, with variants like “common interest” or “mutual benefit”, occurs throughout China's Arctic policy document. Also the final principle, “sustainability”, present in early statements, has become more elaborate and pronounced with time — in the policy document, references to sustainability or environmental or ecological protection are outnumbered only by those to “China”.

China's Arctic policy devotes considerable attention to maritime transport, and makes some bold claims: “The utilization of sea routes and exploration and development of the resources in the Arctic may have a huge impact on the energy strategy and economic development of China ... (and) China's capital, technology, market, knowledge and experience is expected to play a major role in expanding the network of shipping routes in the Arctic and facilitating the economic and social progress of the coastal States along the routes”[China's Arctic Policy, part II]. Shipping is mentioned first among the economic sectors of interest to China—but references to the economy appear only *after* China's policies and positions concerning scientific research and protection of the Arctic environment are elaborated. Highlights include the “constructive role” China has played in “the formulation of Arctic-related international rules”, presumably including the negotiation of the legally binding Polar Code under the International Maritime Organization, as well as the “Polar Silk Road” branch of the broader infrastructure project known as the Belt and Road Initiative (see below).

The four principles articulated in China's Arctic policy sit well with Bennett's argument that China is systematically building two mutually re-

inforcing narratives to gain legitimacy as a regional stakeholder: one territorial, highlighting its “near-Arctic” location and involvement in Arctic research, and one globalist, highlighting the extra-regional impacts of Arctic change [Bennett, 2015].

Bureaucratic involvement

China’s slow pace in publishing an Arctic policy document is in line with its generic foreign-policy approach, originally advanced by Deng Xiaoping, of seeking to avoid unnecessary alarm about the country’s gradually increasing financial and geopolitical weight [Chen, 2011, Peng and Wegge, 2015; Tonami; Zhang, 2012]. It also reflects the high degree of fragmentation typical of Chinese foreign policy, with the Party, the government, and the military offering largely separate paths for influencing the many issues that never reach the main coordinating mechanism, the Leading Small Group for Foreign Affairs [Kim, 2012; Chen, 2011].

In the development of China’s Arctic policy, no single bureaucratic entity has had an aggregating role—and the ministry responsible for shipping has not been much involved. The Ministry of Foreign Affairs coordinates China’s participation in the Arctic Council as well as its “track-2” level of Arctic diplomacy—attendance at salient international Arctic conferences arranged by non-governmental organizations. Two salient track-2 annual events are the Arctic Frontiers in Tromsø (Norway) and the Arctic Circle in Reykjavik (Iceland); China has used both venues for articulating its views on Arctic affairs [Su and Lanteigne, 2018]. Since 2017, the ministry has had a special representative for Arctic affairs, but the governmental agency with the broadest scope of Arctic-relevant expertise, widely portrayed as the pivotal player in China’s Arctic activities, was the State Oceanic Administration (SOA) under the Ministry of Land and Resources [Jakobson and Peng, 2012; Zhang, 2012]. The SOA was responsible for marine research, marine environmental protection, as well as some maritime industries other than shipping proper. It was also the lead agency for the Chinese Arctic and Antarctic Administration, orchestrator of polar expeditions, and headed the Chinese Advisory Committee for Polar Research (CACPR). In 2018, the ministerial structure was changed: the SOA was dismantled, and most of its functions were transferred to the new Ministry

of Natural Resources [State Council, 2018]. The Chinese Arctic and Antarctic Administration became an agency under this Ministry.

Because the CACPR serves as a linchpin between polar research organizations and relevant governmental or military bureaucracies, institutional membership offers a low-threshold indicator of Arctic interest among Chinese agencies. Interestingly, China's Ministry of Transport, responsible for the world's biggest shipping industry, which is often portrayed as eyeing northern sea routes with special interest, is not among the CACPR members—unlike a large number of other ministries or agencies under the State Council, as well as the People's Liberation Army Headquarters of the Central Staff [Wang, 2018].

Economic commitment

Rather than focusing on Arctic opportunities, an analysis of the material interests that China may have in Arctic sea routes must start with its maritime policies and the shipping-sector characteristics. Only this point of departure can provide a realistic picture of the extent of interest in Arctic shipping and help clarify whether other factors, like geopolitical considerations, affect China's involvement in Arctic shipping.

When the Northern Sea Route (NSR) was opened to foreign vessels in 1991, the international shipping community showed little interest — partly due to unattractive commercial and administrative conditions but also to the perception that ice remained a major obstacle, posing severe risks likely to generate prohibitive insurance costs [Sæther, 2000]. Twenty years later, the combination of climate change, receding ice-cover, and rising prices on Arctic natural resources had drastically boosted global interest in the NSR. Russian authorities had begun promoting it actively, and several practical steps had improved conditions for international usage [Moe, 2014]. The first transit sailing through the entire route without entering a Russian port occurred in 2010. Steadily rising numbers of international sailings took place in subsequent years, some using the entire North-East passage but most bringing raw materials from Russian ports to Europe or Asia. A host of scholarly articles appeared, most of them concluding that the NSR could become a regular transport route in the near future (e.g. [Verny and Grigentin, 2009]).

Concrete shipping activities

Shipping opportunities in the Arctic also attracted industrial attention in China. In 2010 L. Jakobson identified an internal Chinese debate beginning around 2008 on China's role in the Arctic, with an emphasis on maritime issues and especially the attraction of a shorter sailing route to Europe and the US East Coast [Jakobson, 2010]. Subsequently, several articles were published in English-language journals, detailing the attractions of a shorter sailing route to the Atlantic and giving the outside world an impression of strong Chinese commitment to exploring the Arctic routes. Zhang and associates argued that, under certain conditions, container traffic on the Northern Sea Route could reach up to 1180 million TEUs by 2030, corresponding to 50 % of expected volumes between the North Pacific and Northwestern Europe [Zhang et. al., 2013]. (TEU refers to the twenty-foot equivalent unit used to indicate the capacity of container ships and terminals). Such huge figures took on a life of their own and were soon interpreted as official predictions rather than the theoretical exercise they in fact were [Zhou, 2013; China plans, 2013]. The impression of a comprehensive Chinese maritime strategy towards the Arctic was reinforced by the cruise in August/September 2012 by the Chinese icebreaker research vessel *Xuelong* (Snow Dragon) belonging to the Polar Research Institute of China, for the first time traversing the Arctic Ocean, including the NSR [Icebreaker Xuelong, 2012]. Chinese interest in commercial exploitation of Arctic shipping was also reflected in the effort to send a ship through the NSR on an experimental voyage in 2013. The journey with the combined bulk carrier/container ship *Yong Shen* in August/September 2013 drew headlines worldwide. *China Daily* quoted industry experts as saying: "Cosco Shipping Co's new shortcut route to Europe and North America via the Arctic Northeast Passage is expected to change China's industrial layout in its coastal provinces and reshape the prospects for the global shipping sector" [Arctic trade, 2013].

But how strong was the commitment by the Chinese shipping sector? In sharp contrast to the optimistic projections by Chinese scholars, interviews and surveys among Chinese shipping companies conducted in 2013 indicated a striking dis-interest in Arctic routes among Chinese shipping companies [Huang et. al., 2015]. COSCO was the sole company to announce specific plans for exploring the NSR, with the *Yong Shen* sailing as

the only one scheduled. However, in 2015, COSCO—which presents itself as the world’s largest maritime operator and provider of logistics services—announced that it would start a regular container shipping service through the Arctic [China plans, 2015] and in early 2016 it agreed with the ABS classification society on trans-arctic shipping development, aiming to “expand COSCO’s use of the Northeast Passage for more regular trading, explore navigation in Northwest Passage, and develop ice-classed vessels”. [ABS, COSCO Sign, 2016]

Such statements can be interpreted as expressions of keen interest in Arctic shipping from a major player. However, actual shipping activity has remained modest. In 2014, not a single ship under Chinese flag transited the whole NSR, in 2015 only one (*Yong Shen* again) completing two transits. In 2016 an additional vessel — *Tian Xi* — was employed. The two ships completed six transits [Centre for High North Logistics]. In 2017 there were three sailings westwards and two eastwards [Balmasov, 2018], and in 2018 four in each direction [Chen, 2019].

Chinese companies have also been engaged in destination shipping. In 2012 and 2013 there were, respectively, five and four sailings into China; six and two out of China. In 2014 there was no traffic; 2015 and 2016 saw two and five destination sailings respectively [Balmasov, 2017]. The actual numbers were higher in 2017, perhaps as many as 12 [Balmasov, 2018], including also other Chinese shipping companies than COSCO. The accuracy of all figures for reported sailings can be questioned because of unclear definitions, but it is clear, that most of the destination sailings went to Sabetta, with materials and equipment for the port and the Yamal Liquefied natural gas plant. These transports were conducted mainly by COSCO’s division for ultra-heavy and super-large transport. That development project was completed in 2017, but extension of the Sabetta port and new hydrocarbon development projects in the same region will spur demand for similar shipping services.

Shipment of liquefied natural gas (LNG) from Yamal is in itself giving a large boost to Arctic destination shipping, and Chinese shipping companies will be heavily involved. There are Chinese owner interests in 14 of the 15 icebreaking LNG carriers constructed or under construction in South Korea. Chinese companies are partnering in three joint ventures with shipping companies from Japan, Greece and Canada—but all the carriers will be operated by the non-Chinese partners. That arrangement unders-

cores China's lack of experience in Arctic shipping operations, but also the financial strength of Chinese companies and their determination to take part in projects that can be termed "strategic".

All the same, Chinese shipping activity in the Arctic falls short of the expectations created a few years ago. There has been no boom in Chinese Arctic shipping—certainly not in the container segment that formed the basis for those expectations. China's very modest use of the NSR for transit must be seen in connection with the generally weak development of international transit traffic there, the annual number of full international NSR transits, defined as sailing from a non-Russian port directly to a non-Russian port, remain very limited.

In addition, problems in the Chinese shipping industry unrelated to the Arctic have played a role. Soon after the trial journey in 2013, it became clear that COSCO was in deep financial trouble due to over-contracting of ships [China COSCO, 2013]; in late 2015, it was announced that the company would merge with China Shipping Group, another state-owned shipping holding [China's cabinet, 2015]. The merger entailed a major reorganization of the state-owned Chinese shipping industry, spurred by overcapacity in the global shipping market.

Moreover, the ultimate potential of the NSR for China may be questioned. As noted by Humpert, "trade with Northern Europe, the region most relevant to Arctic shipping, accounts for just 2.9 percent of China's international trade" [Humpert, 2013]. There is little bulk trade between the regions, and container shipping, which has the largest cargo potential, has operational and commercial limitations in the Arctic, because of unpredictable ice conditions, depth restrictions and lack of markets *en route*. Since 2013, announcements of upcoming container routes have tended to be brief and unspecific on implementation schedule, scope and service frequency, indicating that COSCO prefers to keep longer-term options open. But in 2018, the company announced that three new 36,000 DWT ice-class multi-purpose carriers¹ would be ready in the course of the year [Arctic Shipping Route Normalization, 2018]. Intended as the company's main operating ships in the Arctic, they will be used to establish a route

¹ Deadweight tons (DWT) — грузоподъемность судна в тоннах. Здесь имеются в виду многоцелевые суда ледового класса грузоподъемностью 36 тыс. тонн (Прим. ред.).

with three to four westbound and four to six eastbound voyages annually [Arctic Shipping Route Normalization, 2018]. COSCO realizes that the ships will not be filled up with cargo initially; the company is prepared to conduct a loss-making operation for some time—not unusual in connection with Chinese infrastructure investments. This is clearly an important step, but a relatively cautious one.

How much of this development is commercially driven, and how much is dictated by political priorities? A company like COSCO must take political signals into account. According to the head of the State-Owned Assets Supervision and Administration Commission of the State Council (SASAC), which is the chief regulator of Chinese state-owned assets, “state firms should become ‘the most trustworthy’ entities upon which the party and the country rely and an important force for China’s ambitious trade and infrastructure strategy, known as the Belt and Road initiative” [Wu, 2017]. This implies that state companies will invest some of their resources to help realize the government’s ambitions.

The Polar Silk Road

The framework for China’s international transport initiatives is the far-flung BRI (*Silk Road Economic Belt and Maritime Silk Road*) initiative first presented in 2013. The initiative — or plan— is a broad policy for integrating China with world markets, including the establishment of new transport routes. At the core is a vision of new railway, road and pipeline connections via central Asia and Russia to Europe, with new shipping and logistics chains in Asia [One belt, one road, 2015]. In the 2015 Action Plan released jointly by the National Development and Reform Commission, the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Commerce, the list of potential infrastructure and logistics developments was very long—but the Arctic was *not* mentioned [Vision, 2015]. True, the Silk Road Fund, established in 2014, has invested in the Yamal LNG project in Russia’s Arctic, indicating, according to Bennett, that the initiative is also about access to resources [Bennett, 2015]. In the 13th Five-Year Plan for Marine Development (2016—2020), however, Arctic shipping was not mentioned at all [NDRC and SOA, 2015].

Things changed when a new “Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative” was released on June 20, 2017. It stated that “Another blue economic passage is also envisioned leading up to Europe via the Arctic Ocean” [Full text, 2017]. There has been some discussion about the origin of this initiative, with Chinese sources indicating that it was initially a Russian idea [Yang and Tillman, 2018]. Considerable frustration existed in Russia that the BRI seemed to entail the establishment of new transport routes largely bypassing Russia, at a time when Russia had ambitious ideas for developing its NSR. In the autumn of 2015 deputy premier Dmitry Rogozin, who had a coordinating role in Russia’s Arctic policy, proposed the creation of a “Cold Silk Road”, explicitly linking the NSR to the Belt and Road Initiative [Rogozin, 2015a, b]. However, China seemed reluctant to extend the BRI to the Arctic; and it was only with the “Vision document” in June 2017 mentioned above that China declared interest, but without specific commitment to develop the route: “China supports efforts by countries bordering the Arctic in improving marine transportation conditions, and encourages Chinese enterprises to take part in the commercial use of the Arctic route”. [Full text, 2017]. This formulation places the Arctic route in a different category than other maritime Silk Road stretches where specific investments and diplomatic efforts are underway. Gao Feng, China’s special representative for the Arctic, reportedly remarked that it was Russia who asked China to add the Northern Sea Route to the Belt and Road initiative [DeGeorge, 2018]. When Xi Jinping met Prime Minister Medvedev in November 2017, support for a Polar Silk Road was couched in very general terms in the official statement [Zhang & Zhang, 2017].

China’s long-awaited 2018 Arctic policy document again encouraged Chinese enterprises “to participate in the infrastructure construction for these routes and conduct commercial trial voyages in accordance with the law to pave the way for their commercial and regularized operation”. [China’s Arctic Policy, 2018: Para. IV.3]. But the document strongly stressed international cooperation in developing Arctic shipping routes and did not mention Russia specifically. It seems that Chinese authorities do not want their vision of a Polar Silk Road — or a “Silk Road on Ice” — to be seen as an appendix to Russian plans, although they realize that Russia must play a key role in any development of trans-Arctic shipping for the foreseeable future.

Since then the “Polar Silk Road” (PSR) has expanded to become a framework for Chinese ideas about increased connectivity as well as economic development in the Arctic, and China has been seeking endorsement for the ideas also from other Arctic countries than Russia. These efforts have had limited success, an important reason being that PSR has become so all-encompassing and vague that it is difficult to say what signing up to the PSR really means. Norwegian officials have explicitly stated that Norway has joined neither the BRI nor the PSR, but will review individual projects. Denmark has rejected a Chinese proposal to invest in an airport in Greenland, linked to the Polar Silk Road concept [Greenlands picks, 2018]. Finland and Iceland have been more forthcoming, though.

Even as PSR continues to be highlighted by Chinese officials linked to China’s Arctic policy-making [Nilsen, 2019], the Polar Silk Road, and indeed the Arctic in general, was conspicuously absent in the long list of “deliverables” from the Second Belt and Road Forum for International Cooperation, held in Beijing in April 2019, with President Putin as well as President Xi present [List of deliverables, 2019]. (Russia was mentioned 16 times in the document). This could be interpreted as the Chinese taking a step back, recognizing that PSR is an immature concept, which should not be identified too closely with the more developed elements of BRI.

Summing up China’s shipping interests

Even if the development of Arctic shipping corresponds with China’s broad policy goals, we find no evidence that Arctic options enjoy high priority. Chinese shipping companies are encouraged—but not strongly—to take part in Arctic shipping. To Chinese policymakers, it would appear commercially advantageous for Chinese companies to be involved in the opening of a new international transport route, and cooperation in developing NSR infrastructure would sit well with the numerous proposals under the Russian—Chinese partnership agreement on more Chinese foreign direct investment in Russia [Bennett, 2015]. A financial mechanism was created in 2018 with a USD 9.5 billion credit line from China, aimed at “joint integration processes on the area of the Eurasian Economic Union and the Chinese Belt and Road initiative”, with the NSR mentioned as a priority [Staalesen, 2018]. However, even if commitments to this Arctic seaway

would be positive for bilateral relations with Russia, the Chinese authorities are unlikely to undertake large-scale investments without serious consideration of the long-term commercial potential. For Chinese commercial shipping companies, the time horizon in evaluating profitability is a short one. The steps they are taking are important in an Arctic context, but very small and cautious measured against the global activities of Chinese shipping. There are also political obstacles in the bilateral relationship that may slow down developments. Chinese representatives have occasionally alluded to the need for some sort of joint management of the NSR, if China is to invest heavily in infrastructure [Sevmorput', 2016; *Bennett*, 2017]. This has remained totally unacceptable to Russia.

China's interest in Arctic shipping is real but cautious, and expectations are considerably lower today than in 2012/2013. Despite optimistic projections, transits through the entire North-East passage have remained rare; the only large-scale financial commitments by Chinese operators to Arctic shipping opportunities are the investments in custom-made ice-breaking gas carriers serving the major resource development project in the Russian North, Yamal LNG.

Shipping is not quite as powerful as driver of the Arctic aspirations pursued by China as many believe. Soberness in evaluating maritime business opportunities is evident. China's Arctic policy is upbeat on Arctic shipping options, subsuming them under the larger Belt and Road Initiative as a "Polar Silk Road". However, the Chinese shipping industry's actual moves into the region have been cautious.

The political attention China pays to the Arctic is clearly rising, but not as steeply as the rise in attention to Asia among Arctic-policy analysts. Claims to saliency as Arctic stakeholder are based primarily on the effects of Arctic climatic developments on Chinese territory and on the rights all non-coastal states enjoy under international law. However, China also emphasizes its own contributions to scientific investigations in the Arctic as well as the relevance of their capital and technology for regional economic development. In China's policy document, those reasons are reinforced by explicit references to its own prominence in global governance and international affairs. China underscores that it fully respects the sovereign rights of coastal states and has not explicitly challenged the unilateral shipping regulations that Canada and Russia have established for ice-covered waters adjacent to their coasts. At regional and global levels China has ma-

intained a relatively low profile, in shipping-oriented activities under the Arctic Council and in the negotiations of a legally binding Polar Code under the International Maritime Organization.

Библиографический список

Нильсен Томас. Китай хочет играть более активную роль в Арктике // Новостной портал The Barents Observer. 14.05.2019. URL: <https://thebarentsobserver.com/ru/arktika/2019/05/kitay-hochet-igrat-bolee-aktivnyuyu-rol-v-arktike> (дата обращения: 27.05.2019).

Рогозин предложил создать «холодный Шелковый путь» // Lenta.ru. 07.12.2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/12/07/rogozin/> (дата обращения: 27.05.2019).

Рогозин: Северный морской путь — перспективный проект работы с КНР // РИА-Новости. 12.10.2015. URL: <https://ria.ru/20151012/1300440612.html> (дата обращения: 27.05.2019).

Севморпуть требует особой ответственности // Морские вести России. 2016, № 6. URL: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=63778> (дата обращения: 27.05.2019).

Цюаньго хайян цзинци фачжань «шисаньбу» гуйхуа : [13-й пятилетний план национального морского развития] // Гоцзя фачжань гайгэ вэй гоцзя хайян : [Государственная морская администрация и Комиссия национального развития и реформ]. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbghwb/201705/U020170516530439547022.pdf> (дата обращения: 27.05.2019). (На кит. яз.).

ABS, COSCO Sign Cooperation Agreement // Press Release, American Bureau of Shipping, February 2, 2016. URL: <http://portnews.ru/news/213948/> (accessed: 27.05.2019).

Arctic Shipping Route Normalization // COSCO Shipping Specialized Carriers Co. Presentation. Oslo, March 9, 2018.

Arctic trade route opens // China Daily, 10.08.2013. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-08/10/content_16884390.htm (accessed: 27.05.2019).

Balmasov S. Detailed analysis of ship traffic on the NSR in 2017 based on AIS data, presentation at Arctic Shipping Forum, Helsinki, April 17, 2018. URL: http://arctic-l.io.com/wp-content/uploads/2018/10/Sergey_Balmasov_17-04-18_Helsinki.pdf

Balmasov S. Detailed analysis of the 2016 season at the NSR Ship movements based on AIS data, presentation at Arctic Shipping Forum, Helsinki, April 25, 2017. URL: http://arctic-l.io.com/wp-content/uploads/2018/05/news_2017-04-25_Helsinki.pdf

Bekkevold Jo Inge. High North: High Politics or Low Tension // Asian Countries and the Arctic Future / Leiv Lunde, Jian Yang and Iselin Stensdal (eds). Singapore: World Scientific Publishing, 2016. 341 p.

Bennett Mia. China's Belt and Road Initiative Moves into the Arctic // Cryopolitics, 2017, June 27. URL: <https://www.arctictoday.com/chinas-belt-and-road-initiative-moves-into-the-arctic> (accessed: 27.05.2019).

Bennett Mia. How China Sees the Arctic: Reading between Extraregional and Intraregional Narratives // Geopolitics. 2015. № 20.

Bennett Mia. The Silk Road Goes North: Russia's role within China's Belt and Road Initiative // Journal of Area Development and Policy. 2015. № 1.

Centre for High North Logistics (CHNL) / NSR (Northern Sea Route) Information Office. April 25, 2017.

Chen Feng. Sustainable Arctic Shipping Service by COSCO Shipping Specialized Carrier // Presentation at Arctic Circle China Forum. Shanghai. 9 May, 2019.

Chen Gang. China's Emerging Arctic Strategy // Polar Journal. 2011. № 2.

China Cosco director quits amid probe // South China Morning Post. 09.11.2013.

China plans first commercial trip through Arctic shortcut in 2013 // Reuters. 12.03.2013. URL: <http://www.reuters.com/article/shipping-china-idUSL6N0C4F9720130312> (accessed: 27.05.2019).

China plans regular shipping services through Arctic // AFP. 27.10.2015. URL: <https://www.yahoo.com/news/china-plans-regular-shipping-services-arctic-072716590.html> (accessed: 27.05.2019).

China's Arctic Policy // The State Council Information Office of the People's Republic of China. Beijing, 2018. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 27.05.2019).

China's Cabinet Approves Merger of Cosco Group // China Shipping / Bloomberg, December 11, 2015. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-12-11/china-s-cabinet-approves-merger-of-cosco-group-china-shipping> (accessed: 27.05.2019).

DeGeorge Krestia. Why Asia and Europe are positioned to define the future of the Arctic // Arctic Today. 20.12.2018. URL: <https://www.arctictoday.com/asia-europe-positioned-define-future-arctic/> (accessed: 27.05.2019).

Full text: Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative // Xinhua. 20.07.2018. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-06/20/c_136380414.htm (accessed: 27.05.2019).

Greenland picks Denmark as airport project partner over Beijing // Reuters. 10.09.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-greenland/greenland-picks-denmark-as-airport-project-partner-over-beijing-idUSKCaand-pic> (accessed: 27.05.2019).

Hu Zhengyue: China's View on Arctic Cooperation / Ministry of Foreign Affairs of the PRC. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/tyfls_665260/tfsxw_665262/t812046.shtml (accessed: 27.05.2019).

Huang Linyan, Lasserre Frederic, Alexeeva Olga. Is China's interest for the Arctic driven by Arctic shipping potential? // *Asian Geographer*. 2015. № 32.

Humpert M. The Future of Arctic Shipping: a New Silk Road for China? Washington, DC: The Arctic Institute, 2013.

Icebreaker Xuelong concludes Arctic expedition // *China Daily (USA)*. 27.09.2012. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2012-09/27/content_15787867.htm (accessed: 27.05.2019).

Jakobson Linda. China Prepares for an Ice-Free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*. 2010. № 2.

Jakobson Linda, Jingchao Peng. China's Arctic Aspirations // *SIPRI Policy Paper*. 2012. № 34.

Kim Heungkyu. Principles and Practices in Chinese Foreign Policymaking: Implications for its South Korea Policies // *Korean Journal of Defense Analysis*. 2012. № 24.

List of Deliverables of the Second Belt and Road Forum for International Cooperation. Beijing, 25—27 April, 2019. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0427/c36-1312.html> (accessed: 27.05.2019).

Melia N., Haines K., Hawkins E. Sea Ice Decline and 21st Century Trans-Arctic Shipping Routes // *Geophysical Research Letters*. 2016. № 43.

Menon and DNV GL. The Leading Maritime Nations of the World 2018. URL: <https://www.dnvgl.com/maritime/publications/leading-maritime-nations-of-the-world-2018-study.html> (accessed: 27.05.2019).

Moe Arild. The Northern Sea Route: Smooth Sailing Ahead? // *Strategic Analysis*. 2014. № 38.

“One belt, one road”: China's great leap outward // *China Analysis, European Council on Foreign Relations*. 2015, June. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/China_analysis_belt_road.pdf (accessed: 27.05.2019).

Peng Jingchao, Wegge Njord. China's bilateral diplomacy in the Arctic // *Polar Geography*. 2015. № 38.

Roseth Tom. Russia's China Policy in the Arctic // *Strategic Analysis*. 2014. № 38.

Sæther Rolf. What Do We Need? The Shipping Industry's Views on the Northern Sea Route's Potential and Problems // *The 21st Century — Turning Point for the Northern Sea Route?* / Ed. Claes Lykke Ragner. Dordrecht: Kluwer Academi, 2000. P. 35—38.

Staalesen Atle. Chinese Bank Invests in Russia's Northern Sea Route // Eye on the Arctic, June 12, 2018. URL: <http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2018/06/12/china-russia-arctic-shipping-infrastructure-northern-sea-route> (accessed: 27.05.2019).

State Council 2018. China to set up ministry of natural resources. URL: http://english.gov.cn/state_council/ministries/2018/03/13/content_281476076304160.htm (accessed: 27.05.2019).

Stokke Olav Schram. Asian Stakes and Arctic Governance // Strategic Analysis. 2014. № 38.

Su Ping, Lanteigne Marc. China's Developing Arctic Policies: Myths and Misconceptions // Journal of China and International Relations. 2018. № 3.

Tonami Aki. Asian Foreign Policy in a Changing Arctic: The Diplomacy of Economy and Science at New Frontiers. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2016. xv + 140 p.

Verny C., Grigentin Jerome, Grigentin Christophe: Container shipping on the Northern Sea Route // International Journal of Production Economics. 2009. № 122. P. 107—117.

Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st-century Maritime Silk Road" / National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People's Republic of China (with State Council authorization), March, 2015. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed: 27.05.2019).

Wang Chuanxing. Tongji University, personal communication, 17 December, 2018.

Wu Wendy. How the Communist Party controls China's state-owned industrial titans // South China Morning Post. 17.07.2017. URL: <http://www.scmp.com/news/china/economy/article/2098755/how-communist-party-controls-chinas-state-owned-industrial-titans> (accessed: 27.05.2019).

Yang Jian, Tillman Henry. On the International Cooperation in the Framework of Polar Silk Road, Arctic and Beyond — Pathways to the Future. Seoul/Honolulu, Korea Maritime Institute/East—West Center, 2018.

Zhang Feng. Rethinking China's Grand Strategy: Beijing's Evolving National Interests and Strategic Ideas in the Reform Era // International Politics. 2018. № 49.

Zhang Ming. China in the Arctic: Practices and Policies. Presentation at 2015 Arctic Circle Assembly. Reykjavik, 16—18 October, 2015.

Zhang X., Shou J., Zhou H. Scale and Scope of Maritime Cargoes through the Arctic Passages // Advances in Polar Science. 2013. № 24. P. 158—166.

Zhang Yunbi, Zhang Yue. Xi Backs Building of Polar Silk Road // China Daily. 02.11.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/xismoments/2017-11/02/content_34012484.htm (accessed: 27.05.2019).

References

- ABS, COSCO Sign Cooperation Agreement (2016), *Press release, American Bureau of Shipping, February 2*. URL: <http://portnews.ru/news/213948/> (accessed: 27 May, 2019).
- Arctic Shipping Route Normalization (2018), *COSCO Shipping Specialized Carriers Co. Presentation*, Oslo, March 9.
- Arctic trade route opens (2013), *China Daily*, August 10. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-08/10/content_16884390.htm (accessed: 27.05.2019).
- Balmasov, S.* (2017). Detailed analysis of the 2016 season at the NSR Ship movements based on AIS data, presentation at Arctic Shipping Forum, Helsinki, April 25. URL: http://arctic-lio.com/wp-content/uploads/2018/05/news_2017-04-25_Helsinki.pdf
- Balmasov, S.* (2018). Detailed analysis of ship traffic on the NSR in 2017 based on AIS data, presentation at Arctic Shipping Forum, Helsinki, April 17. URL: http://arctic-lio.com/wp-content/uploads/2018/10/Sergey_Balmasov_17-04-18_Helsinki.pdf
- Bekkevold, Jo Inge* (2016). High North: High Politics or Low Tension, Asian Countries and the Arctic Future. Leiv Lunde, Jian Yang and Iselin Stensdal (eds), Singapore: World Scientific Publishing. 341 p.
- Bennett, Mia* (2015). How China Sees the Arctic: Reading between Extraregional and Intraregional Narratives, *Geopolitics*, No. 20.
- Bennett, Mia* (2015). The Silk Road Goes North: Russia's role within China's Belt and Road Initiative, *Journal of Area Development and Policy*, No. 1.
- Bennett, Mia* (2017). China's Belt and Road Initiative Moves into the Arctic, *Cryopolitics*, 27 June. URL: <https://www.arctictoday.com/chinas-belt-and-road-initiative-moves-into-the-arctic/> (accessed: 27 May, 2019).
- Centre for High North Logistics (CHNL), *NSR (Northern Sea Route) Information Office*, April 25, 2017.
- Chen Feng* (2019). Sustainable Arctic Shipping Service by COSCO Shipping Specialized Carrier. Presentation at Arctic Circle China Forum, Shanghai, 9 May.
- Chen Gang* (2011). China's Emerging Arctic Strategy, *Polar Journal*, No. 2.
- China Cosco director quits amid probe (2013), *South China Morning Post*, November 9.
- China plans first commercial trip through Arctic shortcut in 2013 (2013). *Reuters*, March 12. URL: <http://www.reuters.com/article/shipping-china-idUSL6N0C4F9720130312> (accessed: 27 May, 2019).

China plans regular shipping services through Arctic (2015), *AFP*, October 27. URL: <https://www.yahoo.com/news/china-plans-regular-shipping-services-arctic-072716590.html> (accessed: 27 May, 2019).

China's Arctic Policy (2018). The State Council Information Office of the People's Republic of China, Beijing. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 27 May, 2019).

China's Cabinet Approves Merger of Cosco Group, China Shipping (2015). *Bloomberg*, December 11. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2015-12-11/china-s-cabinet-approves-merger-of-cosco-group-china-shipping> (accessed: 27 May, 2019).

DeGeorge, Krestia (2018). Why Asia and Europe are positioned to define the future of the Arctic, *Arctic Today*, 20 December. URL: <https://www.arctictoday.com/asia-europe-positioned-define-future-arctic/> (accessed: 27 May, 2019).

Full text: Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative (2018), Xinhua, 20 June. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-06/20/c_136380414.htm (accessed: 27 May, 2019).

Greenland picks Denmark as airport project partner over Beijing (2018). *Reuters*, 10 September. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-greenland/greenland-picks-denmark-as-airport-project-partner-over-beijing-idUSKCN1LQ2BX> (accessed: 27 May, 2019).

Hu, Zhengyue (2010). China's View on Arctic Cooperation, Ministry of Foreign Affairs of the PRC. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/tyfls_665260/tfsxw_665262/t812046.shtml (accessed: 27 May, 2019).

Huang, Linyan; Lasserre, Frédéric; Alexeeva, Olga (2015). Is China's interest for the Arctic driven by Arctic shipping potential? *Asian Geographer*. No. 32.

Humpert, M. (2013). *The Future of Arctic Shipping: A New Silk Road for China?* Washington, DC: The Arctic Institute.

Icebreaker Xuelong concludes Arctic expedition (2012), *China Daily* (USA), September 27. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2012-09/27/content_15787867.htm (accessed: 27 May, 2019).

Jakobson, Linda (2010). China Prepares for an Ice-Free Arctic, *SIPRI Insights on Peace and Security*, No. 2.

Jakobson, Linda; Jingchao Peng (2012). China's Arctic Aspirations, *SIPRI Policy Paper*, No. 34.

Kim, Heungkyu (2012). Principles and Practices in Chinese Foreign Policymaking: Implications for its South Korea Policies, *Korean Journal of Defense Analysis*. No. 24 .

List of Deliverables of the Second Belt and Road Forum for International Cooperation (2019), Beijing, 25–27 April. URL: <http://www.beltandroadforum.org/english/n100/2019/0427/c36-1312.html> (accessed: 27 May, 2019).

Melia, N.; Haines, K.; Hawkins, E. (2016). Sea Ice Decline and 21st Century Trans-Arctic Shipping Routes, *Geophysical Research Letters*. No. 43.

Menon and DNV GL (2018). The Leading Maritime Nations of the World 2018. URL: <https://www.dnvgl.com/maritime/publications/leading-maritime-nations-of-the-world-2018-study.html> (accessed: 27 May, 2019).

Moe, Arild (2014). The Northern Sea Route: Smooth Sailing Ahead? *Strategic Analysis*. No. 38.

Nilsen, Thomas (2019). Kitaj hocet igrat' bolee aktivnuy rol' v Arktike [China wants to play a more active role in the Arctic], *The Barents Observer*, 14 May. URL: <https://thebarentsobserver.com/ru/arktika/2019/05/kitay-hochet-igrat-bolee-aktivnuy-u-rol-v-arktike> (accessed: 27 May, 2019). (In Russian).

“One belt, one road”: China's great leap outward (2015), *China Analysis, European Council on Foreign Relations*, June. http://www.ecfr.eu/page/-/China_analysis_belt_road.pdf (accessed: 27 May, 2019).

Peng, Jingchao; Wegge, Njord (2015). China's bilateral diplomacy in the Arctic, *Polar Geography*. No. 38.

Quánguó haiyáng jīngjì fāzhan “shísānwu” guìhuà (2017) [The 13th Five-year Plan of the national marine economic development], *Guójiā fāzhan gǎigé wěi guójiā haiyáng jú [The State Oceanic Administration and the National Development and Reform Commission]*. URL: <http://www.ndrc.gov.cn/zcfb/zcfbghwb/201705/U020170516530439547022.pdf> (accessed: 27 May, 2019). (In Chinese).

Rogozin predložil sozdat' ‘holodnyj Shelkovyj put’ cherez Arktiku (2015b) [Rogozin proposed to create a 'cold silk road' through the Arctic], *Lenta.ru*, December, 7. URL: <https://lenta.ru/news/2015/12/07/rogozin> (accessed: 27 May, 2019). (In Russian).

Rogozin: Severnyj morskoy put' — perspektivnyj proekt raboty s KNR (2015a) [Rogozin: the Northern sea route' — a promising project to work with China], *RIA-Novosti*, October 12. URL: <https://ria.ru/20151012/1300440612.html> (accessed: 27 May, 2019). (In Russian).

Roseth, Tom (2014). Russia's China Policy in the Arctic, *Strategic Analysis*. No. 38.

Sæther, Rolf (2000). What Do We Need? The Shipping Industry's Views on the Northern Sea Route's Potential and Problems, The 21st Century — Turning Point for the Northern Sea Route? Ed. Claes Lykke Ragner. Dordrecht: Kluwer Academi: 35–38.

Sevmorput' trebuyet oboj otvetstvennosti (2016) [The Northern sea route requires special responsibility], *Morskie vesti Rossii [Maritime news of Russia]*, No. 6. URL: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=63778> (accessed: 27 May, 2019). (In Russian).

Staalesen, Atle (2018). Chinese Bank Invests in Russia's Northern Sea Route, *Eye on the Arctic*, June 12. URL: <http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2018/06/12/china-russia-arctic-shipping-infrastructure-northern-sea-route> (accessed: 27 May, 2019).

State Council (2018). China to set up ministry of natural resources. URL: http://english.gov.cn/state_council/ministries/2018/03/13/content_281476076304160.htm (accessed: 27 May, 2019).

Stokke, Olav Schram (2014). Asian Stakes and Arctic Governance, *Strategic Analysis*. No. 38.

Su Ping; Lanteigne, Marc (2018). China's Developing Arctic Policies: Myths and Misconceptions, *Journal of China and International Relations*. No. 3.

Tonami, Aki (2016). Asian Foreign Policy in a Changing Arctic: The Diplomacy of Economy and Science at New Frontiers. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. xv + 140 p.

Verny, C.; Grigentin Jerome; Grigentin Christophe (2009): Container shipping on the Northern Sea Route, *International Journal of Production Economics*. No. 122: 107—117.

Vision and actions on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st-century Maritime Silk Road" (2015), National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People's Republic of China (with State Council authorization), March. URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (accessed: 27 May, 2019).

Wang Chuanxing (2018). Tongji University, personal communication, 17 December.

Wu, Wendy (2017). How the Communist Party controls China's state-owned industrial titans, *South China Morning Post*, 17 June. URL: <http://www.scmp.com/news/china/economy/article/2098755/how-communist-party-controls-chinas-state-owned-industrial-titans> (accessed: 27 May, 2019).

Yang Jian; Tillman, Henry (2018). On the International Cooperation in the Framework of Polar Silk Road, Arctic and Beyond — Pathways to the Future. Seoul/Honolulu, Korea Maritime Institute/East—West Center.

Zhang Feng (2012). Rethinking China's Grand Strategy: Beijing's Evolving National Interests and Strategic Ideas in the Reform Era, *International Politics*. No. 49.

Zhang Ming (2015). China in the Arctic: *Practices and Policies*, Presentation at 2015 Arctic Circle Assembly, Reykjavik, 16—18 October.

Zhang Yunbi; Zhang Yue (2017). Xi Backs Building of Polar Silk Road, *China Daily*, November 2. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/xismoments/2017-11/02/content_34012484.htm (accessed: 27 May, 2019).

Zhang, X.; Shou, J.; Zhou H. (2013). Scale and Scope of Maritime Cargoes through the Arctic Passages, *Advances in Polar Science*, No. 24: 158—66.

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10016

Л.В. Филиппова

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЯ В АРКТИКЕ

Аннотация. Существенный рост интереса Китая к Арктике в последние десятилетия можно объяснить тремя основными блоками интересов. Это залежи полезных ископаемых, новые морские пути и необходимость научных исследований. Очевидными приоритетами являются первые две составляющие, в то время как третья обеспечивает легитимацию растущего присутствия Китая в Арктическом регионе, обусловленного новыми геополитическими устремлениями КНР. В связи с этим в статье ставится задача оценить арктический научный потенциал Китая в его динамике, а также определить взаимосвязь между его развитием и усилением роли КНР в Арктике в целом. Для этого автор подробно рассматривает основные этапы научно-исследовательской деятельности Китая в Арктике, формировавшейся уже после начала активной фазы его исследований по Антарктике. Так, одним из переломных этапов в развитии арктических научных исследований КНР можно считать начало перехода от изучения природно-климатических проблем к оценке коммерческого и военно-стратегического потенциала региона, наметившегося после того, как российская научно-исследовательская экспедиция установила в 2007 г. российский флаг на Северном полюсе. Это событие тоже стало причиной особого интереса китайской стороны к развитию научного диалога с Россией по арктическим вопросам.

Автор также рассматривает эволюцию национальных институтов арктических исследований с конца 1980-х годов, отмечает ход

арктических научных экспедиций КНР (в том числе Девятой национальной экспедиции 2018 г.) и проводит инвентаризацию объектов арктической инфраструктуры Китая, обращая внимание на планы по их дальнейшему расширению. Кроме того, в статье характеризуется деятельность КНР в международных арктических научных проектах — как в рамках международных научных организаций регионального сотрудничества, так и в двусторонних и малых многосторонних формах взаимодействия. При этом особое внимание автор уделяет развитию российско-китайского научного диалога, наиболее активно развивающемуся в последние годы. На основе собранных данных автор показывает, как КНР наращивала инвестиции в арктические научные программы, трансформируя их в конкретные научно-технологические достижения и разработки, и как постепенно возрастало значение арктического вектора в блоке китайских полярных исследований. В первую очередь именно благодаря этим факторам за относительно короткий, 30-летний, срок Китай сумел превратиться из страны, далекой от самостоятельных исследований Арктического региона, в «околоарктическое государство» (или «приарктическое государство» в зависимости от перевода) — значимого игрока в регионе с собственной развитой инфраструктурой и накопленными арктическими знаниями.

Ключевые слова: Арктика, Северный Ледовитый океан, полярная наука, арктическая наука, российско-китайское сотрудничество, арктическая научная станция «Хуанхэ», китайские арктические экспедиции.

Автор: Филиппова Людмила Викторовна.

E-mail: filippova.lyudmila@gmail.com

L. V. Filippova

China's Arctic Research Potential

Abstract. The growth of China's interest towards the Arctic over the past decades can be explained by three main driving factors: mineral assets, new sea routes and the need in scientific research. The first two components are obvious priorities, while the third one legitimizes the rising presence of China in the Arctic region fueled by the country's new geopolitical aspirations. In this regard, the paper aims to assess China's Arctic scientific potential by following it in dynamics, as well as to determine its impact on the overall changing global role of the PRC. To this end, the

author examines in detail the main stages of China's research activities in the Arctic, which evolved from the Antarctic research of China. The beginning of one of the stages was associated with the transition from studying the Arctic natural status to assessing its regional business and strategic potentials what was inspired by the fact that Russian research expedition planted the Russian flag in the North Pole seabed in 2007. This event, among other things, gave rise to China's special interest in promoting scientific dialogue with Russia on the Arctic issues. The author also points out the evolution of the Chinese Arctic research institutes since the late 1980s, compares nine China Arctic National Research Expeditions and gives an update on China's regional infrastructure, drawing particular attention to its intended further expansion. In the paper, special attention is paid to the Chinese contribution to a broader international scientific effort on the Arctic, both as part of international scientific organizations' activities and/or bilateral and exclusive multilateral scientific dialogue. Basing on the data collected, the author demonstrates how China's increased investment in Arctic scientific programs has been transferred into specific scientific and technological achievements and how the importance of the Arctic research has gradually increased within the block of Chinese Polar research. The author concludes that these factors allowed China to turn from a country with limited Arctic research interest into a "near-Arctic state", a notable player in the region with its own developed infrastructure, knowledge of the Arctic and significant research potential as well.

Keywords: the Arctic, Arctic Ocean, Polar science, Arctic science, Russia—China collaboration, Arctic Yellow River Station, CHINARE.

Author: Liudmila V. FILIPPOVA

(e-mail: filippova.lyudmila@gmail.com).

Рост интереса Китая к Арктике в последние десятилетия обусловлен тремя основными факторами. Это залежи полезных ископаемых в регионе, новые морские пути и необходимость научных исследований. Очевидными приоритетами являются первые две составляющие, обещающие возможности для экономического роста. В то время как третья, официально объясняемая климатическими изменениями и возможным влиянием таяния арктических льдов на экологию и экосистемы Китая как «околоарктического государства» [China's Arctic Policy...], по сути обеспечивает легитимацию расту-

шего китайского присутствия в Арктике вследствие укрепления геополитических амбиций Китая как великой державы.

При этом научный интерес Китая к региону произрастает не столько из исследований самой Арктики, сколько является следствием исследований Южного полюса. Причем несмотря на растущий интерес Китая к Арктике, его усилия, направленные на изучение полярных регионов, по-прежнему распределяются по правилу Парето: на исследования Антарктики КНР направляет примерно 80 % выделенного на полярные области финансирования, а на исследования Арктики — лишь около 20 % [Lackenbauer et al., 2018]. Ежегодно Китай выделяет на полярные исследования более 60 млн долл. — больше чем, например, США [Журавель, 2016]. При учете упомянутого соотношения показатели финансирования Китаем арктических программ вряд ли превышают средние по региону, однако для неарктического государства, несомненно, являются значимыми.

Институты арктических исследований в КНР

Первый институт по полярной проблематике в Китае — учрежденный в 1981 г. Национальный комитет КНР по экспедициям в Антарктику — был напрямую инкорпорирован в структуру государственного управления. Причем только в 1996 г., когда восемь арктических государств в Оттавской декларации провозгласили создание Арктического совета, Китай — по случайному или неслучайному совпадению — принял решение расширить зону ответственности Комитета и переименовал его в Администрацию Арктики и Антарктики КНР. После реформы органов государственной власти Китая в 2018 г. орган стал подчиняться Министерству природных ресурсов КНР, курируя организацию полярных исследований и экспедиций в оба циркумполярных региона, а также отвечая за разработку стратегии, политического курса и нормативных документов, сбор соответствующей информации и данных и координацию взаимодействия с зарубежными партнерами.

В промежутке между этими двумя событиями, в 1989 г., в Китае появился первый исследовательский институт, занимающийся изу-

чением полярных регионов, — Институт полярных исследований Китая. Этот научно-исследовательский институт, базирующийся в Шанхае, проводит собственные комплексные полярные исследования, осуществляет координацию национальных полярных исследований и финансирует их, отвечает за ключевые объекты инфраструктуры, задействуемые для проведения исследований, в том числе ледоколы и научные полярные станции, а также организует национальные полярные экспедиции (*CHINARE*). В рамках Института функционирует Китайский информационный центр арктических и антарктических исследований, являющийся единственным учреждением в КНР, уполномоченным вести сбор, систематизацию и хранение материалов и данных полярных исследований. В целом Институт полярных исследований Китая выступает своего рода связующим звеном между государственными органами и научно-академическим сообществом страны [Петровский, 2016].

Арктическими исследованиями также занимаются ведущие «мозговые центры» КНР, в том числе институты Китайской академии наук, являющейся частью государственного аппарата Китая и имеющей статус министерства: Институт аэрофизики, Институт географических наук и природных ресурсов, Институт океанологии и др. Кроме того, результаты арктических исследований в области социальных наук публикуют институты Китайской академии общественных наук, подчиняющейся напрямую Государственному совету КНР. В Шанхайском институте международных исследований, уделяющем особое внимание теме международного управления Арктикой, направление арктических исследований курирует вице-президент Института профессор Ян Цзянь, что также иллюстрирует рост внимания к изучению региона. Кроме того, арктическими исследованиями в области социальных наук, в том числе изучением правового режима региона, занимается Китайский институт морских исследований, созданный в 1987 г. в рамках Государственной океанической администрации Китая¹.

¹ Решением 1-й сессии ВСНП 13-го созыва функции Государственной океанической администрации КНР и ряда других институтов были переданы специально созданному Министерству природных ресурсов Китая.

Весомый вклад в арктические исследования КНР вносит и высшая школа, включая университеты прибрежных городов Китая: Океанический университет (г. Циндао), специализирующийся на вопросах океанографии и рыболовства, Даляньский университет морских исследований, занимающийся в основном вопросами судоходства и океанологии, Сямэньский университет. Отдельные вузы подходят к изучению Арктики через призму общественных наук: это Нанкинский университет, Уханьский университет, Фуданьский университет (г. Шанхай), Университет Тонци (г. Шанхай), Шанхайский университет политологии и права, Шанхайский университет транспорта и др. [Jakobson *et al.*, 2012, p. 16]. В составе Океанического университета с 2010 г. работает Научный центр полярного права и политики под руководством профессора Го Пэйцина. Помимо него, при поддержке китайского правительства в университетах открываются новые центры для проведения арктических исследований, однако всегда в рамках общего — полярного — направления [Комиссина, 2015, с. 63].

При этом если изначально китайский научный интерес применительно к Арктике распространялся на область естественнонаучных исследований, то в последние годы заметен переход к изучению коммерческого и военно-стратегического потенциала региона. В пользу этого наблюдения говорит рост числа соответствующих проектов, одобренных Китайским фондом общественной науки — ведущей грантодающей организацией в КНР — и Полярным фондом стратегических исследований, учрежденным Администрацией Арктики и Антарктики Китая [Sun, 2014, p. 2]. Во многом эта тенденция стала отражением перехода в китайских исследованиях от изучения природно-климатических проблем к оценке коммерческого и военно-стратегического потенциала региона, наметившегося после того, как российская научно-исследовательская экспедиция под руководством члена-корреспондента РАН А.Н. Чилингарова установила в 2007 г. российский флаг на дне Северного Ледовитого океана в точке географического Северного полюса [Lackenbauer *et al.*, 2018].

В целом китайские ученые не только публикуют результаты своих исследований, но и активно привлекаются органами государст-

венной власти к разработке официальных документов, касающихся деятельности Китая по освоению Арктического региона. Конкретным примером таких усилий можно считать опубликованную в январе 2018 г. Белую книгу КНР по арктической политике, собравшую воедино многие идеи, ранее озвученные китайскими учеными [*Петровский, Филиппова, 2018*].

Арктические экспедиции и арктическая инфраструктура КНР

Опыт полярных экспедиций Китая также начался с Южного Циркумполярного региона. Так, в 1984 г. Китай организовал свою первую экспедицию в Антарктику и впервые создал научную полярную станцию «Чанчэн» («Великая стена») на о. Ватерлоо (Южные Шетландские острова) [*Headland, 1989, p. 32*]. В 1992 г. китайские ученые совместно с коллегами из Кильского и Бременского университетов (Германия) приняли участие в первой научно-исследовательской арктической пятилетней программе, что заложило основу для проведения первой самостоятельной научной экспедиции Китая в Арктику в 1999 г. на собственном ледоколе «Сюэлун» («Снежный дракон») [*Alexeeva, Lasserre, 2012*]. «Снежный дракон», крупнейший неатомный ледокол в мире, был приобретен Китаем у Украины в 1994 г. и эксплуатируется до сих пор.

Всего за десятилетие Китай совершил девять научных экспедиций в Арктику: в 1999, 2003, 2008, 2010, 2012, 2014, 2016, 2017 и 2018 г.

Первые две экспедиции включали проведение исследований в области геонауки, науки об атмосфере, океанографии, биологии, изучения ледяного покрова, результаты которых заложили основу для их будущего сравнительного анализа. Примечательно, что в редких публикациях, содержащих информацию о второй экспедиции, открыто выражается недовольство «безосновательным» отказом российских властей предоставить китайскому исследовательскому судну право на проход по Северному морскому пути [*Sun, 2018*].

Особо важным событием стало открытие Китаем, воспользовавшимся своими правами участника Договора о Шпицбергене 1920 г., научной станции «Хуанхэ» («Желтая река») в поселке Нью-Олесунн на Шпицбергене (в 2004 г.), что позволило стране получить доступ к исследованиям региона на регулярной основе.

Третья экспедиция CHINARE проводилась в рамках активного участия Китая в Международном полярном году 2007—2009 гг., которое позволило придать арктической научно-исследовательской деятельности КНР большую системность. Так, было объявлено о запуске полярной программы IPY China Program; одновременно были заявлены планы проведения экспедиций 2008 и 2010 г. Китай, принявший максимум усилий для встраивания в систему международных научных связей по изучению региона, повысил уровень национальной арктической науки и популяризировал научные и технические знания об Арктике среди населения [*Krupnik et al.*, 2011; *Yang*, 2012. P. 30—32].

В ходе четвертой экспедиции ледокол «Сюэлун» установил свой абсолютный рекорд, достигнув 88,22° с.ш. 177,2° з.д., откуда группа ученых была доставлена на Северный полюс на российском вертолете Ка-32, находившемся на борту ледокола [*Sullivan, Liu*, 2015].

В ходе вошедшей в историю экспедиции 2012 г. ледокол «Сюэлун», покинув порт Циндао, впервые совершил проход по Северному морскому пути (СМП), а на обратном пути — после участия в научных симпозиумах в Исландии — воспользовался крупнейшим в истории летним отступлением морского льда и попытался пересечь Северный Ледовитый океан через Северный полюс. Однако эту цель достичь не удалось, поскольку возможности ледокола по преодолению ледового покрытия оказались недостаточными в суровых условиях этого района [*Xuelong returns after...*]. Интересно, что в отдельных публикациях информация об этом историческом проходе по СМП соседствует с критическими замечаниями в адрес России, запретившей китайским ученым проводить морские и любые другие исследования на этом отрезке пути [*Sun*, 2018].

В рамках седьмой научной экспедиции Китая в Арктику его ученые впервые получили возможность исследовать хребет Менделеева [*Chinese Arctic Expedition...*].

Члены восьмой экспедиции CHINARE впервые пересекли центральный фарватер Северного Ледовитого океана, впервые прошли по Северо-Западному проходу, а также впервые провели мониторинг накопления пластиковых отходов, микропластика и искусственного нуклеина в арктических и субарктических районах Северного Ледовитого океана. При этом путь ледокола, явно изучавшего возможности альтернативных арктических маршрутов, прошел севернее акватории СМП [Sang, 2017]. По завершении экспедиции было официально объявлено, что теперь Китай будет направлять научные экспедиции в Арктику ежегодно [Zhang, 2017].

Членам последней на сегодня экспедиции удалось разместить первую самостоятельно разработанную Китаем беспилотную ледовую станцию и другое беспилотное оборудование для наблюдения (в том числе подводные планеры, благодаря которым Китай сможет проводить арктические исследования вплоть до зимы), запустить 750-граммовый высотный аэростат для изучения состояния воздуха, а также опробовать лазерный радар для изучения атмосферных явлений и не загрязняющий окружающую среду ледовый бур [Ke, 2018].

Предполагается, что в перспективе научные экспедиции в Арктику будут также осуществляться новым, построенным в Китае ледоколом «Сюэлун 2», который был спущен на воду в сентябре 2018 г. и который, согласно планам, будет введен в эксплуатацию в 2019 г. [Gady, 2018]. Кроме того, уже озвучены намерения по строительству Китаем атомного ледокола — при этом на сегодняшний день такими ледоколами владеет только Россия. Наличие и качество ледокольного флота становится важным фактором освоения Арктики, и планы Китая по его расширению являются очевидным отражением его растущих амбиций [Humpert, 2019].

Кроме того, в октябре 2018 г. список объектов арктической инфраструктуры КНР дополнила совместная китайско-исландская обсерватория в районе Кархолл (Исландия), ставшая второй после станции «Хуанхэ» комплексной научно-исследовательской базой Китая в регионе. Изначально предполагалось, что обсерватория будет заниматься изучением феномена северного сияния, однако впоследствии было принято решение расширить сферу ее функционирования [Schreiber, 2018].

Участие КНР в международных арктических научных проектах

Большое значение для развития арктической науки Китая имело вступление страны в 1996 г. в Международный арктический научный комитет (*IASC*). *IASC* был основан в 1990 г. научными организациями восьми арктических государств как неправительственная международная научная организация. За прошедшие годы *IASC* превратился в ведущий научный сетевой институт в Арктике, и сегодня в его состав также входит 15 неарктических стран, включая Китай. Китай — несомненный лидер в области арктических исследований среди азиатских государств. Именно Китай в 2005 г. стал страной проведения Саммита *IASC* «Неделя арктической науки».

Хотя *Arctic Circle*, учрежденный в 2013 г. по инициативе бывшего президента Исландии Оулавюра Гримсона, сложно назвать научной организацией, однако активное участие китайских ученых в его ежегодных крупных мероприятиях также способствует развитию китайской арктической науки и формированию важных сетевых научных связей. В мае 2019 г. *Arctic Circle* совместно с профильными китайскими учреждениями организовал в Шанхае форум, посвященный роли Китая в регионе. В 2019 г. КНР планирует принять участие в работе Многопрофильной дрейфующей обсерватории по изучению арктического климата (*MOSAIC*) — первой круглогодичной экспедиции в Центральную Арктику под эгидой *IASC*. В проекте будет задействован научно-исследовательский ледокол *Polarstern* (Германия), дрейфующий вместе с морским льдом. Кроме того, Китаю, несмотря на высказываемые порой опасения относительно возможного использования Пекином арктических технологий не только в научных целях [*Berglund, 2014*], удалось присоединиться к работе Научной ассоциации *EISCAT*, управляющей тремя радиолокационными системами, расположенными за Северным полярным кругом [*Pelaudeix, 2018*].

Китай не отказывается и от других форматов международного сотрудничества в области арктических исследований. Так, стоит отметить Китайско-канадский семинар, который регулярно проходит

с 2010 г.; Китайско-американский арктический форум в области общественных наук (организуется с 2015 г.); Китайско-североευропейский центр арктических исследований, с 2013 г. ставший платформой для совместных исследований институтов Китая и Финляндии, Норвегии, Исландии, Дании и Швеции. Причем до последнего времени скандинавские страны и Финляндия были для Китая наиболее эффективными «точками входа» в Арктику. С одной стороны, они обладают инфраструктурой и технологиями, необходимыми Китаю для освоения Арктики, с другой — относительно небольшие североευропейские страны далеки от великодержавной риторики и создают предсказуемые и стабильные условия для диалога (как научного, так и делового, иногда идущего с ним в связке) [Сидоров, 2018]. Однако независимо от формата взаимодействия КНР с другими арктическими игроками (двустороннего, узкоспециализированного или полноформатного многостороннего), любые научные усилия Китая в Арктике неизбежно увязываются с ключевыми положениями национальной инициативы «Пояс и путь».

Что касается российско-китайского научного диалога, то он также выстраивается как на естественнонаучном, так и социально-экономическом поле. В 2012 г. в Циндао по инициативе Научно-исследовательского центра полярного права и политики Океанического университета и при финансовой поддержке Администрации Арктики и Антарктики КНР состоялся первый Китайско-российский семинар по арктическому сотрудничеству, который с тех пор каждый год поочередно проходит в России или Китае. На стыке научного и делового взаимодействия в 2014 г. была достигнута договоренность о совместном изучении «Роснефтью» и китайской нефтегазовой корпорацией CNPC Западно-Приновоземельского участка в Баренцевом море, а также Южно-Русского и Медынско-Варандейского участков в Печорском море. Кроме того, CNPC и «Газпром» достигли соглашения по разведке нефтяных и газовых месторождений в регионе. В 2016 г. Дальневосточный федеральный университет и Харбинский политехнический университет создали совместный Полярный инжиниринговый центр. В том же году Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева ДВО РАН вместе с профильными институтами Государственной океанической админи-

страции и Океанического института КНР провели на научно-исследовательском судне «Академик М.А. Лаврентьев» Первую российско-китайскую арктическую экспедицию в Восточно-Сибирском и Чукотском морях. В 2019 г. на площадке Международного арктического форума в Санкт-Петербурге Институт океанологии РАН им. П.П. Ширшова и Национальная лаборатория по морской науке и технике (г. Циндао) подписали соглашение о создании Российско-китайского арктического научно-исследовательского центра для проведения комплексных совместных исследований в области климатологии, геологии, биохимии и др.

В целом можно утверждать, что усилия, предпринятые Россией и Китаем за последние несколько лет в области научного сотрудничества, позволили хотя бы немного сдвинуть «чашу весов» в пользу взаимодействия Китая со своим стратегическим партнером Россией, а не с североευропейскими арктическими государствами, с которыми Пекин охотно выстраивал диалог до сих пор.

В 2017 г. на министерской сессии в Фэрбанксе (Аляска) Арктическому совету удалось принять третий юридически обязывающий документ¹ — Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества [Agreement on Enhancing...]. Именно это соглашение должно в будущем стать основой интегрированных усилий по изучению Арктического региона всеми «игроками», в том числе и Китаем.

* * *

Научно-академический интерес Китая к Арктике формировался постепенно, всегда вслед за проводимыми исследованиями Антарктики, и до сих пор арктическая наука не вполне оформилась в Китае в качестве самостоятельного направления. Несмотря на значительно возросшее внимание китайского академического сообщества имен-

¹ Первыми двумя юридически обязывающими документами, принятыми Арктическим советом, стали Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике, подписанное на министерской сессии 2011 г. в Нууке (Гренландия), и Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике, подписанное на министерской сессии 2013 г. в Кируне (Швеция).

но к Северному Ледовитому океану, в стране не создаются исследовательские институты и центры, специализирующиеся сугубо на вопросах Арктики: в Китае существуют только институты полярных исследований.

Китай с 1925 г. является участником Договора о Шпицбергене 1920 г., однако на практике первые полярные институты (Администрация Арктики и Антарктики КНР и Институт полярных исследований Китая) появились только в 1980-е годы, а первая китайская научная экспедиция состоялась еще позднее — в 1999 г. Тем не менее, за столь короткий срок Китай благодаря массивным инвестициям в арктические программы и накопленным научно-технологическим наработкам сумел сформировать собственную арктическую инфраструктуру, значительно нарастив «арктический» научный потенциал и став заметным игроком в Арктическом регионе. Успехи Китая на данном направлении стоит только приветствовать, однако научно-исследовательская деятельность страны должна быть интегрирована в форматы широкого международно-регионального взаимодействия.

Библиографический список

Башкатова А. Китай ищет альтернативу Северному морскому пути // Независимая газета. 02.10.2017. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-10-02/1_7085_china.html (дата обращения: 12.05.2019).

Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112—144.

Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1 (28). С. 54—73.

Петровский В.Е. Политика Китая в Арктике // Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад № 26. М.: НИ РСМД, 2016. С. 17—30.

Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Стратегия Китая по освоению Арктики и перспективы российско-китайского сотрудничества в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXIII. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 171—182. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10013

Сидоров И. Политика Китая в Арктике и ее влияние на регион // Военно-политическая аналитика. 10.07.2018. URL: <http://vpoanalytics.com/2018/07/10/politika-kitaya-v-arktike-i-ee-vliyanie-na-region/> (дата обращения: 29.04.2019).

Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation, signed 11 May, 2017. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (accessed: 12.05.2019).

Alexeeva Olga; Lasserre Frédéric. China and the Arctic // Arctic Yearbook. 2012. P. 80—90.

Berglund Nina. Norway won't let China build radar // Views and News from Norway. 12.09.2014. URL: <https://www.newsinenglish.no/2014/09/12/norway-wont-let-china-build-radar/> (accessed: 18.05.2019).

China's Arctic Policy: White Paper. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 22.04.2019).

Chinese Arctic Expedition Team Returns Home // Chinese Academy of Sciences. 27.09.2016. URL: http://english.cas.cn/newsroom/china_research/201609/t20160927_168176.shtml (accessed: 12.05.2019).

Gady F. S. China Launches First Domestically Built Polar Icebreaker // The Diplomat. 11.09.2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/china-launches-first-domestically-built-polar-icebreaker/> (accessed: 12.05.2019).

Headland R. K. Chronological List of Antarctic Expeditions and Related Historical Events. Cambridge University Press, 1989. 730 p.

Humpert Malte. China to Use First Atomic Icebreaker as Test for Future Nuclear Aircraft Carriers // High North News. 22.03.2019. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/china-use-first-atomic-icebreaker-test-future-nuclear-aircraft-cchina-u> (accessed: 12.05.2019).

Jakobson L., Peng J. China's Arctic Aspirations. SIPRI Policy Paper, No 34 (November 2012). URL: <https://arcticportal.org/images/PDFs/SIPRIPP34.pdf> (accessed: 12.05.2019).

Ke Jiayun. Xuelong returns from Arctic expedition // Shanghai Daily. 27.09.2018. URL: <https://www.shine.cn/news/metro/1809272773/> (accessed: 12.05.2019).

Krupnik I. et al. Understanding Earth's Polar Challenges: International Polar Year 2007—2008. Summary by the IPY Joint Committee. Rovaniemi: University of the Arctic and ICSU/WMO Joint Committee, 2011.

Lackenbauer P. Whitney, Lajeunesse Adam, Manicom James, Lasserre Frederic. China's Arctic Ambitions and What They Mean for Canada. Calgary: University of Calgary Press, 2018. URL: https://prism.ucalgary.ca/bitstream/handle/1880/106384/9781552389027_web.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 12.05.2019).

Pelaudeix Cécile. Along the Road: China in the Arctic. EU Institute for Security Studies, 2018. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2013%20Arctic.pdf> (accessed: 15.05.2019).

Sang Yarong. Praise for China's Xuelong icebreaker 8th Arctic expedition. China Plus. 02.11.2017. URL: <http://chinaplus.cri.cn/news/china/9/20171102/47130.html> (accessed: 28.05.2019).

Schreiber Melody. A new China-Iceland Arctic science observatory is already expanding its focus // Arctic Today. 31.10.2018. URL: <https://www.arctictoday.com/new-china-iceland-arctic-science-observatory-already-expanding-focus/> (accessed: 15.05.2019).

Sullivan Lawrence R., Liu Nancy Y. Historical Dictionary of Science and Technology in Modern China. Rowman & Littlefield, 2015. 547 p.

Sun Kai. China and the Arctic: China's Interests and Participation in the Region // East Asia-Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics. Waterloo: Centre for International Governance Innovation, 2014. URL: <https://www.cigionline.org/publications/china-and-arctic-chinas-interests-and-participation-region> (accessed: 12.05.2019).

Sun Yun. The Northern Sea Route: The Myth of Sino-Russian Cooperation. Stimson Center, 2018. URL: <https://www.stimson.org/content/northern-sea-route> (accessed: 19.05.2019).

Xuelong returns after historic voyage // Arctic Portal. 28.09.2012. URL: <https://arcticportal.org/ap-library/news/855-xuelong-returns-after-historic-voyage> (accessed: 11.05.2019).

Yang Huigen. Development of China's Polar Linkages // Canadian Naval Review. Vol 8, No 3 (Fall 2012). P. 30—32. URL: <http://www.navalreview.ca/wp-content/uploads/public/vol8num3/vol8num3art7.pdf> (accessed: 22.05.2019).

Zhang Yi. Science vessel returns from Arctic // China Daily. 11.10.2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2017-10/11/content_33100110.htm (accessed: 22.05.2019).

References

Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation, signed 11 May, 2017. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (accessed: 12 May, 2019).

Alexeeva, Olga; Lasserre, Frédéric (2012). China and the Arctic, *Arctic Yearbook*: 80—90.

Bashkatova A. (2017). Kitay ishchet al'ternativu Severnomu morskomu puti [China is looking for the alternatives to the Northern Sea Route], *Nezavisimaya gazeta [Independent Gazette]*. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-10-02/1_7085_china.html (accessed: 12 May, 2019). (In Russian).

Berglund, Nina (2014). Norway won't let China build radar, *Views and News from Norway*. URL: <https://www.newsinenglish.no/2014/09/12/norway-wont-let-china-build-radar/> (accessed: 18 May, 2019).

China's Arctic Policy: White Paper. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 22 April, 2019).

Chinese Arctic Expedition Team Returns Home. URL: http://english.cas.cn/newsroom/china_research/201609/t20160927_168176.shtml (accessed: 12 May, 2019).

Gady, F. S. (2018). China Launches First Domestically Built Polar Icebreaker, *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/china-launches-first-domestically-built-polar-icebreaker/> (accessed: 12 May, 2019).

Headland, R. K. (1989). Chronological List of Antarctic Expeditions and Related Historical Events. Cambridge University Press. 730 p.

Humpert, Malte (2019). China to Use First Atomic Icebreaker as Test for Future Nuclear Aircraft Carriers, *High North News*. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/china-use-first-atomic-icebreaker-test-future-nuclear-aircraft-carriers> (accessed: 12 May, 2019).

Jakobson, L.; Peng, J. (2012). China's Arctic Aspirations. *SIPRI Policy Paper*, No 34. URL: <https://arcticportal.org/images/PDFs/SIPRI34.pdf> (accessed: 12 May, 2019).

Ke, Jiayun (2018). Xuelong returns from Arctic expedition, *Shanghai Daily*. URL: <https://www.shine.cn/news/metro/1809272773/> (accessed: 12 May, 2019).

Komissina, I.N. (2015). Arkticheskiy vektor vneshney politiki Kitaya [The Arctic dimension of China's foreign policy], *Problemy natsional'noy strategii [Issues of the National Strategy]*, No. 1 (28): 54–73. (In Russian).

Krupnik, I., et al. (2011). Understanding Earth's Polar Challenges: International Polar Year 2007–2008. *Summary by the IPY Joint Committee*. Rovaniemi: University of the Arctic and ICSU/WMO Joint Committee.

Lackenbauer, P. Whitney; Lajeunesse, Adam; Manicom, James; Lasserre, Frédéric. (2018). China's Arctic Ambitions and What They Mean for Canada. Calgary: University of Calgary Press.

Pelaudeix, Cecile. (2018). Along the Road: China in the Arctic. *EU Institute for Security Studies*. URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2013%20Arctic.pdf> (accessed: 15 May, 2019).

Petrovskiy, V.E. (2016). Politika Kitaya v Arktike [China's Arctic policies], *Aziatskiye igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy [Asian players in the Arctic: interests, opportunities, prospects]*. M.: NP RSMD: 17–30. (In Russian).

Petrovskiy, V.E.; Filippova, L.V. (2018). Strategiya Kitaya po osvoyeniyu Arktiki i perspektivy rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva v regione [Chinese Arctic strategy and

the prospects for Russia-China regional collaboration], *Kitaj v mirovoj I regionalnoj politike. Istorija i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and modernity]*. Moscow: IDV RAN (IFES RAS), Iss. XXI: 171—182. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10013

Sang, Yarong. (2017). Praise for China's Xuelong icebreaker 8th Arctic expedition, *China Plus*. URL: <http://chinaplus.cri.cn/news/china/9/20171102/47130.html> (accessed: 28 May, 2019).

Schreiber, Melody (2018). A new China-Iceland Arctic science observatory is already expanding its focus, *Arctic Today*. URL: <https://www.arctictoday.com/new-china-iceland-arctic-science-observatory-already-expanding-focus/> (accessed: 15 May, 2019).

Sidorov, I. (2018). Politika Kitaya v Arktike i ee vliyaniye na region [China's Arctic policies and its regional effects], *Voyenno-politicheskaya analitika [Military-political analytics]*. URL: <http://vpoanalytics.com/2018/07/10/politika-kitaya-v-arktike-i-ee-vliyaniye-na-region/> (accessed: 29 April, 2019). (In Russian).

Sullivan, Lawrence R.; Liu, Nancy Y. (2015). *Historical Dictionary of Science and Technology in Modern China*. Rowman & Littlefield. 547 p.

Sun, Kai (2014). China and the Arctic: China's Interests and Participation in the Region, *East Asia-Arctic Relations: Boundary, Security and International Politics*, Waterloo: Centre for International Governance Innovation. URL: <https://www.cigionline.org/publications/china-and-arctic-chinas-interests-and-participation-region> (accessed: 12 May, 2019).

Sun, Yun (2018). The Northern Sea Route: The Myth of Sino-Russian Cooperation, *Stimson Center*. URL: <https://www.stimson.org/content/northern-sea-route> (accessed: 19 May, 2019).

Xuelong returns after historic voyage. URL: <https://arcticportal.org/ap-library/news/855-xuelong-returns-after-historic-voyage> (accessed: 11 May, 2019).

Yang, Huigen (2012). Development of China's Polar Linkages, *Canadian Naval Review*, Vol 8, No 3: 30—32. URL: <http://www.navalreview.ca/wp-content/uploads/public/vol8num3/vol8num3art7.pdf> (accessed: 22 May, 2019).

Zhang, Yi (2017). Science vessel returns from Arctic. URL: http://www.china-daily.com.cn/china/2017-10/11/content_33100110.htm (accessed: 22 May, 2019).

Zhuravel', V.P. (2016). Kitay, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea, and Japan in the Arctic: politics, economy, safety], *Arktika i Sever [The Arctic and the North]*, No 24: 112—144. (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10017

Е.И. Сафронова

ВЕНЕСУЭЛЬСКИЙ КРИЗИС ВЛАСТИ: ПОЗИЦИЯ КНР

Аннотация. В статье анализируются взгляды Китая на проблему текущего кризиса власти в Венесуэле и подробно характеризуются политико-экономические позиции КНР в этой стране. Автор исходит из того, что направления и «поддерживающие опоры» китайских интересов в Венесуэле обусловлены не только важностью венесуэльских природных ресурсов для экономики Китая, но и ростом значения латиноамериканского вектора во внешней политике КНР как такового.

Новейшим, наиболее важным мотивом активизации китайской политики в отношении Латинской Америки в целом и Венесуэлы в частности в статье называется стремление Пекина подключить латиноамериканский регион к планам китайской инициативы «Один пояс, один путь».

Что касается китайско-венесуэльского практического взаимодействия, то, как отмечается в статье, его текущее состояние во многом определяется кризисной ситуацией в погашении венесуэльской задолженности Китаю. При этом автор расценивает масштабность углеводородных запасов Венесуэлы и вытекающую из нее длительность их выработки в качестве мощных долгосрочных факторов заинтересованности КНР в Венесуэле; факторов, позволяющих поддерживать объемы китайско-венесуэльских экономических контак-

тов, а в перспективе — вывести их на новый уровень. Посему кризис задолженности наверняка будет смягчен (в основном благодаря политической воле Пекина) ввиду высокой обоюдной заинтересованности сторон в дальнейшем сотрудничестве.

Ныне особенность китайских капиталовложений в Венесуэле заключается в том, что они направляются не только в проекты по добыче природных ресурсов, но и (что особо важно) в переработку на «месте» базового венесуэльского сырья и полуфабрикатов в товары с высокой добавленной стоимостью. Такая инвестиционно-производственная схема применима и в условиях иных стран Латинской Америки, обладающей лучшим промышленным опытом, нежели большинство других регионов развивающегося мира. Автор обращает внимание и на то, что вскоре может возрасти число конкурентов Китая за доступ к венесуэльским ресурсам в лице Индии и Турции, которые предпочитают прямо закупать углеводороды за валюту, столь нужную Венесуэле, а не ввозить их в счет предоставленных ранее займов и кредитов.

В статье особо отмечается специфика позиции КНР по венесуэльскому кризису, обусловленная тем, что, поддерживая правительство Н.Мадуро, Пекин при этом проводит консультации со всеми сторонами конфликта в поисках мирного решения проблемы и для прояснения судьбы своей собственности при любом развитии событий. Автор отмечает конструктивность и рациональность такой линии.

Ключевые слова: Китай, Венесуэла, кризис власти, кризис задолженности, экономическое сотрудничество, доступ к природным/нефтяным ресурсам, инициатива «Один пояс, один путь», конкуренция.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: safronova@ifes-ras.ru

E.I. Safronova

China's stance on Venezuelan crisis of power

Abstract. The article discusses political and economic stance of China on the current crisis of power in Venezuela. The author proceeds from the fact that directions and “supporting pillars” of Chinese interests in Venezuela are due not only to the importance of Venezuelan natural

resources for China's economy, but also to the growing significance of Latin America in China's foreign policy as such.

The article identifies Beijing's strive to involve Latin America in the plans of China's Belt and Road Initiative as the latest and most important motive for the enhancement of Chinese policy towards Latin America and Venezuela — in particular.

As for Chinese-Venezuelan practical economic ties, the article argues that their current status is largely determined by the crisis in Venezuelan debt to China. However, the author considers the scale of Venezuelan hydrocarbon reserves and the considerable length of time, necessary for their elaboration, to be powerful long-term factors of China's interest in Venezuela, allowing to maintain the volume of Chinese-Venezuelan economic contacts, and in the future — to bring them to a new level. Therefore it seems, that the debt crisis will be alleviated (thanks to the political will of Beijing mostly) because of the high interest of both parties in their further cooperation.

Nowadays, the peculiarity of Chinese investment in Venezuela is that investment goes not only to projects on the extraction of natural resources, but also — most importantly — to process basic Venezuelan raw materials and semi-finished items into high value added products. Such investment and production scheme can also be applicable in other countries of Latin America which has better industrial experience than most other regions of the developing world. The author draws attention to the fact that soon the number of China's competitors for the access to Venezuelan natural resources may increase at the expense of India and Turkey, which prefer to buy natural resources for "ready" currency (much needed by Venezuela), rather than to import them against loans and credits previously provided.

The article stresses the specificity of the PRC's position on the Venezuelan crisis, which consists in supporting the government of N. Maduro along with carrying out consultations with all parties to the conflict in search of peaceful solution to the problem and clarification of the fate of Chinese assets in any development of events. The author notes constructiveness and rationality of such a line.

Keywords: China, Venezuela, power crisis, debt crisis, economic cooperation, access to natural/oil resources, Belt and Road Initiative (BRI), competition.

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: safronova@ifes-ras.ru).

Очевидно, что Венесуэла с ее громадными запасами нефти (достигающими, по разным данным, от 17 до 20 % мировых), близостью к морским путям у северных берегов Южной Америки (Панамский канал, планируемый Никарагуанский канал, пути между карибскими островами) и наработанными за последние 15 лет тесными политико-экономическими связями с КНР является весьма важным партнером и опорным пунктом Пекина в Латинской Америке. Отношениям с Венесуэлой Китай придал статус «всеобъемлющего стратегического партнерства».

В последние годы активность КНР в Венесуэле сопряжена и с намерением китайского руководства расширить международное влияние Пекина посредством реализации проекта «Один пояс, один путь», планы которого им активно пропагандируются в латиноамериканских столицах.

Китай является первым по значимости финансовым партнером Венесуэлы (Россия — второй). Данные о финансировании экономики Венесуэлы Китаем ограничены, однако они сходятся в том, что КНР выделила Венесуэле 17 займов в размере от 62,2 до 70 млрд долл. (в зависимости от информационного источника), которые должны быть погашены поставками нефти и других полезных ископаемых. Эти займы предоставлены Венесуэле госбанками КНР, в основном Китайским банком развития (CDB). Тот факт, что запасы «тяжелой» венесуэльской нефти — самые крупные в мире и посему нескоро будут выработаны, уже обуславливает долгосрочность интересов Пекина (и Москвы) в этой стране. Венесуэла к тому же обладатель вторых по величине мировых запасов золота, весьма значительных — железа, алмазов, алюминия, ниобия и тантала.

На Китай ныне приходится около 23 млрд долл. из 135-миллиардного внешнего долга Венесуэлы, что делает его крупнейшим международным кредитором страны [*Sánchez, Gedan, McCarthy*]. Сумма кредитов Каракасу превышает объемы китайского кредитования любого другого латиноамериканского государства. С 2014 г. почти половина кредитов Китая Латинской Америке приходится на Венесуэлу, другая половина в неравных долях — на Бразилию, Аргентину и Эквадор. Условия кредитования китайских банков в целом не отличаются от общемировой практики, даже для развивающихся

стран. Если процентные ставки по кредитам Эксимбанка Китая — чуть ниже, чем у аналогичных международных банков, то ставки Банка развития Китая превышают средний мировой показатель [China presto a Latinoamerica 22.100 millones de dolares...].

С 2005 по 2015 г. китайские компании инвестировали в проекты в Венесуэле более 19 млрд долл. Но с 2016 по 2018 г. Пекин выделил Венесуэле «лишь» 1,84 млрд долл. То есть, факт кредитования продолжает иметь место, однако его темпы заметно сокращаются. Таким образом, общая сумма инвестиций Китая в Венесуэлу (по-видимому, имеются в виду прямые иностранные инвестиции (ПИИ). — *Е.С.*) к настоящему времени составляет примерно 22—23 млрд долл., и не все эти объемы освоены [*Gedan, McCarthy*]. Капиталовложения направляются в проекты по добыче природных ресурсов, а также по переработке китайскими предприятиями базового венесуэльского сырья и полуфабрикатов в товары с высокой добавленной стоимостью. (Общее количество проектов достигло 790, из них более почти 500 объявлены выполненными или находящимися на завершающей стадии.) Эта схема справедлива и в отношении других стран Латинской Америки. Если у Китая изменятся товарные потребности или он перенацелится на другие региональные рынки, то возникнет риск снижения экономических позиций многих стран континента [*Silvera*].

Следует отметить, что даже в период расцвета китайско-венесуэльского «романа» времен У.Чавеса, кредиты Поднебесной носили строго связанный характер. Условия большинства из них предусматривали погашение нефтью, хотя Венесуэла отчаянно нуждалась в продаже нефти за твердую валюту. По некоторым данным, с тех пор как Н.Мадуро сменил У. Чавеса в апреле 2013 г., Пекин поставил еще более жесткие условия кредитования [*Gedan, McCarthy*].

После резкого падения цен на нефть в 2014 г. венесуэльский государственный нефтяной концерн *Petroleos de Venezuela Sociedad Anonima (PDVSA)* не смог выполнять условия предоставленных Китаем займов. Именно тогда КНР начала «оптимизировать» программу кредитования, указывая на первоочередность погашения старых кредитов. В силу масштабности долга перед КНР его погашение

имеет для Каракаса приоритетное относительно долга России значение, на что сетовал глава «Роснефти» И. Сечин во время его визита в Венесуэлу в ноябре 2018 г. [*Умаров*].

Однако надежды Китая на отдачу от своих инвестиций и кредитов могут стать шаткими в случае ухода Мадуро со своего поста. Нынешний венесуэльский президент более нацелен не на смягчение растущего гуманитарного кризиса в стране, а на погашение внешней задолженности [*Guy J.*], но при новых властях все может быть наоборот.

Несомненно, у КНР есть ресурсы, чтобы удержать Мадуро на плаву, но у него есть и репутация, которую надо блюсти. Пекин, похоже, испытывает нарастающую обеспокоенность моральным и имиджевым риском, связанным с финансированием правительства Н. Мадуро. Ведь этот режим стал раздражителем не только для США, но и для большинства стран латиноамериканского континента. Да и Китаю самому не нравится ситуация с выполнением двусторонних проектов. Так, знаком неудовлетворенности Пекина Каракасом стало то, что крупный китайский нефтяной «игрок» *Sinovensa* в конце 2017 г. даже подал в суд на *PDVSA*, чтобы добиться компенсации за пропущенные платежи [*Gedan, McCarthy*].

Пока же экспорт сырой нефти в КНР не приносит Каракасу много «живых денег», ибо выручка засчитывается в погашение его долга.

При этом нельзя отрицать конструктивную роль Китая в развитии Венесуэлы. Так, несмотря на то, что в 2015 г. после обвала цен на нефть выплаты по задолженности Китаю были фактически заморожены, Пекин продолжал инвестировать в инфраструктурные проекты в Венесуэле, строительство жилья и добывающую промышленность (см. [*Голобоков*]).

В сентябре 2018 г. Н. Мадуро нанес внезапный визит в Китай, имевший целью оживить венесуэльско-китайское взаимодействие, вступившее в полосу сложностей и тревожных ожиданий. В результате визита было подписано 28 соглашений о сотрудничестве в сфере экономического развития, особенно в области добычи полезных ископаемых, в первую очередь нефти, безопасности и промышленных технологий.

Тогда же Мадуро выразил согласие на «интеграцию» Венесуэлы в проект ОПОП. В результате, ему удалось достичь договоренности о предоставлении Китаем Венесуэле нового кредита в размере 5 млрд долл. Таким образом, долг страны перед КНР в ближайшие годы может возрасти до 28 млрд долл. [Toro]. Логично предположить, что Мадуро, если останется у власти, будет просить новые кредиты хотя бы для того, чтобы еще больше «привязать» к себе Пекин самой величиной китайских вложений.

Видимо, во многом благодаря последним договоренностям, китайский частный бизнес продолжал вкладываться в Венесуэлу вплоть до декабря 2018 г. Он присутствует не только в нефтедобыче, но и в горнодобывающей отрасли, транспорте, телекоммуникациях, сельском хозяйстве, электроэнергетике и розничной торговле (приводится по [Кашин]). Однако думается, что эти инвестиции осуществлялись в счет освоения уже согласованных и ранее одобренных кредитов.

Высказывается и противоположное мнение, согласно которому Китай все же сворачивает свою инвестиционную активность в Венесуэле. Причем не только из-за кризиса неплатежей, но и потому, что его ожидания на инвестиционные привилегии в венесуэльской части нефтегазосного бассейна р. Ориноко не оправдались, несмотря на всю насыщенность политических связей с Каракасом и масштабность китайского финансирования [Ferchen].

Тем не менее, уже достигнутые Китаем успехи экономического взаимодействия с Венесуэлой весьма значительны и Пекин, конечно же, не хочет их терять. Помимо инвестиционной деятельности Китай преуспел и как подрядчик целого ряда инфраструктурных проектов. Так, вплоть до 2017 г. Китай участвовал в расширении крупнейшего порта страны — Пуэрто-Кабельо согласно договору, подписанному между *China Harbour Engineering Company (CHEC)* и государственной венесуэльской компанией *Bolivariana de Puertos (Bolipuertos)*. В порту проводились дноуглубительные работы и строительство новых причалов для крупнотоннажных судов и контейнерного терминала. Кроме того, до недавнего времени активно обсуждался и проект создания СЭС «Пуэрто-Кабельо — Морон». Стороны также рассматривали перспективы участия КНР в проекте

электрификации Венесуэлы [Сафронова, с. 175]. Возможно, что эти планы не остановлены, но новейшая информация по ним пока недоступна.

Китай в свое время (2011 г.) поддержал партнерство Венесуэлы и Колумбии в строительстве нефтепровода протяженностью 3 тыс. км. Проект носил стратегический характер, так как предусматривал обеспечение доступа венесуэльской нефти к колумбийскому побережью Тихого океана, что особо важно в свете облегчения нефтяных поставок в Китай [Колумбия и Венесуэла построят совместный нефтепровод...]. Далее этот нефтепровод планировалось продлить до Панамы, что создало бы особые преимущества для китайских управленцев Панамского канала, особенно в свете планов Морского Шелкового пути XXI века. Однако в марте 2019 г. было объявлено, что Колумбия построит нефтепровод к Тихому океану без помощи *PDVSA*. Колумбийская государственная нефтяная компания *Ecopetrol* будет сооружать «трубу» с канадской *Enbridge* и только на территории Колумбии. Это связано с тем, что *PDVSA* отложила план строительства. Оператором нефтепровода станет *Ecopetrol*. Несколько иностранных компаний, например, *Canadian Pacific Rubiales* и нефтетрейдер *Vitol*, выразили желание стать акционерами проекта [Колумбия построит нефтепровод...]. Пока неизвестно, захочет ли Китай финансировать проект при новых условиях. Но если бы планы колумбийско-венесуэльского инфраструктурного сотрудничества сохранились, то у Китая был бы шанс, спонсируя проект, сыграть роль посредника и экономического миротворца в отношениях Колумбии и Венесуэлы.

Корни многих экономических проблем Венесуэлы лежат в том, что страна отличается высокой зависимостью от иностранных финансовых и мировых товарных рынков в силу недиверсифицированности ее экономики, базирующейся на эксплуатации нефтересурсов. Сейчас, в условиях санкций Вашингтона Н. Мадуро усиливает поиски альтернативных США экономических партнеров. Ввиду развития кризиса эксперты ожидают активизации импортной роли Индии как покупателя венесуэльской нефти.

Индия — ныне единственная страна, помимо США, которая, в отличие от России и Китая, оплачивает нефтяные поставки из Вене-

суэлы твердой валютой. Венесуэла стала признанным поставщиком нефти в Индию после введения санкций Европы и США против нефтяного сектора Ирана. Сегодня Индия импортирует более 4 млн барр. нефти в день, 300 тыс. из которых поступают из Венесуэлы. В Индии также обеспокоены ходом кризиса в Венесуэле, поскольку там работают индийские компании, ведущие бизнес с *PDVSA*. Это касается *ONGC Videsh*, *Indian Oil Corporation* и *Oil India*, вложившихся в нефтяные месторождения Карабобо и Сан-Кристоваль, где добыча ныне сократилась вдвое из-за нехватки оборудования и бегства рабочей силы. В настоящее время Индия требует от *PDVSA* около 600 млн долл. дивидендов от нефтяного проекта в Сан-Кристовале [*Villardon*].

Ввиду сложности положения в Венесуэле *PDVSA* пытается договориться с Индией не только о продаже нефти в обмен на валюту, но и об ее бартере на продовольствие, предлагая удвоить нефтепоставки в эту страну. Усугубление ситуации в Венесуэле может подстрекнуть также и Китай поставить вопрос о закупках венесуэльской нефти с большим дисконтом (см. [*Зотин*]).

Помимо Индии, заметно активизирует свою работу на венесуэльском направлении Турция, заинтересованная в венесуэльском золоте, а также в обретении статуса актора геополитического масштаба. Кроме того, Турция, по мнению турецких экспертов, способна помочь диалогу США с Каракасом, учитывая хорошие личные отношения Р. Эрдогана с Трампом и Мадуро.

Следует подчеркнуть, что позиция Китая относительно политического кризиса в Венесуэле в целом является более сдержанной, чем позиция России, хотя Пекин существенно опережает РФ по объемам экономического сотрудничества в Венесуэле.

Симптоматично, что, согласно целому ряду источников как в самом Китае, так и в РФ и Латинской Америке, в условиях нарастания венесуэльского кризиса Пекин налаживает контакты с разными силами, включая оппозицию. По всей видимости, в КНР надеются сблечь свои кооперационные позиции в Венесуэле даже при смене власти (см., например [*Голобоков*]).

Проходила информация, что китайцы зондируют почву на предмет сохранения своих активов в случае смены власти в Венесуэле.

эле уже на протяжении 2—3 лет. Так, в 2016 г. связанная с Всеки-тайским собранием народных представителей (ВСНП) Китайская ассоциация международного взаимопонимания официально пригласила соучредителя венесуэльской социально-либеральной партии «За справедливость» Хулио Борхеса в Китай. Посол Китая Чжао Бэньтан, по сообщениям СМИ, имел частную встречу с лидерами оппозиции, несмотря на то, что венесуэльское правительство требовало от иностранных дипломатов не контактировать с недругами режима [*Умаров*].

СМИ сообщали и о том, что в 2016 г. минимум трое венесуэльских оппозиционеров, а также экономисты и консультанты-специалисты нефтяной отрасли посещали Пекин по приглашению КПК для обсуждения вопроса о гипотетическом создании переходного правительства и плана восстановления экономики. Пекин был обеспокоен незаконным присвоением в Венесуэле выделенных им средств и при этом — весьма заинтересован в предоставлении ему гарантий уважения инвестиционных прав, если смена власти состоится. Эмиссары оппозиции обещали, что выданные займы будут признаны, однако высказали пожелание, чтобы будущие сделки с Китаем были одобрены не только президентом Венесуэлы, но и парламентом страны [*Уяс*], как того требует венесуэльская Конституция.

О том, что Китай еще три года назад просчитывал развитие ситуации в Венесуэле по чрезвычайному сценарию, свидетельствует и мнение исследователей Китайской академии общественных наук, которые прямо заявляли, что рост неплатежеспособности по кредитным обязательствам и риски безопасности в Венесуэле затрудняют китайско-венесуэльское экономическое сотрудничество. Кризис в латиноамериканской стране отрицательно сказывается на процессе выделения ей дополнительных китайских займов, потому что их предоставление все более и более ориентируется на рыночные принципы, а Китаю необходимо контролировать его финансовые риски. Если Пекин прекратит предоставлять Венесуэле новые кредиты, то ситуация в этой стране может еще более ухудшиться, так как Каракас не имеет широкого выбора источников финансирования на мировом рынке. Следовательно, Венесуэле придется задействовать

собственные силы, например, путем продажи своих золотых резервов и иностранных активов, а также за счет получения кредитов от региональных организаций. Уже тогда китайские специалисты подчеркивали, что в случае смены власти в Каракасе и отстранения Мадуро от должности, отношения между Китаем и Венесуэлой не претерпят существенных изменений, поскольку всеобъемлющее стратегическое партнерство двух стран — шире, чем партнерство Пекина и КПК с правящей Единой социалистической партией Венесуэлы (*Partido Socialista Unido de Venezuela, PSUV*). Китай все равно сохранит свои кредитные активы в Венесуэле еще и в силу того, что сотрудничество между КНР и Венесуэлой основано на сбалансированной оценке национальных интересов обеих стран, которые вместе стремятся к бесприоритетности ситуации (приводится по [Kuleta]).

Вскоре после резкого обострения кризиса в январе 2019 г., официальный представитель МИД КНР Гэн Шуан 1 февраля проинформировал, что Китай поддерживает тесную связь со всеми сторонами венесуэльской ситуации и готов работать для содействия мирным переговорам и создания благоприятных условий урегулирования соответствующего вопроса. Далее он отметил, что «как бы ни развивалась ситуация, сотрудничество Китая и Венесуэлы не должно пострадать» [Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on February 1, 2019].

Чуть позже — 11 февраля 2019 г. другой представитель МИД КНР — Хуа Чуньин выразила надежду Китая на то, что венесуэльский народ сам сможет решить свои проблемы посредством мирных диалогов и политических средств согласно Конституции Венесуэлы. Китай поддерживает усилия международного сообщества, направленные на достижение этой цели. Далее спикер заявила, что отношения между Китаем и Венесуэлой — это пример нормальных межгосударственных отношений, основанных на принципах равенства, взаимной выгоды, общего развития и соблюдения коммерческих норм. Такое сотрудничество соответствует законам и правилам, оно принесло пользу двум странам и народам, и поэтому оно не должно понести какой-либо ущерб, независимо от изменений, которые могут произойти «на местах» [Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on February 11, 2019].

По всей видимости, Китай вышел на контакт с оппозицией, возглавляемой Х.Гуайдо, «подняв на щит» установку, что китайско-венесуэльские контракты и проекты, а также обязательства по ним, включая долговые, являются отношениями не режимов и/или правительств, а субъектов международных отношений и что в случае потерь «все равно что-то останется» (см. [*Morales*]). Можно предположить, что эти принципы китайско-венесуэльских отношений носят универсальный характер и в глазах Пекина приемлемы для связей со всеми возможными правительствами в Венесуэле.

Как известно, «исполняющий обязанности президента Венесуэлы» Х. Гуайдо заявил, что сотрудничество с его правительством будет выгодно не только Китаю, но и России [No talks between China and Venezuela opposition...] и даже пообещал Пекину сохранение всех китайских контрактов и планов.

Однако в марте 2019 г. Пекин решительно опроверг сообщение *The Wall Street Journal* о том, что его дипломаты, обеспокоенные судьбой нефтяных проектов и многомиллиардной задолженности Каракаса, провели в Вашингтоне переговоры с представителями Х. Гуайдо. «На самом деле это сообщение является ложным», — заявила пресс-секретарь МИД КНР Хуа Чуньин [No talks between China and Venezuela opposition...].

На первый взгляд, данное высказывание Хуа Чуньин противоречит заявлению официального представителя МИД КНР Гэн Шуана от 1 февраля, да и ее же собственным словам от 11 февраля, приведенным выше. Но так ли это? Китайцы могли встречаться с венесуэльской оппозицией с целью предложить свое медиаторство в вопросе мирного урегулирования кризиса, и такая информация звучала. Стороны вполне могли затрагивать и тему китайских вложений. Но начать переговоры, прямо объявив их целью прояснение судьбы своих инвестиций и кредитов, — это означало бы открытое признание шаткости позиций Мадуро, что преждевременно и непредусмотрительно, ибо до сих пор никто не знает, чем закончится кризис. Кроме того, Вашингтон как место переговоров Китая с венесуэльской оппозицией — не самое «деликатное» решение в отношении Каракаса, и Пекин поспешил опровергнуть указанную информацию, видимо, и из соображений дипломатического такта.

Надо отметить, что вся масштабность китайских вложений в Венесуэлу, объекты, построенные и налаженные там, сами по себе могут стать мощным стимулом для оппозиции сохранить отношения с КНР на достигнутом уровне. Оппозиция понимает ценность партнерства с такой страной, как Китай, и в случае ее прихода к власти, на наш взгляд, предпримет усилия по недопущению ущерба двусторонним контактам.

Мировая общественность с особым интересом отреагировала на сообщения СМИ о прилете в Венесуэлу 31 марта 2019 г. борта со 120 китайскими военнослужащими (спустя неделю после прибытия в эту страну российской военной делегации). Сообщается, что, как и в российском случае, контингент из КНР прибыл в рамках «программы сотрудничества между двумя странами». Говорится и о доставке 65 т гуманитарной помощи и военного снаряжения правительству Венесуэлы [Сайт ИА REX...]. Это свидетельствует о некоей индурации подходов Пекина по венесуэльскому кризису, но отнюдь не служит доказательством его намерений участвовать в силовом разрешении венесуэльского кризиса. Скорее всего, КНР направила своих военных в целях защиты китайских граждан в стране (если таковая понадобится), а также китайской собственности.

В целом создается впечатление, что Китай, заявляя о поддержке действующих властей Венесуэлы, резко выступая против вмешательства в ее внутренние дела и ратуя за мирное разрешение ситуации путем переговоров, ведет свою политику по «золотой, серединной линии», не обостряя отношений с командой Х.Гуайдо, но и не отказываясь от партнерства с Н. Мадуро. Китай выжидает, призывая все стороны (Вашингтон, Каракас и оппозицию) проявлять хладнокровие и решать проблемы на основе компромисса. При этом, в отличие от России, Китай имеет мощные экономические рычаги влияния в Латинской Америке [*Кашин*] и, желая их сохранить, не выступает против взглядов подавляющего большинства стран региона на венесуэльский кризис.

Поэтому стремление Китая не перессориться с Латинской Америкой (особенно в свете его планов по распространению проекта ОПОП на этот континент), сохранить незатронутым потенциал

влияния на континенте можно назвать тем важным фактором, который во многом обусловил сдержанность Пекина в венесуэльском вопросе.

Библиографический список

Голобоков Н. Кого Китай поддерживает в Венесуэле. Пекин поддерживает режим Мадуро, но готов к смене власти. URL: <https://news.ru/v-mire/venesuela-kit-aj-besproyadki-maduro-spectehnika> (дата обращения: 25.02.2019).

Зотин А. О будущем чавизма и Венесуэлы. Сколько продержится Мадуро // Коммерсантъ. 21.02.2019.

Кашин В. Венесуэльский кризис и китайская империя. Политика России в отношении Венесуэлы оправдана и гораздо перспективнее, чем китайский подход. URL: <https://profile.ru/columnist/venesuelskij-krizis-i-kitajskaya-imperiya-65617> (дата обращения: 19.02.2019).

Колумбия и Венесуэла построят совместный нефтепровод до Тихого океана. URL: <https://ria.ru/economy/20111129/501063688.html> (дата обращения: 28.04.2017).

Колумбия построит нефтепровод к Тихому океану без помощи PDVSA. URL: <https://satoil.kz/kolumbiya-postroit-nefteprovod-k-tihomu-okeanu-bez-pomos-hhi-pdvsa> (дата обращения: 28.12.2018).

Сайт ИА REX. URL: <http://www.iarex.ru/news/65645.html> (дата обращения: 15.04.2019).

Сафронова Е.И. Китай — развивающийся мир: концепции и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 336 с.

Умаров Темура. Дракон в кустах. Как Китай спасает свои вложения в Венесуэлу. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78265> (дата обращения: 02.04.2019).

China prestó a Latinoamérica 22.100 millones de dólares en 2014, más que el BID y el BM juntos. URL: <https://www.efe.com/efe/america/economia/china-presto-a-latinoamerica-22-100-millones-de-dolares-en-2014-mas-que-el-bia-labm-juntos/2000011-2547894> (accessed: 07.08.2018).

Ferchen Matt. Can China Help Fix Venezuela? URL: <https://carnegietsinghua.org/2017/07/24/can-china-help-fix-venezuela-pub-71564> (accessed: 10.03.2019).

Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on February 1, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1634957.shtml (accessed: 04.03.2019).

Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on February 11, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1637013.shtml (accessed: 20.02.2019).

Gedan Benjamin, McCarthy Michael. The Limits to Russia and China's Support of Venezuela. URL: https://www.realclearworld.com/articles/2018/01/15/venezuela_maduro_chavez_russia_china_112682.htm (accessed: 21.02.2019).

Guy Jack. ¿Por qué China, Rusia y Turquía apoyan a Maduro en el 'patio trasero' de Estados Unidos? URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2019/01/30/por-que-china-rusia-y-turquia-apoyan-a-maduro-en-el-patio-trasero-de-estados-unidos> (accessed: 20.02.2019).

Kuleta Gene. How Critical Is China's Lifeline to Venezuela? // Latin America Advisor. 26.09. 2016. URL: <http://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2016/09/LAA160926.pdf> . P.3—4 (accessed: 18.04.2019).

Morales Carlos. Venezuela ya es ficha de una velada 'Guerra Fria' entre EEUU y Rusia-China // El Deber (Santa Cruz de la Tierra, Bolivia).16.02.2019. URL: <http://www.eldeber.com.bo/mundo/Venezuela-ya-es-ficha-de-una-velada-Guerra-Fria-entre-EEUU-y-Rusia-China-20190216-9367.html> (accessed: 20.02.2019).

No talks between China and Venezuela opposition Beijing says, instead it's 'fake news'. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2186003/no-talks-between-china-and-venezuela-opposition-beijing-says> (accessed: 25.02.2019).

Sánchez Carlos. El oro de Maduro: cómo Rusia y China exprimen Venezuela // El Confidencial (Madrid). 31.01.2019. URL: https://www.elconfidencial.com/economia/2019-01-31/venezuela-maduro-china-rusia-cuba-armamento-deuda-externa-petroleo_1794314 (accessed: 20.02.2019).

Silvera Camila. Neo Guerra Fria? Los intereses que Rusia, China y EEUU tienen en Venezuela // El Observador (Montevideo, Uruguay). 30.01.2019. URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/-neo-guerra-fria-los-intereses-que-rusia-china-y-eeu-tienen-en-venezuela-201912918597> (accessed: 28.02.2019).

Toro Magaly. China y Venezuela firman 28 acuerdos de cooperación. Oliveros: Deuda de Venezuela con China subió de \$23.000 a \$28.000 millones // El Universal (Caracas). 15.09.2018. URL: <http://www.eluniversal.com/economia/20689/china-y-venezuela-firman-28-acuerdos-de-cooperacion#> (accessed: 20.02.2019).

Villardón María. El futuro económico de Venezuela en manos de China, India, Rusia // OK Diario (Madrid). 25.09.2017. URL: <https://okdiario.com/economia/futuro-economico-venezuela-manos-china-india-rusia-1353431> (accessed: 24.02.2019).

Vyas Kejal. China Talks With Venezuela Opposition to Protect Investments // The Wall Street Journal. 12.02.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-holds-talks-with-venezuelan-opposition-on-debt-oil-projects-11549993261> (accessed: 28.03.2019).

References

China presó a Latinoamérica 22.100 millones de dólares en 2014, más que el BID y el BM juntos (2014). URL: <https://www.efe.com/efe/america/economia/china-presto-a-latinoamerica-22-100-millones-de-dolares-en-2014-mas-que-el-b-a-l-bm-juntos/20000011-2547894> (accessed: 7 August, 2018).

Ferchen, Matt (2017). Can China Help Fix Venezuela? URL: <https://carnegietsinghua.org/2017/07/24/can-china-help-fix-venezuela-pub-71564> (accessed: 10 March, 2019).

Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on February 1, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1634957.shtml (accessed: 4 March, 2019).

Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on February 11, 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1637013.shtml (accessed: 20 February, 2019).

Gedan, Benjamin; McCarthy, Michael (2018). The Limits to Russia and China's Support of Venezuela. URL: https://www.realclearworld.com/articles/2018/01/15/venezuela_maduro_chavez_russia_china_112682.htm (accessed: 21 February, 2019).

Golobokov, N. (2019). Kogo Kitay podderzhivaet v Venesuele. Pekin podderzhivaet rezhim Maduro, no gotov k smene vlasti [Whom China supports in Venezuela. Beijing supports the Maduro regime, but is ready for a change of power]. URL: <https://news.ru/v-mire/venezuela-kitaj-besporyadki-maduro-spectehnika> (accessed: 25 February, 2019). (In Russian).

Guy, Jack (2019). ¿Por qué China, Rusia y Turquía apoyan a Maduro en el 'patio trasero' de Estados Unidos? URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2019/01/30/por-que-china-rusia-y-turquia-apoyan-a-maduro-en-el-patio-trasero-de-estados-unidos> (accessed: 20 February, 2019).

Kashin, V. (2019). Venesuelskiy krizis i kitayskaya imperiya. Politika Rossii v otnoshenii Venesuely opravdana i gorazdo perspektivnee, chem kitayskiy podhod [Venezuelan crisis and the Chinese Empire. Russia's policy towards Venezuela is justified and much more promising than the Chinese approach]. URL: <https://profile.ru/columnist/venesuelskiy-krizis-i-kitajskaya-imperiya-65617> (accessed: 19 February, 2019). (In Russian).

Kolumbiya i Venesuela postroyat sovместnyy nefteprovod do Tihogo okeana (2011) [Colombia and Venezuela to build a joint oil pipeline to the Pacific ocean]. URL: <https://ria.ru/economy/20111129/501063688.html> (accessed: 28 April, 2017). (In Russian).

Kolumbiya postroit nefteprovod k Tihomu okeanu bez pomoschi PDVSA (2015) [Colombia will build an oil pipeline to the Pacific ocean without the help of PDVSA].

URL: <https://satoil.kz/kolumbiya-postroit-nefteprovod-k-tihomu-okeanu-bez-pomos-hhi-pdvsa> (accessed: 28 December, 2018). (In Russian).

Kuleta, Gene (2016). How Critical Is China's Lifeline to Venezuela? *Latin America Advisor*. September, 26: 3—4. URL: <http://www.thedialogue.org/wp-content/uploads/2016/09/LAA160926.pdf> (accessed: 18 April, 2019).

Morales, Carlos (2019). Venezuela ya es ficha de una velada 'Guerra Fria' entre EEUU y Rusia-China, *El Deber (Santa Cruz de la Tierra, Bolivia)*. 16.02.2019. URL: <http://www.eldeber.com.bo/mundo/Venezuela-ya-es-ficha-de-una-velada-Guerra-Fria-entre-EEUU-y-Rusia-China-20190216-9367.html> (accessed: 20 February, 2019).

No talks between China and Venezuela opposition Beijing says, instead it's 'fake news' (2019). URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2186003/no-talks-between-china-and-venezuela-opposition-beijing-says> (accessed: 25 February, 2019).

Safronova, E.I. (2018). Kitay — razvivayuschiy mir: koncepcii i aktualnaya praktika otnosheniy (na primere Afriki i Latinskoy Ameriki) [China and the Developing World: concepts and modern practice of relations in the case of Africa and Latin America]. Moscow: «Forum» PH, 2018. 336 p. (In Russian).

Sánchez, Carlos (2019). El oro de Maduro: cómo Rusia y China exprimen Venezuela, *El Confidencial (Madrid)*. 31 Enero. URL: https://www.elconfidencial.com/economia/2019-01-31/venezuela-maduro-china-rusia-cuba-armamento-deuda-extern-a-petroleo_1794314 (accessed: 20 February, 2019).

Sait IA REX [The News Agency REX website]. URL: <http://www.iarex.ru/news/65645.html> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Silvera, Camila (2019). Neo Guerra Fria? Los intereses que Rusia, China y EEUU tienen en Venezuela, *El Observador (Montevideo, Uruguay)*. 30 Enero. URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/-neo-guerra-fria-los-intereses-que-rusia-china-y-eeu-u-tienen-en-venezuela-201912918597> (accessed: 28 February, 2019).

Toro, Magaly (2018). China y Venezuela firman 28 acuerdos de cooperacion. Oliveros: Deuda de Venezuela con China subió de \$23.000 a \$28.000 millones, *El Universal (Caracas)*. 15 Septiembre. URL: <http://www.eluniversal.com/economia/20689/china-y-venezuela-firman-28-acuerdos-de-cooperacion#> (accessed: 20 February, 2019).

Umarov, Timur (2019). Drakon v kustah. Kak Kitay spasaet svoi vlozheniya v Venesuelu [The dragon in the bushes. How China saves its investments in Venezuela]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/78265> (accessed: 2 April, 2019). (In Russian).

Villardón, Maria (2017). El futuro económico de Venezuela en manos de China, India, Rusia, *OK Diario (Madrid)*, 25 Septiembre. URL: <https://okdiario.com/>

economia/futuro-economico-venezuela-manos-china-india-rusia-1353431 (accessed: 24 February, 2019).

Vyas, Kejal (2019). China Talks With Venezuela Opposition to Protect Investments, *The Wall Street Journal*, 12 February. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-holds-talks-with-venezuelan-opposition-on-debt-oil-projects-11549993261> (accessed: 28 March, 2019).

Zotin, A. (2019). О будущем чавизма и Венесуэлы. Сколько продержится Maduro [On the future of chavism and Venezuela. How long will Maduro last], *Kommersant [The Businessman]*, 21 February. (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10018

К.К. Меркулов

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ «КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ» РЕФОРМ

Светлой памяти родителей посвящая¹

Аннотация. В статье исследованы некоторые актуальные вопросы международного значения феномена «китайская модель» социально-экономических реформ (так называемый Пекинский консенсус) с точки зрения целесообразности учета ее достижений при проведении хозяйственных преобразований в РФ. Затрагивается и вопрос о вероятной роли «модели» в общецивилизационном развитии. Подчеркнуто, что особенности, явления и понятия старого «Вашингтонского консенсуса», старого «Московского консенсуса», прежних «Пекинского консенсуса» и «Делийского (Мумбайского) консенсуса» и т. п. слагают важный научно-методический опыт, полезный при принятии решений.

¹ Автор хотел бы сердечно поблагодарить всех тех, кто прямо или косвенно содействовал появлению на свет настоящего исследования, посвященного светлой памяти профессора К.А. Меркулова (1924—1999) и профессора Э.А. Меркуловой (1933—2017).

Особые слова благодарности автор адресует составителю и ответственному редактору данного сборника Е.И. Сафроновой за ее неоценимый вклад в итоговую редакцию данной работы.

Исследование ведется в стиле прогнозно-аналитической оценки.

Поднимается также вопрос о теоретической и практической востребованности категорий «социалистическое общество» и «коммунистическое общество», которые ныне явно нуждаются в качественном уточнении. Во исполнение этой задачи анализ применимости различных теорий и практики «меритократии» видится еще более полезным. Он же может сыграть позитивную роль при перспективной выработке новой универсальной и оптимальной модели социально-экономического развития, учитывающей, в частности, интересы совместного прогресса РФ и КНР и других передовых мировых «центров». Показательно, что сам «ранний» Маркс полагал, что «коммунизм — не предел человеческой истории...».

Следует иметь в виду, что, как и феномен «глобализация», нынешние процессы «постглобализма», типа «репатриотизации», «ресуренизации» и т. п. — также не «конец истории», трактуемого Ф. Фукуямой и другими западными идеологами как «вечное торжество» либерально-рыночной демократии неокapиталистического типа. Конкретные направления, пути, формы и методы становления нового глобального общества определит сама жизнь, однако творческий долг научного сообщества — посылить содействовать своевременному выявлению особенностей и прогнозированию этого процесса. В связи с этим, видится целесообразным создание под эгидой ИДВ РАН специальной рабочей группы по работе над изучением проектов оптимизации моделей-парадигм мирового социально-экономического развития.

Ключевые слова: «китайская модель» реформ, «Вашингтонский консенсус», «Московский консенсус», «Пекинский консенсус», «Делийский консенсус», «новый Китайский консенсус».

Автор: Меркулов Катенарий Катенарьевич, кандидат исторических наук, доктор экономических наук (Международная академия наук Сан-Марино), старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: katenariy@gmail.com

К.К. Merkulov

On the international significance of the “Chinese model” of reforms

Abstract. The article examines some topical issues of international significance of the phenomenon of “Chinese model” of socio-economic reforms (the so-called Beijing consensus) in terms of its probable feasibility.

ity in the economic reforms in the Russian Federation. The issue of the “model”’s role in the general civilizational development is also touched upon. It is emphasized that features, phenomena and concepts of the old “Washington consensus”, the old “Moscow consensus”, the former “Beijing consensus” and “Delhi (Mumbai) consensus”, etc. compose important scientific and methodological experience which may be useful in relevant decision-making.

The study is conducted in the style of prognostic and analytical assessment.

The question of theoretical and practical demand in categories “socialist society” and “communist society”, which now clearly need qualitative clarification, is also raised. To accomplish this task, the analysis of the applicability of various theories and practices of “meritocracy” appears to be even more useful. The analysis can also play a positive role in the future promotion of a new universal and optimal model of social and environmental development which is to take into account interests of joint progress of Russia and China and other advanced world “centers” as well. It is significant that “early” Marx himself believed that “communism is not the limit of human history...”.

It should be borne in mind that, like the “globalization” phenomenon, the current processes of “post-globalization” including “repatriation”, “re-sovereignization”, etc. — are not the “end of history”, as it was interpreted by F. Fukuyama and other Western ideologists. Western political science sees the “end of the history” as the “eternal triumph” of liberal-market democracy of the neo-capitalist type. The specific directions, ways, forms and methods of a new global society formation will be determined by the life itself, but the duty of the scientific community is to contribute to the timely identification and prediction of the features of this process. In view of this, it would be advisable to establish under the auspices of the Institute of Far Eastern Studies of the RAS an ad hoc working group on the study of the optimization of models-paradigms of global socio-economic development.

Keywords: “Chinese model” of reforms, “Washington consensus”, “Moscow consensus”, “Beijing consensus”, “Delhi consensus”, “new Chinese consensus”.

Author: Katenariy K. MERKULOV, Ph.D. (History), D.Sc. (Economics) (International Academy of Sciences of San-Marino), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: katenariy@gmail.com).

Предисловие

Понятие «китайская модель (реформ)» часто обозначается в научной литературе как «Пекинский консенсус», «китайская экономическая модель», «модель социалистической рыночной экономики в КНР», «модель смешанной планово-рыночной экономики с китайской спецификой» и т. д. [*Виноградов, Дегтерев, Спирина, Трусова*]. Несмотря на всю уникальность этой модели, ее не следует превращать в новую «абсолютную истину» наподобие ряда прежних мифов, которые ранее уже были описаны в научной литературе (подробнее см., например [*Кондрашова*]).

Некоторые замечания

о крупнейших социальных «консенсусах» XX—XXI вв.

Основные типы геостратегических, геоэкономических, геополитических и т. д. моделей (консенсусов) культурно-цивилизационного развития в новейшей истории (XX—XXI вв.) обычно включают ряд схожих элементов, при этом ни одна из этих моделей-парадигм так и не стала универсальной. Данное замечание относится и к крупнейшим международным «консенсусам» XX—XXI вв. — старым «Вашингтонскому консенсусу», «Московскому консенсусу», «Пекинскому консенсусу» и др. (Оговоримся, что само по себе понятие «консенсус» в рассматриваемом контексте имеет относительный характер и скорее заслуживает трактовки с использованием определений «подвид общественно-экономической формации», «разновидность экономического способа производства» и т. п.)

Историческое фиаско старого «Вашингтонского консенсуса»

Элементы концепции «Вашингтонского консенсуса», сформулированной английским экономистом Дж. Уильямсоном в форме 10 правил либеральной экономической политики в отношении латиноамериканских стран с позиций интересов США и Запада, известны со времени их публикации в 1989 г. (см. [*Williamson*]).

Однако в более широком плане старый «Вашингтонский консенсус» по сути представляет собой либеральное теоретическое построение (свод принципов) для управления рынком в экономике и проведения линии «представительной демократии» в политике. Он также содержит трактовку «попкультуры» как явления в социально-культурной сфере жизни США и ряда зависимых от них стран.

В целом исторический провал старого «Вашингтонского консенсуса», несмотря на гигантские масштабы прежнего Pax Americana, ныне вполне объясним (подробнее [Вашингтонский консенсус...]). Однако не исключено, что в будущем передовая часть американского общества сможет выработать более прогрессивный и оптимальный социально-экономический и культурный консенсус.

Уроки «Московского консенсуса» индустриально-социалистического типа

Исторические достоинства и недостатки старого «Московского консенсуса» индустриально-социалистического типа и необходимость изыскания теоретических и практических основ «нового оптимального отечественного консенсуса» обусловлены рядом объективных и субъективных причин. Как известно, модель старого «Московского консенсуса» после победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. стала воплощением ортодоксальной теории и практики научного социализма и коммунизма, а позже, в течение долгих десятилетий XX в. была геостратегическим, геоэкономическим, геополитическим, геокультурным и т. д. ориентиром для мировой социалистической системы. Но, несмотря на множество достоинств, данная модель в итоге оказалась в глубоком кризисе и распалась в основном по следующим причинам:

а) в экономике данная «индустриально-социалистическая» модель была чрезмерно ориентирована на принципы тотальной плановости «сверху» в ущерб «творческой инициативе снизу»;

б) в политике она во многом несла антигуманное начало, будучи не свободной от проявлений насилия, бюрократии, идеологического

догматизма, коррупции и др. — вопреки идеалам теории и практики «прямого народовластия»;

в) в культуре данная модель изначально ориентировалась на вульгарный атеизм и узко-материалистические ценности (например, пропагандируемые во многих официально одобренных произведениях искусства, литературы и др.), значение которых порой крайне преувеличивалось.

В общем, ныне наша страна, как и другие передовые мировые центры, стоит перед необходимостью выработки нового, отвечающего современным реалиям и национально-государственным интересам социально-экономического консенсуса, подробнее о чем будет сказано ниже.

Некоторые особенности старого «Пекинского консенсуса»

Идея «Пекинского консенсуса» была выдвинута в 2004 г. старшим советником инвестиционного фонда *Goldman Sachs* Джошуа Купером Рамо как по сути геостратегическая альтернатива терявшим популярность теории и практике «Вашингтонского консенсуса» [Ramo]. Ключевые особенности концепции «Пекинского консенсуса» уже не раз излагались в политологических работах (для общего примера см. [Пекинский консенсус, 2019]).

Плюсы и минусы старого «Пекинского консенсуса» (по сути ратовавшего за конвергенцию капиталистических и социалистических и даже коммунистических начал) можно кратко описать так.

Эта модель, заложенная ее главным архитектором Дэн Сяопином в теорию и практику строительства «социализма с китайской спецификой» и «социалистической рыночной экономики» после 3-го Пленума ЦК КПК 12-го созыва (декабрь 1978 г.), мировоззренчески впервые в мире отразила в столь огромных масштабах проекты (версии) конвергенции не только капитализма и социализма как таковых, но и социал-демократических постулатов с принципами «азиатского способа производства», конфуцианства, «нового конфуцианства», «нового азиатского способа производства» и т. д.

Главным недостатком китаизированной модели конвергенции стала принципиальная недооценка новейших явлений в истории развития человечества, таких, как теория и практика «постконвергентных» биостратегии, биоменеджмента, биоэкономики, биополитики, биокультуры, биодипломатии и др.¹ [Биополитика, 1993]. К тому же, наряду с преимущественно «количественными» достижениями КНР за период «дэнсяопиновских» реформ (в рамках модели «догоняющего развития», то есть практически по принципу экстенсивного экономического роста) в Китае стали очевидным образом проявляться различные «качественные» проблемы развития в виде политико-идеологических и социально-экономических диспропорций [Fanby. P. 35—43].

Все это и побудило «пятое поколение» высших руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином, согласно решениям XVIII съезда КПК (8—14 ноября 2012 г.), взять курс на обновление прежней концепции «китайской модели социализма», доминировавшей в ушедшем «золотом веке» «Пекинского консенсуса». Это обновление выразилось в возрождении идеалов патриотизма и даже национализма в рамках концепции «китайской мечты».

Итак, можно предположить, что внутренняя и внешняя политика Поднебесной в обозримой перспективе будет все более ориенти-

¹ Согласно теории «исторических волн», впервые предложенной Э. Тоффлером в книге «Третья волна» (1980) и получившей развитие в более поздних источниках, современная человеческая цивилизация проходит в своем развитии целый ряд этапов/укладов: 1) «аграрное общество»; 2) «индустриальное общество»; 3) «постиндустриальное общество», или «общество знаний/информации». Согласно названной теории, в XXI в. человечество оказалось перед лицом «четвертой» и даже «пятой волны» своего исторического прогресса, суть которых — осознание и учет биологического, а точнее, — биоэкологического фактора во многих сторонах человеческой жизнедеятельности. Ныне в научной литературе говорится и о «шестом укладе», в котором поднимаются на новую высоту сферы биотехнологий (включая безопасную генную инженерию), информационно-когнитивных технологий, «зеленой» энергетики и иных областей знаний, в том числе гуманитарных, непосредственно связанных с обеспечением дружественной человеку не только природной, общественной, но и производственной среды. Этот уклад призван постепенно сменить «четвертый» (двигатели внутреннего сгорания), «пятый» (микроэлектроника) и другие «морально устаревающие» уклады.

роваться на «новый Китайский консенсус», отличный от старого «дэнсяопиновского» «Пекинского консенсуса». Направления и особенности данного процесса задаст сама жизнь. Он не будет иметь «линейного» характера. Так или иначе, XIX съезд КПК (18—24 октября 2017 г.) обозначил его главное содержание как «новый великий поход» к возрождению Китая на основе «теории социализма с китайской спецификой новой эпохи» [Новая эпоха, 2018].

На наш взгляд, явление «китайская модель» и другие рассмотренные выше крупнейшие мировые социальные «консенсусы» XX—XXI вв. имеют важное теоретическое, научно-методическое и даже практическое значение. И их опыт, безусловно, полезен для других мировых акторов при принятии решений, касающихся избрания модели собственного социально-экономического развития и реформирования общественной, хозяйственной и политической жизни страны.

О некоторых итогах 40 лет политики реформ и открытости в КНР

В декабре 2018 г. в Китае торжественно отметили 40-летие политики реформ и открытости. Как передало Международное радио Китая, 18 декабря 2018 г. в Пекине открылось торжественное мероприятие по случаю данной знаменательной даты. Генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР, председатель Центрального военного совета Си Цзиньпин выступил с важной речью, отметив, в частности, что 18 декабря 1978 г. Центральный комитет КПК на 3-м пленарном заседании 11-го созыва принял историческое решение — сосредоточить внимание на экономическом строительстве и реализации реформ и открытости. За последние 40 лет «всесторонняя национальная сила Китая» совершила качественный рывок: среднегодовые темпы прироста ВВП в сопоставимых ценах составили 9,5 %, реальный доход на душу населения увеличился в 22,8 раза, а число бедняков сократилось на 740 млн человек. Вклад в «мировой экономический рост» превысил 30 %. Во внешнем плане за последние 40 лет Китай стал более открыт миру: общий объем импорта и

экспорта товаров увеличился в 198 раз, объем импорта и экспорта услуг вырос более чем в 147 раз, объем иностранных инвестиций превысил 2 трлн долл. Китай стал страной со второй по величине экономикой мира, крупнейшей индустриальной страной [В Китае торжественно отмечают 40-летие политики реформ...].

При всей грандиозности, особенно в абсолютном выражении, итогов первых 40 лет политики реформ и открытости следует отметить, что ныне Китай стоит перед рисками целого ряда взрывоопасных внутренних финансово-экономических проблем [Петров, с. 180—182], а также перед вызовами, сопряженными с противоречивостью и разбалансированностью его международного окружения ввиду «растущего хаоса и непредсказуемости современного мира», пришедших на смену прежней исторической эпохе, оцененной Дэн Сяопином как период «мира и развития» [Лузянин, с. 228].

Вместе с тем, по оценке видного российского китаевода В.Я. Портякова, «сохранение Китаем собственной системы ценностных ориентаций, и прежде всего дополнение задачи модернизации производительных сил задачей строительства высокоразвитой духовной культуры, выгодно отличает Китай от многих других стран, также вставших на путь рыночной трансформации», и «главная задача, стоящая перед Китаем в деле корректировки нынешней модели экономического развития страны, заключается в завершении стратегического поворота... к преимущественно интенсивному, менее ресурсоемкому и экологически щадящему типу экономического роста» [Портяков, с. 196—197].

3 октября 2018 г. редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» провела «круглый стол», приуроченный к 40-летию начала экономических реформ в КНР. В ходе этого мероприятия был высказан ряд очень интересных мнений. Приведем некоторые из них (не в обиду другим уважаемым авторам).

По оценке известного российского исследователя А.В. Виноградова, «реформы вернули Китай в эпицентр мировой политики и геополитики... Си Цзиньпин открыл формулу возрождения: Китай поднялся (в результате революции 1949 г. Мао Цзэдуна), обогатился (в результате реформ Дэн Сяопина) и переходит к усилению (в результате новой политики Си Цзиньпина). Вслед за новым местом

Китайские шансы на широкое признание получила и его модель общественного развития... Наконец, китайские реформы займут место в мировой истории в одном ряду с Великой Французской и Великой Октябрьской революциями еще и потому, что в отличие от них изменили мир эволюционно... Завершение китайских реформ подводит итог первому этапу глобализации, основным содержанием которого... была демократизация и экономическая либерализация, в том числе социализма. Этот этап показал, что отличия в мире настолько глубоки, что даже общемировые тенденции не способны их ликвидировать, конвергенция закончилась... начинается эпоха идентичности» [К 40-летию начала экономических реформ в КНР..., с. 6,8].

Заслуженный отечественный китаевед Л.И. Кондрашова отметила в своем выступлении в частности следующее: «Хотя не существует никаких временных стандартов проведения реформ, 40-летний срок, отделяющий нас от декабря 1978 г., и нерешенность многих насущных проблем дают основание говорить не о «реформе» в единственном числе, а о подлинной Эпохе китайской Реформации и Возрождения, которой пока не видно конца... Ныне Китай — причудливая смесь исторически сложившейся умеренности и неожиданно вторгшегося потребительства, коммунистической солидарности и буржуазной конкуренции, господства авторитета и власти денег... Логика пройденного Китаем пути вселяет надежды на успешное продолжение китайских реформ...» [К 40-летию начала экономических реформ в КНР..., с. 15—17].

Профессор РАН А.В. Ломанов по итогам своего выступления подчеркнул факт «растущего социального многообразия китайского общества, порождающего множественность интересов и, как следствие, разнообразие выражающих эти интересы общественных идей» [К 40-летию начала экономических реформ в КНР..., с. 37].

В целом итоги 40 лет реформ в КНР можно кратко оценить следующим образом. Ныне преждевременно говорить о «конце китайского чуда», «споткнувшегося» о комплекс потенциальных угроз, связанных с так называемыми глубоким кризисом и дезинтеграцией Китая, однако ряд неблагоприятных тенденций в социально-экономической жизни КНР явно прослеживается, особенно в финансово-экономической сфере (здесь обострение негативных трендов мо-

жет быть особо опасным ввиду совершенной непредсказуемости их последствий). Поэтому ныне страна стоит перед необходимостью разработки и реализации «нового Китайского консенсуса», значительно более эффективного по сравнению со старым «Пекинским консенсусом».

Некоторые исходные особенности модели нового «Китайского консенсуса»

Некоторые исходные характеристики «нового Китайского консенсуса» (на наш взгляд, связанные со смещением стратегических приоритетов развития Поднебесной с идей «сяокан», то есть «малого благоденствия», в сторону идеалов «датун» — «великого единения») можно кратко описать следующим образом.

Модель «нового Китайского консенсуса» во многом базируется на общих приоритетах наступающей эпохи репатриотизации (то есть, как представляется, на «всестороннем возрождении националистического и патриотического духа и всех сфер жизни» отдельных наций, государств и их союзов, а также региональных цивилизаций и иных геоцентров).

Вместе с тем данная эпоха («период всесторонней репатриотизации») не является еще одним вариантом «конца истории», а по сути предваряет собой эпоху универсализации мирового бытия (хотелось бы надеяться, конструктивного типа).

В Китае в последнее время стала нарастать популярность лозунгов замены уходящего Pax Americana разного рода версиями «проекта» Pax Sinica [Special issue, p. 137—200], несмотря на весьма сдержанные ныне официальные заявления по этому поводу самого Си Цзиньпина.

Задача исследователей и практиков — теоретически систематизировать и выявить полезные стороны феномена «новый Китайский консенсус» при моделировании и реализации новых национальных моделей социально-экономического развития и реформ.

При всем этом у старого «Пекинского консенсуса» и «нового Китайского консенсуса» есть мощные стратегические конкуренты, в

том числе на «глобальном Юге». Упомянем в этой связи так называемый Делийский (Мумбайский) консенсус, представляющий собой некую парадигму структурных реформ в современной Индии, но по духу более близкий к старому «Вашингтонскому консенсусу» [Галищева, с. 13—20].

Заключение

Эволюция реформаторских подходов КПК, в том числе в свете решений XIX съезда КПК, прошла сложный путь от китаизированной версии «ортодоксального марксизма» к многозначным тезисам «нового великого похода» и концепции «возрождения Китая» на основе «теории социализма с китайской спецификой новой эпохи» с явной националистической ноткой.

Нарастание явлений «нового авторитаризма» в КНР и популяризация разного рода проектов типа «мира по-китайски» (*Rax Sinica*), «глобализации по-китайски» и т. п. вызывает необходимость адекватного социально-философского ответа со стороны прогрессивных сил мирового сообщества и нашей страны.

Самыми широкими социально-философскими категориями, описывающими положительные и отрицательные проявления мироздания, с глубокой древности традиционно признаются «добро» и «зло» соответственно. Не вмешиваясь во внутренние дела КПК, заметим, что термин «коммунизм» (от лат. *communis* — «общий») по сути своей применим и при попытках *общей* трактовки понятий «мирового добра» и «мирового зла», находящихся в диалектическом противостоянии/взаимодействии. Может, стоит попробовать проявить политическую и гражданскую волю и акцентировать светлую часть этой дихотомии? То есть, стараться направлять большие ресурсы на развитие культуры, философии, на усиление гуманистических начал и объективности политики, на социально значимую эффективность экономики, стремясь к плодотворному взаимодействию теории и практики. (Разумеется, помня при этом о великой истине о том, что «добро должно быть с кулаками...»)

Каков же может быть вывод из вышесказанного для России? Наше Отечество достойно своего собственного великого пути разви-

тия, который в контексте вышесказанного можно было бы определить как «оптимальный российский консенсус» или более широко — «оптимальный евразийский консенсус» и даже «оптимальный европейский консенсус». Полезно было бы продумать и вопрос об инициировании не менее значимой, беспрецедентной модели нового оптимального международного компромисса-консенсуса в духе идеалов мировой интерпатриотической идеи (Подробно см. [Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К.]).

Библиографический список

Биополитика. Био-Окружение. Био-Силлабус. Глобальная модель био-образования, разработанная Интернациональным университетом по Био-Окружению / Сост. Агни Влавиянос-Арванитис, Александр Олескин. Публикация Био-политической Интернациональной Организации (В.І.О.). Афины, 1993. 180 с.

Вашингтонский консенсус. Информационно-аналитический материал. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вашингтонский_консенсус (дата обращения: 01.05.2019).

Виноградов А.В., Дегтерев Д.А., Спирина Д.В., Трусова А.А. «Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 17—28.

Галищева Н.В. Приоритеты внешнеэкономической политики Индии // Азия и Африка сегодня. 2014. № 10. С. 13—20.

В Китае торжественно отмечают 40-летие политики реформ и открытости. Комментарий Международного радио Китая от 18.12.2018 г. (17:22:03). URL: <http://russian.china.com/news/china/740/20181218/1441748.html> (дата обращения: 02.01.2019).

Кондрашова Л.И. Китай: к новой модели общественного развития: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2017. 336 с.

К 40-летию начала экономических реформ в Китайской Народной Республике. «Круглый стол» в редакции ПДВ // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 4—41.

Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / отв. ред. академик В.С. Мясников; предисл. В.А. Никонов. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.

Меркулова Э.А., Меркулов К.А., Меркулов К.К. Философия истинного добра: избранные основы: Коллективная монография. М.: Спутник+, 2018. 576 с.

Новая эпоха: Китай после XIX съезда КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН (Москва, 14 и 16 марта 2018 г.). М.: ИДВ РАН, 2018. 304 с.

Пекинский консенсус. Информационно-аналитический материал. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пекинский_консенсус (дата обращения: 01.05.2019).

Петров А. Рецензия на книгу «Макмахон Д. Великая китайская стена долга. Теневые банки, города-призраки, массиванные кредиты и конец китайского чуда. “Dinny McMahon. China’s Great Wall of Debt. Shadow Banks, Ghost Cities, Massive Loans, and the end of Chinese Miracle. NY: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2018. 256 p.” // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 180—182.

Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае. М.: ИД «Форум», 2018. 464 с.

Fanby Jonathan. China’s economy (domestic situation) // *Charting China’s Future. Domestic and International Challenges* / Ed. David Shambaugh. London, New York: Routledge, 2011. P. 35—43.

Ramo J.C. The Beijing Consensus. London: The Foreign Policy Center, 2004. 76 p. URL: <http://www.chinaelections.org/uploadfile/200909/20090918021638239.pdf> (accessed: 1 May, 2019).

Special issue: Global Governance and Strategic Mutual Trust / Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian // *Social Sciences in China. A Quarterly Journal.* 2018. Vol. XXXIX. No. 4. November. P. 137—200.

Williamson J. The Washington Consensus as Policy Prescription for Development. A lecture in the series “Practitioners of Development” delivered at the World Bank on January 13, 2004 / Institute for International Economics. 76 p. URL: <https://piie.com/publications/papers/williamson0204.pdf> (accessed: 1 May, 2019).

References

Biopolitika. Bio-Okruzheniye. Bio-Sillabus. Global’naya model’ bio-obrazovaniya, razrabotannaya Internatsional’nym Universitetom po Bio-Okruzheniyu (1993). [Biopolitics. Bio-Environment. Bio-Sillabus. The Global Model of bio-education, developed by the International Institute of Bio-Environment] / Compilers: Agni Vlavianos-Arvanitis, Aleksandr Oleskin. Publikatsiya Biopoliticheskoy Internatsional’noy Organizatsii (B.I.O.). Athens. 180 p. (In Russian).

Fanby, Jonathan (2011). China’s economy (domestic situation), *Charting China’s Future. Domestic and International Challenges*. Ed. David Shambaugh. London, New York: Routledge: 35—43.

Galishcheva, N.V. (2014). *Prioritety vneshneekonomicheskoy politiki Indii* [The priorities of the external economic policy of India], *Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*. No.10: 13–20. (In Russian).

V Kitaye torzhestvenno otmechayut 40-letiyu politiki reform i otkrytosti. Kommentariy Mezhdunarodnogo radio Kitaya ot 18.12.2018. (17:22:03) [The 40th Anniversary of the reform and openness politics marked in China. Comments of the International Radio of China dated 18 December, 2018]. URL: <http://russian.china.com/news/china/740/20181218/1441748.html> (accessed: 2 January, 2019). (In Russian).

Kondrashova, L.I. (2017). *Kitay: k novoy modeli obshchestvennogo razvitiya: monografiya* [China: towards a new model of social development: monograph]. M.: «FORUM» PH. 336 p. (In Russian).

K 40-letiyu nachala ekonomicheskikh reform v Kitayskoy Narodnoy Respublike. «Kruglyy stol» v redaktsii PDV (2018) [The 40th Anniversary of the beginning of the economic reforms in the PRC. The “round table” in the editorship of the journal “The Far Eastern Affairs”], *Problemy Dal'nego Vostoka [The Far Eastern Affairs]*. No. 6: 4–41. (In Russian).

Luzyanin, S.G. (2018). *Rossiya — Kitay : formirovaniye obnovlyonnogo mira: monografiya* [Russia—China: the formation of the renovated world: monograph / exec. ed. — Academician V.S. Myasnikov; preface — V.A. Nikonov]. M.: “Ves' Mir” PH. 328 p. (In Russian).

Merkulova, E.A.; Merkulov, K.A.; Merkulov, K.K. (2018). *Filosofiya istinnogo dobra: izbrannyye osnovy: Kollektivnaya monografiya* [The Philosophy of the True Good: selected principles]. M.: «Sputnik +» PH. 576 p. (In Russian).

Novaya epokha: Kitay posle XIX syezda KPK. Materialy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDV RAN (Moskva, 14 i 16 marta 2018 g.) (2018) [The New Epoch: China after the 19th CPC Congress. Materials of the annual academic conference of the Center of political research and forecast of the IFES RAS (Moscow, 14 and 16 March, 2018)]. M.: IDV RAN (IFES RAS). 304 p. (In Russian).

Pekinskiy konsensus. Informacionno-analiticheskij material (2019). [The Beijing Consensus. Information and analytical material]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pekinskiy_konsensus (accessed: 1 May, 2019). (In Russian).

Petrov, A. (2019). *Retsenziya na knigu «Makmakhon D. Velikaya kitayskaya stena dolga. Tenevyye banki, goroda-prizraki, massirovannyye kredity i konets kitayskogo chuda* [The review of the book “Dinny McMahon. China’s Great Wall of Debt. Shadow Banks, Ghost Cities, Massive Loans, and the end of Chinese Miracle. NY: Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2018. 256 p.], *Problemy Dal'nego Vostoka [The Far Eastern Affairs]*, No. 1: 180–182. (In Russian).

Portyakov, V.Ya. (2018). *Muravej gryzyot kost'. Izbrannye ocherki o Kitae* [Ant gnawing at a bone — selected essays of a Russian sinologist]. M.: «Forum» PH. 464 p. (In Russian).

Ramo, J.C. (2004). *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Center. 76 p. URL: <http://www.chinaelections.org/uploadfile/200909/20090918021638239.pdf> (accessed: 1 May, 2019).

Special issue: *Global Governance and Strategic Mutual Trust* (2018) / Editorial Advisor: Li Fang. Chinese Editors: Li Xiaoxiao, Li Fang, Wang Haifeng, and Liu Qian, *Social Sciences in China. A Quarterly Journal*, Vol. XXXIX. No. 4. November: 137—200.

Vashingtonskiy konsensus. Informacionno-analiticheskij material (2019) [The Washington Consensus. Information and analytical material]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Vashingtonskiy_konsensus (accessed: 1 May, 2019). (In Russian).

Vinogradov, A.V.; Degterev, D.A.; Spirina, D.V.; Trusova, A.A. (2018). «Pekinskiy konsensus» v mezhdunarodnom i vnutrikitayskom politicheskom diskurse [The Beijing Consensus in the international and inner-Chinese political discourse], *Problemy Dal'nego Vostoka* [The Far Eastern Affairs]. No. 3: 17—28. (In Russian).

Williamson, J. (2004). *The Washington Consensus as Policy Prescription for Development*. A lecture in the series “Practitioners of Development” delivered at the World Bank on January 13. *Institute for International Economics*. 76 p. URL: <https://piie.com/publications/papers/williamson0204.pdf> (accessed: 1 May, 2019).

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10019

С.Л. Сазонов, Чэнь Сяо

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО РАЗВИТИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ АВТОМОБИЛЬНЫХ КОРИДОРОВ

Аннотация. Сегодня перспективы экономического развития России в немалой степени будут зависеть от степени ее вовлеченности в процесс международной автомобильной интеграции, которая способна обеспечивать значительные временные и стоимостные выгоды от грузовых автомобильных транзитных перевозок по своей территории из стран АТР в страны Европейского союза и обратно. Именно поэтому России необходима долгосрочная стратегия внедрения на рынки стран АТР, которая, в первую очередь, должна опираться на интегрированное объединение автодорожной сети РФ с приграничными автомобильными магистралями Китая, превратившихся в ключевой источник евразийских автомобильных грузовых транзитных потоков. Только тесная интеграция китайско-российских приграничных автомобильных магистралей с улучшенными характеристиками дорожного полотна и при значительном увеличении числа совместных пунктов пропуска дадут возможность обеспечить быстрое и органичное встраивание авто-

дорожной сети РФ в евразийскую систему транзитных автомобильных коридоров, а также перевод значительной части китайского транзитного грузового потока на сеть российских автомобильных дорог. А отсутствие прямого выхода к морским портам побуждает провинции Северо-Восточного Китая совместно с субъектами Дальневосточного федерального округа РФ использовать как автодорожные сети двух стран, так и российские морские порты.

В статье определены и систематизированы приоритетные направления развития российско-китайской приграничного сотрудничества в области автомобильного транспорта. Реализация конкретных предложений по развитию автодорожной системы Дальневосточного Федерального округа РФ и по формированию новых конфигураций совместной российско-китайской приграничной автомобильной интеграции позволит увеличить уровень надежности транспортного сообщения между РФ и КНР. Это в свою очередь повысит заинтересованность северо-восточных провинций КНР в использовании российских маршрутов для транспортировки экспортной продукции в южные регионы Китая и страны Юго-Восточной Азии, а также будет способствовать развитию региональной торговли между двумя дружественными державами.

Ключевые слова: Северо-Восток Китая, Дальневосточный Федеральный округ, автомобильный транспорт, пункты пропуска, приграничная инфраструктурная интеграция, международные транспортные коридоры, транзит, экспорт.

Авторы:

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН. E-mail: sazonovch@mail.ru

Чэнь Сяо, аспирантка ИДВ РАН. E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru

S.L. Sazonov, Chen Xiao

Russian-Chinese cooperation in the development of international automobile corridors

Abstract. Nowadays, the prospects for Russia's economic development largely depend on the RF involvement in the international automobile integration, which is apt to provide significant time and cost benefits for cargo automobile transit from the Asia-Pacific region to European Union. That is why Russia needs a long-term strategy of its "penetration" into the markets of Asia-Pacific countries. The strategy, first of all,

should be based on the integration of the RF road network with the cross-border highways of China being the key source of Eurasian cargo transit flows. Only close integration of Chinese-Russian cross-border highways of improved pavement characteristics as well as significant increase in the number of joint checkpoints will provide an opportunity to ensure fast and seamless integration of the RF's network into the Eurasian system of transit road corridors. It will also ensure transfer of a significant part of Chinese transit cargo flows onto Russian road network. The lack of direct access to sea ports encourages provinces of North-East China along with the subjects of the Far Eastern Federal District of Russia, to use for transportation and trade activities the road network of the two countries and Russian seaports as well.

The article defines and systematizes priority directions of the Russian-Chinese cross-border cooperation in the field of automobile transport. The implementation of concrete proposals on the development of the highway system in Russia's Far Eastern Federal District and on the formation of new configurations of joint Russian-Chinese cross-border road integration will increase the level of reliability of transport links between the two countries. This, in turn, will boost the interest of North-Eastern provinces of China to use Russian routes for the exportation of their products to the southern regions of China and to South-East Asia, and will also contribute to the development of regional trade between the two friendly states.

Keywords: North-East China, Far Eastern Federal district, automobile transport, check points, cross-border infrastructure integration, international transport corridors, transit, export.

Authors:

Sergey L. SAZONOV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: sazonovch@mail.ru);

CHEN Xiao (China), postgraduate student of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru).

В настоящее время между провинцией Хэйлуцзян и приграничными административно-территориальными субъектами России осуществляется движение по 43 международным автодорожным транспортным коридорам — 22 маршрута для перевозок пассажиров и 21 грузовой. Основными направлениями автодорожных маршру-

тов при перевозках грузов и пассажиров между странами в пределах ДФО являются: Уссурийск (РФ)—Цзиси (КНР), Камень-Рыболов (РФ)—Мишань (КНР), Краскино (РФ)—Хуньчунь (КНР), Славянка (РФ)—Тумэнь (КНР), Уссурийск (РФ)—Яньцзи (КНР), Владивосток (РФ)—Харбин (КНР), Владивосток (РФ)—Чанчунь (КНР), Биробиджан (РФ)—Харбин (КНР).

Многие маршруты открыты как для пассажирских, так и для грузовых перевозок, например: Биробиджан—Суйхуа (через пункт пропуска «Пашково»), Биробиджан—Шуаньяшань (через пункт пропуска «Нижнеленинское»). Функционируют международные маршруты комбинированных перевозок контейнерных грузов: Хуньчунь (КНР)—Зарубино (РФ)—Иомишима (Япония), Хуньчунь (КНР)—Посьет (РФ)—Акита (Япония), Хуньчунь (КНР)—Зарубино (РФ)—Пусан (Республика Корея), Хуньчунь (КНР)—Зарубино (РФ)—Ниигата (Япония), Сокчо (Республика Корея)—Ниигата (Япония)—Зарубино (РФ)—Хуньчунь (КНР). Кроме того, на регулярной основе, осуществляются перевозки пассажиров по направлению Хуньчунь (КНР)—Зарубино (РФ)—Сокчо (Южная Корея), Хулинь (КНР)—Лесозаводск (РФ).

Одним из наиболее важных элементов инфраструктуры при международных перевозках являются контрольные пункты пропуска (КПП) через государственную границу, чья пропускная способность, скорость и качество обслуживания во многом определяют эффективность работы всей транспортной цепи. По Соглашению между правительствами России и Китая о контрольных пунктах пропуска (КПП) на российско-китайской границе, подписанному 27 января 1994 г., пересечение границы грузовым и пассажирским автомобильным транспортом предусмотрено через основные КПП: Пограничный—Суйфэньхэ, Забайкальск—Маньчжоули, Благовещенск—Хэйхэ, Краскино—Хуньчунь, Полтавка—Дуннин и Староцурухайтуйский—Хэйшаньтоу, Марково—Хулинь, Турий-Рог—Мишань. Не действуют в настоящее время 5 пунктов пропуска на границе с КНР: Джалинда, Кани-Курган, Константиновка, Ушаково, Нижнеленинское (железнодорожный).

Для субъектов Дальневосточного Федерального округа РФ товарооборот с Китаем представляет особый интерес, причем в их внеш-

неторговом обороте доля северо-восточных провинций КНР (Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин) составляет около 80 %. Северо-Восточный Китай (СВК) является главным экспортером автомобилей, стройматериалов, обуви, продовольствия, приборов бытовой техники и т. п.

Вторым по значению (после железнодорожного транспорта) в деле обеспечения регионального сотрудничества Дальнего Востока РФ и провинций СВК, несомненно, является автомобильный транспорт: он наиболее распространен и удобен в приграничном сообщении. В 2018 г. объем перевозок грузов автомобильным транспортом между РФ и КНР превысил 2,59 млн т, что составило малую часть в сравнении с общим объемом грузоперевозок между Россией и Китаем [*Ян Цзяньцзюнь*, с. 20].

Следует заметить, что в области международных автомобильных перевозок контейнеров и грузов и по объемам грузооборота КНР остается третьим по значимости (после Германии и Финляндии) рынком для российских автомобильных перевозчиков. Основной причиной незначительной роли автомобильного транспорта в общем объеме российско-китайского грузооборота является недостаточное развитие российской приграничной инфраструктуры: густота (плотность) сети автодорог с твердым покрытием в приграничных районах РФ не превышает 6,5 км на 1 тыс. кв. км, что меньше, чем средний показатель по России — около 32 км на 1 тыс. кв. км.

Дальневосточные дороги имеют низкое качество, требуют ремонта, не имеют альтернативных объездных путей, что приводит к росту на 60 % себестоимости автомобильных перевозок и увеличению на 30 % расхода бензина.

В Китае создана разветвленная сеть скоростных автомобильных магистралей, подходящих к российско-китайским погранпереходам, например, Чанчунь—Хуньчунь, Далянь—Хэйхэ, Муданьцзян—Хуньчунь, Маньчжоули—Суйфэньхэ, Дуннин—Муданьцзян, Хуньчунь—Чанчунь, Маньчжоули—Хулунбуир, Хэйшаньтоу—Лабудалинь, Логухэ—Мохэ и т. д., тогда как российские автомобильные дороги в направлении практически всех пограничных КПП давно устарели и требуют капитального ремонта. Подобная негативная ситуация складывается и на приграничных КПП: китайские регио-

нальные власти постоянно повышают пропускную способность своих пограничных переходов, а российские КПП почти все требуют коренной модернизации.

Понимая исключительную важность повышения пропускной способности автомобильных погранпереходов для развития российско-китайской региональной торговли, увеличения объемов двустороннего пассажиропотока Китая в последние годы правительство КНР стало направлять значительные объемы инвестиций в модернизацию совместных с РФ пограничных автодорожных КПП. 2017 г. на крупнейшем на Дальнем Востоке китайском КПП Маньчжоули была проведена модернизация международного пассажирского автовокзала для внутренних и международных автомобильных пассажирских перевозок, что позволило поднять пропускную способность КПП до 15 тыс. пассажиров в день [China to coordinate...].

В сентябре 2017 г. был официально сдан в эксплуатацию реконструированный терминал по контролю и пропуску туристов на автомобильном погранпереходе Суйфэньхэ, который позволит повысить ежегодную пропускную способность погранперехода с 500 тыс. до 6 млн человек. КПП Суйфэньхэ, включающий автомобильный и железнодорожный пограничные переходы 1-й государственной категории, является крупнейшим КПП провинции Хэйлунцзян на китайско-российской границе. Согласно данным Государственного статистического управления КНР, в 2017 г. КПП Суйфэньхэ—Гродеково обработал более 1 млн т грузов (80 % объема внешнеторговых грузов между провинцией Хэйлунцзян и РФ), через него прошло около 1 млн человек [Новости: отклики, цифры и лица, с. 14], а по итогам 2018 г. общее количество пассажиров, въехавших и выехавших через КПП Гродеково—Суйфэньхэ, составило 1 млн 114 тыс. человек, и это стало новым рекордом с 2009 г. [Количество пассажиров, въехавших...].

Сегодня между приграничными городами Хэйхэ и Благовещенск летом пассажиров перевозят теплоходы, а в период межсезонья на маршруте курсируют 18 судов на воздушной подушке, которые могут вместить около 60 человек. Зимой региональные власти двух государств оборудуют ледовую понтонную автомобильную пе-

реправу через р. Амур шириной 10 м с ежедневной пропускной способностью около 3,2 тыс. человек.

В конце 2016 г., после почти 30-летнего периода российско-китайских переговоров, началось сооружение автомобильного моста через р. Амур (а также КПП на автомобильной дороге, логистического комплекса, грузового и пассажирского терминалов), который свяжет село Чанфа близ г. Хэйхэ (пров. Хэйлунцзян) и село Каникурман около г. Благовещенск. С российской стороны к мосту подходит федеральная трасса «Амур», с китайской — скоростная автомобильная магистраль Хэйхэ—Харбин. Мост протяженностью 19,9 км станет ключевым звеном нового международного автомобильного транспортного коридора. Суммарная протяженность вантового моста (длина составляет 1284 м, ширина — около 15 м) и подъездных двухполосных дорог (11 км) превысит 30 км. Стоимость строительства моста, который будет сдан в эксплуатацию в конце 2019 г., заложена в размере 2,47 млрд юаней (356 млн долл.), из них 566 млн юаней инвестирует китайский подрядчик, а 1,9 млрд юаней внесет российская сторона.

Региональные российско-китайские власти намерены создать СП по дальнейшей эксплуатации моста, сбора оплаты за проезд и его технического обслуживания. Планируется, что начиная с 2020 г. пункты пропуска на обеих сторонах границы перейдут на 24-часовой режим работы, ежегодная пропускная способность моста превысит 3,5 млн т грузов и около 3 млн пассажиров двух стран [Highway bridge to link China].

Если правительство РФ сможет через 10 лет создать автотранспортную сеть в ДФО РФ, соответствующую планам Стратегией развития транспортного комплекса России на период до 2025 г., то, несомненно, доля автомобильных перевозок в общем объеме российско-китайской региональной торговли значительно возрастет.

Базой для разработки основных направлений российско-китайского сотрудничества в области интеграции приграничных автомобильных перевозок являются национальные и региональные программы развития ДФО РФ, которые на международном уровне были дополнены «Программой сотрудничества между регионами Дальне-

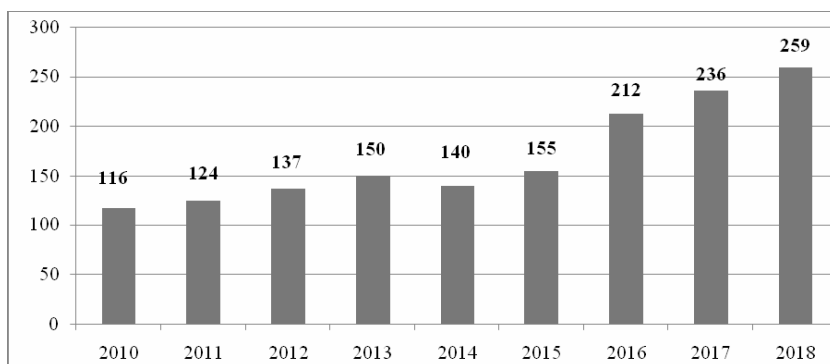

Рис. 1. Динамика роста объемов автомобильных перевозок между КНР и РФ (100 тыс. т). *Источник:* Ян Цзяньцзюнь, с. 20.

го Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009—2018 гг.)».

Сегодня ежегодный объем товарооборота Северо-Восточного Китая (его площадь — 1,5 млн кв. км, а численность населения составляет около 130 млн человек) со странами АТР превышает 15 млн т грузов ежегодно при тенденции дальнейшего роста, а объем транзита через территорию Приморского края сегодня составляет менее 1 % [Sun Zhiyan, Hou Yongzhi]. Однако экспортный поток северо-восточных провинций КНР (из которых только провинция Ляонин имеет выход к морю через свои порты — Далянь, Цзиньчжоу, Инкоу) осуществляется в основном через крайне загруженную железнодорожную магистраль Харбин—Чанчунь—Шэньян—Далянь протяженностью свыше 800 км (что значительно увеличивает себестоимость перевозимой продукции) с последующей отправкой экспортных грузов через порт Далянь или еще более отдаленный порт Тяньцзинь (расстояние более 1 тыс. км), которые в свою очередь с трудом обрабатывают поступающий объем товаров и грузов, произведенных в СВК.

Перевозка основной номенклатуры сельскохозяйственных и промышленных товаров провинций СВК, автономного района Внутренняя Монголия в центральные и южные регионы КНР по

железным дорогам также представляет собой серьезную проблему ввиду больших объемов грузов, предъявляемых к транспортировке по железным дорогам другими провинциями Китая. Так, в 2017 г. из-за лимитирующих ограничений железнодорожной сети КНР провинции СВК не смогли обеспечить вывоз более 110 млн т грузов [*Zhou Wa*].

Основную выгоду от инициативы, выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином о строительстве Морского Шелкового пути XXI века, РФ может извлечь из совместного с китайской стороной развития международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2», через которые осуществляется перевозка товаров и грузов северо-восточных провинций КНР до морских портов Приморского края для последующей их транспортировки в южные порты Китая или страны АТР.

МТК «Приморье-1» через автомобильный КПП Суйфэньхэ—Гродеково обеспечивает транспортировку китайских экспортных грузов через территорию пров. Хэйлунцзян в российские порты Владивосток, Находка и Совгавань, а МТК «Приморье-2» — через автомобильный КПП Хуньчунь—Краскино позволяет вывозить грузы из пров. Цзилинь через южные порты Приморского края — Зарубино, Славянка, Посьет [Раскрывать преимущества...]. В свою очередь, северо-восточные провинции Цзилинь и Хэйлунцзян прокладывают транспортные коридоры «Биньхай-1» и «Биньхай-2» в целях наращивания как объемов автомобильных перевозок в приграничной торговле, так и международного транзита.

Транспортировка экспортных грузов провинций СВК через северные порты КНР (Далянь, Инкоу, Тяньцзинь) приводит к значительному увеличению себестоимости транспортировки грузов. Например, расстояние транспортировки грузов из Хуньчуня до ближайшего китайского порта Далянь составляет около 1,5 тыс. км, а от Хуньчуня до российского порта Зарубино оно составляет лишь 75 км и время транспортировки сокращается на 5 дней (до портов Посьет расстояние оставляет около 40 км, Славянка — около 200 км).

Автомобильная инфраструктура МТК «Приморье-1» с выходом на порты Владивосток, Находка или Восточный уже сегодня может

Таблица 1. Стоимость транспортировки грузов автомобильным транспортом из провинций СВК до ближайших китайских/российских портов

Китайские/российские порты	Зерновые, долл. за 1 т	Долл. за 1 контейнер
Порт Далянь (КНР)	95	1650
Порт Тяньцзинь (КНР)	150	1850
Порт Владивосток («Приморье-1»)	75	1200
Порт Находка («Приморье-1»)	90	1400
Порт Зарубино («Приморье-2»)	55	1050

Источник: Чжан Сяодун, Кан Фуцюань. С. 25.

обеспечивать перевозку до 1 млн т грузов, а транспортировка товаров из Суйфэньхэ в эти порты требует менее 18 ч.

С целью увеличения объемов транзитного грузопотока по МТК «Приморье-1» следует расширить российский сегмент автомобильного КПП Гродеково—Суйфэньхэ, модернизировать автомобильную магистраль Уссурийск—Госграница протяженностью 110 км, ускорить строительство скоростной автомобильной дороги из Уссурийска до порта, обеспечить ее стыковку с китайскими автомобильными магистралями Муданьцзян—Суйфэньхэ и Харбин—Муданьцзян с целью развития сухопутного трансграничного транспортного коридора, активизировать строительство российского внутреннего грузового терминала «Приморский» для скорейшего использования его мощностей.

В свою очередь, провинция Хэйлунцзян намерена ускорить строительство зоны «Шелковый путь Лунцзян», являющейся важным звеном в процессе сопряжения МШП XXI века с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и создания территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) на Дальнем Востоке РФ, составной частью которого является развитие свободного порта Владивосток [Федеральный закон «О территориях...»].

Обрабатывающие мощности порта Владивосток обеспечивают развитие мультимодальных перевозок по маршруту Харбин—Суйфэньхэ—Владивосток—Пусан, которые становятся более короткими, дешевыми и эффективными, ибо себестоимость транспортиров-

ки грузов в Японию и Южную Корею, отправленных из свободного порта Владивосток, снижается на 2 тыс. юаней по сравнению с отправкой из порта Далянь, а себестоимость транспортировки по тому же маршруту из российского порта по сравнению с отправкой грузов из южных портов КНР снижается примерно на 4 тыс. юаней [Хэйлунцзян жибао, 28.03.2018].

Одна из наиболее развитых территориально-административных единиц СВК — провинция Цзилинь, обладающая значительным промышленным потенциалом и населением более 40 млн человек, имеет общую с российским Приморьем границу в 224 км с автомобильным КПП Хуньчунь—Краскино, который сообщается с российскими портами южного Приморья, в том числе Зарубино, Славянка, Посьет. В Китае именно это направление сотрудничества в рамках соразвития МТК «Приморье-2» называют «важнейшим узлом северного канала маршрута «Пояса и пути», распахивающего окно для открытости старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая» [Раскрывать преимущества...].

Приоритетным направлением развития МТК «Приморье-2» должен стать порт Зарубино, расположенный на юге Приморского края на стыке границ РФ, КНР и КНДР в 80 км северо-западнее порта Владивосток, в 18 км от границы между РФ и КНР и всего в 64 км от автомобильного КПП Краскино—Хуньчунь. Порт расположен в поселке Зарубино Хасанского района в юго-западной части незамерзающей бухты Троица и является наиболее коротким путем для транзита грузов из КНР в Японию, Республику Корея и страны ЮВА. Порт Зарубино обладает выходом на федеральные автомобильные магистрали: Раздольное—Хасан, Владивосток—Хабаровск и региональные автомобильные дороги в направлении Китая.

В 2015 г. было создано Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и развитию экспорта, одной из основных задач которого стало повышение пропускной способности МТК «Приморье-2». В апреле 2017 г. при поддержке Агентства через автомобильный КПП Хуньчунь—Краскино в тестовом режиме из провинции Цзилинь была отправлена партия контейнеров в порт Зарубино, откуда через 7 дней она была доставлена в Республику Корея, и сегодня российские специалисты изучают возможность сокращения

сроков транспортировки. В декабре 2017 г. из г. Хуньчунь был открыт самый протяженный прямой автомобильный маршрут перевозки грузов, который соединил административный центр пров. Цзилинь г. Чанчунь и Владивосток; его протяженность составляет 866 км.

Таблица 2. Объемы инвестиций в развитие инфраструктурных мощностей МТК «Приморье-1» и «Приморье-2», млрд руб.

Инфраструктурные объекты МТК «Приморье-1» и «Приморье-2»	2016—2017 гг.	2018—2020 гг.
Увеличение пропускной способности автомобильных КПП	4	
Модернизация автомобильной дороги Госграница—Уссурийск (протяженность 110 км)	6	
Увеличение обрабатываемой мощности контейнерных терминалов в Приморском крае,		15
Модернизация автомобильной дороги Владивосток—Находка—Восточный (протяженность 135 км)		120
Итого: МТК «Приморье-1»	10	135
Обустройство пограничных и таможенных объектов порта Зарубино	10	
Строительство автомобильной дороги Госграница—порт Зарубино (протяженность 70 км)	30	10
Строительство железной дороги Госграница—порт Зарубино (протяженность 70 км)	35	
Расширение акватории порта Зарубино		30
Строительство контейнерного терминала порта Зарубино	30	25
Строительство зернового терминала порта Зарубино	35	20
Итого: МТК «Приморье-2»	140	85

Источник: Нехайчук Ю. Создание транспортных коридоров...

Потенциальный объем грузовой базы (для автомобильного и железнодорожного видов транспорта) двух российских международных транспортных коридоров очень значителен. К 2030 г. общий объем грузопотока из провинций СВК по двум МТК («Приморье-1» и «Приморье-2») может превысить 55 млн т (из которых по МТК «Приморье-2» объем может составить 35 млн т грузов и около 2 млн контейнеров). Одновременно расширится и объем экспорта российских компаний в провинции СВК. В перспективе возможно привлечение транзитных потоков грузов через российскую территорию из стран ЮВА, Республики Корея и Японии.

Снижение стоимости транспортировки 1 т груза из северо-восточных провинций КНР по маршрутам МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» составит 20 долл. (автомобильным транспортом) и 10 долл. (железными дорогами), что позволит ежегодно сокращать общий объем логистических расходов на 0,5 млрд долл. С 2030 г. ежегодный объем прибыли стивидорных, портовых и логистических компаний может превысить в 90 млрд руб. (автомобильных и железнодорожных перевозчиков — 50 млрд руб., портовых компаний — 40 млрд руб.). Расчеты, основанные на нынешних ставках морского фрахта и автомобильных/железнодорожных тарифах, свидетельствуют, что общий объем капиталовложений в модернизацию и развитие инфраструктуры МТК смогут окупиться через 10 лет (при средней доходности 10 % годовых), а основную выгоду будут получать транспортные компании Приморского края РФ, чья доля в общем объеме прибыли может превысить 75 %.

Кроме того, в 2030 г. перевозчики Приморского края смогут аккумулировать для транспортировки до 10 % общего объема грузопотока между провинциями СВК и центральными/южными регионами КНР (до 40 млн т), а деятельность российских транспортных, логистических, стивидорных компаний приведет к росту ВРП Приморского края на 30 млрд руб. и позволит к 2030 г. обеспечить увеличение налоговой базы Дальневосточного федерального округа на 5,5 млрд руб.

Инвестиционные проекты направлены на модернизацию и развитие автодорожной и железнодорожной инфраструктуры Приморья, модернизацию пограничных КПП, повышение пропускной

способности автомобильных/железнодорожных подходов к российским портам и увеличение обрабатывающих мощностей самих портов, что позволит, например, сократить время перевозки транзитных грузов по МТК «Приморье-2» с одних суток до 5 ч [Минвостокразвития РФ намерено...].

В последние годы в Китае были запущены в эксплуатацию современные высокоскоростные автомобильные магистрали, благодаря которым было налажено надежное сквозное сообщение в направлении Юг—Север через всю территорию КНР (от Сянгана до Тунцзяня и Хэйхэ).

В Северо-Восточном Китае были построены и реконструированы скоростные автомобильные дороги из Даляня в Хэйхэ, из Маньчжоули в Суйфэньхэ, из Муданьцзяна в Хуньчунь, которые непосредственно связывают города Северо-Восточного Китая с российскими КПП Гродеково, Забайкальск, Краскино, Благовещенск. В 2017 г. было открыто автомобильное движение по полностью реконструированной скоростной автомагистрали Чанчунь—Хуньчунь, которая обеспечила значительное улучшение логистической обстановки в г. Хуньчунь, являющегося центром маршрутов экспорта товаров из северо-восточных провинций Китая в РФ, КНДР и РК [*Xin Wen*].

Введение в эксплуатацию новой китайской автомобильной магистрали и реконструкция маршрута Хуньчунь—Краскино—Славянка способствовало росту объемов перевозки грузов между городами Хуньчунь и Краскино на 35 %. Для расширения пропускной способности российской автодорожной сети и увеличения объемов вывозимых из СВК грузов по территории ДФО РФ необходима кардинальная модернизация российских автомобильных дорог, ведущих к КПП Суйфэньхэ—Пограничный, Дуннин—Полтавка, Хуньчунь—Краскино и Благовещенск—Хэйхэ. Стивидорные компании СВК смогут сократить время и стоимость транспортировки своих экспортных грузов, а транспортные компании ДФО РФ — получить китайские инвестиции и значительные доходы от транзита по своей территории, что станет ярким примером как укрепления взаимовыгодного сотрудничества РФ и КНР в дальневосточном ареале, так и сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» с ЕАЭС.

Библиографический список

Количество пассажиров, въехавших и выехавших в 2018 г. через крупнейший КПП пров. Хэйлунцзян на границе с Россией, достигло максимального уровня за последние 9 лет. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2019-01/05/content_74344157.htm (дата обращения: 06.01.2019).

Минвостокразвития РФ намерено сократить время транспортировки грузов из КНР. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0506/c31518-9211902.html> (дата обращения: 07.05.2017).

Нехайчук Ю. Создание транспортных коридоров Китай — Приморье оценили в 315 млрд рублей. Они принесут инвесторам 10—15 % годовых, подсчитали Минвостокразвития и McKinsey. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/03/24/634897-sozдание-transportnih-koridorov-kitai-primore-otsenili-315-mlrd-rublei> (дата обращения: 25.05.2017).

Новости: отклики, цифры и лица // Китай. 2018. № 3 (149) (март). С. 13—15.

Раскрывать преимущества в сотрудничестве с Россией и создавать новые высоты открытости внешнему миру. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2018-03/14/content_50709301.htm (дата обращения: 15.03.2018).

Федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» // Государственная система правовой информации. ФЗ-473/29.12.2014. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001201412290024> (дата обращения: 19.01.2018).

Хэйлунцзян жибао (Ежедневная газета пров. Хэйлунцзян). 28.03.2018. (На кит. яз.).

Чжан Сяодун, Кан Фуцзюань. Гунлу чжичао бэйцинся тэлу цичэ шанпинь улю фачжань дуйцэ тао : [Дискуссия о соотношении логистических цен при автомобильных и железнодорожных перевозках] // Тэдао юньшу цзи цзинци [Железнодорожный транспорт и экономика]. 2017. № 3. С. 44—48. (На кит. яз.).

Ян Цзяньцзюнь. Чжунго идай илу чжаньюэ дэ фачжань : [Развитие стратегии Китая «Один пояс—один путь»] // Чжунго гунлу : [Китайские дороги]. 2019. № 1. С. 17—21. (На кит. яз.).

China to coordinate transcontinental trade initiatives with Russia. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/16/content_37326308.htm (accessed: 17.12.2017).

Highway bridge to link China, Russia. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/24/content_39978318.htm (accessed: 25.12.2017).

Sun Zhiyan, Hou Yongzhi. Research Team on «Strategic Policies on Leading Economic Development in the State of New Normal» // Regional Policies: A Strong

Diver for Economic Restructuring. 2017. No. 07. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-11/24/content_34924892.htm (accessed: 25.11.2017).

Xin Wen. Traffic improves in more than half of major cities. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2018-01/20/content_35545651.htm (accessed: 21.01.2018).

Zhou Wa. China-Russian ties to be boosted. URL: http://www.chinadaily.com.cn/business/2017-03/20/content_16321987.htm (accessed: 21.03. 2017).

References

China to coordinate transcontinental trade initiatives with Russia. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/16/content_37326308.htm (accessed: 17 December, 2017).

Federalni zakon “O territoriah operezhayushogo sotsialno-ikonomiceskogo razvitiya v RF” [Federal law «On territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation»], *Gosudarstvennaya sistema pravovoy informacii FZ-473/29.12.2014* [State system of legal information. FZ-473/29.12.2014]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/0001201412290024> (accessed: 19 December, 2018). (In Russian).

Heiluntzyan zhibao [Heilongjiang daily], 28 March, 2018. (In Chinese).

Highway bridge to link China, Russia. URL: http://www.china.org.cn/business/2017-12/24/content_39978318.htm (accessed: 25 December, 2017).

Kolichestvo passazhiro, vyehavshih i viihavshih v 2018 godu cherez krupneishiy KPP prov. Heiluntzyan na granitse Rossii, dostiglo maksimalnogo urovnya za poslednii 9 let [The number of passengers who entered and left in 2018 through the largest checkpoint of the Prov. Heilongjiang, on the border with Russia, has reached the highest level in the last 9 years]. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2019-01/05/content_74344157.htm (accessed: 05 January, 2019). (In Russian).

Minvostokrazvitiya RF namereno sokratit vremya transportirovki gruzov iz KNR [Minvostokrazvitiya RF intends to reduce the time of transportation of goods from China]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0506/c31518-9211902.html> (accessed: 07 May, 2017). (In Russian).

Nekhajchuk, Yu. (2018). Sozdanie transportnyh koridorov Kitaj — Primor'e otchenili v 315 mlrd rublej. Oni prinesut investoram 10—15 % godovyh, podschitali Minvostokrazvitiya i McKinsey [The construction of China — Primorye transport corridors was estimated at 315 billion rubles. They will bring investors 10—15 % per annum, as Minvostokrazvitiya and McKinsey has calculated]. URL: <https://www.vedo.mosti.ru/economics/articles/2017/03/24/634897-sozdanie-transportnyh-koridorov-kitai-primore-otsenili-315-mlrd-rublei> (accessed: 25 May, 2017). (In Russian).

Novosti, otkliki, teifri i litsa [News: responses, figures and faces] (2018), *Kitay [China]*. No.3 (149). March: 13—15. (In Russian).

Raskrivat preimushhestva v sotrudnichestve s Rossiei i sozdavat novie visoti otkritosti vneshnemu miru [To reveal the advantages of cooperation with Russia and create new heights of openness to the outside world]. URL: http://russian.china.org.cn/business/txt/2018-03/14/content_50709301.htm (accessed: 15 March, 2018). (In Russian).

Sun Zhiyan, Hou Yongzhi (2017). Research Team on «Strategic Policies on Leading Economic Development in the State of New Normal», *Regional Policies: A Strong Diver for Economic Restructuring*, No.107. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-11/24/content_34924892.htm (accessed: 25 November, 2017).

Xin Wen (2018). Traffic improves in more than half of major cities. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2018-01/20/content_35545651.htm (accessed: 21 January, 2018).

Yang Jianjun (2019). Zhungo «idai ilu» zhanlue de fazhan [The development of the strategy of China's «One belt and One road»], *Zhongguo gunlu [Chinese roads]*, No. 1: 17—21 (In Chinese).

Zhang Xiaodong, Kang Fuquan (2017). Gonglu zhichao beijing xia tielu shangpin che wuliu fazhan duice tao [The discussion of the relationship between logistics prices for road, rail and transport], *Tedao yunshu ji jingji [Rail transport and the economy]*. No. 3: 44—48. (In Chinese).

Zhou Wa (2017). China-Russian ties to be boosted. URL: http://www.china-daily.com.cn/business/2017-03/20/content_16321987.htm (accessed: 21 March, 2017).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10020

В.А. Матвеев

СТАВКА НА ГАЗ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ КОНЪЮНКТУРЫ МИРОВОГО РЫНКА

Аннотация. Статья обращает внимание на то, что состояние и перспективы мирового энергетического рынка чрезвычайно важны для такого его ведущего «игрока», как Китай. Конъюнктура этого рынка влияет и на расстановку приоритетов в собственной модели развития страны, и на «иерархию» внешних поставщиков углеводородов, и на интенсивность сотрудничества с ними.

Прогнозируется, что в XXI веке, несмотря на бурный рост сектора возобновляемых энергоресурсов, наиболее энергично будет расти потребление газа.

Автор констатирует, что в качестве ведущего стратегического приоритета современной энергетической политики руководство КНР позиционирует ускоренную газификацию страны, для чего требуется не только наращивание внутренней добычи, но и увеличение импортных поставок. Причем на нынешнем этапе развития Китай склоняется к выбору той национальной энергетической стратегии, которая предусматривает более полное самообеспечение энергоносителями. Здесь Китай решил сделать ставку на газ.

В то же время состояние газового рынка Китая вследствие исторически сложившихся обстоятельств (а именно — высокоинерционного перехода генерации с угля на газ) до сих пор следует охарактеризовать как несистемное и низкоконкурентное. Автор подчеркивает, что эффективному использованию газа препятствует складывающееся нерациональное соотношение конечных цен на газ и уголь у потребителей.

В статье указывается, что среди определяющих направлений новой государственной политики КНР в сфере энергетики весьма значимую роль будет играть дальнейшее совершенствование ценообразования на газ как в аспекте внутреннего ценообразования, так и ценовой конкуренции между экспортерами газа в страну.

Автор утверждает, что до сих пор механизм ценообразования на газ на китайском рынке далек от совершенства. Непрозрачность, а вместе с тем и непредсказуемость порядка определения этих цен усложняют принятие инвестиционных решений и производителями, и, во многих случаях, — промышленными потребителями отечественного и импортного газа.

Делается вывод, что вопросы ценообразования на китайском рынке газа являются одними из самых злободневных для отрасли, а действующий механизм ценообразования нуждается в реформировании в направлении увеличения роли рыночных сил. Большое значение для процесса совершенствования ценообразования будет иметь способность государства переосмыслить его роль в регулировании ценовой политики в топливно-энергетическом комплексе страны и преодолеть вызовы сложившейся системы ценообразования на газ.

Ключевые слова: природный газ, энергетическая политика, ценообразование, спрос на газ, импорт газа, внутренний рынок газа, Китай.

Автор: Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС. E-mail: matveeva@mail.ru

V.A. Matveev

Bet on natural gas in China's energy policy: some issues of the domestic pricing in light of world market conditions

Abstract. The author draws attention to the fact that the status and prospects of the world energy market are extremely important for such a leading “player” as China. The conditions of the market affects align-

ment of priorities in the country's own development model, as well as “hierarchy” of external suppliers of hydrocarbons, and the intensity of cooperation with them.

It is predicted that in the XXI century, despite rapid growth of the renewable energy sector, gas consumption will grow most rapidly.

The article emphasizes that the leading strategic priority of China's modern energy policy is the accelerated gasification of the country. Moreover, at the current stage of development, China is inclined to choose such national energy strategy that will provide for a more complete self-sufficiency in energy resources. China has decided to bet on the natural gas. And China's state authorities are making significant efforts to increase domestic production and rise natural gas imports as well.

At the same time, the status of China's gas market due to historical circumstances (namely — the high-inertia transition from coal to gas) should still be characterized as non-systemic and low-competitive. The author emphasizes that the problem of efficient use of gas is aggravated by the emerging irrational ratio of final gas and coal prices among consumers.

The article proves that among the determining directions of China's new state policy in the energy sector, a very important role will be played by further improvement of gas pricing both in terms of domestic pricing and price competition between gas exporters.

It is recognized that the mechanism of natural gas pricing in the Chinese market is still far from perfect. The lack of transparency and, at the same time, the unpredictability of how these prices are determined complicate investment decisions by both producers and, in many cases, by industrial gas consumers too.

It is noted that the most important role will be played by rethinking the role of State regulation in the pricing policy of the fuel and energy complex of the country and overcoming the challenges of the current system of natural gas pricing.

It is concluded that the issues of pricing in the domestic gas market are among the most pressing for the industry, and the current pricing mechanism needs to be reformed in the direction of strengthening the role of market forces.

Keywords: natural gas, energy policy, pricing, gas demand, natural gas imports, domestic gas market, China.

Author: Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: matveeva@mail.ru).

Согласно сценариям таких мировых энергетических агентств, как Международное энергетическое агентство и Агентство энергетической информации США, природный газ (ПГ) в анализируемый в настоящей статье период 2015—2040 гг. однозначно займет центральное место в мировой структуре потребления первичной энергии по темпам роста потребления. Это во многом произойдет благодаря стремлению мирового сообщества снизить вредные выбросы в атмосферу в соответствии с требованиями Парижской конференции по климату. Ожидается, что прирост спроса на природный газ (ПГ) в указанный период может составить от 43 до 57 %. [Новые прогнозы мировой энергетики и место России в ней, с. 17].

Основной рост спроса придется на развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, и среди них на ведущих позициях — Китай.

Стоит подчеркнуть, что несмотря на бурный рост сектора возобновляемых энергоресурсов, ведущее место в структуре мирового энергопотребления останется за нефтью и газом. Причем наиболее быстро будет расти роль газа, поэтому XXI век именуют веком газа. И в целом роль ПГ как наиболее чистого ископаемого топлива будет увеличиваться и в структуре энергопотребления многих стран, и во внешней торговле энергоресурсами. Его доля в общем мировом энергобалансе дойдет почти до четверти, вплотную приблизившись к долям угля и нефти, что сделает его основным энергоносителем [Текслер].

Естественно, состояние и перспективы мирового энергетического рынка чрезвычайно важны для такого его ведущего «игрока», как Китай. Конъюнктура этого рынка влияет и на расстановку приоритетов в собственной модели развития страны, и на «иерархию» внешних поставщиков углеводородов, и на интенсивность сотрудничества с ними.

Однако на нынешнем этапе развития Китай склоняется к выбору той национальной энергетической стратегии, которая предусматривает более полное самообеспечение энергоносителями.

Тем не менее, ситуация в добыче углеводородов остается неоднозначной. Добыча собственной нефти в стране снижается третий год подряд. В 2018 г. она сократилась еще на 1,3 % — до 189,11 млн т.

Путем резкой интенсификации геологоразведочных работ Китай планирует стабилизировать добычу нефти, а к 2020 г. — в несколько раз увеличить ее добычу внутри страны — до 200 млн т [Китай в 2018 г. нарастил импорт нефти на 10 %]. Однако «ножницы» между производством нефти и ее потреблением в стране все увеличиваются. Спрос на нефть в Китае продолжает расти: в 2019 г. он увеличится на 6,9 % по сравнению с 2018 г. и составит 667,9 млн т. Спасает ситуацию с нефтью только импорт, он вырастет с 460 млн т в 2018 г. до 505,3 млн т в 2019 г. Исходя из этого можно заключить, что зависимость страны от поставок нефти из-за рубежа растет угрожающими темпами и достигнет в 2019 г. 72,8 % по сравнению с 68,4 % в 2018 г. [Замедление экономики Китая...].

В то же время в результате масштабных геологоразведочных работ, развернутых в Китае, происходит открытие преимущественно газовых месторождений. Это касается не только запасов «традиционного» газа, но и огромных запасов сланцевого газа (крупнейших в мире), а также шахтного метана.

Вследствие этого ведущим стратегическим приоритетом современной энергетической политики КНР позиционируется ускоренная газификация страны. Китай решил сделать ставку на газ. В стране идет реализация весьма капиталоемких проектов по всей цепочке производства и распределения газа. Это, во-первых, массивное вложение средств в геологоразведку, разработку месторождений и широкомасштабное строительство магистральных газопроводов; во-вторых, развитие инфраструктуры регазификации и снабжения сжиженным природным газом (СПГ) таких сфер, как энергетика, химическая промышленность и металлургия, преимущественно в южных, восточных и северо-восточных провинциях КНР; в-третьих, активизация китайского участия в разведке и разработке газовых ресурсов по всему миру и их транспортировке в КНР; в-четвертых, интенсивное развитие газовой инфраструктуры, в частности сооружение подземных газохранилищ и сетей.

К тому же стратегический курс на снижение вредных выбросов в атмосферу за счет, в том числе, перевода электрогенерации с угля на природный газ требует все большего количества газа.

Государственные власти Китая прилагают значительные усилия для роста внутренней добычи. Ставка на инвестирование в рост внутренней добычи в нынешних условиях для китайских государственных нефтегазовых компаний осуществляется в соответствии с недавним распоряжением председателя КНР Си Цзиньпина, который, не слишком считаясь с затратами, предписал представителям сектора нарастить разведку и добычу газа (как и нефти) в Китае с целью поддержания энергетической безопасности страны [Китайские CNPC и SINOOC увеличат добычу нефти и газа...]. И недавно компания CNPC сообщила о планах расширения геологоразведочных работ внутри страны с целью увеличения вдвое доказанных запасов нефти и газа в течение семи лет.

Стоит отметить, что в Китае сохраняется весьма высокий уровень государственной поддержки отрасли в форме субсидий добычи ископаемого топлива. Так, по информации МВФ, еще в 2015 г. Китай потратил больше других стран на такого рода субсидии (1,4 трлн долл.), что более чем в 2 раза превышает показатель США (649 млрд долл.), не говоря уж о других акторах мирового газового рынка. Международный валютный фонд продолжает призывать к сокращению господдержки добычи ископаемого топлива, аргументируя это тем, что субсидии поощряют чрезмерное потребление энергии, ускоряя истощение природных ресурсов, а также уменьшают стимулы для инвестиций в другие, чистые виды энергетики. Еще в 2009 г. G20 также призвала к поэтапной ликвидации субсидий на ископаемое топливо во всех странах, а потом повторила этот призыв и в 2012 г. [МВФ оценил энергетические субсидии России в 551 млрд долл.].

Однако темпы роста потребления газа продолжают быть такими высокими, что собственная добыча газа в Китае уже не покрывает растущий спрос народного хозяйства. В связи с этим страной взят курс на значительное увеличение инвестиций в импортоориентированную газотранспортную инфраструктуру и регазификационные мощности в целях гарантированного обеспечения народного хозяйства газом.

Между тем за гигантскими темпами развития газового хозяйства в Китае, по нашему мнению, плохо просматриваются новые вызовы дальнейшему развитию газовой отрасли.

За последние годы в политике страны произошло несколько фундаментальных сдвигов в деле дальнейшего развития энергетики Китая. Во многом определяющей стала программная установка на экологизацию экономического роста. Кроме того, среди определяющих направлений новой государственной политики КНР в сфере энергетики можно выделить курс на снижение спроса на уголь как энергоноситель, рост и диверсификацию предложения энергетических ресурсов за счет нетрадиционных видов газа, СПГ и возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также повышение энергоэффективности использования энергоресурсов.

Среди этих направлений весьма значимую роль, по нашему мнению, будет играть дальнейшее совершенствование ценообразования на газ как на внутреннем рынке, так и в контексте ценовой конкуренции между экспортерами газа в Китай.

Правительством Китая было принято решение о постепенном повышении внутренних цен на газ до мирового уровня. Параллельно должны быть реализованы планы по резкому сокращению энергоемкости народного хозяйства и снижению экологической нагрузки предприятий.

В связи с этим совершенствуется методология ценообразования на газ, а также идет отладка механизмов предоставления преференций нефтегазовым компаниям для стимулирования эффективной разработки национальных газовых ресурсов и доставки газа потребителям.

Все это свидетельствует об обретении газовой промышленностью статуса стратегического приоритета в современной энергетической политике Китая.

Однако ряд аналитиков акцентирует внимание на нарастающей неопределенности как главной тенденции в развитии энергетики КНР в среднесрочной перспективе [Другой Китай...]. На фоне структурных изменений в экономическом развитии Китая становится неизбежным замедление темпов роста спроса на энергию. Тем не менее представляется, что этот спрос (пусть и медленно) продолжит увеличиваться вплоть до 2035 г.

Учитывая пределы национальной сырьевой базы по ПГ, значительную стратегическую роль в стабилизации газоснабжения будут

играть расширяющиеся сухопутные трубопроводные поставки газа из богатых ресурсами регионов Центральной Азии и России. В связи с этим проблема установления оптимальной цены по закупкам импортного газа обретет особую актуальность.

Тема ценообразования на внутреннем рынке газа — это неотъемлемая часть энергетической политики Китая, которая должна проводиться в интересах всех участников рынка. При этом механизм ценообразования на китайском газовом рынке по-прежнему далек от совершенства. Непрозрачность, а вместе с тем и непредсказуемость порядка установления этих цен усложняют принятие правильных долгосрочных инвестиционных решений как производителями, так и во многих случаях промышленными потребителями газа. Поэтому вопросы ценообразования на внутреннем рынке являются одними из самых злободневных для газовой отрасли, а действующий механизм ценообразования нуждается в реформировании.

Дальнейшее развитие газовой отрасли в Китае, как показывает опыт стран с развитой газовой промышленностью, должно быть связано с ростом эффективности, экономии и рационализации использования газа. И здесь большое значение будет играть переосмысление роли государственного регулирования в ценовой политике топливно-энергетического комплекса страны и преодоление вызовов сложившейся системы ценообразования на газ.

А недостатков у нынешней системы цен на газ достаточно.

Главной особенностью нынешней системы ценообразования на газ в Китае является жесткий государственный контроль, нацеленный на сдерживание их роста вслед за продолжающимся увеличением затрат на добычу.

Между тем рост затрат имеет объективный характер в условиях перехода на более глубокие продуктивные горизонты и ведет к перманентному росту издержек, а сдерживание роста цен чревато убытками от реализации газа по регулируемым ценам в некоторых сегментах внутреннего рынка. Опыт других стран с развитой газовой промышленностью показывает, что в конечном итоге в целях развития отрасли придется приводить цены на газ к рыночному уровню, постепенно отказываясь от их сдерживания и устраняя монополизм

на рынке газа. Нефтегазовые компании также заинтересованы в плавной дерегуляции цен в целях того, чтобы доля свободного рынка газа на территории Китая постепенно нарасталась.

Стоит отметить принципиальную важность оценки последствий для народного хозяйства как перехода к политике реалистического отражения роста стоимости газа, так и эффективности задуманных реформ для страны в целом.

Под государственное регулирование цен в Китае, а это прежде всего — утверждение государственными органами тарифов на газ, подпадают такие наиболее важные звенья всей системы производства и доставки газа потребителям, как магистральной транспорт, хранение и оптовый сбыт.

Эти подотрасли являются основными доходобразующими компонентами газовой промышленности. В них доминируют госкомпании. Из них CNPC с дочерними компаниями контролируют около 75 % сети магистральных газопроводов и 95 % подземных хранилищ. В этих сферах реализуется подавляющая часть объемов оптовых продаж газа (около 2/3) [Азарин].

Для всех компаний — операторов магистральных газопроводов государственными органами утверждаются тарифы на транспорт природного газа. Тарифы фиксированные и не меняются в зависимости от объема транспортировки и степени загрузки конкретного газопровода. Они взимаются за расстояние транспортировки, при этом выплаты за вход и выход из трубопроводной сети не предусмотрены.

Остальные объемы оптовых продаж газа реализуются по свободным ценам. Это реализация газа в сжиженном виде, а также реализация трубопроводного газа крупным промышленным потребителям.

И совсем небольшую часть (менее 1 % всех продаж газа на рынке Китая) пока еще занимают сделки по продаже газа (трубопроводного и сжиженного) через Шанхайскую нефтегазовую биржу. Это направление реализации газа имеет многообещающие перспективы.

В объемах поставок газа народному хозяйству Китая все более существенную долю занимает импорт посредством трубопроводного транспорта и морской транспортировки СПГ. В 2018 г. импорт газа

Китаем составил около 125 млрд куб. м, из которых 47,4 млрд куб. м. — из Центральной Азии, 4 млрд куб. м — из Мьянмы и 74 млрд куб. м (53,7 млн т до регазификации) в виде СПГ. Импорт составил около 45 % общего потребления газа в стране [Замедление экономики Китая не приведет к снижению...].

Следует отметить, что сегмент импорта природного газа в Китае (как и внутренней добычи в стране) отличается крайне высокой степенью монополизации: на независимые компании в общей структуре закупок приходится лишь минимальная часть [Азарин].

Средняя цена импортного газа на границе КНР (до налогов) в 2017 г. составила 201 долл. за 1000 куб. м для трубопроводного газа (ТПГ) и 278 долл. за 1000 куб. м для СПГ. При невысоких внутренних ценах на газ отмечается убыточность импортных поставок как трубопроводного газа, так и СПГ в связи с чем таможенные пошлины на импорт газа для всех существующих на данный момент каналов закупок — нулевые [Азарин].

В конечном итоге фактор продолжающейся убыточности импортных поставок представляет собой одну из серьезнейших ценовых проблем.

Среди многих недостатков действующей системы ценообразования на газ в Китае основным следует считать то, что она не создает стимулов для развития ключевых поставщиков газа, нефтегазовых компаний. Особенно это важно в связи с тем, что дальнейший рост объемов поставок газа на рынок КНР связан с необходимостью наращивания импорта. Увеличение объемов импорта в действующей системе ценовых координат ведет к росту убытков поставщиков, которые вынуждены продавать газ по регулируемым оптовым ценам, что дестимулирует их работу.

Из-за жесткого государственного регулирования оптовых цен, а также транспортных тарифов безубыточная продажа импортированного трубопроводного газа становится трудновыполнимой задачей. CNPC, как ведущая нефтегазовая корпорация, транспортирующая подавляющие объемы импортируемого газа, является крупнейшим получателем дотаций от государства, которые выплачиваются компании в счет компенсации понесенных при импорте убытков.

Так, например, затраты CNPC при транспортировке трубопроводного газа из Центральной Азии в КНР выше, чем оптовые цены в системе распределения газа. Поскольку тарифы на транспортировку являются фиксированными, убытки принимает на себя корпорация-импортер. В результате дальнейшая транспортировка импортного природного газа по ГТС «Запад—Восток» и «Шэньси—Пекин» и сдача его по фиксированным оптовым ценам в газораспределительную систему Пекина оказываются непосредственной причиной существенных убытков для CNPC [Азарин]. При этом повышение тарифа в системе распределения газа на максимально допустимое значение (+20 %) возможно только в отопительный сезон, и посему CNPC может рассчитывать лишь на минимизацию убытков или извлечение небольшой прибыли.

По импорту СПГ ситуация аналогичная. При импорте СПГ по средней цене 2017 г. (7,8 долл./млн БТЕ (британская тепловая единица) и дальнейших поставках газа уже внутреннему китайскому потребителю CNPC также несет значительные убытки: цена импортного СПГ ныне превышает оптовую цену в системе распределения газа даже без учета расходов на регазификацию и транспортировку [Азарин]. И поскольку тарифы на регазификацию и транспортировку являются фиксированными, убытки принимает на себя также импортер.

Чрезмерная зарегулированность цен на газ осложняется «социальным» характером существенной части поставок природного газа, то есть необходимостью поддержания низких цен на газ для населения. Это так называемая проблема кросс-субсидирования: для потребителей в жилищном секторе установлены значительно более низкие цены, чем для промышленных потребителей в целях сокращения расходов населения на приобретение газа и поддержки малообеспеченных социальных слоев.

Между тем такая ценовая диспозиция ставит разные группы потребителей газа в абсолютно неравные условия и ведет к ценовой дискриминации определенных групп потребителей.

Это создает значительные препятствия для расширения использования газа в промышленном секторе и в сфере генерации электроэнергии, а также усугубляет проблему сезонности спроса на газ в

Китае. Так, необходимость поддержания низких цен на газ для населения ведет к продажам газа промышленным предприятиям с существенной наценкой. Следствием этого в ряде отраслей промышленности использование газа по высоким ценам недостаточно эффективно, что дестимулирует переход на газ (например, в сфере генерации электроэнергии). К тому же высокие цены на газ для промышленности сдерживают темпы решения проблемы загрязнения воздуха. В целом использование газа в Китае обходится значительно дороже, чем использование угля. В связи с этим рост газопотребления в Китае в основном стимулируется правительственной установкой на экологичность при общем требовании расширить газоснабжение.

Немалые благоприятные перспективы усматриваются в связи с усилением роли рыночных сил посредством развития такого механизма, как биржевая торговля.

Конечно, есть ряд отличий, которые не позволяют рассматривать природный газ в качестве стандартного биржевого товара: прежде всего то, что это природный ресурс, запасы которого распределены неравномерно, а инвестиции в добычу и транспортировку — высокоспецифичны. Тем не менее, биржевая торговля природным газом развивается в разных регионах мира, уже завоевав долю в 99 % на североамериканском рынке. Конкурентное ценообразование усиливает позиции и на европейском рынке [*Миронова*].

Выводы

Одним из наиболее знаковых явлений энергетической политики Китая последнего десятилетия стало бурное развитие газовой промышленности. Ожидается продолжение устойчивого роста спроса на газ в КНР. Тем самым предполагается решение целого клубка таких насущных проблем развития Китая, как модернизация технологических процессов, перевод генерации электроэнергии с угля на газ согласно курсу на сокращение вредных выбросов, ускоренный перевод автомобилей на газомоторное топливо. Особенно важна широкая газификация для реализации программных установок по повышению качества жизни городских и сельских жителей.

В то же время состояние газового рынка вследствие исторически сложившихся обстоятельств (а именно — трудно идущего перехода генерации с угля на газ) до сих пор следует охарактеризовать как не-системное и низкоконкурентное.

Прежде всего это следствие недостаточного развития газотранспортной инфраструктуры и инфраструктуры потребления газа, в результате чего наличные объемы газа не находят повсеместного потребления. Усугубляет проблему эффективного использования газа складывающееся нерациональное соотношение конечных цен на газ и уголь у потребителей.

Планы по почти двухкратному увеличению доли газа в топливно-энергетическом балансе страны за период 13-й пятилетки (с 5,9 до 10 %) требуют принятия государственными органами Китая кардинальных решений в плане роста добычи сланцевого газа и физического наращивания импорта сетевого газа и СПГ, а также в сфере совершенствования ценообразования на газ [*Барсуков*].

Важнейшую роль будет играть переосмысление роли государственного регулирования в ценовой политике топливно-энергетического комплекса страны и преодоление вызовов сложившейся системы ценообразования на газ.

Реализация планов правительства КНР по либерализации оптовых цен на газ с учетом убыточности импорта ожидаемо приведет к росту цен. Ввиду этого правительство КНР скорее всего будет допускать только управляемые ценовые колебания в рамках так называемого ценового потолка.

В конечном итоге, несмотря на явные сдвиги в сторону рыночного характера ценообразования, ныне механизмы ценообразования в газовой отрасли Китая нельзя назвать в полной мере конкурентными и рыночными. Создание конкурентной среды между ведущими китайскими нефтегазовыми компаниями остается делом отдаленного будущего.

В то же время значительные перспективы намечаются в плане увеличения роли рыночных сил посредством развития такого механизма, как биржевая торговля газом. Для этой цели была задйствована Шанхайская нефтегазовая биржа.

Как уже указывалось, газ не является стандартным биржевым товаром, будучи природным ресурсом территориально неравномерного залегания. Однако мировая практика свидетельствует о том, что наиболее эффективный путь развития конкурентного ценообразования на газ проходит через биржевую торговлю, что сейчас все более и более признается Китаем.

Библиографический список

Азарин А.Л., Кислов А.В. Система ценообразования на природный газ в КНР: особенности, проблемы и перспективы реформирования. Пекин, 2018.

Барсуков Ю., Коростиков М. Китай переходит на газ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3195636> (дата обращения: 15.04.2019).

Другой Китай. 2016. URL: <http://neftianka.ru/drugoj-kitaj/> (дата обращения: 15.04.2019).

Замедление экономики Китая не приведет к снижению импорта нефти и газа // Россия сегодня. АЭИ «Прайм». 13 марта 2019 г. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20190313/829797060.html (дата обращения: 15.04.2019).

Китай в 2018 г. нарастил импорт нефти на 10 % // Вести. Экономика. 21.01.2019. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113423> (дата обращения: 15.04.2019).

Китайские СNPC и СНООС увеличат добычу нефти и газа по распоряжению Си Цзиньпина. 10 августа 2018 г. // Chem.ru. Химический портал № 1 в России. URL: <https://chem.ru/neftgaz/17584-kitajskie-cnpc-i-snoos-velichat-dobychu-nefti-i-gaza-po-rasporjazheniju-si-czinpina.html> (дата обращения: 15.04.2019).

Матвеев В.А. Международное сотрудничество КНР в газовой сфере как стратегический приоритет современной энергетической политики Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 308—321. DOI: 10.24411/9785-0324-2017-00020.

МВФ оценил энергетические субсидии России в 551 млрд долл. // РБК. 08.05.2019. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/05/2019/5cd235869a79471fadf99daa> (дата обращения: 15.04.2019).

Миронова И.Ю. Механизмы ценообразования на газ в мире: обзор по регионам, проблематика глобализации и выводы для России. СПб., 2015. URL: https://eu.spb.ru/images/centres/ENERPO_RC/Reports/2015_Mironova.pdf (дата обращения: 15.04.2019). С. 1—47.

Новые прогнозы мировой энергетики и место России в ней // Энергетический бюллетень. 2017. № 54. Ноябрь / АЦ при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15318.pdf>. С. 1—29 (дата обращения: 15.04.2019).

Текслер А. Энергетика будущего // Известия. 17.07.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/670767> (дата обращения: 15.04.2019).

References

Azarin, A.L.; Kislov, A.V. (2018). Sistema tsenoobrazovaniya na prirodnyy gaz v KNR: osobennosti, problemy i perspektivy reformirovaniya [Natural gas pricing system in China: features, problems and prospects of reforming]. Beijing: 1—26. (In Russian).

Barsukov, Yu; Korostikov, M. (2017). Kitaj perekhodit na gaz [China goes on gas]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3195636> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Drugoj Kitaj (2016) [Other China]. URL: <http://neftianka.ru/drugoj-kitaj/> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Zamedleniye ekonomiki Kitaya ne privedet k snizheniyu importa nefti i gaza (2019) [The slowdown in China's economy will not lead to a decrease in oil and gas imports], *Rossiya segodnya. AEI «Praym»*. 13, March. URL: https://lprime.ru/state_regulation/20190313/829797060.html (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Kitay v 2018 godu narastil import nefti na 10 % (2019) [China in 2018 increased oil imports by 10 %]., *Vesti.Ekonomika [News. Economies]*, 21 January. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113423> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Kitayskiye CNPC i CNOOC uvelichat dobychu nefti i gaza po rasporyazheniyu Si TSzin'pina (2018) [Chinese CNPC and CNOOC will increase oil and gas production by the order of Xi Jinping], *Shem.ru. KHimicheskij portal № 1 v Rossii [Shem.ru. Chemistry portal No.1 in Russia]*, 10 August. URL: <https://chem.ru/neftgaz/17584-kitajskie-cnpc-i-cnooc-uvelichat-dobychu-nefti-i-gaza-po-rasporjzheniju-si-czii-cno.html> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Matveyev (Matveev), V.A. (2017). Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo KNR v gazovoy sfere kak strategicheskij prioritet sovremennoy energeticheskoy politiki Kitaya [China's international cooperation in the gas sector as a strategic priority of China's modern energy policy], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'.* [China in world and regional politics. History and modernity]. Iss. XXII. M.: IDV RAN (IFES RAS): 308—321. (In Russian). DOI: 10.24411/9785-0324-2017-00020.

MVF otsenil energeticheskiye subsidii Rossii v \$551 mlrd (2019) [The IMF estimated Russia's energy subsidies at \$551 billion], *RBK*, 8 May. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/05/2019/5cd235869a79471fadf999daahttps://www.rbc.ru/economics/08/05/2019/5cd235869a79471fadf999daa> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Mironova, I. Yu. Mekhanizmy tsenoobrazovaniya na gaz v mire: obzor po regionam, problematika globalizatsii i vyvody dlya Rossii (2015) [The pricing mechanisms of natural gas in the world: an overview across regions; globalization and the implications for Russia]. *SPb.* (In Russian).

Novye prognozy mirovoj energetiki i mesto Rossii v nej [New forecasts of world energy and Russia's place in it] (2017), *Energeticheskiy byulleten'. ATS pri Pravitel'stve RF*, No. 54, Noyabr'. [Energy Bulletin. Analytical Center by the Government of the RF]. No. 54. November. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15318.pdf> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

Teksler A. (2017) Energetika budushchego [Energy of the future], *Izvestiya [The News]*. 17 July. URL: <http://izvestia.ru/news/670767> (accessed: 15 April, 2019). (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10021

М.В. Александрова

ЛЕСООХРАННАЯ ПОЛИТИКА КНР И ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ИМПОРТА ЛЕСОПРОДУКЦИИ

Аннотация. Во время Второй мировой войны лесным богатствам Китая был нанесен значительный ущерб. В целях его восполнения с конца 1990-х политика китайского правительства в отношении лесного хозяйства была коренным образом изменена. Ныне осуществляются лесоохранные и лесовосстановительные мероприятия в масштабах всего Китая. Страна стала мировым лидером по плантационному лесонасаждению. Будучи одновременно производителем и потребителем продукции лесной и деревоперерабатывающей промышленности, ныне КНР — крупнейший мировой участник рынка лесоматериалов. Китайский импорт лесной продукции в основном состоит из древесного сырья (круглый лес и пиломатериалы).

В статье исследуются общие тенденции импорта Китаем круглого леса и пиловочника, а также его породный состав, ценовые параметры и география. Анализируются изменение породного состава импортируемой древесины и связь этого процесса с внутриэкономическими тенденциями в КНР. Особый интерес представляет анализ породного состава импортируемого Китаем «кругляка», который, как показывает автор, менялся в зависимости от хозяйственных нужд китайской экономики. Так, до 1992 г. преобладал импорт

хвойных пород деревьев, а начиная с 1992 г. в импорте стала преобладать древесина лиственных пород. Доля хвойного «кругляка» упала в 1996 г. до минимальной отметки в 20,5 % от импорта всего необработанного дерева, а после 1998 г., в связи с мерами, проводимыми китайским правительством и направленными на ограничение рубки природных лесов, доля хвойного леса в импорте стала стремительно расти. Рост импорта хвойного «кругляка» был связан с началом проведения активной финансовой политики государства и масштабным инфраструктурным и жилищным строительством.

Начиная с 1997 г. отмечен устойчивый тренд роста импорта пиломатериалов в КНР. В последние 5 лет (2012—2017) импорт пиломатериалов рос быстрее, чем импорт круглого леса, среднегодовые темпы прироста импорта «кругляка» и «пиловочника» составили 12,7 % и 7 % соответственно. Как указано в статье, хвойный пиловочник преобладает в импорте КНР. География импорта пиловочника в последние 10 лет претерпела существенные изменения. Буквально за несколько лет Россия сумела выйти на 1-е место по экспорту пиломатериалов на рынок КНР.

Особое место в статье уделено российскому экспорту в Китай лесного сырья и изменениям, произошедшим в этой сфере в последнее десятилетие. Рассматриваются возможные перспективы российского экспорта лесоматериалов на китайский рынок.

Ключевые слова: Китай, Россия, инвентаризация лесов, лесовосстановление, плантационные леса, круглый лес, пиломатериалы.

Автор: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

M. V. Alexandrova

The PRC forest-protection policy and specificity of Chinese timber imports

Abstract. The forest wealth of China was damaged badly during the World War II. Since the late 1990s the Chinese government policy with regard to forests has changed radically. The forest-protection and forest-restoration measures are now being taken on the national scale. The PRC has become the world leader in the plantation afforestation. Being both a producer and a consumer of timber and processed wood products, the country is the world's largest timber market participant now. Chinese

imports of forestry products mainly consist of raw wood (round- and plank timber).

The article examines general trends in China's imports of "round timber" and lumber, as well as their species' composition, price parameters and geography of exporters. The changes in the species' composition of imported timber and their relationship with domestic economic trends in China are also analyzed.

Of particular interest is the analysis of species' composition of the "round timber", imported by China, which, as the author shows, has been changing according to the needs of Chinese economy. So, till 1992 the main part of the imports was represented by softwood species. But since 1992 the hardwood has become the priority. The share of coniferous "round timber" dropped in 1996 to a minimum of 20.5 % of all unprocessed wood imports. After 1998, due to measures of the Chinese government aimed to restrict felling of natural forests, the share of coniferous timber in the imports has grown rapidly. The growth of imports of coniferous "round timber" is associated with active state financial policy and large-scale infrastructure and housing construction in China.

Since 1997, there has been a steady growth trend in the Chinese lumber imports. In the last 5 years (2012—2017) the import of lumber grew faster than the import of "round timber": the average annual growth rate of imports of "round timber" and lumber amounted to 12.7 % and 7 %, respectively. As stated in the article, coniferous lumber dominates in Chinese imports. The geography of lumber sources has undergone significant changes in the last 10 years. In just a few years, Russia has managed to become the No. 1 exporter of lumber to the Chinese market. So, special attention in the article is given to Russian exports of raw timber to China and the changes that have occurred in this area in the last decade. Possible prospects of Russian timber exports to the Chinese market are also considered.

Keywords: China, Russia, forest inventory, forest-restoration, plantation forests, timber, sawn timber Russia

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: alexandrova@ifes-ras.ru).

Идеи экологической этики, вопросы взаимодействия природы и общества поднимались в Китае еще в конфуцианских и даоских текстах, сочинениях китайских буддистов. Конфуций выдвинул четыре основополагающих принципа взаимоотношения общества и приро-

ды, третий из которых гласит о необходимости бережного отношения как к животному, так и растительному миру. Древний философ понимал, что нарушение существующих в природе балансов может привести к необратимым последствиям и для человечества, и для всей планеты в целом.

К сожалению, в XX веке КНР, как и весь мир, столкнулась с глобальными экологическими проблемами. Лесные богатства Китая сильно пострадали во время Второй мировой войны. К моменту образования КНР лесопокрываемость территории страны была слабой: площадь лесов не превышала 82,8 млн га, коэффициент лесопокрываемости был ниже 9 %.

Если обратиться к данным инвентаризации лесов КНР, то становится очевидным, что за период реформ (с конца 1970-х — начала 1980-х годов) страна проделала значительный путь по восстановлению и сохранению своего лесного богатства.

Таблица 1. Данные инвентаризации лесов КНР

№	Годы проведения	Площадь лесного фонда, млн га	Коэффициент лесопокрываемости, %	Запас леса, млрд куб. м
1	1973—1976	121,86	12,69	8,66
2	1977—1981	115,28	12,01	9,03
3	1984—1988	124,65	12,98	9,14
4	1989—1993	133,70	13,92	10,14
5	1994—1998	158,94	16,55	11,27
6	1999—2003	174,91	18,21	12,46
7	2004—2008	195,45	20,36	13,72
8	2009—2013	207,69	21,63	15,14

Источник: Weisheng Zeng, Tomppo Erkki, Healey Sean P., Gadow Klaus V. ... P. 23.

С конца 1990-х годов политика китайского правительства в отношении лесов изменилась коренным образом. После двух наводнений, произошедших в КНР в 1998 г., руководство страны обратило внимание на губительные последствия безудержной рубки леса. ЦК

КПК и Госсовет КНР выдвинули предложение полностью прекратить вырубку естественных лесов на территории бассейнов среднего течения рек Янцзы и Хуанхэ, а предприятия лесной промышленности должны были изменить стандарты своей работы с учетом необходимости защиты и охраны лесов. Были разработаны «План реализации проекта по охране естественных лесных ресурсов в районах верхнего течения реки Янцзы, верхнего и среднего течений реки Хуанхэ» и «План реализации проекта по охране естественных лесных ресурсов в важнейших государственных лесных зонах в Северо-Восточном Китае и Внутренней Монголии». После двух лет пробной реализации проектов в октябре 2000 г. государство запустило «Проект по охране естественных лесных ресурсов» (или сокращенно проект «Тяньбао»). Мероприятия в рамках проектов привели к положительной динамике в лесоохранной сфере, о чем наглядно свидетельствуют данные результатов 8-й инвентаризации лесов КНР (2009—2013 гг.): площадь лесного фонда КНР составила 208 млн га, коэффициент лесопокрытия достиг 21,63 %. Конечно, китайские показатели невысоки. Так, если провести сравнение по коэффициенту лесопокрытия с другими странами, то китайский показатель оказывается ниже, чем в Конго, в 3 раза. Другой пример: в Бразилии и Перу этот коэффициент составляет 59 % и 58 % соответственно, в России — 50 %.

Важную роль КНР уделяет развитию лесосырьевых плантаций. Ежегодно в мире создается более 1 млн га плантационных лесонасаждений для получения балансовой древесины, пиловочника, фанерного кряжа, сырья для энергетических нужд. Лидерами в данной области являются США и Китай. С каждым годом леса искусственного происхождения играют все более значимую роль в восстановлении экосистем, а также в обеспечении промышленных потребностей в древесине. С конца 1990-х годов КНР стала наращивать площади плантационных лесов, о чем наглядно свидетельствуют данные табл. 2. Из данных таблицы следует, что наибольший прирост высаженных лесов наблюдался в период с 1994 по 1998 г., составляя 2,58 млн га в год. В дальнейшем темп прироста снизился, однако он не опускался ниже 1 млн га в год. В период с 2009 по 2013 г. в КНР за счет «рукотворных» лесов было обеспечено 46 % общего объема заготовленной древесины и 85 % роста лесозаготовок.

Таблица 2. Плантационные леса КНР (по данным инвентаризации лесов)

№	Годы проведения	Площадь лесного фонда плантационных лесов, млн га	Доля плантационных лесов в общем лесном фонде, %	Запас леса, млрд куб. м
1	1973—1976	23,69	19,78	0,16
2	1977—1981	22,19	19,58	0,27
3	1984—1988	31,01	25,28	0,53
4	1989—1993	34,25	26,00	0,71
5	1994—1998	46,67	29,76	1,01
6	1999—2003	53,26	31,51	1,51
7	2004—2008	61,69	34,01	1,96
8	2009—2013	69,33	36,37	2,48

Источник: Weisheng Zeng, Tomppo Erkki, Healey Sean P., Gadow Klaus V. ... P. 23.

Будучи одновременно производителем и потребителем продукции лесной и деревоперерабатывающей промышленности, КНР ныне — крупнейший мировой участник рынка лесоматериалов. По объему производства и сбыта пиломатериалов, выпуску и экспорту паркетной доски, производства и потребления бумаги и картона, изготовлению и экспорту деревянной мебели КНР занимает положение мирового лидера, что в свою очередь обуславливает ежегодный рост ее потребления сырья и полуфабрикатов.

Китайский импорт лесной продукции в основном состоит из древесного сырья (круглый лес и пиломатериалы), а экспорт — из готовой продукции из древесины. Так, в 2017 г. КНР импортировала древесной продукции на общую сумму 24,9 млрд долл. Структура импорта выглядела следующим образом: круглый лес — 40 %, пиломатериалы — 41 %, щепа древесная — 8 %, мебель из дерева — 5 %, прочее — 6 % (в этот импорт не включена продукция целлюлозно-бумажной промышленности). Экспорт из КНР составил 36,25 млрд долл., из которых: 62 % — готовая мебель из дерева, 15 % — фанера, 3 % — древесноволокнистая плита (ДВП), 4 % — деревянные окна и двери, 16 % — прочая продукция из дерева.

Половина всей импортируемой КНР древесины (включающей круглый лес, обработанные лесоматериалы и пиломатериалы) перерабатываются на территории Китая для последующего экспорта в виде готовой продукции с высокой добавленной стоимостью.

Начиная с 1982 г. КНР ежегодно наращивает объемы импорта лесопродукции. Здесь нас, прежде всего, интересует импорт круглого леса и пиломатериалов.

До 1998 г. потребности КНР в древесине на 90 % удовлетворялись за счет внутренних лесных ресурсов, а зависимость от импорта была незначительной. В 1998 г. правительство Китая начало реализацию природоохранных программ в области лесного хозяйства, в результате чего объем производства промышленной древесины из лесоматериалов естественного происхождения стал сокращаться. В то же время площади лесов плантационного происхождения были невелики, поэтому реальные возможности удовлетворения спроса на древесину за счет внутрикитайских ресурсов были весьма ограничены.

В связи с быстрым ростом потребности внутреннего рынка и увеличением экспорта изделий из лесоматериалов требовалось наращивать импорт. 1 января 1999 г. правительство КНР отменило пошлины на импорт необработанной древесины, одновременно создав благоприятные условия для развития мелкой приграничной торговли, а также начало осуществлять политику стимулирования импорта необработанных лесоматериалов для последующего экспорта изделий из уже обработанной древесины. Результатом вышеперечисленных мер стал стремительный импорт «кругляка»: если в 1998 г. он составлял лишь 4 млн куб. м, то в 2003 г. превысил 25 млн куб. м (график 1).

С 2002 г. в КНР начало активно развиваться лесное плантационное хозяйство, что улучшило возможности удовлетворения спроса на древесину в стране. По этой причине в период с 2003 по 2007 г. импорт необработанной древесины стабилизировался, а темпы его прироста снизились до 9,9 % годовых. В 2008 г. мировой финансовый кризис нанес серьезный удар по экономике развитых стран Европы и Америки, что вызвало в этих странах сжатие рынка и резкое снижение потребительского спроса на изделия из древесины, в ре-

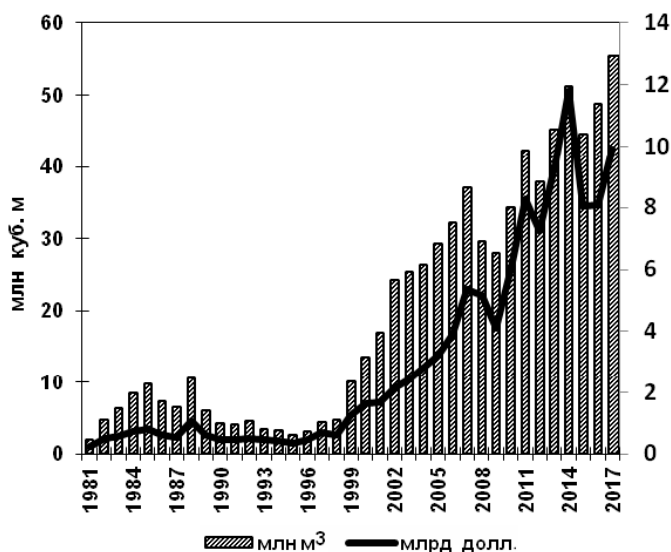

График 1. Китайский импорт необработанной древесины.

Составлено автором по: Чжунго тунци няньцзянь...; Чжунго муцай шичан да шуцзюе гункай...

зультате чего экспорт готовых древесных изделий из КНР упал. Это привело к уменьшению объема импорта необработанной древесины на 9 млн куб. м.

В период с 2011 по 2017 г. импорт не был стабилен, но в целом наблюдался повышающий тренд. По данным Главного таможенного управления КНР, в 2017 г. КНР импортировала «кругляк» в объеме 55,398 млн куб. м. на сумму 9,921 млрд долл.

За последние 10 лет доля импортных лесных ресурсов на рынке КНР выросла с 38 % в 2007 г. до 58 % в 2017 г. При этом ежегодный прирост лесных ресурсов, достигнутый в самой КНР, составлял 1,5 %, а прирост импорта — 8,9 %.

Из-за роста спроса на «кругляк» цена его кубометра постепенно растет, хотя эта повышательная тенденция в последние годы и не отличается стабильностью ввиду демпинга, практикуемого в частности Россией.

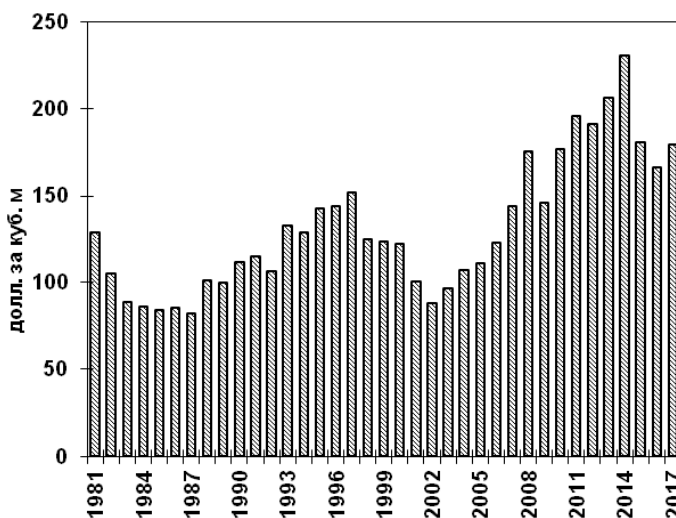

График 2. Цена кубометра импортруемой в КНР необработанной древесины.
 Составлено автором по: Чжунго тунцзи няньцзянь...; Чжунго муцай шичан да
 шуцзюе гункай....

Породный состав импортруемого «кругляка» менялся в зависимости от хозяйственных нужд китайской экономики. Так, до 1992 г. преобладал импорт хвойных пород деревьев, а начиная с 1992 г. в импорте стала преобладать древесина лиственных пород.

Доля хвойного «кругляка» упала в 1996 г. до минимальной отметки в 20,5 % от импорта всего необработанного дерева, а после 1998 г., в связи с мерами, проводимыми китайским правительством и направленными на ограничение рубки природных лесов, доля хвойного леса в импорте стала стремительно расти и уже через 10 лет, в 2006 г. достигла 61 %, а в 2010 — 70,6 % от общего объема импорта круглого леса.

Помимо вышеуказанной причины, рост импорта хвойного «кругляка» был связан с началом проведения активной финансовой политики государства и масштабным инфраструктурным и жилищным строительством. А вот импорт необработанного леса лиственных пород после его бурного роста в конце 1990-х годов, когда это сырье в основном использовалось для производства фанеры, к нача-

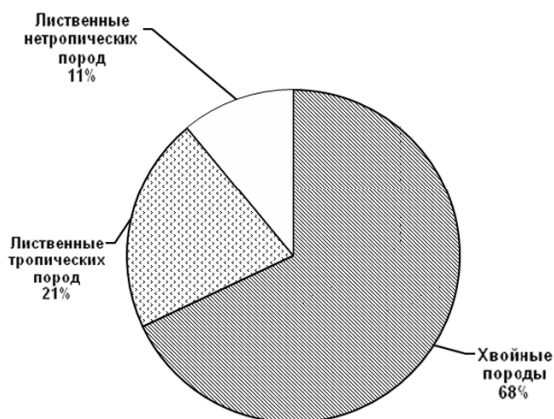

График 3. Породная структура импорта «круглого леса» (2017).

Источник: 2017 нянь Чжунго муцай цзинькоу чжуанкуан....

лу 2000-х начал сокращаться. Причиной тому стал быстрый рост плантационных лесных насаждений. Постепенно часть импорта лиственного «кругляка» дешевых пород стал удовлетворяться за счет китайского местного сырья. В последнее десятилетие породная структура импорта необработанного леса изменилась незначительно, на Графике 3 отражена ситуация на 2017 г.

За последнее десятилетие география импорта «кругляка» претерпела существенные изменения. До повышения экспортных пошлин на вывоз круглого леса Россия была «монополистом» по поставкам этого сырья на рынок КНР. В 2007 г. более 68 % китайского импорта круглого леса поступало из нашей страны. С 2008 г. ситуация начала постепенно меняться, хотя, как и прежде, Россия продолжает оставаться одним из экспортеров-лидеров. В последнее десятилетие укрепилась позиция таких стран, как Новая Зеландия, Канада, США.

Следует отметить, что география китайского импорта хвойных и лиственных пород «кругляка» отличается особой широтой: страны с континентальным климатом являются основными поставщиками хвойных пород деревьев, а с тропическим — лиственных.

В 2017 г. намечился прирост импорта хвойной необработанной древесины из Северной Америки. В 2017 г. импорт бревна из Канады

увеличился на 16 %, а из США — на 10,4 %. Ввоз в КНР новозеландского хвойного «кругляка» возрос на 17,3 % и его доля в китайском импорте составила порядка 37 %. Значительно увеличился объем импорта из Японии, лишь за 2017 г. — на 69,5 %.

Таблица 3. Основные страны — экспортеры «круглого» леса хвойных пород в КНР (2017 г.)

Страна	Доля в суммарном импорте, %
Новая Зеландия	36,68
Россия	23,11
США	12,85
Австралия	11,57
Канада	8,43
Уругвай	1,98
Япония	1,96

Источник: 2017 нянь Чжунго муцай цзинькоу чжуанкуан...

В 2017 г. доля российского хвойного «кругляка» в КНР составила более 20 % всего подобного импорта страны, но год за годом РФ уступает эту позицию.

Из данных, представленных на графике 4, видно, что российская сторона из-за падения курса рубля сильно занижает цену на экспортируемый круглый лес.

Как уже указывалось, древесина лиственных пород подразделяется на лиственные нетропические и лиственные тропические породы. Основными поставщиками в Китай круглого леса лиственных тропических пород долгие годы были Папуа-Новая Гвинея (ПНГ) и Соломоновы острова. В последние годы КНР старается диверсифицировать импорт необработанной древесины из лиственных тропических пород за счет закупок из стран Африки. Крупнейшими странами — экспортерами этих пород в КНР стали Экваториальная Гвинея, Конго, Мозамбик, Камерун и Нигерия. На пять перечисленных стран приходится 80 % китайского импорта африканского бревна.

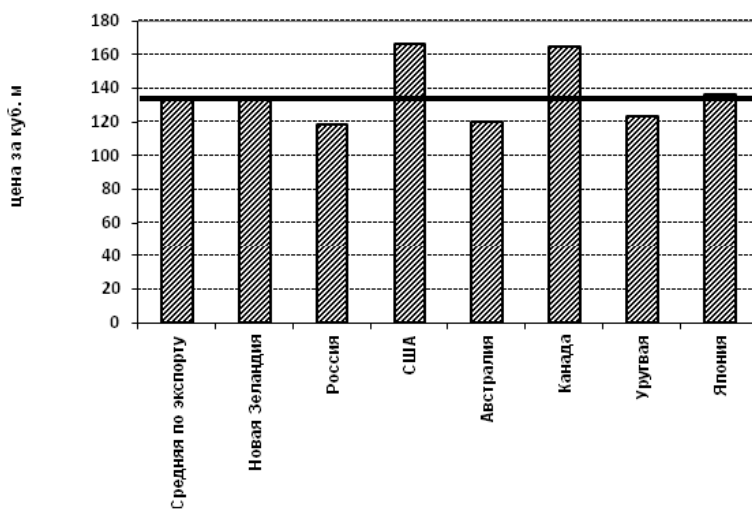

График 4. Цена кубометра хвойного «кругляка» (2017). 134 доллара — средняя цена импорта хвойного «кругляка».

Источник: 2017 нянь Чжунго муцай цзинькоу чжуанкуан....

Таблица 4. Основные страны-экспортеры круглого леса лиственных пород в КНР (2017)

Страна	Доля в суммарном импорте, %
Африка	23,86
Папуа-Новая Гвинея	16,79
Россия	14,09
Соломоновы острова	16,21
Европа	11,18
США	6,86
Латинская Америка	3,39

Источник: 2017 нянь Чжунго муцай цзинькоу цзянькуан юй цяньцин...

Суммарный импорт в КНР «кругляка» лиственных пород составил в 2017 г. 17,16 млн куб. м., при этом 39 % — это древесина лиственных нетропических пород и 61 % — «кругляк» лиственных

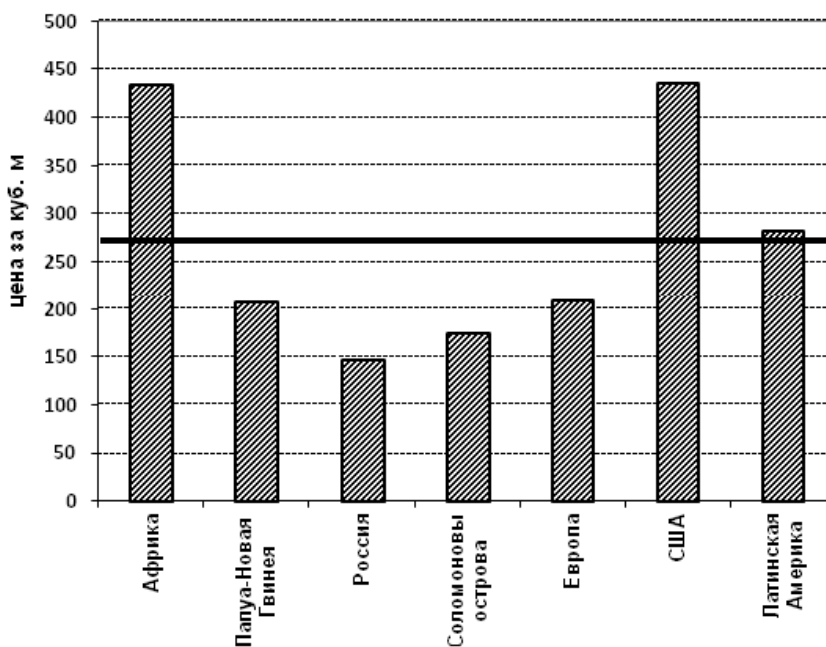

График 5. Цена кубометра лиственного «кругляка», импортируемого в КНР (2017). 269 долларов — средняя цена импорта лиственного «кругляка».

Источник: 2017 нянь Чжунго мушай цзинкоу цзянькуан юй цяньцзин....

тропических пород. Следует отметить, что цена на тропические лиственные породы в 1,5 раза выше за кубометр, чем на нетропические: средняя цена за кубометр нетропических пород составляет 215,7 долл., а тропических — 319 долл. Разница в цене связана с твердостью пород (определяемой по методу Бринелля¹). Чем более

¹ Для измерения твердости древесины по методу Бринелля берут стальной шарик диаметром 10 миллиметров и вдавливают в поверхность, прикладывая определенную силу в течение определенного времени. После этого измеряют глубину и ширину образовавшейся вмятины и рассчитывают величину твердости. По методу Бринелля, чем тверже дерево, тем выше показатель (*Источник:* Сайт tree-forest.ru. URL: <https://tree-forest.ru/classification/tverdost-drevesiny-dereva> (дата обращения: 06.02.2019).

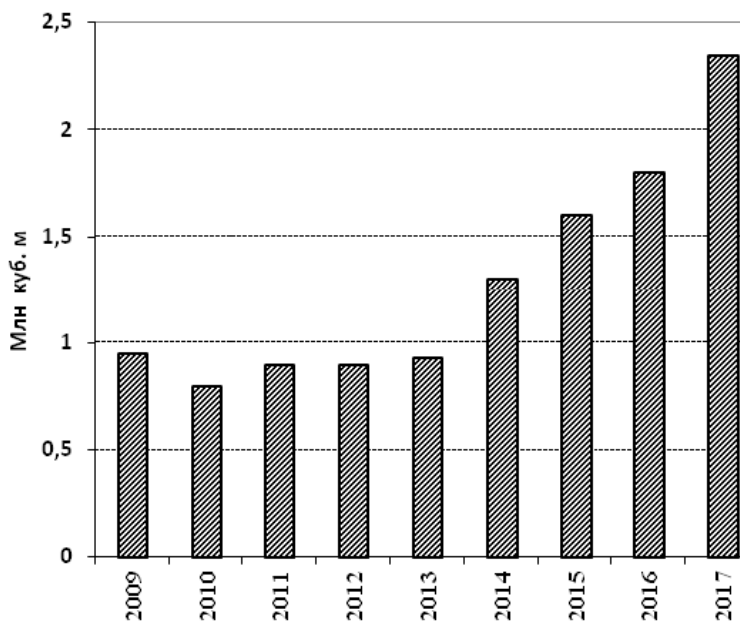

График 6. Динамика импорта российского лиственного «кругляка» в КНР.

Источник: The State Forestry and Grassland Administration. URL: <http://www.forestry.gov.cn>

твердое дерево, тем выше его цена. Деревья с наиболее твердой древесиной произрастают в тропических лесах. Хотя существуют и исключения: к примеру, акация, бук, дуб. Эти породы деревьев произрастают в умеренном климате.

Лиственный нетропический «кругляк» в основном импортируется из России, США, Латинской Америки. У всех стран-экспортеров в последние годы отмечен значительный рост поставок в КНР. Так, начиная с 2013 г. резко возрос экспорт из России в КНР необработанной древесины лиственных пород, при этом 65 % суммарного объема экспорта приходится на березу. КНР экспортирует самую ценную часть березы — березовый кряж, который используется для производства фанеры. Благодаря низкому курсу рубля российские лесопромышленники стремительно наращивают экспорт данной

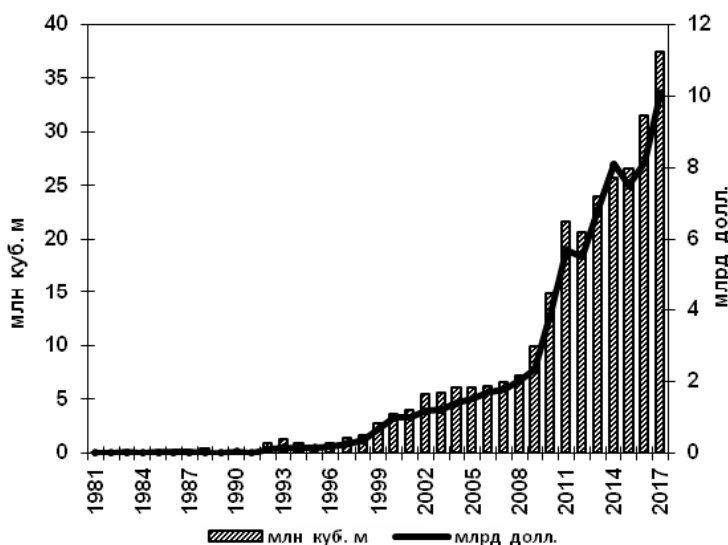

График 7. Китайский импорт пиломатериалов.

Составлено автором по: Чжунго тунци няньцзянь...; Чжунго муцай шичан да шущэе гункай...

продукции юго-восточному соседу, в результате чего российские производители фанеры остаются без сырья.

Начиная с 1997 г. отмечен устойчивый тренд роста импорта пиломатериалов в КНР, о чем наглядно свидетельствуют данные графика 7.

В последние 5 лет (2012—2017 гг.) импорт пиломатериалов рос быстрее, чем импорт круглого леса, среднегодовые темпы прироста импорта «кругляка» и «пиловочника» составили 12,7 % и 7 % соответственно. В 2017 г. темп прироста импорта пиловочника достиг 18,7 %, что на 5 п.п. выше, чем прирост импорта «кругляка». Если 10 лет назад импорт пиломатериалов в КНР составлял лишь 19 % от импорта древесной продукции, то в 2017 г. он достиг 48,9 %.

Цена пиломатериалов за рассматриваемый период также менялась под влиянием внутренних и внешних факторов, но с 1993 г. она проявляет повышательную тенденцию.

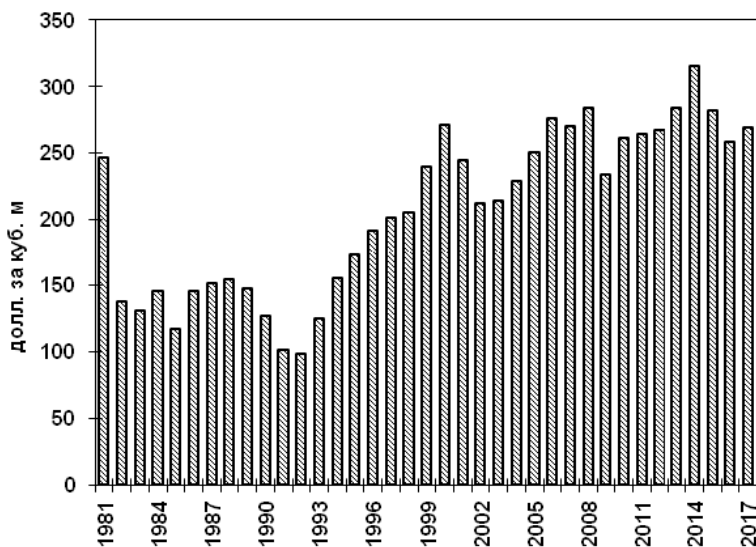

График 8. Цена кубометра импортруемых в КНР пиломатериалов.

Составлено автором по: Чжунго тунци няньцзянь...; Чжунго муцай шичан да шуцзюе гункай...

Следует сказать несколько слов о породном составе импортруемого пиловочника. В 2017 г. на хвойный пиловочник пришлось 67 % китайского импорта, на пиловочник лиственных нетропических пород — 13 %, а на самый благородный из лиственных тропических пород — 20 %.

География импорта пиловочника в последние 10 лет претерпела существенные изменения. Буквально за несколько лет Россия сумела выйти на 1-е место по экспорту пиломатериалов на рынок КНР. Нашими основными конкурентами являются Канада, Новая Зеландия и Таиланд.

Рост поставок пиломатериалов из России в КНР более чем на 80 % обеспечивается за счет «лесоматериалов распиленных вдоль», то есть обыкновенных досок. Россия первенствует в экспорте, прежде всего хвойного пиловочника. Пул стран, экспортирующих в КНР подобный пиловочник, уже много лет не меняется: лидеры здесь

Россия и Канада. В последние годы объем импорта пиловочника хвойных пород из Канады значительно снизился: во-первых, в силу внешних факторов (пожары, насекомые-вредители и др.), во-вторых, в связи с ростом потребности соседних США в этой продукции, в-третьих, ввиду неспособности канадских производителей поспеть за темпом роста китайского потребления.

Таблица 5. Основные страны — экспортеры хвойного пиловочника в КНР (2017)

Страна	Доля в суммарном импорте, %
РФ	57,02
Канада	19,95
Финляндия	6,83
Швеция	3,64
Чили	2,77

Источник: 2017 нянь Чжунго муцай цзинкоу цзянькуан юй цяньцзин...

Укрепляются позиции в китайском импорте хвойного пиловочника из Скандинавии (в широком ее понимании, включая Финляндию): только за 2017 г. отмечен прирост на 79 % ввоза финского пиловочника. Эти страны обладают значительными запасами древесины, их товар имеет высокие качественные характеристики, цена конкурентоспособна, поставщики вкладывают значительные финансовые средства в его продвижение на рынке КНР.

На пиломатериалы хвойных пород, поставляемые из России, Канады и стран Северной Европы, приходится 87 % китайского импорта этой продукции.

Россия, являясь крупнейшим экспортером в КНР древесины и лесоматериалов первичной переработки, оказывает значительное влияние на лесной рынок юго-восточного соседа. За последнее десятилетие объемы китайского импорта российских бревен сокращаются, а доля пиломатериалов быстро растет. Одной из причин стремительного захвата российским пиловочником китайского рынка является дешевизна.

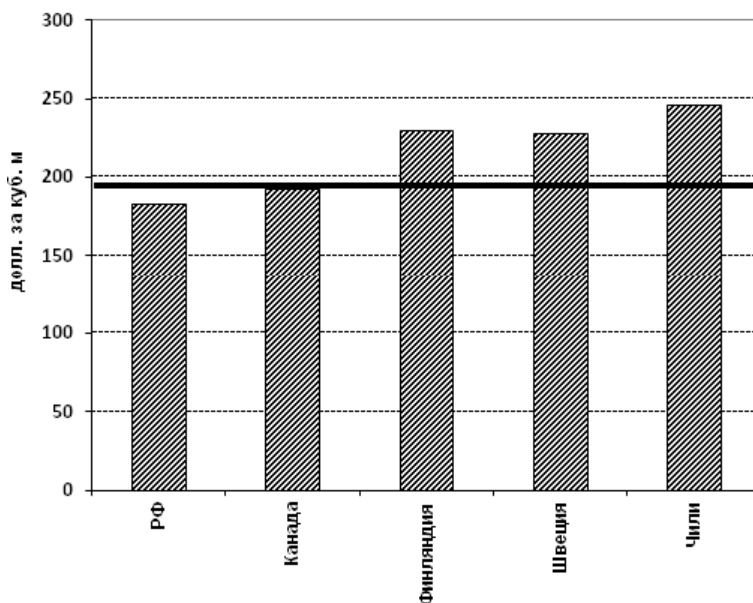

График 9. Цена кубометра хвойного пиловочника, импортируемого в КНР (2017). 194 доллара — средняя цена импорта хвойного пиловочника.

Источник: 2017 нянь Чжунго муцай цзинкоу цзянькуан юй цяньцин...

Если в 2007 г. экспорт пиломатериалов составлял лишь 8 % от общего объема поставок в КНР российской лесной продукции, то в 2017 г. доля пиловочника в российском лесном экспорте достигла 66 %.

Доля российских пиломатериалов, импортируемых КНР, значительно увеличилась. В 2012 г. Китай импортировал из России и Канады пиломатериалы в сопоставимых объемах порядка 6,5 млн куб. м. В 2017 г. импорт российских пиломатериалов увеличился до 15,58 млн куб. м., а импорт из Канады составил 5,102 млн куб. м. Соответственно за 10 лет объем ввоза пиловочника из России увеличился в 3 раза. Ныне на российский пиловочник хвойных пород приходится 57 % всего китайского импорта, а на канадский — лишь 20 %. В ряде СМИ появилось сообщение, что в 2018 г. «доля России

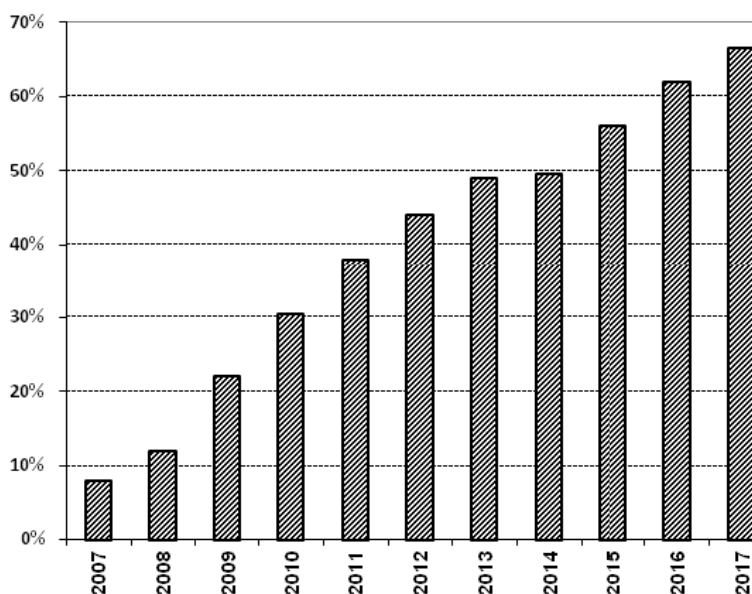

График 10. Доля пиловочника в российском экспорте лесоматериалов в КНР.

Источник: Элосы ши Чжунго цзуи да дэ цинькоу муцай хоуань го...

на рынке пиломатериалов Китая выросла до 63 %» [Доля России на рынке пиломатериалов...].

Несмотря на подвижность конъюнктуры мирового рынка, Россия, как и прежде, остается одним из главных «игроков» мирового и китайского рынка лесоматериалов. Так, в 2017 г. в мировом экспорте «делового круглого леса» доля России составила 15 % (1-е место), а экспорте «пиломатериалов» — 19 % (2-е место после Канады). Главным рынком реализации необработанных лесных материалов для нашей страны продолжает оставаться КНР. По данным ФТС, общий экспорт необработанной древесины из России в 2017 г. составил 19,4 млн куб. м, при этом более 66 % поставок (12,9 млн куб. м) пришлось на КНР. На 2-м месте (26 %) — Финляндия. На остальные страны (Швеция, Казахстан, Япония и проч.) приходятся доли в 2 % и меньше.

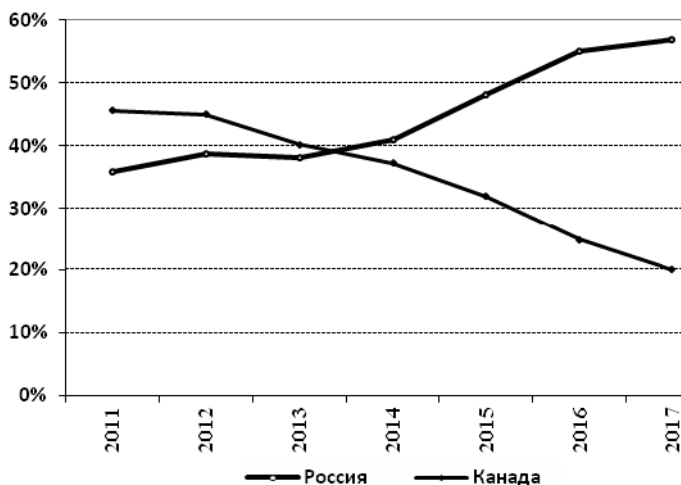

График 11. Доля российского и канадского пиловочника в импорте хвойного пиловочника в КНР.

Источник: Элосы ши Чжунго цзуи да дэ цинькоу муцай хоюань го...

В заключение хотелось бы остановиться на вопросе *перспектив российской продукции лесопромышленного комплекса на китайском рынке*. В последние годы наблюдается постепенное расширение сфер использования в КНР российской древесины. В 1990-х годах российский «кругляк» широко применялся на северо-востоке, в северной, западной и центральной частях Китая, а также на юго-востоке страны вдоль ее морского побережья. В последние 5—7 лет российские лесные ресурсы получили распространение в центральной части и на юго-западе Китая. Так, в провинции Сычуань 3/4 объема реализуемой древесины поступает из РФ. Провинции Цзянси и Гуандун также начали использовать российскую древесину в большом количестве, тем более, что транспортировка по р. Янцзы и контейнерные перевозки очень удобны.

Кроме того, расширяется сфера применения российских пиломатериалов. Ранее они использовались только в качестве расходного строительного материала в низкоценовом сегменте рынка. В на-

стоящее же время из них изготавливают мебель, включая изделия для детей.

КНР — крупнейший в мире производитель мебели и потребитель сырья для ее производства. В Китае есть спрос не только на древесину для изготовления дверей и паркета, но и на древесину твердых лиственных пород (дуб, ясень, береза и т. д.), используемую в мебельном производстве. Коммерческая заготовка этого вида древесины в настоящее время в КНР запрещена.

Увеличение потребности в пиломатериалах на китайском рынке вызвано, с большой долей вероятности, принятием Госсоветом КНР в июле 2017 г. ряда документов, направленных на развитие внутреннего туризма, в соответствии с которыми к 2020 г. планируется построить около 1000 объектов для туристического отдыха с привлечением возможностей деревянного домостроения. Реализации этой программы, в числе прочего, будет способствовать принятие Министерством земельных и природных ресурсов КНР пилотной программы по использованию арендных земель в целях строительства объектов коллективного пользования.

По оценкам китайских экспертов, в ближайшие 20 лет перспективным направлением развития жилищного сектора в Китае станет деревянное домостроение, которое даст импульс увеличению потребления пиломатериалов и деревянных конструкций. С 2016 г. доля импортной древесины в структуре лесных ресурсов Китая постепенно приближается к 60 %. Российским производителям продукции лесопромышленного комплекса необходимо использовать эти тенденции, в частности путем повышения качества переработки древесины и производства изделий, соответствующих требованиям китайского рынка.

Библиографический список

Доля России на рынке пиломатериалов Китая увеличилась до 63 %. URL: <https://100m3.com/news/823> (дата обращения: 02.04.2019).

Китай занимает первое место в мире по площади искусственных лесонасаждений. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1029/c31516-9512544.html> (дата обращения: 14.04.2019).

Конфуций: философия и учения. URL: <http://travelforallcountries.ru/filosofas-4-3.html> (дата обращения: 16.04.2019).

Торговля лесной продукцией. Крупнейшие страны — экспортеры лесной продукции. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80938@180724/ru> (дата обращения: 14.03.2019).

Штанов В. Минприроды грозит запретить экспорт древесины в Китай. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/11/07/785781-minpriodi-zapretit> (дата обращения: 14.03.2019).

Во го чжэньешу цай цзинькоу шачан цюйши фэньси : [Анализ тенденций на рынке импорта хвойной древесины в Китай]. URL: <http://www.chyxx.com/industry/201205/R427194SHQ.html> (дата обращения: 27.01.2019). (На кит. яз.)

Ди ба ци цуаньго сэнлинь циюань цинча чжуйяо цэго (2009—2013 нянь) : [Основные результаты восьмой Национальной инвентаризации лесов (2009—2013)]. URL: <http://www.forestry.gov.cn/main/65/20140225/659670.html> (дата обращения: 29.01.2019). (На кит. яз.)

Сэнлинь фугай шуай цун 8,6 % дао 18,21 %: гунхэго дэ сэнлинь цзай чэняжан : [Лесопокрываемость территории выросла с 8,6 % до 18,21 %: республика прирастает лесами]. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2009-09/24/content_1425092.htm (дата обращения: 03.02.2019). (На кит. яз.)

Чанцзян шаню, Хуанхэ шан чжаню дици Тяньбао гунчэн шиши фанань : [План реализации проекта «Тяньбао» по охране естественных лесов в районах верхнего течения реки Янцзы, верхнего и среднего течений реки Хуанхэ]. URL: <http://www.forestry.gov.cn/trlbh/1880/76020/1.html> (дата обращения: 01.02.2019). (На кит. яз.)

Чжунго тунци няньцзянь : [Китайский статистический ежегодник]. Пекин, 1982—2018. Таблица 11-7. (На кит. яз.)

Элосы ши Чжунго цзуи да дэ цинькоу муцай хоуань го : [Россия — крупнейший источник поставки древесины в Китай]. URL: <http://www.shyr8.com/m/view.php?aid=104> (дата обращения: 14.04.2019). (На кит. яз.)

2017 нянь Чжунго муцай цзинькоу чжуанкуан : [2017 год: ситуация с импортом древесины в КНР]. URL: <http://www.wood365.com/News/info?nid=2742> (дата обращения: 25.01.2019). (На кит. яз.)

2017 нянь Чжунго муцай цинькоу цзи Чжун Фэй муцай маои цзянькуан : [Импорт древесины в Китай и китайско-африканская торговля лесоматериалами в 2017 году]. URL: <http://www.cwp.org.cn/Detail.aspx?cid=13&id=1609> (дата обращения: 05.02.2019). (На кит. яз.)

2017 нянь Чжунго муцай цинькоу цзянькуан юй цянцзин : [Общие черты и перспективы импорта лесоматериалов в Китай в 2017 году]. URL: <http://>

kuaibao.qq.com/s/20180308B0MQ5L00?refer=spider (дата обращения: 06.02.2019). (На кит. яз.).

2017 Чжунго муцай шичан да шуцзюе гункай : [Открытый массив больших данных по рынку древесины Китая в 2017]. URL: <http://www.suliaojiancai123.com/suliaojiancaixinwen-2/863.html> (дата обращения: 05.02.2019). (На кит. яз.).

2017 нянь Чжунго муцай шичан да шуцзюй хуйцзун : [Обобщение массива больших данных рынка лесоматериалов Китая в 2017 году]. URL: <http://wemedia.ifeng.com/64091617/wemedia.shtml> (дата обращения: 02.02.2019). (На кит. яз.).

The State Forestry and Grassland Administration. URL: <http://www.forestry.gov.cn>
Weisheng Zeng, Tomppo Erkki, Healey Sean P., Gadow Klaus V. The national forest inventory in China: History, results, international context // *Forest Ecosystems*. 2015, № 2. URL: <https://www.fs.usda.gov/treesearch/pubs/49071> (accessed: 09.05.2019).

References

Changjiang shangyou, Huanghe shang zhongyou diqu Tianbao gongcheng shishi fangan [Plan of the realization of “Tianbao” project on indigenous forests protection in the upper stream of Yangtze river and the upper and midstream of Huanghe river]. URL: <http://www.forestry.gov.cn/trlbh/1880/76020/1.html> (accessed: 1 February, 2019). (In Chinese).

Di ba ci quanguo senlin ziyuan qingcha zhuyao jieguo (2009—2013 nian) [Major outcomes of the 8th National Forest Inventory (2009—2013)]. URL: <http://www.forestry.gov.cn/main/65/20140225/659670.html> (accessed: 29 January, 2019). (In Chinese).

Dolya Rossii na rynke pilomaterialov Kitaya uvelichilas' do 63 % [Russia's share in the Chinese sawnwood market increased to 63 %]. URL: <https://100m3.com/news/823> (accessed: 2 April, 2019). (In Russian).

Eluosi shi Zhongguo zuida de jinkou mucai huayuan guo [Russia is the largest source of timber supply to China]. URL: <http://www.shyr8.com/m/view.php?aid=104> (accessed: 14 April, 2019). (In Chinese).

Kitaj zanimaet pervoe mesto v mire po ploshchadi iskusstvennyh lesonasazhdenij [China ranks first in the world in the area of artificial forests]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/1029/c31516-9512544.html> (accessed: 14 April, 2019). (In Russian).

Konfucij: filosofiya i ucheniya [Confucius: philosophy and teachings]. URL: <http://travelforallcountries.ru/filosofas-4-3.html> (accessed: 16 April, 2019). (In Russian).

Quanmian: 2017 nian Zhongguo mucai shichang da shuju huiizong [Generalization of Big Data Basis on Chinese timber market in 2017]. URL: <http://wemedia.ifeng.com/64091617/wemedia.shtml> (accessed: 2 February, 2019). (In Chinese).

Senlin fugai shuai cing 8.6 % dao 18/21 %: Gongheguo de senlin zai chengzhang [Forest coverage area raised from 8,6 to 18,21 %. The PRC increased its forest resources]. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2009-09/24/content_1425092.htm (accessed: 3 February, 2019). (In Chinese).

Shtanov, Vladimir (2018). Minprirody grozit zapretit' ehksport drevesiny v Kitaj [The Ministry of Natural Resources threatens to ban forest export to China]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/11/07/785781-minprirodi-zapretit> (accessed: 14 March, 2019). (In Russian).

The State Forestry and Grassland Administration. URL: <http://www.forestry.gov.cn>

Torgovlya lesnoj produkciej. Krupnejshie strany-ehksportery lesnoj produkcii [Trade in forest products. The largest exporters of forest products]. URL: <http://www.fao.org/forestry/statistics/80938@180724/ru> (accessed: 14 March, 2019). (In Russian).

Weisheng, Zeng; Tomppo, Erkki; Healey, Sean P. and Gadow, Klaus V. (2015). The national forest inventory in China: History, results, international context. *Forest Ecosystems*. No. 2. URL: <https://www.fs.usda.gov/treearch/pubs/49071> (accessed: 9 May, 2019).

Woguo zhenyeshu cai jinkou shichang qushi fenxi [Analysis of needle wood import tendencies in China]. URL: <http://www.chyxx.com/industry/201205/R427194SHQ.html> (accessed: 27 January, 2019). (In Chinese).

Zhongguo tongji nianjian [*China statistical yearbook*]. Beijing, 1982—2018. Table 11-7. (In Chinese).

2017 nian Zhongguo mucai jinkou ji Zhong Fei mucai maoyi jiankuang [Wood import into China and Chinese-Africa timber trade in 2017]. URL: <http://www.cwp.org.cn/Detail.aspx?cid=13&id=1609> (accessed: 5 February, 2019). (In Chinese).

2017 nian Zhongguo mucai jinkou zhuangkuang [Situation with wood import into China in 2017]. URL: <http://www.wood365.com/News/info?nid=2742> (accessed: 25 January, 2019). (In Chinese).

2017 nian Zhongguo mucai jinkou jiankuang yu qianjing [Outlines and perspectives of timber import into China in 2017]. URL: <http://kuaibao.qq.com/s/20180308B0MQ5L00?refer=spider> (accessed: 6 February, 2019). (In Chinese).

2017 nian Zhongguo mucai shichang da shujuye gongkai [Open Big Data Basis on Chinese wood import tendencies in 2017]. URL: <http://www.suliaojiancai123.com/suliaojiancaixinwen-2/863.html> (accessed: 5 February, 2019). (In Chinese).

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДВУСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10022

Г.И. Саркисова

ПРАВИЛА ОРГАНИЗАЦИИ КЯХТИНСКОГО ТОРГА В 70-е ГОДЫ XVIII ВЕКА В НАСТАВЛЕНИЯХ ИРКУТСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.И. БРИЛЯ

Аннотация. Статья освещает вопросы организации кяхтинской торговли в 70-е годы XVIII века по наставлениям иркутского губернатора генерал-майора А.И. Бриля, данным кяхтинским купеческим компаниям.

В отечественной историографии встречается некоторая недооценка участия российских властей в организации кяхтинского торгова. Интерес к наставлениям иркутского губернатора обусловлен тем, что они отразили опыт постепенного формирования отдельных правил кяхтинской торговли (ведение делопроизводства, долговые отношения с китайцами, секретность информации, касавшейся торгова) и позволили выявить новые исторические факты участия российских властей в упорядочении кяхтинской торговли.

Создание трех наставлений в течение короткого промежутка времени (7 ноября 1769 г., 5 марта, 10 июля 1770 г.) свидетельствует и

о сложностях разработки основных правил кяхтинского торгова. Объединение купечества в компании влекло за собой необходимость урегулирования вопросов организации делопроизводства и политики ценообразования. Последняя была связана с потребностью сокрытия русскими купцами сведений о своих товарах от китайских купцов для лишения их возможности влиять на установление цен.

Не меньшее значение для купеческих компаний имели предписания этического характера о взаимоотношениях купцов, взаимопомощи и поддержке, а также о наказаниях за нарушение установленных правил. Основу всех наставлений иркутского губернатора составила идея о подчинении личных интересов отдельных торговцев общему интересу всего купечества.

Ключевые слова: Кяхта, кяхтинская торговля, наставления, иркутский губернатор, А.И. Бриль, русское купечество, китайское купечество, купеческие компании.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

G.I. Sarkisova

The rules governing the organization of the Kyakhta trade in the 70s of the XVIII century based on the instructions of the Irkutsk Governor A.I.Brile

Abstract. The article deals with the rules governing the organization of the Kyakhta trade in the 70-s of the XVIII century according to the instructions of the Irkutsk Governor, Major General Brile given to Kyakhta merchant companies.

Russian historiography underestimates the involvement of the government in the organization of the Kyakhta trade. Interest in the instructions of the Irkutsk Governor is due to the fact that they reflected the experience of gradual development of some rules of the Kyakhta trade (book-keeping, debt relations with the Chinese party, confidentiality of information relating to commerce) and allowed to reveal new historical facts of the involvement of Russian authorities in the Kyakhta trade streamlining.

The creation of three manuals within a short period of time (November 7, 1769, March 5 and July 10, 1770) also serve as an evidence of certain difficulties in the development of the Kyakhta trade common ru-

les. The incorporation of merchants into companies required regulation of business management and pricing policies. The latter was associated with the need for Russian merchants to hide information about their goods from Chinese merchants in order to deprive them of the opportunity to influence the pricing.

No less important for merchant companies were ethical prescriptions about the relationship of merchants, mutual assistance and support as well as penalties for violating the established rules. The instructions of the Irkutsk Governor were aimed at subordinating the personal interests of individual merchants to the common interests of the merchant class.

Keywords: Kyakhta, Kyakhta trade, instructions, Irkutsk Governor, A.I. Brile, Russian merchants, Chinese merchants, merchant companies.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: sarkisova1954@mail.ru).

В 1762 г. императрица Екатерина II своим указом окончательно прервала отправку казенных торговых караванов в Пекин и разрешила российскому купечеству свободную торговлю с Китаем. Центром русско-китайской приграничной торговли стала Кяхта¹, а кяхтинская торговля между русским и китайским купечеством оказалась одним из объектов пристального внимания правительства, которое прикладывало существенные усилия для ее упорядочивания и организации. Важные шаги в этом направлении были сделаны в 1768 г. полномочным комиссаром полковником И.И. Кропотовым (1724—1769), направленным императрицей на российско-китайскую границу для урегулирования споров с китайской стороной и решения вопросов, связанных с кяхтинской торговлей (подробнее см. [Саркисова Г.И.]).

По рескрипту императрицы Екатерины II от 4 июня 1769 г. после смерти полковника И.И. Кроптова все таможенные дела перешли в ведомство генерал-майора А.И. Бриля, иркутского губернатора в 1767—1776 гг. В соответствии с рескриптом, наделенный широкими полномочиями иркутский губернатор должен был направить

¹ Торговая слобода на реке Кяхте, в XVIII—XIX вв. — крупнейший центр торговли с Китаем.

свою деятельность на пользу императорских интересов — «к соблюдению с китайскою стороною дружбы, к выгодности торгующему купечеству и к разпространению тамошней торговли» [АВПРИ. 1769—1772. Д. 18. Л. 80 об.].

Однако в отечественной историографии, содержащей немало работ по истории кяхтинской торговли, встречается некоторое недооценивание участия властей в организации кяхтинского торгова. Так, по мнению Х. Трусевича, русско-китайская торговля в XVIII в. «была в высшей степени беспорядочна: не было кого слушаться» [Трусевич, с. 238]. Предложенные русским купцам в 1768 г. правила торговли на границе, по его словам, «были отвергнуты, и до 1792 г. русские купцы не знали никаких правил торговли, а каждый сообразовался по-прежнему только со своими единичными интересами». К сожалению, Х. Трусевич не назвал источник, сообщавший эти предписания, но привел их содержание, которое сводилось к следующему: «1) участие иметь всем купцам; 2) не ездить всем прямо в Кяхту, а собираться в Селенгинск; 3) выбрать бы всем купцам 3—4 директора или маклера для собирания объявлений о количестве и цене товаров; 4) в договор с китайскими купцами вступать бы только этим маклерам, а русским купцам разменивать бы товары по учрежденной цене с общего согласия под страхом штрафа, равного половине стоимости товара, и исключения из торгова; 5) богатым купцам множеством навезенных товаров не препятствовать бы остальным торговать, а товары не все возить на Кяхту сразу, а половину оставлять в Селенгинске» [Трусевич, с. 239].

Помимо этих правил, Х. Трусевич, говоря о постоянном произволе в торговле именитых купцов, остановился еще на одной попытке правительства в начале 1800 г. упорядочить приграничную торговлю. Ее предлагалось организовать таким образом: «от каждой из 6 компаний выбирается по одному компаньону для присмотра, чтобы возвысить цену русских и понизить ее в китайских товарах; чтобы никто из русских не продавал свой товар по низкой цене и не покупал китайских по дорогой, перед началом торгова компаньоны должны рассортировать товары и оценить их. Если китайцы на эти оценки не согласятся, удержаться от торгова; если они будут еще упираться, сделать вторичную оценку. Если кто из русских торговых людей ку-

пит или продаст не по положенной таксе, в первый раз штрафовать 50 р., во 2-й — 100 р., в 3-й — выслать из Кяхты» [Трусевич, с. 245—246]. Однако, по заключению Х. Трусевича, и эти правила не могли помочь «беспорядочности торго» [Трусевич, с. 246].

Совершенно иное мнение об этих правилах выразил Е.П. Силин. Он считал, что принятый в марте 1800 г. новый тариф, определивший «пошлины как с главных русских товаров, так и с главных китайских, ввозимых в Сибирь и Россию через Кяхту», и правила 1800 г. имели для кяхтинской торговли огромное значение: «они фактически открыли собой новый период ее истории, период XIX века, когда она достигла полного расцвета» [Силин, с. 101].

Вместе с тем изучение архивных материалов дает основание утверждать, что этим правилам предшествовали более ранние аналоги. Речь идет о трех наставлениях для кяхтинских купеческих компаний, составленных иркутским губернатором генерал-майором А.И. Брилем в течение небольших промежутков времени. Первое относится к 7 ноября 1769 г., дополнение к нему — к 5 марта 1770 г., а третье, «подтвердительное наставление» — к 10 июля 1770 г. Детальный анализ этих документов подтверждает их схожесть с правилами 1800 г. и позволяет выявить новые исторические факты участия властей в упорядочении кяхтинской торговли.

Наставления касались прежде всего «первых» купцов из шести компаний, учрежденных в Кяхте в 1768 г. полномочным комиссаром И.И. Кропотовым [АВПРИ. 1762—1769. Д. 8. Л. 281]. Определение того, кто считался «первым» купцом, содержалось в начале наставления: «В каждой компании по общему всех купцов произволению и избранию быть одному первенствующему не токмо именем, но и делом знающему компаниону. И иметь ему всегдашнее попечение и наблюдение о верном и чистосердечном согласии и откровенности и о искреннем рачении и общей всех купцов пользе без всякого потерянния времени» [АВПРИ. 1769—1772. Д. 18. Л. 155]. В этом же пункте первого наставления «первенствующим» купцам вменялось в обязанность требовать от остальных беспрекословного послушания и следить за поддержанием в компаниях порядка в выполнении установленных правил. «Первенствующим» купцам предписывалось оповещать об этом всех купцов при первом их приезде в Кяхту. Тех

же, кто пренебрегал общепринятыми в компании нормами поведения, «первенствующий» купец, а затем и вся компания должны были отвращать от плохих поступков «без розгласки... дружелюбными увещаниями и доказательными изъяснениями». Однако в случае, если это не помогало, а действия нарушителей грозили общей пользе компании, их наказывали, согласно наставлению, «первенствующие» купцы всех компаний денежным штрафом, «каким оне, зная их виновность и упрямость, за благо разсудят» [АВПРИ. Л. 155].

Следующий пункт наставления касался вопроса упорядочивания цен на товары. Иркутский губернатор предложил решить его таким образом. Для того, чтобы все купцы из всех компаний были осведомлены о ценах на привезенные ими товары, они должны были предоставлять «первенствующему» купцу в своей компании на первый случай, вместо книги, оценочный реестр, на котором принимающий проставлял год, месяц и число. Собранные реестры переплетались «первенствующим» купцом в один переплет с тем, чтобы потом на их основании каждый купец мог потребовать от компаньона «во всем, что до пользы ево касается, наставление на всякой товар как на свой привозной, так и на китайской» [АВПРИ. Л. 155].

Вопрос о дальнейшем оформлении документации в компаниях в виде реестров или книг генерал-майор А.И. Бриль предполагал решить сугубо по своему усмотрению, но только после получения сведений об этом от «первенствующих» купцов компаний.

В соответствии с третьим пунктом наставления непосредственные сделки купли-продажи между русскими и китайскими купцами («с показанием справедливых цен») также должны были оформляться в реестрах, предоставляемых кяхтинскими купцами в тот же день (в крайнем случае на другой день) в свои компании, которые в свою очередь обязаны были сразу же отправлять эти реестры в Кяхтинскую коммерческую экспедицию [АВПРИ. Л. 155 об. — 156].

В четвертом пункте наставления определялись факторы, влиявшие на формирование цен в компаниях. Предлагалось во всех компаниях назначать равные цены на продаваемые китайцам товары и приобретаемые у них, «смотря по времени и по видимой товаров доброте». Вместе с тем позволялось по общему всех компаньонов согласию варьировать цену в конкретных случаях долговременного

пребывания в Кяхте отдельных купцов, чтобы у них «не происходило напрасных убытков». Однако делать снижение «положенных общих цен...при промене китайцам» без согласия компаний иркутский губернатор запретил, ссылаясь на императорский указ, предписывавший, чтобы «меньше положенной от компании цены никто не продавал и дороже не покупал» [АВПРИ. Л. 155 об.]. Нарушителей указа должна была наказывать таможня «по общему купеческому приговору». А при последующем пренебрежении этим правилом иркутский губернатор постановил отсылать виновных в Петропавловскую пограничную таможню для представления ему.

В пятом пункте наставления декларировалась позиция относительно цен на китайские товары. Русским купцам всех компаний рекомендовалось в единодушном и дружелюбном согласии «старание прилагать и, сколько возможности будет, способ изыскивать и приводить китайцов к тому, дабы оне, со своей стороны, у китайских товаров, у которых возможно будет, понижение сделать могли» [АВПРИ. Л. 156]. Таким образом, деятельность кяхтинских купцов, направленная на снижение цен на китайские товары с целью извлечения «купеческой пользы», поощрялась иркутским губернатором.

Такое же запрещение на понижение цен распространялось и на купцов, продававших скот (верблюдов-атанов, меринов, кладеных быков и козлов, коров и старых баранов). В соответствии с шестым пунктом наставления предлагалось на первый случай самим купцам устанавливать цену, а затем оценивать товар «знающими людьми» из Коммерческой экспедиции. Однако решение этих вопросов должно было происходить с согласия всего купечества и тех, кто торговал скотом [АВПРИ. Л. 156].

Вопрос об иерархических отношениях в компаниях освещал и седьмой пункт наставления. В нем рассматривались обстоятельства, при которых возникала необходимость замещения «первенствующего» купца. В случае кратковременного отсутствия «первенствующий» купец мог сам найти себе замену среди купцов, «точию были б оне люди состояния добраго и твердаго и купеческие распоряжении знающие» [АВПРИ. Л. 156]. Если же отсутствие «первенствующего» могло стать долгим или окончательным, то на его место все члены компаний должны были выбрать другого, «знающаго ж и ревностно-

го в купечестве, которой и исполнить должен то же все, что и первому поручено было, без всякой перемены» [АВПРИ. Л. 156].

Восьмым пунктом наставления предусматривалась ситуация, когда числившиеся в компаниях купцы, уже распродавшие свои товары, и их работники могли по-прежнему посещать Маймайчэн¹ по получаемым в Кяхтинской коммерческой экспедиции билетам в то время, в какое там бывали и остальные купцы [АВПРИ. Л. 156 об.].

Девятым пунктом наставления запрещались любые виды долговых отношений с китайскими купцами: «ни дачею им, ни от них браньем» — под угрозой конфискации взятого в императорскую казну [АВПРИ. Л. 156 об.]. Вместе с тем иркутский губернатор А.И. Бриль оставил за купеческим сообществом право выразить свою позицию в данном вопросе и прислать ему ее обоснование [АВПРИ. Л. 156 об.].

В заключительном десятом пункте документа была выражена его особая значимость как для кяхтинского купечества, так и для всей кяхтинской торговли. Он декларировал секретность выработанных положений, которые предписывалось «содержать им, купцам, между собою так тайно, дабы ис того ни о чем не только китайцы, но и из своих русских, до кого сие не принадлежит, никто б, кроме имеющих начальство и должность в Комерческом правлении, ни под каким видом не знали б под опасением за розгласку неотменного по законам штрафа» [АВПРИ. Л. 156 об.].

Поскольку вопрос об оформлении документации во втором пункте наставления не был решен до конца, он получил дальнейшее развитие в следующем «пополнительном» наставлении иркутского губернатора (от 5 марта 1770 г.). В нем генерал-майор А.И. Бриль отметил, что купцы сами увидели для себя пользу в ведении дел в тетрадах умеющим это делать писцом и согласились с тем, «что на все то содержание положена им будет со всего приезжающего в Кяхту купечества аксиденция²» [АВПРИ. Л. 157].

¹ Маймайчэн — китайская торговая слобода, расположенная у самой границы на монгольской территории.

² Аксиденция (от лат. *accidentia*) — особые, добавочные сверхпошлины, взывания, которые взымались в таможене с получателей товара.

«Пополнительное» наставление предусматривало наказание за нарушение требования о регулярной и своевременной подачи купцами сведений в виде записок или словесных объявлений для внесения в тетради. С общего согласия компаньонов всех шести компаний нарушителей штрафовали выговорами и денежными взысканиями, которые присоединялись к предписанной акциденции, «чтоб, смотря на то все, купцы были у них, компанионов, в послушании и от противных обществу поступок воздерживались» [АВПРИ. Л. 157].

Кроме того, наставлением поощрялись инициативы купцов, направленные на выявление в записках каких-либо несоответствий в ценах. В таких случаях усмотревшему нарушение купцу предлагалось сразу же объясниться со своим компаньоном, который обязательно должен был ответить «без всякой грубости». В случае же, если объяснение не пройдет мирно, то заявителю предстояло оповестить об этом компаньонов всех компаний на общем собрании, предъявив выявленные им несоответствия. Общее же собрание, согласно наставлению, должно было не только назначить наказание, но и исполнить его или же словесно просить об этом таможду и экспедицию, которые в свою очередь на собрании всех купцов могли сделать виновным строжайший выговор. За иркутским губернатором оставалось право на окончательное решение судьбы повторно провинившихся [АВПРИ. Л. 157—157 об.].

И в заключении этого пункта документа устанавливались сроки предоставления компаниями своих записок в экспедицию в тот же день или утром следующего дня, «не отлагая ни для чего далее под опасением за продолжение взыскания с них самих в казну штрафа» [АВПРИ. Л. 157 об.].

Поскольку в девятом пункте наставления от 7 ноября 1769 г. относительно долговых отношений между русским и китайским купечеством генерал-майор А.И. Бриль оставил за собой право на внесение в него изменений, то именно им он посвятил второй пункт «пополнительного» наставления. В нем узаконивались долговые отношения и конкретные суммы взысканий с купцов обеих сторон в случае отсрочки долга: «по дватцати пяти на тысячу рублей». Вместе с тем с учетом мнения компаний, без каких-либо ограничений

купцам разрешались долговые обязательства, не превышавшие ста рублей [АВПРИ. Л. 157 об.]. Все долговые сведения купцам предписывалось заносить в дневные записки и подавать в компании, а тем в свою очередь — в Кяхтинскую коммерческую экспедицию, которая обязана была все данные записывать в специально заведенный журнал. На исполнение долговых обязательств отводилось два, «а по нужде три месяца, дабы не было под видом сего какого подлогу». В связи с этим предлагалось внимательно следить за сроками задолженностей и делать отметки в документах экспедиции, «не отлагая вдале, дабы забвением и просмотром не упустилось в пошлинном платеже» [АВПРИ. Л. 157 об.].

Товары же на взятую в долг сумму из ста рублей предлагалось учитывать следующим образом: давать купцам на них билеты в экспедиции при отпуске с другими товарами из Кяхты в Петропавловскую пограничную таможенную. «А ис таможи, — согласно наставлению, — давать вместо их другие, но с тем, чтоб по прошествии недели делать из экспедиционных билетов ведомости со оставлением порозжаго места и посылать в экспедицию для поверки и подписания на том порозжем месте против каждой статьи, где ту поверку и чинить со всякою справедливостию и возвращать оные паки в таможенную для такой же поверки с подлинною росписью, в которой те товары и вещи будут показаны и по которой в таможене положенная пошлина брана будет» [АВПРИ. Л. 158].

Таким образом, если в первых двух наставлениях иркутский губернатор дал четкие предписания по конкретным вопросам организации кяхтинского торгового купеческого компаниям, то в последнем «подтвердительном» наставлении (10 июля 1770 г.) он, выразив сомнения в том, что компании следуют этим предписаниям, заострил их внимание на необходимости постоянного исполнения установленных им правил. «А потому чрез сие, — писал А.И. Бриль, — не только надпоминаю, но и настрожайше подтверждаю, дабы компаньоны, а притом и все купечество непременно с китайцами в торгу поступали с такою осторожностью и смотрением, а паче и с воздержанием, как в тех прежних моих наставлениях повелено» [АВПРИ. Л. 159]. Помимо этого, иркутский губернатор напомнил о важности сохранения секретности в торговле и «осторожности от

пронырств китайских»¹. По словам А.И. Бриля, китайские купцы «ничего малейшаго, касательного до торгу, не делают бес повсядневных советов без довольнаго разсуждения и без расположения как на настоящее, так и на предбудущее время, при всем том не только покушаются, но и в самом деле домогаются в свою пользу, а нашим купцам в повреждение выгодной торговли» [АВПРИ. Л. 159—159 об.].

Второй пункт «подтвердительноного» наставления вновь предписывал соблюдать в купеческих компаниях согласие, «не гнушаяся и не презирая и тех, что которья и не великими суммами торгуют». В объяснение этому иркутский губернатор привел тот факт, что небогатые купцы, часто торговавшие в Кяхте, хорошо знали все особенности кяхтинского торго в отличие от тех, которые «хотя в капиталах и торгах и весьма преимущественнее бывают, но по нечастому, а паче либо и никогда на Кяхте небытию, а затем и китайских нравов и о торгах не ведущие знать, и столько в разсудок обществу представить не в состоянии быть могут...»[АВПРИ. Л. 159 об.].

Для установления порядка в деятельности купечества и компаний третий пункт «подтвердительноного» наставления предписывал соединить шесть компаний с провинциями и городами разных губерний, чтобы их купечество, участвовавшее в торге, оставалось в соответствующей компании. «А потому и составить, — указывалось в этом пункте, — в первую компанию Московскую губернию, во вторую — Архангелогородскую, в третью — Новгородскую, Киевску и Белгородску, в четвертую — Воронежску, Казанску и Оренбургску, в пятую — Табольску, в шестую — Иркутску со всеми приписными к ним провинциями и городами» [АВПРИ. Л. 159 об.]. Купцов же из других российских губерний разрешалось присоединять с согласия компаньонов к тем компаниям, которые купцы сами выберут.

Четвертый, последний, пункт «подтвердительноного» наставления содержал предписания о поведении компаньонов с новыми членами компаний для избежания ущерба общей коммерции. Каждый член

¹ Например, китайские купцы привозили свои товары в Кяхту по ночам и таким образом лишали русских купцов сведений о количестве своего товара.

компании был обязан инструктировать вновь принятого купца как о российских, так и китайских товарах, давать ему расценочные реестры и «протолировать оному купцу о китайском торгу и о всем том, что именованно за тайность от китайцев сохранять и чего же и с их китайской стороны наблюдать и остерегаться должно, в каких товарах обман бывает» [АВПРИ. Л. 160]. Кроме того, если купец впервые приехал в Кяхту, то наставление предписывало выбирать ему от купечества помощника, который хорошо знал китайский торг и был в состоянии предостеречь новичка от ошибки. Следствием ее могла стать убыток, «а оттого и всему купечеству в торгу помешательства, котораго впредь чрез многое старание и поправить вскоре будет не можно» [АВПРИ. Л. 160].

К сожалению, в действительности преодоление тенденций к разобщенности в кяхтинской торговле шло очень медленно: сохранялось соперничество купцов друг с другом и пренебрежение нормами торговых отношений, предложенных властями, личные интересы брали верх над общественными. «Нужен был долговременный опыт, — как справедливо заключил А. Корсак, — и долговременные потери, которые бы убедили наших купцов изменить свои правила, начать действовать единодушно против китайцев...» [Корсак, с. 65].

В плане приобретения такого опыта действия правительства были полезны и ценны: они влияли на купечество и способствовали в той или иной степени упорядочению и укреплению кяхтинского торгового дела. Свой вклад в это внесли и наставления иркутского губернатора А.И. Бриля. Интерес к ним обусловлен тем, что данные документы отразили опыт постепенного формирования отдельных правил кяхтинской торговли (ведение делопроизводства, долговые отношения с китайцами, секретность информации, касавшейся торгового дела).

Сам факт появления трех наставлений в течение короткого промежутка времени свидетельствует и о сложностях разработки основных правил кяхтинского торгового дела. Объединение купечества в компании влекло за собой необходимость урегулирования вопросов организации делопроизводства и политики ценообразования. Последняя была связана с потребностью сокрытия русскими купцами сведений о своих товарах от китайских купцов для лишения их возможности влиять на установление цен.

Не менее важное значение для купеческих компаний имели предписания этического характера о взаимоотношениях купцов, взаимопомощи и поддержке, а также о наказаниях за нарушение установленных правил. Основу всех наставлений иркутского губернатора, как и правил 1800 г., составила идея о подчинении личных интересов отдельных торговцев общему интересу всего купечества.

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1762—1769. Д. 8. Л. 281; Оп. 62/2. 1769—1772. Д. 18. Л. 80—81 об.; 155—156 об., 157—158, 159—160.

Корсаков А. Историко-статистическое обозрение торговых отношений России с Китаем. Казань, 1857. 445 с.

Саркисова Г.И. «К пользе казеннаго интереса и купечества» (Архивные материалы о деятельности полномочнаго комиссара И.И. Кропотова на российско-китайской границе в Кяхте в 1768 г.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 359—380.

Силин Е.П. Кяхта в XVIII в. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Областное издательство, 1947. 204 с.

Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882. 304 с.

References

Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond "Snosheniya Rossii s Kitaem" [Fund "Russian Relations with China"]*. Op. (Inventory) 62/2, 1762—1769, D. (File) 8, l. (p.) 281; Op. (Inventory) 62/2, 1769—1772, D. (File) 18, l. (p.) 80—81 ob. (with reverse side), 155—156 ob. (with reverse side), 157—158, 159—160. (In Russian).

Korsakov A. (1857). *Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovyh otnosheniy Rossii s Kitaem* [Historical and statistical review of trade relations between Russia and China]. Kazan. 445 p. (In Russian).

Sarkisova G.I. (2013). "K polze kazennago interesa i kupechestva" (Arhivnye materialy o deyatelnosti polnomochnogo komissara I.I. Kropotova na rossiysko-kitayskoj granitse v Kyakhte v 1768 g.) ["To the benefit of the state treasury and

merchantry” (Archival materials on the activities of the commissioner plenipotentiary I.I. Kropotov on Russian—Chinese border in Kyakhta in 1768)], *Kitay v mirovoy I regionalnoy politike. Istoriya I sovremennost. [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow: IDV RAN (IFES RAS), Iss. XVIII: 359—380. (In Russian).

Silin E.P. (1947). *Kyakhta v XVIII v. Iz istorii russko-kitayskoy torgovli [Kyakhta in the XVIII century. From the history of Russian-Chinese trade.]*. Irkutsk: Oblastnoe izdatelstvo. 204 p. (In Russian).

Trusevich X. (1882). *Posolskie I torgovye snosheniya Rossii s Kitaem (do XIX v.) [Inter-embassy and trade relations between Russia and China (before the XIX century)]*. Moscow. 304 p. (In Russian).

DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10023

В.Г. Шаронова

РУССКИЕ ТОРГОВЫЕ ДОМА И ФАБРИКИ В ЮЖНЫХ ПРОВИНЦИЯХ КИТАЯ — ФОРПОСТЫ РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ (1870 г. — ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX в.)¹

Аннотация. Великий Чайный путь считается одной из главных торговых артерий, соединявших Россию и Китай с начала XIX в. Торговля чаем стала важным государственным делом. Одним из центров производства черных и зеленых чаев был город-порт Фучжоу, расположенный на юго-востоке Китая. Порт был открыт для иностранцев в 1842 г. С 1860 г. здесь обосновались английские коммерсанты, начавшие производство и вывоз чая. Через несколько лет русские чаоторговцы открыли в Фучжоу свои компании.

В статье рассказывается об истории русской колонии в Фучжоу, которая, изначально состояв из служащих трех небольших фирм, впоследствии сумела создать собственное дело. Начав как арендаторы, русские торговцы стали владельцами фабрик. Общее число русских подданных в Фучжоу равнялось 25, однако, благодаря своей сплоченности, наши чаоторговцы сумели противостоять в конку-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по гранту № 16-27-21001 «История русско-китайской чайной торговли в центральных и юго-восточных провинциях Китая с середины XIX века по начало XX века. По материалам российских и китайских архивов».

рентной борьбе английским компаниям, отстаивая свои коммерческие интересы. Авторитет русского купечества в Фучжоу был высок. Этому способствовала и успешная дипломатическая деятельность надворного советника Н.А. Попова, который в течение двух десятилетий являлся консулом Российского Императорского консульства в Фучжоу.

В статье описываются особо примечательные моменты ведения торговых дел в Фучжоу с середины XIX в. Вместе с иностранными чаоторговцами русские коммерсанты успешно преодолевали финансовые трудности и совершенствовали фабричное производство, заменяя ручной труд машинным. Благодаря этому количество закупаемого чая с каждым годом росло, а его ассортимент расширился, что было отражено в отчетах консула Н.А. Попова, четко прослеживавших динамику объема продаж и продуктового ряда.

Работавшие в Фучжоу торговые компании «Пятков, Молчанов и Ко» и «Токмаков, Шевелев и Ко» со временем поменяли свои названия по причинам смерти компаньонов или смены рода деятельности одного из них, однако обновленные компании «Молчанов, Печатнов и Ко» и «Токмаков, Молотков и Ко» продолжали успешно вести свои дела в течение долгого времени. Их головные конторы находились в Москве, а филиальная сеть — в Китае. Роль русских торговых домов в Фучжоу, являвшимся одним из важнейших пунктов Великого чайного пути, и освещается в данной статье.

Ключевые слова: Великий Чайный путь, Фучжоу, Китай, Россия, русско-китайская чайная торговля, фабрика, компания, хуасян¹, торговая марка, консульство,

Автор: Шаронова Виктория Геннадьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: vsharonova@mail.ru

V. G. Sharonova

Russian trading houses and factories in Southern provinces of China as outposts of Russian-Chinese trade (from 1870 to 1900s)

Abstract. The Great Tea way is considered one of the most important trading routes connecting Russia and China from the beginning of the XIX century. Tea trading became an important state activity. Fuzhou was

¹ Хуасян — сырье для приготовления кирпичных чаев.

one of the centers of production of black and green tea, situated in South-East China. The Fuzhou port was opened for foreigners in 1842. Since 1860 English businessmen led there production and export of tea. Several years later Russian tea merchants established their companies too.

The article describes how small Russian colony initially consisting of workers of three small firms then set up its business in Fuzhou. Started as tenant, the colony became factory owner. Total number of Russian tradespeople in Fuzhou was 25. However, thanks to their cohesiveness our tea merchants were able to resist in the competition to British companies and defend their commercial interests. The authority of Russian merchants in Fuzhou was high. Successful diplomatic mission of Court Counsellor N.A. Popov, who was Consul of the Russian Imperial Consulate in Fuzhou for two decades, also promoted good name of Russian tea traders.

The article describes acute and particularly remarkable moments of doing business in Fuzhou since the middle of the XIX century. Together with foreign tea merchants, Russian businessmen successfully overcame financial difficulties and improved factory production, replacing manual labor with machine one. Thus, the number of purchased tea grew every year, and its range expanded, what was reflected in the reports of Consul N. A. Popov, who clearly traced dynamics of sales and product range. Trading companies “Pyatkov, Molchanov and Co” and “Tokmakov, Shevelev and Co.” while operating in Fuzhou, eventually changed their names for reasons of death of partners or changes in activities of one of them. Updated company “Molchanov, Pechatnov and Co” and “Tokmakov, Molotkov and Co” continued conducting their business successfully for a long time. Their head offices were in Moscow and their branch network was in China. The role of Russian trading houses in Fuzhou, which was one of the most important points of the Great tea way, is covered in the article.

Keywords: Great Tea way, Fuzhou, China, Russia, Russian-Chinese tea trade, factory, company, huaxiang, trading mark, Consulate.

Author: Victoria G. SHARONOVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (e-mail: vsharonova@mail.ru).

Выступая в мае 2017 г. на Первом форуме, посвященном выдвинутой Китаем инициативе «Один пояс, один путь», председатель КНР Си Цзиньпин сказал о том, что необходимо вернуться к исто-

рическим ценностям, существующим на протяжении веков: «Простиравшийся на десять тысяч ли и просуществовавший тысячи лет древний путь накопил в себе особый дух Шелкового пути, в основе которого лежат мир и сотрудничество, открытость и сотрудничество, взаимное обучение, взаимная выгода и всеобщий выигрыш» [Один пояс, один путь...].

К одному из маршрутов Великого Шелкового пути относят Великий Чайный путь, который также получил свое начало на территории Китая. Основным партнером Цинского Китая на всем протяжении этого пути являлась Российская империя.

Важным центром производства и экспорта чая был г. Фучжоу. Период экономического расцвета города-порта начался с 1842 г., после подписания между Китаем и Великобританией Нанкинского договора. Наряду с Шанхаем, Амоем и Нинбо, Фучжоу стал одним из первых городов, открытым для иностранцев. Юго-восточная точка Китая привлекала своим удобным расположением вблизи двух океанов и служила мостом между южными и северными торговыми гаванями страны.

Вскоре после прибытия сюда иностранцев через город стали проходить транзитные грузы из европейских стран, направлявшихся в Китай, Россию и Америку, а пути китайского экспорта перераспределялись здесь в зависимости от запросов международного рынка.

Русские торговцы появились в Фучжоу в 1870 г., начав поставки фучжоуского чая в Россию. Обратившись к посредникам — компраторам — русские купцы, в основном прибывшие из Кяхты, стали выезжать на плантации, изучать цены, виды и качество местного чая. Среди первых коммерсантов был кяхтинский купец А.А. Соломонов, представитель чайной компании «Пономарев и Ко». Также как и его партнер — купец 1-й гильдии П.А. Пономарев в Ханькоу, А.А. Соломонов был назначен нештатным вице-консулом и кроме основной торговой деятельности ведал консульскими делами, защищая интересы русских торговцев. Русские купцы достаточно быстро наладили «дело», и вскоре начались первые поставки черного чая из Фучжоу в Россию. Надо отметить, что наше купечество, находясь за пределами Родины, было очень дружным в общении и в работе, и это помогало ему успешно вести дела и создавать новые финансовые

и торговые потоки как импортного, так и экспортного направления. «Кяхтинских купцов отличала высокая сплоченность. От своих китайских партнеров они переняли и умело применяли гибкость в ведении торговых операций, великолепное знание конъюнктуры законов рынка. Кяхтинцы имели самоуправление в лице «Совета старшин торгующего на Кяхте купечества» [Цыденова, с. 74].

В первые годы жизни в Фучжоу деятельность русских купцов ограничивалась исключительно комиссионерством по покупке байховых и приготовлению кирпичных чаев. Изучив опыт иностранных партнеров, к середине 1870-х годов русские купцы арендовали в сельской местности пять «фабрик» и две — в городе. Эти «фабрики» имели низкую производительность, так как все операции по обработке и сушке чая проводились ручным способом. Из сельской местности тюки с чаем сплавляли по местным горным речкам, которые были порожистые, что порой приводило к опрокидыванию лодок и подмочке чая. Однако в 1876 г. число арендованных у китайцев фабрик увеличилось до 9, из них — 3 функционировали на территории города, а 6 — за его пределами.

Доставка готовых чаев и сырья на фабрики в самом городе сталкивалась с проблемами, связанными как с удаленностью производства в сельской местности, так и с величиной пошлин на привезенный на городские фабрики хуасян (сырье) для кирпичных чаев. Об этих проблемах рассказал в своей «Записке о некоторых нуждах русской чайной торговли в Китае» в мае 1879 г. кяхтинский купец 1-й гильдии М.Г. Шевелев, который отмечал, что «почти все фабрики фучжоусского округа расположены по горным рекам, загроможденным порогами и уступами, сплав товаров по которым не только затруднен но и крайне рискован, поэтому вполне естественно, что русские купцы наши имеют еще большие основания желать и здесь по примеру Ханькоу перенесение фабрик из внутри страны в открытые для торговли порты... Практикуемые в последнее время оплаты выделки чая паровыми машинами обещают хороший результат только в открытых портах, т. к. только там можно иметь собственную недвижимость» [РГБ. ОР. 1860—1881. Ф. 273. К. 13. Ед. хр. 25. Л. 19].

К этому времени в Фучжоу были открыты представительства трех ханькоуских фирм: «Молчанов, Пятков и Ко» (позже — «Мол-

чанов, Печатнов и Ко»), «Токмаков, Шевелев и Ко» (позже «Токмаков, Молотков и Ко»), «П.А. Пономарев и Ко» (позже «Спешилов и Ко»). Самое большое количество чая вывозилось из Фучжоу в Великобританию как иностранными, так и русскими купцами, а также в страны Европы, в Россию, Австралию и Африку [Шаронова, с. 110]. Англичане были основными потребителями местного чая, а Лондонская биржа считалась одной из главных «площадок» его продаж.

Вывоз чая производился морем в Англию для России и сухопутно через Тяньцзинь в Кяхту, а также в Одессу, Николаевск-на-Амуре, в Ханькоу. По данным торгового отчета, подготовленного нештатным российским вице-консулом — кяхтинским купцом А.А. Соломоновым в 1880 г. русскими фирмами «П.А. Пономарев и Ко», «Молчанов, Пятков и Ко», «Токмаков, Шевелев и Ко», было отправлено в Россию байхового чая — 11 675 ящиков; цветочного чая — 403 ящика. Всего обоих чаев — 2079 ящиков общим весом 1 192 760 английских фунтов (паундов) при накладных расходах в 234 399 мексиканских долларов. Кирпичные чаи черные были отправлены через Тяньцзинь сухопутно — в Кяхту 56 200 ящиков и морем в Николаевск-на-Амуре — 1952 ящика. Всего: 58 152 ящика [РГИА.1880—1884. Ф. 20. Оп. 5. Д. 407. Л-14].

В 1880 г. в России были популярны черные чаи, а зеленые закупались в малых количествах и обычно доставлялись по специальному заказу, причем предпочтение отдавалось байховому чаю, который больше употреблялся в европейской части России, и кирпичному чаю, предпочитаемому жителями Сибири и Забайкалья.

Для накопления капиталов русские купцы с момента приезда в Фучжоу начали покупать у китайцев земельные участки, которые спустя год или несколько лет продавали по большей стоимости. В консульской книге «Ведомостей и актов» начиная с 1872 г. было засвидетельствовано множество купчих крепостей по покупке и продаже земли. Распределившись по городам, главы компаний вели совместную торговую деятельность, исходя из общих интересов и помогая друг другу сырьем и деньгами. Так, например, глава компании «Пятков, Молчанов и Ко» М.Ф. Пятков жил в Фучжоу, а его компаньон Я.М. Молчанов — в Ханькоу. М.Ф. Пятков часто фигурировал в роли покупателя недвижимости в Фучжоу, перераспреде-

ляя вырученные деньги на необходимые нужды. Об этом свидетельствуют архивные документы: «Императорское Российское консульство в Фучжоу. 1 октября 1878 г. № 27. В Азиатский Департамент МИД: имею честь донести в Департамент, что в течение истекшего сентября месяца в нашем консульстве были предоставлены и засвидетельствованы 3 бумаги русским поданным Михаилом Федоровичем Пятковым. Две из них о покупке земли у великобританского подданного Wilkinson и одно обоюдное условие о перемене им земли с китайским поданным по имени Тэн Силин. *И.Д. консула А. Соломонов*» [АВПРИ.1878—1900. Главный Архив. III-6. Оп. 104. Д. 4. Л. 1].

Быстрорастущий бизнес, находившийся в нескольких городах, и необходимость контролировать ситуацию в полном объеме привели владельцев компаний к тому, что в скором времени они стали нанимать управляющих, которые, согласно выданным им доверенностям, вели все торгово-финансовые операции от имени первого лица. Так, представителем вышеуказанной фирмы «Пятков, Молчанов и Ко» в Фучжоу стал туринский мещанин С.А. Чирков, а в Тяньцзине представителем этой компании был А.А. Белоголовый. Головная контора находилась в Москве, где делами компании занимался Яков Матвеевич Молчанов, а в Ханькоу фирму возглавил его брат Никита Матвеевич. Примерно такая же структура была и у их главного конкурента — фирмы «Токмаков, Шевелев и Ко», которая в скором времени изменила название на «Токмаков, Молотков и Ко». Глава компании И.Ф. Токмаков после нескольких лет пребывания в Ханькоу вернулся в Кяхту, затем переехал в Москву, а далее — в Крым, где открыл новое дело по производству вина. В Китае же он оставил своих доверенных лиц, работавших управляющими: в Ханькоу — кяхтинского 1-й гильдии купца Н.Г. Сахарова, в Фучжоу — селенгинского купеческого сына А.П. Малыгина, а в Тяньцзине — кяхтинского 1-й гильдии купца А.Д. Старцева. Созданные таким образом торговые дома прекрасно функционировали, принося своим владельцам прибыль и наращивая поставки чая в Россию.

В 1882 г. в Фучжоу прибыл кадровый дипломат, консул — Николай Александрович Попов. Именно с его именем связана «золотая пора» в Фучжоу, поскольку благодаря его профессионализму и смекалке наше местное купечество находилось под надежной защитой

Императорского консульства. Он уделял большое внимание изучению чайного производства, часто выезжал на плантации, выписывал иностранные журналы по сельскому хозяйству, активно взаимодействовал с иностранными консулами. Им был приобретен земельный участок, на котором он построил дом, ставший резиденцией Императорского консульства. Все его попытки о выделении финансирования на приобретение земли и строительство казенного дома для консульства оказались тщетны. И даже после внезапной кончины Н.А. Попова в 1901 г. в этом доме еще пару лет располагалось консульство.

В 1888 г. европейскими фирмами в Фучжоу, в число которых входили и 2 русские, была создана комиссия, которая провела большую аналитическую работу по выявлению причин снижения качества вывозимого чая и сокращению его экспорта. Результатом стала небольшая брошюра на английском языке, в которой, в частности, говорилось, что проявившийся упадок китайской чайной торговли прежде всего связан с чрезвычайно высокой вывозной пошлиной — 2,5 лана и не менее высокой внутренней пошлиной (Ликином), равной 4,5 лан серебра за пикуль. Иностранцы сделали вывод, что это противоречит заключенному в 1842 г. Нанкинскому договору, и требовали сокращения суммы пошлин.

Другой причиной упадка китайской чайной торговли было ухудшение качества самого чая, поскольку китайские плантаторы не окапывали чайные кусты, не удобряли почву и не обрабатывали как положено чайное растение, получая ежегодно в течение восьми лет много сборов, истощавших чайные кусты. Но самой большой бедой авторы брошюры называли существовавшую конкуренцию между самими европейцами, которые в борьбе за сырье и готовый чай шли на поводу у китайских производителей и покупали чай плохого качества. В заключении брошюры говорилось, что кроме ухода за чайными плантациями необходимо сокращать ручной труд и осваивать машинный способ сбора, резки и упаковки чайного листа.

В череде бесконечных дискуссий о качестве местного чая зачастую вставал вопрос о жалобах купцов на китайские фирмы, которые на открываемых в начале сезона выставках демонстрировали высевки (хуасян) хорошего качества, а после заключения договоров по-

ставляли сырье очень низких сортов. Консул Н.А. Попов в донесении Императорского консульства в Фучжоу в Азиатский департамент МИД от 17/29 апреля 1889 г. сообщал о происшествии, связанном с жалобой компании «Пятков, Молчанов и Ко» на одну китайскую фирму: «После того, как был закрыт склад поддельного хуасяна китайской фирмы «Жуй-Фын», об этом было доложено даотаю¹. Но он сказал, что ничего не знает. Через пару дней консул с агентами русских фирм и их компрадорами отправились осмотреть этот хуасян, и нашли дом опечатанным. Но печать была сделана на стене, что давало возможность входить и выходить из дома и выносить сырье в канал и бросать в лодки для перевозки. При осмотре, тем не менее, было найдено несколько сот пикулей подделки, не считая 50 мешков, взятых в полицейское управление. Об этом было вновь доложено даотаю с просьбой наказать виновных. Дело разбиралось более полугодом и ни к чему не привело, хотя даотай сказал, что дело расследовано в Окружном суде [АВПРИ. 1883—1893. Ф. 143. Оп. 491. Д. 415. Л. 129]. Подобные случаи неоднократно происходили и с русской компанией «Токмаков, Молотков и Ко».

Еще одной проблемой, с которой сталкивались русские чаоторговые фирмы в Фучжоу, были частые подделки русских торговых марок английскими торговыми компаниями. В том же донесении надворный советник Н.А. Попов писал о выставленной претензии русской фирмы «Пятков, Молчанов и Ко» к английской фирме «Jardin, Matheson and Co». Получив заказ от какого-то сибирского купца спрессовать для него несколько тысяч ящиков, английская фирма начала спрессовать его с русской маркой, употребляемой уже много лет фирмой «Пятков, Молчанов и Ко» и пользовавшейся в Сибири большой известностью: «чай английской фирмы изготавливается из плохого материала и дурно спрессован, по отсутствию специалистов этого дела, но зато английская фирма берет меньшую комиссию, чем русские фирмы. Англичане начали употреблять чужую марку без разрешения. По слухам этот чай идет на золотые прииски,

¹ Даотай (кит. — столп закона). Должностное лицо в Китае, заведовавшее несколькими департаментами с большими полномочиями, а также сношениями с европейскими консулами в открытых портах.

где его употребляют рабочие, которые платят нормальные деньги за этот чай. В этом случае, англичане и сибирские купцы в выигрыше. В проигрыше рабочие и русские торговые фирмы в Китае. Русские фирмы в Китае занимаются специальной закупкой разных сортов чая приготовлением кирпичного чая. Дело свое они обставили настолько солидно, что погоня за несколькими сотнями или даже тысячами рублей, могущих быть полученными в виде комиссии, за плохой чай, считается ими вполне основательно неразумным. Англичане считают изготовление и продажу кирпичного чая побочным делом, поэтому не заботятся о прибыли и качестве, т. к. это для них добавочный доход, а для нас основной. Китайцы, которые покупают приготовленный кирпичный чай на русских фабриках — для них надо вводить пошлину на ввоз и количество готовых выданных свидетельств о происхождении чая, и эти деньги тоже составили бы статью государственного дохода» [АВПРИ. Ф. 143. 1883—1893. Оп. 491. Д. 415. Л. 109].

После тщательного расследования было выяснено, что чай закупался для продажи в магазинах «Кунст и Альберс» во Владивостоке. Продавец был задержан, а английскому консулу направлен протест.

Несмотря на все трудности и конкуренцию, русские торговые дома продолжали свою деятельность в Фучжоу, и об их успехах в своих донесениях докладывал консул Н.А. Попов. Так, в поданном им в Азиатский департамент МИД «Отчете русского о состоянии торговли Китая с Россией и др. странами через порт Фучжоу за 1890 год» говорилось, что русскими фирмами в 1890 г. было вывезено чая на сумму 453106, 93 тыс. долл. [РГИА. 1862—1918. Ф. 21. Оп. 11. Д. 40. Л. 2об. — 5об.].

Большое влияние на деятельность русских купцов в Фучжоу оказал визит наследника престола цесаревича Н.А. Романова в Ханькоу. Его успешные переговоры с наместником провинции Чан Чжидуном способствовали росту русско-китайской чайной торговли и укреплению позиций русского купечества. Наши коммерсанты приобрели в собственность фабрики по производству кирпичного чая, закупили для них новые котлы и прессы, выписанные из Англии.

Описывая свое посещение Фучжоу в 1898 г., врач и писатель В.Д. Черевков уделил внимание производству кирпичного чая:

«В Фучжоу есть две русские фабрики для выделки кирпичного чая. Такая фабрика представляет обширный, высокий сарай, где вдоль одной из стен идет ряд котлов с кипящей водой, а почти посередине находится огромный, деревянный пресс, приводимый в движение ручной силой. Материалом для приготовления кирпичного чая служат обломки листьев и корешки их, являющиеся, как отброс при приготовлении черных и зеленых чаев. На фабриках кирпичного чая такой материал кладется на выгнутые сита; последние ставятся над парами кипящей в котлах воды и закрываются сверху крышкой; когда он достаточно размякнет, его вкладывают в особые деревянные формы, сделанные в виде кирпича, посыпают сверху мелким порошком чая для придания поверхности однообразно-ровного вида, закрывают плотно деревянной же крышкой и затем кладут под пресс, с громадной силой сплющивающий эту чайную массу в форму плотного кирпича. Приготовленные чайные кирпичи складываются в такие же большие кладки, как и глиняные, с отдушинами для проветривания, и когда остынут, завертываются в бумагу и укладываются в ящики для отправки их в Сибирь, которая, среди русских земель, является одною из главных потребительниц этого сорта чая» [*Черевков*, 1899—1900, с. 620].

В одном из своих донесений в 1897 г. консул Н.А. Попов докладывал Российскому поверенному в делах в Пекине о предпринятой английской фирмой «Fraser, Ramsay and Co» попытке изготовлять чай машинным способом. «Попытка увенчалась успехом и по сведениям из Англии обещает хорошую будущность для фучжоусского чая. Г. Фрезер главный инициатор этого дела, ободренный успехом, образовал компанию, состоящую из 20 пайщиков, в состав которых вошли англичане, русские, китайцы и немцы. Каждый из пайщиков внес на предприятие по 1000 долларов. Деньги эти частью использованы на приобретенные 2 новые машины для скручивания листа, одной сушилки и одной сортировки, на покупку нескольких участков чайных плантаций на горе Бяйлин и постройку фабрики. Одна из выписанных машин значительно больше той, которой были произведены в прошедшем году опыты приготовления чая. Приводить в действие эту машину предполагается водой, но в случае ее недостатка — руками. На купленных компанией чайных плантациях произ-

водится обрезка и очистка от плесени старых чайных кустов, а также устроен питомник для новых, выписанных из Индии семян. Удобрения употреблялись искусственные из Германии под именем «Гуань». Для присмотра за машинами компания пригласила машиниста-англичанина, служащего на чайных плантациях в Индии» [АВПРИ. 1894—1900. Ф. 143. Оп. 491. Д. 416. Л. 70—71].

В течение двух лет международный чайный альянс, названный «Фучжоусское общество улучшения чая», находившийся в сельской местности «Дун Мин» в 10 километрах от города, вел свою деятельность. Была построена фабрика с полным машинным циклом для производства чая, на которую был назначен опытный заведующий, проживавшийся рядом — в небольшом домике на ее территории. Для плантаций было приобретено несколько акров земли под высадку кустов китайского и индийского чая. Общий капитал фабрики составил 70 тыс. долл. Однако главная машина была получена лишь к концу чайного сезона, поэтому запустить производство полностью удалось лишь весной 1897 г. Несмотря на недостаточное количество заготовленных чаев, их качество было превосходным, что вселило в компаньонов большие надежды. Однако после запуска полного цикла производства выяснилось, что место для фабрики было выбрано неудачно, так как чайные плантации иностранцев оказались в окружении китайских и расширить территорию не представлялось возможным. Потому фабрика с самого начала не получала необходимое ей количество чайного листа. Отработав все имеющиеся запасы сырья, фабрика остановилась, а цена сырья значительно выросла. В новом сезоне 1898 г. листа опять не хватало, начались перебои в работе фабрики, и чая было приготовлено меньше. Местные китайские производители всячески мешали иностранному конкуренту, опасаясь, что машинное производство получит широкое распространение и сократит использование ручного труда. Как сообщал в своем донесении управляющий консульством в Фучжоу П.Г. Тидеман, нанятые для работы на плантациях Общества китайцы дурно ухаживали за чайным листом. «Доставленный ими лист оказался грубым, что при обработке крошился и давал до 70 % чайной пыли или высевок, пригодных только для приготовления кирпичного чая с низкой ценой, что приносило убытки. В результате два неполно-

ценных сезона фабрика дала дефицит в 18 тысяч долларов, и общее собрание приняло решение ликвидировать и продать с аукциона, чтобы вернуть деньги» [АВПРИ. 1894—1900. Ф. 143. Оп. 491. Д. 416. Л. 106—108].

К концу XIX века стало понятно, что интересы России в Китае переместились на север Цинской империи. Началось строительство КВЖД, г. Харбин и Дальний, был взят в долгосрочную аренду незамерзающий Порт-Артур. Происходившие в Ханькоу изменения в жизни русской колонии сыграли свою роль в сокращении русского присутствия в Фучжоу. Получение в Ханькоу территории для концессии и торговая победа там русских купцов над английскими привели к постепенному сворачиванию дел в Фучжоу, где оставались только торговые агенты, продолжавшие следить за сданными в аренду русским фабриками. Здесь же стали обосновываться японцы, появились торговые агенты из Франции. Англичане также начали сдавать в аренду свои фабрики, переводя капиталы на развитие чайного производства в Индию и Цейлон. Уход с арены двух основных игроков — Великобритании и России — способствовал «угасанию» Фучжоу как одного из центров чайной торговли и важного пункта Великого Чайного пути.

В настоящее время Фучжоу мало упоминается в исторических сводках о Великом Чайном пути, что, на наш взгляд, несправедливо, ибо город сыграл важную роль в становлении чайного производства в Китае, в развитии русско-китайской торговли, чему активно способствовали находившиеся там более 50 лет русские торговые дома.

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Главный архив. III-6. 1878—1900. Оп. 104. Д. 4. Ведомости по актам и документам, выданным и явленным по консульству в Фучжоу; Ф. 143. Китайский стол. 1883—1886, 1894—1900, Оп. 491. Д. 415, 416. Консульские донесения в Азиатский Департамент. Консульство в Фучжоу. Переписка по разным предметам.

«Один пояс, один путь». Речь Президента КНР Си Цзиньпина на Первом форуме «Один пояс, один путь», май 2017 г. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html> (дата обращения: 20.05.2019).

Российская Государственная библиотека (РГБ). Отдел рукописей. Ф. 273. Фонд К.А. Скачкова. Картон 13. Ед. хр. 25. «Материалы за время работы консулом России в Китае» (1860—1881).

Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф.20. Департамент торговли и мануфактур 1880—1884. Оп. 5. Д. 407. «Донесения консульств в Китае о вывозе китайского чая»; Фонд 21. Департамент таможенных сборов. 1862—1918. Оп. 11. Д. 40. «Отчет русского консула в Фучжоу Н. Попова о состоянии торговли Китая с Россией и другими странами через Фучжоу в 1890 г.».

Цыденова Л.Б. Необычайная Кяхта. Улан-Удэ: Нова Принт, 2013. 200 с.

Черевков В.Д. По китайскому побережью. URL:<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Cherevkov/text52.htm> (дата обращения: 10.04.2019).

Шаронова В.Г. Фучжоу в истории русско-китайской чайной торговле // Материалы IX региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения». Тара, 5—6 апреля 2018 г. Омск: Амфора, 2018. 552 с.

References

“Odin poyas, odin put’. Rech’ Prezidenta KNR Si Czin’pina na Pervom forumе «Odin poyas, odin put’», maj 2017 g. [“One belt, one road”. Speech by President XI Jinping at the First forum «One belt, one road». May, 2017]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html> (accessed: May 20, 2019). (In Russian).

Archiv vneshnei politiki Rossijskoj imperii (AVPRI). Glavnyi archive. III-6. 1878—1900. Op.104.D.4. Vedomosti po aktam i dokumentam, vydannym i yvlenym po konsulstvu v Foochzhou; F. 143. Kitaiskii stol. 1883—1886, 1894—1900. Op. 491. D.415. D.416. Konsulskie doneseniiia v Aziatskii department. Konsulstvo v Foochzhou. Perepiska po raznium voprosam. [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI/ AFPRI). Main archive. III-6. 1878—1900. Inventory 104. File 4. Statements on acts and documents issued and presented by the Consulate in Fuzhou; Fund 143. Chinese table. 1883—1886, 1894—1900, Inventory. 491. File 415, 416. Consular reports to the Asian Department. Consulate in Fuzhou. Correspondence on different subjects]. (In Russian).

Cherevkov, V.D. (1898). Po kitajskomu poberezh’ju [Down by the Chinese coast]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Cherevkov/text52.htm> (accessed: April 4, 2019). (In Russian).

Rossiiskaya Gosudarstvennaia biblioteka. Otdel Rukopisei (RGB). F.273. Fond K.A.Skachkova. Karton 13. Ed.hr. 25. Materialy za vremia raboty konsulom v Kitae (1860—1881) [Russian State library (RGB / RSL). Manuscripts Department. Fund 273.

Fund K. A. Skachkov. Cardboard 13. Storage unit 25. Proceedings of the work of the Consul of Russia in China (1860—1881). (In Russian).

Rossiiskij Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 20. Departament trgovli i manufaktur 1880—1884. Op.5. D.407. Doneseniya konsul'stv v Kitae o vyvoze kitajskogo chaya; Fond 21. Departament tamozhennyh sborov. 1862—1918. Op. 11. D. 40. Otchet russkogo konsula v Fuchzhou N. Popova o sostoyanii trgovli Kitaya s Rossiej i drugimi stranami cherez Fuchzhou v 1890 g. [The Russian State historical archive (RGIA / RSHA). Fund 20. Department of trade and manufactures 1880—1884. Inventory 5. File 407. Reports of Consulates in China on the export of Chinese tea; Fund 21. Customs Department. 1862—1918. Inventory 11. File 40. Report of the Russian Consul in Fuzhou N. Popov on the state of China's trade with Russia and other countries via Fuzhou in 1890]. (In Russian).

Sharonova, V.G. (2018). Fuchzhou v istorii rusko-kitajskoj chajnoj trgovli [Fuzhou in the history of Russian-Chinese tea trade]. Materialy IX regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii "Vaganovskie chteniya". Tara, 5—6 aprelya 2018 g [Reports of the IX regional scientific-practical conference "The Vaganovskie Readings". Tara, 5—6 April 2018]. Omsk: Amphora PH, 2018. 552 p. (In Russian).

Tsydenova, L.B. (2013). Neobychainaia Kiakhta [Extraordinary Kyakhta]. Ulan-Ude: Nova Print: 200 p. (In Russian).

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXIV

Ежегодное периодическое издание

ISSN 2618-6888

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.09.2019.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 26,0. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)
Заказ № 13

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.